СЛЕДСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ИНСТИТУТ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ
СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Материалы Международной
научно-практической конференции
(Москва, 23 мая 2013 года)

Часть 2

Москва, 2013

Актуальные проблемы расследования преступлений : материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 23 мая 2013 года). В 2-х частях. Часть 2. – М. : Издательство ООО «Ваш полиграфический партнер», 2013. – с. 436.

Редакционная коллегия:
кандидат юридических наук А.М. Багмет (председатель);
кандидат юридических наук, доцент Ю.П. Боруленков;
кандидат юридических наук, доцент В.В. Бычков.

Сборник сформирован по материалам выступлений на секции криминалистики Международной научно-практической конференции, проходившей в Институте повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации 23 мая 2013 года.

Сборник представляет интерес для юристов – учёных и практиков.

Редакционная коллегия обращает внимание на то, что научные подходы и идейные взгляды, изложенные в статьях сборника, отражают субъективные оценки их авторов.

© Институт повышения квалификации СК России

Секция
КРИМИНАЛИСТИКА

Е.В. Александренко

Типичные способы подготовки и сокрытия серийных сексуальных убийств

Единичные, одноэпизодные сексуальные убийства, совершенные т.н. «ситуационными» преступниками, характеризуются внезапно возникшим умыслом к удовлетворению сексуального влечения. В такой ситуации, как правило, отсутствует подготовка к совершению и сокрытие преступления. Совсем другое отличает действия серийных сексуальных убийц, чья длительная преступная деятельность и значительное количество жертв находятся в прямой зависимости от успешной подготовки и сокрытия преступления. Анализ практики расследования таких преступлений показывает, что серийные сексуальные убийцы, несмотря на специфический мотив преступления, как и все серийные преступники, готовятся к совершению убийств. Указанные и другие особенности серийных сексуальных убийств определяют трудности их раскрытия и расследования, установление убийц, как правило, через много лет.

Несмотря на важное значение знаний о способе совершения серийных сексуальных убийств, осведомленность о типичных способах их подготовки и сокрытия также может оказать существенную помощь в расследовании. Как и способ совершения, способ подготовки и сокрытия убийств со временем совершенствуется.

В основном, при совершении указанных преступлений подготовка состоит в выборе потенциальной жертвы, наблюдении за ней и выслеживании, вхождении в контакт и заманивании, с целью препровождения к месту, безопасному и удобному для совершения задуманного.

Одним из наиболее распространенных способов подготовки и сокрытия указанной категории убийств является маскировка. Почти все серийные сексуальные убийцы в процессе подготовки к совершению преступлений прибегали к поиску (выбору) жертв, заманиванию их в безопасное для совершения преступления место. При этом из способов вхождения в доверие и приближения к жертве, снятия у нее напряжения при встрече с незнакомым мужчиной, старшим по возрасту, преступники чаще всего прибегали к маскировке своего поведения. Многие из них выбирали род занятий, связанный с людьми, детьми, с нахождением в их кругу. С целью приближения к

детям, Чикатило работал воспитателем в СПТУ; чтобы дети шли к нему на контакт, покупал им жвачку, конфеты. Головкин работал зоотехником на конезаводе, куда на экскурсии часто приходили школьники. «Заслуженный учитель РСФСР» Сливко руководил детским туристическим клубом «Чергид».

Если для жертв серийных сексуальных убийц нападение всегда является внезапным, все свои действия преступники тщательно планировали с целью обеспечения успешного совершения преступной акции. Они выбирали категорию своих жертв, с которыми могли совладать. Как было указано в приговоре суда по делу Чикатило, он «…никогда не вступал в контакт с человеком, который мог оказать ему реальное сопротивление, а тем более – остаться в живых и изобличить его. Поэтому объектом преступных посягательств Чикатило всегда были только малолетние дети, подростки, девушки и молодые женщины»[1]. Головкин выслеживал и заманивал только мальчиков в возрасте от 10 до 15 лет (11 жертв). Таким же образом действовали и все серийные сексуальные убийцы.

Как показал проведенный нами анализ, почти все серийные убийцы-маньяки выслеживают и часто заманивают свои жертвы. При этом часто используют различные предлоги. Так, Асратян представлялся будущим жертвам кинорежиссером с «Мосфильма» и обманным путем, якобы для участия в кинопробах, приводил их в удобное для совершения преступления место. При наличии личного транспорта – машины, велосипеды и т.д., он также активно используется в выслеживании, заманивании под предлогом «подвезти» (Михасевич, Головкин, Кузьменко и др.). Ткач при совершении преступлений, для более удобного выслеживания жертв использовал велосипед, который впоследствии несколько раз перекрашивал.

Все убийцы-серийники совершают преступления в местах, удобных для выслеживания и нападения, куда специально для этого и прибывают. Нападению предшествует выслеживание жертвы. Данное обстоятельство может быть использовано для поиска и установления возможных свидетелей встречи преступника с потерпевшими, как было установлено по всем указанным делам. Имелся очевидец встречи Чикатило с первой жертвой, со слов которого был составлен фоторобот преступника, однако маньяк действовал еще долгих 11 лет. Были свидетели встреч с жертвами Михасевича, Головкина, Ряховского, Ткача, Кузьменко и др. Именно по показаниям свидетеля такой встречи, подростка, была получена информация о Головкине, после

[1] Китаев Н.Н. Неправосудные приговоры к смертной казни: Системный анализ допущенных ошибок. СПб., 2004. С. 246.

чего он был задержан. Подобная ситуация была и в деле Ткача, которого неизвестно как долго еще бы «искали», если бы не девочка-свидетель.

Все упомянутые маньяки совершали преступления в безлюдных, малопосещаемых, уединенных местах (лесные массивы, лесопосадки и т.п.). Один из них – москвич Пичужкин даже получил соответствующее прозвище «битцевский маньяк» по названию одноименного лесопарка. Нападения почти у всех маньяков были внезапными. Головкин с появлением у него автомобиля сначала заманивал, обездвиживал (лишал свободы передвижения, обманным путем завлекая мальчишек в багажник, оббитый звуконепроницаемым материалом). После чего привозил жертвы в свой гараж, под которым специально для совершения преступлений оборудовал подвал с необходимыми инструментами, где пытал и расчленял тела убитых подростков.

Тела жертв почти все серийные сексуальные убийцы практически не скрывали, оставляли на месте совершения преступления, в пределах одного района, где действовали (Чикатило, Михасевич, Кузьменко, Ткач и др.). Исключением может служить Головкин, который в процессе жестоких истязаний подростков отсекал части их тел, которые долго хранил в подвале, а трупы убитых мальчиков стал расчленять, чтобы иметь возможность вывезти их из своего пыточного подвала и освободить место для новых жертв.

Среди способов сокрытия серийных сексуальных убийств преступники используют различные способы: совершают убийство в безлюдных местах, где и оставляют труп, может встречаться оставление на трупе различных надписей с целью отвести от себя подозрение (Ряховский), расчленяют труп, отчленяют голову (Чикатило, Головкин). Иногда закапывают трупы жертв, как правило – в определенном месте (Михасевич), подбрасывают письма от имени «истинных преступников» (Михасевич). В большинстве случаев место убийства совпадает с местом обнаружения трупа, исключением являются случаи, когда убийство происходит в специально оборудованном месте, откуда труп вывозится частями и скрывается в разных местах (Головкин).

Все указанные преступники следят за расследованием своих преступлений и принимают соответствующие меры безопасности, чтобы избежать разоблачения – делают перерыв в преступной деятельности, меняют способ совершения преступления, переезжают для этого в другие города, области, страны. Как пояснил на следствии Головкин, он 2 года ни нападений, ни убийств не совершал, боялся. Знал, что ищут человека, который убивает мальчиков. Следующие

убийства он стал совершать после того, как купил автомашину и гараж. Чикатило действовал на территории Ростовской, Владимирской, Ленинградской, Свердловской, Московской областей, в Ташкенте и Украине. Ткач действовал более 25 лет: в Российской Федерации, в Запорожской, Днепропетровской, Харьковской, Кировоградской областях Украины, по мере смены своего места жительства. В это время вынужденного и объяснимого прерывания серии убийств следствие делало ложные выводы о том, что истинный преступник задержан. Так было, в частности, в деле Михасевича, Чикатило, Ткача.

Совершая преступления в указанных удаленных, безлюдных или малопосещаемых местах, имеющих соответствующий рельеф, на месте происшествия серийные сексуальные убийцы практически не оставляли традиционных следов, что также затрудняло задачу с установлением преступников. Исходя из этого, следует тщательно осматривать и исследовать не только место обнаружения трупа, но и местность вокруг него, в том числе возможные пути прихода и отхода, с целью обнаружения, фиксации и изъятия всех следов и объектов, которые впоследствии могут быть с успехом использованы в расследовании.

В работе нами были рассмотрены типичные способы подготовки и сокрытия серийных сексуальных убийств. Каждое из них, при наличии общего, имеет и свои отличительные особенности. Современный темп жизни, уровень развития науки и техники, коммуникаций, доступ к обширным источникам информации, в том числе о преступлениях и преступниках и др., безусловно, также сказывается на способах подготовки, совершения и сокрытия указанной категории убийств, а также на возможностях правоохранительных органов в их расследовании и предупреждении. Силами криминалистов, криминологов, психологов, патопсихологов, психиатров и представителей других отраслей научного знания необходимо продолжать исследования в этом направлении. Полученные результаты использовать для разработки соответствующих эффективных средств и методов борьбы с указанными преступлениями, которые своевременно внедрять в следственную практику. Осведомленность о типичных способах подготовки, совершения и сокрытия серийных сексуальных убийств и надлежащее использование этих знаний при осмотре мест происшествия, трупов (частей трупов) потерпевших будет способствовать тщательному осмотру и исследованию обстановки мест происшествия, установлению обстоятельств убийств, выдвижению обоснованных версий о характере и мотиве преступления, а в целом - эффективной работе по расследованию серии убийств и установлению преступника.

Д.В. Алёхин

Неквалифицированное производство следственных действий, как фактор, влияющий на возможность раскрытия и расследования преступлений прошлых лет

Одной из актуальных проблем деятельности правоохранительных органов является раскрытие и расследование преступлений, совершенных в прошлые годы, т.к. с ними тесно связана такая задача как обеспечение неотвратимости наказания, что позволяет существенно снизить уровень преступности в обществе. Как указывает В.П. Лавров, «острота ее определяется неуклонным за последние 35 лет ростом количества уголовных дел о нераскрытых преступлениях, предварительное следствие по которым приостановлено, и крайне низкой, особенно в последние 10 лет, раскрываемостью этих преступлений»[1]. В январе – декабре 2012 г. преступлений прошлых лет раскрыто 57,1 тыс., что на 3,0% меньше, чем за аналогичный период прошлого года.

Внимание к проблемам преступлений, совершенных в прошлые годы, будет особым всегда, такова специфика работы следователя. Проведенные исследования показывает, что если следователи и принимают все предусмотренные законом меры, то при их реализации допускаются просчеты и ошибки, которые существенно затрудняют возможность в дальнейшем раскрытия преступления, сбора доказательств. Например, обнаружение и изъятие следов преступления с нарушением уголовно-процессуального закона в дальнейшем приводит к тому, что они утрачивают доказательственное значение, восполнить же недостатки или устранить их не представляется возможным в связи с тем, что ранее участвовавшие в следственных действиях лица уже не занимают соответствующие должности, сменили место жительства и т.д. В силу ограниченного объема

Принимая во внимание, что в расследовании преступлений, как и во всякой человеческой деятельности, возможно совершение неограниченного числа вариантов ошибочных действий и принятие необоснованных и незаконных решений, можно, тем не менее, выделить «ключевые» и типичные организационных, тактические и методических ошибки, затрудняющие процесс раскрытия и расследования преступлений, которые и будут проанализированы в

[1] Лавров В.П. Проблема расследования нераскрытых преступлений прошлых лет и некоторые пути ее решения // Предварительное следствие. Вып. 4 (6). 2009. С. 28.

настоящей статье.

1. При производстве осмотра места происшествия следователями не изымается одежда трупа, что впоследствии делает невозможным производство соответствующих криминалистических исследований, в том числе обнаружение и исследование микрочастиц, следов орудий преступлений и т.д. Например, при производстве медицинской судебной экспертизы следователями ставятся вопросы о наличии на трупе следов волочения, и в тоже время не исследуется одежда с целью обнаружения следов, форма и локализация которых свидетельствует о перемещении трупа.

Так, по одному из уголовных дел, возбужденному по факту обнаружения трупа неустановленного мужчины с признаками насильственной смерти, проводился осмотр места происшествия, в ходе которого не было конкретизировано место обнаружения трупа. Осмотру подвергался лишь участок местности, на котором был обнаружен труп, обнаруженная рядом с трупом норковая шапка и перчатки не изымались.

2. Не производятся обыски по месту жительства или временного нахождения подозреваемого. Так, по уголовному делу, возбужденному по факту обнаружения трупа М. в силосной яме, уже на первоначальном этапе расследования были установлены К. и Л., возможно причастные к совершенному преступлению. Получив в суде разрешение на производство обысков по месту проживанию заподозренных лиц, следователями обыски так и не были проведены, в то время как необходимость в этом была очевидной. В результате чего не удалось собрать доказательств причастности К. и Л., расследование приняло затяжной характер.

В другом случае, в совершении убийства был заподозрен А., однако следователем своевременно не выполнены указания руководителя следственного органа и следователя-криминалиста о производстве обыска по месту его жительства. В результате чего, по делу не удалось собрать достаточных доказательств, свидетельствующих о причастности А. к совершенному преступлению, оно долгое время оставалось нераскрытым.

3. Следователями не назначаются или несвоевременно назначаются экспертизы, либо нарушается очередность назначения экспертиз.

Так, в ходе осмотра места происшествия на участке местности недалеко от трупа следователем был обнаружен и изъят брус со следами вещества, похожего на кровь. Брус мог быть как орудием преступления, так и предметом, находившимся на месте происшествия до убийства. Однако было назначено производство только биологической судебной экспертизы с целью установления на брусе

следов крови и пота. При имевшихся в уголовном деле данных, следовало назначить производство комплексной экспертизы с целью обнаружения и фиксации микроволокон, а также установления механизма образования следов крови. Следователю были даны указания о необходимости назначения медико-криминалистической экспертизы, экспертиз материалов, веществ и изделий из них для исследования бруса, тем не менее, он нарушил очередность их производства, назначив медико-криминалистическую экспертизу до производства экспертизы материалов, веществ и изделий из них.

По другому уголовному делу следователем было назначено производство биологической судебной экспертизы с целью установления на презервативе, изъятом в ходе осмотра места происшествия, следов спермы и влагалищного эпителия, принадлежащего потерпевшей. Однако при назначении экспертизы следователем не были учтены возможности генотипоскопического исследования спермы. Задача эксперту сохранить образцы спермы в случае ее обнаружения не ставилась. Согласно заключению эксперта на поверхности презерватива была обнаружена сперма, определена групповая принадлежность крови человека. При производстве экспертизы следы спермы полностью израсходованы, в связи с чем, возможность генотипоскопического исследования исключена.

4. Следователи зачастую не выясняют при допросах участников уголовного судопроизводства всех деталей, связанных с исследуемым событием, не конкретизируют показанию, не задают уточняющих вопросов.

Так, в протоколе допроса подозреваемого К., указано, что тот после смены утром (время убийства) катался на своем автомобиле вместе с Н. и Г. по городу. Домой приехал в обед и лег спать. Однако, следователем не были подробно выяснены обстоятельства его перемещения по городу с указанными лицами и время этих событий. Не выяснено, кто находился дома, когда он приехал и лег спать, до которого часа спал, по какой причине вечером этого же дня не встретился с В., труп которой и был обнаружен, при каких обстоятельствах он занимал деньги, которые хотел вернуть при встрече. Провести повторный допрос не представилось возможным, так как К. скрылся.

5. Следователями допускаются просчеты не только при производстве отдельных следственных действий, но и в целом их комплексе, нарушается методика расследования.

Так, на первоначальном этапе расследования убийства М. была установлена вероятная дата совершения преступления и заподозренные лица. К. и Л. В ходе осмотра места происшествия была изъята одежда

М., а в ходе осмотра автомобиля подозреваемого К. были изъяты чехлы и покрывало с сидений. Экспертиза была назначена только по инициативе руководителя следственного органа спустя несколько месяцев. Согласно заключению эксперта на чехлах переднего сиденья автомобиля и одежде потерпевшей обнаружены взаимоперешедшие микроволокна. Однако данный положительный результат был получен с опозданием.

По этому же уголовному делу было получено заключение судебно-медицинской экспертизы, из которого следует, что категорично высказаться о причине смерти не представляется возможным в виду выраженных гнилостных изменений и распада мягких тканей и внутренних органов трупа, частичного скелетирования трупа. По тем же причинам невозможно высказаться и о времени наступления смерти, в пределах 2-4 недель. В то же время в заключении эксперта указано, что при производстве экспертизы выявлены множественные переломы костей свода, основания и лицевого отдела черепа, которые могли образоваться от воздействия тупого твердого предмета. Такое заключение эксперта ставило под сомнение некриминальный характер смерти потерпевшей. Однако с августа по декабрь оставалось без внимания следователей, хотя первых дней расследования явствовало, что смерть М. является криминальной. После отмены постановления о приостановлении предварительного следствия по делу был назначена комиссионная судебно-медицинская экспертиза, согласно заключению экспертов прижизненность выявленных у потерпевшей телесных повреждений не исключалась.

Еще одним примером негативного воздействия на раскрытие и расследование преступлений прошлых лет, вследствие неграмотного производства первоначальных следственных действий служит работа следователей по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ по факту обнаружения у озера трупа В., с признаками насильственной смерти. В ходе осмотра места происшествия был осмотрен труп, ложе трупп, в котором обнаружены и изъяты солнцезащитные очки. Однако, в ходе осмотра не составлялась план-схема; не изъята одежда трупа для последующего назначения экспертизы по обнаружению, фиксации и изъятию микроволокон; не изъяты срезу ногтевых пластин, для последующего назначения биологической экспертизы по установлению в подногтевом содержимом биологических следов преступника; не изъяты обувь и образцы почвы, для последующего назначения почвоведческой экспертизы с целью определения, ходила ли потерпевшая сама по местности, где был обнаружен труп; труп на предмет наличия телесных повреждений не осматривался: не был

установлен фрагментарный перелом лобной кости слева, не была обнаружена на шее двойная петля из проволоки, скрученная сзади, не было обнаружено колото-резаное ранение в области грудной клетки сзади, в то время как резаное повреждение имелось на одежде.

По делу была назначена судебно-медицинская экспертиза, но на разрешение эксперту не ставились вопросы о наличии у потерпевшей следов изнасилования, наличие следов волочения, не давалось указание изъять образцы крови, срезы ногтевых пластин, сделать мазки из влагалища и прямой кишки, сохранить одежду потерпевшей, которая впоследствии была выброшена. Важнейшие доказательства были утеряны. Также не устанавливалась принадлежность обнаруженных очков потерпевшей или иным лицам, учитывая, что в лесном массиве нахождение посторонних предметов маловероятно, не назначались дактилоскопическая и биологическая экспертизы. Впоследствии, как было установлено, очки потерялись.

Таким образом, можно сделать вывод, что своевременное и тактически грамотное производство первоначальных следственных действий является важнейшей процессуальной гарантией раскрытия данного преступления. Как верно указывает Ю.В. Кореневский, «многие трудности и неудачи предварительного следствия и судебного разбирательства объясняются именно упущениями на начальной стадии производства по делу. То, что не было сделано в первые дни и даже часы, «по горячим следам», невозможно потом наверстать, восполнить, несмотря на долгие месяцы напряженной кропотливой работы»[1].

Р.Г. Ардашев
Н.Н. Китаев

О научных диагностических методах установления предрасположенности субъекта к суициду (выявление криминальных инсценировок)

При расследовании самоубийств нередко проверке подвергается сам факт добровольного ухода человека из жизни. По делам о доведении до самоубийства (ст. 110 УК РФ) подлежат доказыванию следующие обстоятельства:

1) место и время самоубийства;

2) способ (орудие и механизм причинения смертельного ранения);

[1] Кореневский Ю.В. Судебная практика и совершенствование предварительного расследования. М., 1974. С. 67.

3) мотив самоубийства;

4) обстоятельства, способствовавшие принятию решения о самоубийстве;

5) признаки убийства или несчастного случая;

6) установление лиц, от которых потерпевший зависел;

7) взаимоотношения потерпевшего с лицами, от которых он зависел, факты унижения его достоинства или жестокого с ним обращения, причинная связь между ними и самоубийством;

8) характеристика личности обвиняемого, мотивы его поведения, обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности;

9) характер и размер ущерба, причиненного преступлением;

10) условия, способствовавшие совершению преступления[1].

По данной категории дел (п. 5) всегда проверяется версия о возможном убийстве, принятом за самоубийство или инсценированном под суицид[2]. В специальной литературе давно даны описания таких инсценировок[3], но не упоминаются нетрадиционные приемы, которые способны подтвердить или опровергнуть предрасположенность погибшего к акту самоубийства. Речь идет, в частности, об использовании специальных знаний в области дерматоглифики. С позиций криминалистической науки, предмет дерматоглифики ориентирован на изучение кожного рельефа рук и стоп человека и представляет собой особую сферу, входящую в систему антропологических знаний[4].

Основоположник российской криминалистической дерматоглифики В.В. Яровенко[5] пишет, что папиллярные узоры кожи человека позволяют решать специфические криминалистические задачи: создание поисковой модели личности; идентификацию личности по дерматоглифическим признакам, передаваемым по наследству;

---

[1] Бурданова В.С. Расследование доведения до самоубийства. М.-Л., 1982. С.22-30.

[2] Образцов В.А., Бертовский Л.В., Бертовская Н.Л. Фикции в криминальной, оперативно-розыскной и следственной практике. М., 2012. С.79-81; Селиванов Н.А., Соя-Серко Л.А. Убийство. Как его раскрыть? М., 1994. С.112-122.

[3] Бурыка Д.А., Глотов Д.А. Особенности выявления криминальных инсценировок на стадии возбуждения уголовного дела. М., 2012; Дементьев В.В., Степанов В.В. Инсценировка преступления: сущность и методы раскрытия. М., 2009; Фадеев В.И. Расследование криминальных инсценировок. М., 2009.

[4] Криминалистика: учебник / под ред. Седовой Т.А., Эксархопуло А.А. СПб., 2001. С.183.

[5] Яровенко В.В. Проблемы применения дерматоглифических исследований в криминалистике: автореф. дис…докт. юрид. наук. Екатеринбург, 1996. С. 7.

установление линии поведения в различных ситуациях[1]. Как новое направление в криминалистической дерматоглифике следует рассматривать психодерматоглифику, анализ которой направлен на диагностику отклоняющегося или девиантного поведения, к сфере последнего относят агрессивные действия по отношению к другим, употребление алкоголя, наркотиков, курение, бродяжничество, самоубийство[2].

В контексте изложенного представляют интерес исследования группы российских судебных медиков, изучивших отпечатки кожных узоров стоп трупов 98 мужчин, погибших от передозировки наркотиков, а также 50 мужчин, покончивших жизнь самоубийством (по данным следствия). В качестве контрольной группы использовались отпечатки стоп трупов 166 мужчин, достоверно умерших от иных причин. В группе самоубийц описательные признаки дерматоглифики стоп имели значительные отличия строения гребешковой кожи по сравнению с контрольной группой. При этом был выявлен ряд однонаправленных уклонений отдельных признаков дерматоглифики у лиц, употреблявших наркотики и склонных к суициду[3].

Развитие исследований дерматоглифики лиц, покончивших суицидом, получило отражение в работе судебных медиков С.А. Иваненко, А.П. Божченко и И.А. Толмачева, которые изучили 50 дерматоглифических карт из группы лиц, погибших в результате самоубийства (исходная выборка), и 50 – из группы лиц, погибших в результате несчастного случая или убийства (сравнительная выборка). Подошвенная дерматоглифика, в отличие от ладонной, оказалась более информативной по каждому отдельному признаку, но менее информативной в целом, что обусловлено меньшим числом анализируемых признаков. По пальцам рук эффективность разработанных моделей предрасположенности к самоубийству составила 83%, по пальцам ног – 82%, по ладоням – 76%, по подошвам – 74%. По утверждению названных авторов, выявленные статистически значимые объективные критерии и разработанные на их основе математические модели позволяют в комплексе с другими методиками с большей эффективностью определять риск суицида в

[1] Яровенко В.В. Криминалистическая дерматоглифика. Владивосток, 2011. С. 54-55.

[2] Яровенко В.В. Криминалистическая дерматоглифика. С.156-157.

[3] Зороастров О.М., Чистикина Т.А., Зороастров М.О., Бевза А.Л. Судебно-медицинские аспекты исследований кожных узоров как маркеров предрасположенности к наркомании и сопровождающим ее суицидам // Судебно-медицинская экспертиза. 2009. № 4. С.41-43.

практике производства судебно-медицинских и судебно-психиатрических экспертиз[1].

С учетом изложенного, на разрешение дерматоглифической экспертизы[2] можно поставить вопрос: имеет ли дерматоглифика участков гребешковой кожи рук и ног погибшего (Ф.И.О.) признаки, свидетельствующие о предрасположенности к суициду, и какие именно?

Несмотря на весьма серьезные исследования в указанной области[3], нам пока не удалось обнаружить сведений о том, что такие экспертизы проводились в Российской Федерации. Очевидно, главным препятствием здесь выступает небольшое количество специалистов, способных дать качественное экспертное заключение[4], а также неосведомленность следователей о возможности использования дерматоглифических маркеров при диагностике склонности к суициду.

Представляются заслуживающими внимания для диагностики суицида исследования В.С. Тишина (лаборатория экспериментальной физиологии по оживлению организма АМН СССР). Он изучил случаи насильственной смерти здоровых людей, разделенные на несколько групп по патогенетическому признаку, установив следующее: 1) При внезапном глубоком нарушении функций центральной нервной системы, как и при мгновенно наступившей смерти, фиксируется то содержание гликогена и сахара в печени, которое имелось к моменту травмы. 2) Возбуждение высших отделов центральной нервной системы (суицидальные переживания), как правило, вызывает обеднение печени углеводами и обусловливает появление сахара в моче[5]. Иными словами, если самоубийству предшествовал определенный период обдумывания, подготовки к уходу из жизни, то это можно определить при соответствующих анализах, взятых от

---

[1] Иваненко С.А., Божченко А.П., Толмачев И.А. Дерматоглифика суицидентов: характеристика и значение в решении экспертных задач // Судебно-медицинская экспертиза. 2011. № 5. С.26-29.

[2] Яровенко В.В. Криминалистическая дерматоглифика. Владивосток, 2011. С. 171.

[3] Абрамова Т.Ф. Пальцевая дерматоглифика и физические способности: автореф. дис. … докт. биол. наук. М., 2003; Зороастров М.О. Судебно-медицинские аспекты динамики и генетических основ самоубийств у жителей Тюменского региона: автореф. дис. … канд. мед. наук. М., 2006;

[4] Письмо директора российского Центра судебно-медицинской экспертизы А.В. Ковалева от 20.03.2013 № 95 // Личный архив Р.Г. Ардашева

[5] Тишин В.С. Функциональное состояние высших отделов центральной нервной системы перед наступлением насильственной смерти и содержание углеводов в печени трупа // Судебно-медицинская экспертиза. 1961. № 2. С. 6-10.

трупа.

Другим диагностическим признаком суицида могут быть результаты исследования надпочечников трупа. В.И. Алисиевич утверждает: «Судебному медику необходимо знать признаки стимуляции нейро-эндокринной системы, которые могут быть свидетелями того, что организм перед смертью находился в состоянии стресса…Наибольшее практическое значение для диагностики состояния стресса имеют изменения в надпочечниках»[1]. А предсмертное состояние самоубийц, как правило, характеризуется стрессом[2], что поможет в определенных случаях отличить суицид от его инсценировки.

Ю.И. Пиголкин и В.Д. Гончарук, развивая данную тему, пишут о реальной возможности диагностики депрессивных состояний у человека с помощью биохимических, физиологических и иммуногистохимических методов[3]. Такую диагностику самоубийц провели Ф.В. Алябьев, Ю.М. Падеров и С.Ю. Кладов, установившие, что «у жертв завершенного суицида выявлены морфологические признаки снижения функциональной активности надпочечников»[4].

Изложенное свидетельствует, что в настоящее время существуют обоснованные научные исследования, позволяющие следователю с высокой степенью достоверности отличать смерть самоубийц от инсценировки суицида.

Ю.Н. Баранов

Проблемы экспертного обеспечения противодействия экстремистской деятельности

В соответствии с Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» под экстремистской деятельностью понимаются:

---

[1] Алисиевич В.И. К судебно-медицинской диагностике состояния стресса // Актуальные вопросы судебно-медицинской экспертизы трупа. М., 1977. С. 22-24.

[2] Амбрумова А.Г. Психология самоубийства // Социальная и клиническая психиатрия. 1996. № 4. С. 14-19; Гилод В.М. Клинико-социальные и клинико-психопатологические характеристики вариантов суицида у пациентов кризисного стационара: автореф. дис. … канд. мед. наук. М., 2003. С. 12-16.

[3] Пиголкин Ю.И., Гончарук В.Д. К вопросу о диагностике депрессивных состояний // Судебно-медицинская экспертиза. 1997. № 4. С. 41-42.

[4] Алябьев Ф.В., Падеров Ю.М., Кладов С.Ю. Морфология надпочечников в случаях завершенного суицида. Томск, 2005. С. 98.

1) деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности РФ;
- подрыв безопасности РФ;
- захват или присвоение властных полномочий;
- создание незаконных вооруженных формирований;
- осуществление террористической деятельности;
- возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию;
- унижение национального достоинства;
- осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы;
- пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности;

2) пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

3) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий;

3) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий;

4) финансирование указанной деятельности либо иное содействие ее осуществлению или совершению указанных действий, в том числе путем предоставления для осуществления указанной деятельности финансовых средств, недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств;

- экстремистская организация – общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации

или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности;

- экстремистские материалы – предназначенные для обнародования документы либо информация на иных носителях, призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности, в том числе труды руководителей национал-социалистской рабочей партии Германии, фашистской партии Италии, публикации, обосновывающие или оправдывающие национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы.

Вследствие полисемантичности материалов, относительной простоты возникновения (создания) новых объектов, для решения вопроса о наличии признаков экстремизма в том или ином материале необходимо привлечение специалистов. Решениями Верховного суда РФ и Указаниями Генеральной прокуратуры РФ установлены нормы, требующие проведения лингвистических и иных экспертиз.

Рассматривая содержание лингвистических экспертиз и исследований, проведенных в рамках расследования уголовных дел, возбужденных по ст.ст. 280 (Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности), 282 (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства), 282.1 (Организация экстремистского сообщества), 282.2 (Организация деятельности экстремистской организации) УК РФ, можно отметить, что исследованию подвергаются лишь отдельные высказывания. В то же время контекст публикации, как правило, остается за рамками экспертизы.

Кроме того, при производстве лингвистических экспертиз вместо понятия «контекст» зачастую используется «дискурс». Приведенные понятия различаются сферами применения. «Дискурс» характеризует прагматику мышления субъекта, которая включает ряд экстралингвистических факторов, не связанных непосредственно с речью, и является конструктом, используемым для описания коммуникативной ситуации[1].

«Контекст» описывает речевые явления с позиции формальной лингвистики. Под контекстом (от лат. contextus – сцепление, соединение, связь) понимают относительно законченный по смыслу

[1] Дискурс в современном мире. Психологические исследования / под ред. Н.Д. Павловой, И.А. Зачесова. М., 2011.

отрывок текста или речи, в пределах которого наиболее точно и конкретно выявляется смысл и значение отдельного входящего в него слова (фразы) или взятого из него в качестве цитаты выражения[1].

Таким образом, содержание, смысловую направленность публикации в целом определяет не дискурс, а именно контекст, в котором отдельные высказывания или слова могут приобретать значение, в ином контексте однозначно определяемые как «экстремистские».

В качестве примера влияния контекста на содержание ответов по вопросам, поставленным перед экспертом, приведем фрагмент экспертного исследования.

На разрешение поставлены вопросы:

- Имеются ли в тексте высказывания, в которых выражена отрицательная оценка или характеристика какой-либо группы лиц, объединенных по национальному или религиозному признаку?

- Если имеется, то не используется ли она для формирования негативного представления о какой-либо группе лиц, объединенных по национальному или религиозному признаку?

- В ходе исследования вопросы были объединены и решались совместно.

- В качестве объекта были предоставлены постановочные материалы учебного курса факультета прикладной математики-процессов управления одного из вузов РФ. При цитировании сохранены орфография, пунктуация и графическое оформление оригинала.

Публикация состоит из частей, композиционное строение которых отображено в оглавлении, и сопровождается приложением (с. 3-4).

При этом автор (авторы) обращают внимание на смысловое единство публикации (основной части и приложений, имеющих

[1] Вне К. («вырванная из К.»), с которым цитата сопряжена стилистически и по смыслу, она может приобретать иное, даже противоположное, значение. В художественной литературе К. определяет конкретное содержание, выразительность и стилистическую окраску не только отдельных слов, фраз, высказываний, но и различных художественных средств (в т.ч. поэтических фигур, стихотворных ритмов и др.). К. определяет отбор слов данного стилистического ряда (см., например, запись А. Блока во время работы над образом Гаэтана в пьесе «Роза и Крест»: «не глаза, а очи, не волосы, а кудри, не рот, а уста»). Нарушение К. разрушает художественное единство текста и самый художественный образ (вне К., например, нельзя уловить иронию), а иногда используется для стилистического эффекта, например в пародиях // Литературный энциклопедический словарь / под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М., 1987.

мировоззренческий характер): «Хотя в настоящем издании достаточно общая теория управления разделена на подразделы, но воспринять её следует как целостную и неделимую информационную единицу – своего рода «квант» информации» (с. 5).

В преамбуле, имеющий программный характер (с. 2), автор подчеркивает ценность публикуемых материалов, их вневременной характер для «русской культуры».

Понятийная неопределенность возникает за счет смешения стилей и использования терминов, характерных для научных или специфических профессиональных публикаций («авторские права», «в установленном законом порядке», «настоящие материалы», «в полном объеме», «персональная ответственность»), обилием слов с ярко выраженной высокой стилистической окраской («достояние Русской культуры», «воздаяние»), выражений, соотносимых с оккультизмом («совершивший это столкнется с воздаянием за воровство, выражающемся в неприятной «мистике», выходящей за пределы юриспруденции»).

Композиционно преамбула (или обращение) состоит из 2-х частей, семантически и лексически сходных до степени смешения, в которых присутствует тема мистического воздаяния за отступление от авторской позиции (I-я часть: «совершивший это столкнется с воздаянием за воровство, выражающемся в неприятной «мистике», выходящей за пределы юриспруденции»; II-я часть: «извращающего смысл настоящих материалов, как целостности, он имеет шансы столкнуться с «мистическим», внеюридическим воздаянием»). В этом случае позиция автора, выражением которой является текст, выступает как высшее мистическое знание, откровение.

Наукообразный стиль, включающий в себя выдуманные или реальные термины, сложные синтаксические конструкции и нагромождения, используется для акцентирования внимания читателей на фундаментальности содержания и укрепления их веры в истинность излагаемых идей: «Полная функция управления – это своего рода пустая и прозрачная форма, наполняемая содержанием в процессе управления; иными словами, это матрица объективно возможного управления – мера управления, как процесса триединства материи-информации-меры. Она описывает преемственные этапы циркуляции и преобразования информации в процессе управления, начиная с момента формирования субъектом-управленцем вектора целей управления (или выявления субъективной потребности в управлении в отношении того или иного объекта-процесса в среде, с которой взаимодействует субъект) и включительно до осуществления целей в процессе управления. Это – система стереотипов отношений и

стереотипов преобразований информационных модулей, составляющих информационную базу управляющего субъекта, моделирующего на их основе поведение (функционирование) объекта управления (или моделирующего процесс самоуправления) в той среде, с которой взаимодействует объект (а через объект – и субъект)» (с. 10).

Приложение, по мнению автора, посвящено изложению материалов, «необходимых для понимания мировоззренческих вопросов, не освещённых в достаточно общей теории управления, а также материалы, показывающие применение достаточно общей теории управления к решению практических задач управления обстоятельствами в жизни» (с. 97).

Автор широко использует различные виды выделения (курсив, подчеркивание, отличный шрифт), прописные буквы в словах, которым, по-видимому, придает особое значение, и старается подчеркнуть их значимость и выразить свое глубокое уважение, а заодно внушить это и читателю: «Бог», «Творец», «Вседержитель», «Вседержительность» (с. 15); «Мироздание», «Веды», «Вселенная» (с. 49), и т.д. Подобные выделения на определенном этапе затрудняет восприятие текста (оригинальные орфография и пунктуация сохранены – см. далее).

Содержание ДОТУ автор передает посредством приобщения к «иерархически наивысшему всеобъемлющему управлению», которая характеризуется следующим образом: «Если называть всё своими именами, то иерархически наивысшее всеобъемлющее управление – деятельность Бога – Творца и Вседержителя, одним словом это – Вседержительность. …Жизнь человека нормально должна протекать в личностном осмысленном диалоге с Богом о смысле и событиях жизни, о воздействии человека на течение событий» (с. 15); «Бог милосерден: знамения, негативные прогнозы, пророчества о бедах – по их существу – предостережения, а не бессмысленно злобные страшилки» (с. 28) и т.д. При этом, по мнению автора: «Объективные законы Мироздания даны Богом, субъективные – результат деятельности людей» (с. 49).

Причиной конфликтов, нарушающих установленные свыше правила мирозданья, нарушают силы зла, присутствующие среди людей в виде организаций или сообществ (см. далее), так или иначе связанных с управлением обществом.

Абсолютное зло противопоставлено абсолютному добру, на стороне которого находится «Божеское попущение»: «В предельном случае конфликта, если кто-то избрал зло, упорствует в его осуществлении и исчерпал Божеское попущение, то он своими

действиями вызовет прямое адресное вмешательство в течение событий Свыше» (с. 12).

Общество, возникшее после распада Советского союза, автор подвергает критике, называя его «толпо-«элитарной» социальной системой», разобщаемое «конфликтами множества частных управлений» (с. 30), которое обусловливает превращение людей в «биороботов», «демонов» и «зомби». Автор предлагает следующую классификацию людей:

«индивид – человекообразное животное (таковы большинство членов всякого национального общества в прошлом) – это животный тип строя психики;

индивид – носитель типа строя психики «зомби», поскольку он по существу – биоробот, запрограммированный культурой (таковы большинство евреев, и к этому типу организации психики подтягиваются ныне большинство обывателей на Западе);

индивид – носитель демонического типа строя психики (это – так называемая «мировая закулиса»: хозяева библейских культов, лидеры мондиализма, евразийства, высшие иерархи саентологов, откровенные сатанисты, а также многие политики, деятели искусств, спортсмены, йоги, маги и тому подобные «выдающиеся личности») (с. 105).

Зомби, демонам и биороботам противостоит «человечный тип строя психики, норма для человека, которая должна достигаться в подростковом возрасте (к началу полового созревания и пробуждения половых инстинктов) и обретать устойчивость к началу юности (завершению процесса формирования организма), после чего она должна быть неизменно характерной для организации его психики на протяжении всей дальнейшей жизни во всех без исключения обстоятельствах» (с. 106).

Текст, наряду с математическими формулами, содержит комментарии оккультного и мистического характера: «…Эти люди наиболее опасны для окружающих, а 0.999, будучи перевернуты, дают известное всем 666.0[1]» (с. 31).

Автор связывает формирование органов управления большевистской власти с деятельностью знахарей-шаманов, воплощающих интересы международных, прежде всего еврейских сообществ: «ветвь власти, произрастающая от знахарей Дюн-Хор, с которой сотрудничали Ф.Э. Дзержинский и некоторые другие деятели тогдашнего режима, была в конфликте с другими кланами знахарей

[1] Число зверя – один из смыслов которого состоит в том, что в основе толпо-«элитарного» общества есть и психологическая подоплека: господство животных инстинктов над остальными компонентами психики большинства населения.

концепций, в том числе и с зарубежными международными, и прежде всего, – в конфликте со сторонниками и невольниками библейской доктрины построения глобального расового «элитарно»-невольничьего государства, в котором роль глобальной правящей расовой «элиты» отведена еврейству диаспоры – искусственно созданной социальной группе, представляющей собой дезинтегрированный биоробот, программа поведения которого своими различными фрагментами распределена по психике множества индивидов, подавляя человечное достоинство каждого из них» (с. 105).

Высоко оценивает деятельность И.В. Сталина, как управленца, обеспечивающего функционирование «машины государственного управления» (с. 107).

Антисемитские мотивы проявляются в использовании номинаций «жидомасонский заговор», «зомби-управленцы («раса господ» – иудеев)», «ветхозаветно-талмудические зомби», «интернацистский сионистский гадюшник»: «библейская традиция содержит программы поведения зомби-управленцев («расы господ» – иудеев) и программы поведения зомби-труженников (членов разнородных канонически-новозаветных церквей, обычно именуемых «христианскими» безо всяких к тому оснований в содержании их вероучения). Эти программы взаимно согласованы умельцами в области заклинания социальной стихии таким образом, что все будут исполнять предназначенные им роли: ветхозаветно-талмудические зомби – править (а не управлять), а новозаветные зомби – производительно трудиться в сфере производства и в сфере обслуживания» (с. 122); «…АН СССР к началу 1980-х гг. представляла собой интернацистский сионистский гадюшник» (с. 163); «В сложившихся под воздействием иерархии Египта конкретных общественно-исторических условиях будущим иудеям в Откровении, обращенном к ним через Моисея, была предоставлена Свыше возможность выбора миссии, которую они понесут в веках: либо просвещение всех и освобождение всех от тирании демонизма, либо самим стать первыми невольниками зачинателей Библейского проекта и, став биороботами, порабощать других, действуя в пределах Божьего попущения, до истечения его срока.

Они избрали последнее – стать биороботами и порабощать, отвергнув миссию, предложенную им через Моисея (об этом повествует книга Числа, гл. 14)» (с 157).

Библейскую цивилизацию, Библейский проект, по мнению автора, воплощает «Запад»: «Если Запад и живёт без явного оглашения идеологии, то это так видится только на первый поверхностный взгляд: Запад – библейская цивилизации. А Библия содержит в себе кроме

всего прочего и идеологию общественной жизни, однако не называя её прямо идеологией» (с. 159).

Господство «иудейской международной ростовщической монополии» обусловлено извращением смысла ветхозаветных текстов, что привело к возникновению расы рабов, программа поведения которых была заложена в них с изучением Священного писания, а расы господ, которые обладали высшим знанием. Иудеи, по мнению автора, «зомбированы» осуществлять в целях расы господ функцию управления рабами (см., например: с. 123-126).

Таким образом, в ходе анализа публикации установлено, что основу содержания текста составляет критика существующей системы управления.

В рассмотренных высказываниях («жидомасонский заговор», «зомби-управленцы («раса господ» – иудеев)», «ветхозаветно-талмудические зомби», «интернацистский сионистский гадюшник»: «библейская традиция содержит программы поведения зомби-управленцев («расы господ» – иудеев») автор характеризует роли различных социальных, национальных и религиозных групп в области государственного, социального строительства и управления.

Использование указанных высказываний в контексте публикации является результатом «научного» исследования проблемы создания эффективной системы управления самого автора. При этом объективность критериев оценки истинности/ложности того или иного утверждения автор связывает с волей «Бога – Творца и Вседержителя».

В ходе изложения концепции ДОТУ, посредством накопления критического, иллюстративного и «доказательственного», по мнению автора, материала, возрастает негативная экспрессия.

Поскольку контекст публикации предполагает обсуждение реалий современной России, участники общения оказываются вовлеченными в обсуждение несправедливости, подавления, войны, которую, якобы, применяют по отношению к населению России «демонические личности», основную часть которых составляют представители «глобальной правящей расовой «элиты», которая отведена еврейству».

Таким образом, семантика высказываний направлена на формирование негативного представления о «мировом закулисье», участвующего в глобальном заговоре с целью окончательного порабощения человечества, превращения его в «зомби» и «биороботов», основную роль в котором автор отводит «иудейской международной ростовщической монополии», распространяя на нее ответственность за состояние современной российской государственности.

Отдельные высказывания, например «ветхозаветно-талмудические зомби», – содержат негативную оценку евреев, как носителей ложных ценностей, но не в силу принадлежности к религии или национальности, а в силу руководства их поведением «закулисных кукловодов».

Конфликт «человеков» с «зомби», «биороботами» и «демонами», по мнению автора, является сущностным, «мистическим», сакральным, и выходит за пределы соперничества религиозных или национальных концепций.

Таким образом, высказывания (сравнения, эпитеты, метафоры), которые в ином контексте могли бы быть интерпретированы, как «выражающие отрицательную оценку или характеристику какой-либо группы лиц, объединенных по национальному или религиозному признаку», и «формирующие негативное представление о какой-либо группе лиц, объединенных по национальному или религиозному признаку», в приведенном контексте таковыми не являются.

Содержание, смысловую направленность публикации в целом определяет именно контекст. Статья 4 Федерального закона от 31.05.2001 № 73 «О государственной судебно-экспертной деятельности» устанавливает принципы полноты, всесторонности и объективности, которые, применительно к производству лингвистических экспертиз, предполагают исследование и анализ высказываний в контексте, то есть публикации в целом.

В приведенном фрагменте экспертного заключения однозначная трактовка высказываний, содержащая, на первый взгляд, признаки экстремизма, невозможна вследствие особенностей контекста.

Р.Р. Басханов

Некоторые тенденции формирования криминалистических знаний о планировании расследования преступлений, совершаемых в финансово-кредитной системе

Генезис криминалистических знаний о планировании расследования преступлений, совершаемых в финансово-кредитной системе, свидетельствует о неразрывной связи развития криминалистического учения о планировании расследования преступлений с разработкой методик расследования отдельных видов преступлений, совершаемых в финансово-кредитной системе. При этом обращается внимание на частичную синхронность данных процессов, происходивших на следующих этапах.

Предварительный этап (XIX в.) характеризуется тем, что отдельные

указания исследователей о необходимости планирования расследования преступлений[1] сопровождаются первыми попытками обобщить практику расследования преступлений, совершаемых в финансово-кредитной системе[2]. Характерной чертой публикаций в области расследования преступлений, совершаемых в финансово-кредитной системе, является отсутствие упоминания на планирование расследования преступлений данного вида, что не могло восполнить потребности практики в научно-обоснованных знаниях в данной области.

Первый этап (конец XIX в. – первая четверть XX в.) – зарождение криминалистических знаний сопровождается попытками разработать единую схему (план) расследования всех категорий преступлений и обобщить отдельные рекомендации по планированию расследования при отсутствии систематизации знаний о расследовании преступлений, совершаемых в финансово-кредитной системе. При этом следует отметить, что становление отечественной криминалистики как отрасли научно-прикладных знаний, которые могла бы удовлетворить данные потребности, совпало с известными социально-политическими преобразованиями, происходившими в России во втором десятилетии XX в. и в последующие годы. По существу, криминалистика в нашей стране стала развиваться с 20-х гг. XX в., и основу её составили труды западноевропейских криминалистов (Г. Гросс, А. Вейнгарт и др.), а также работы российских авторов (С.Н. Трегубов, И.Н. Якимов, П.П. Михеев, Н.Н. Семенов и др.), не отличавшихся, за редким исключением, оригинальностью, так как основывались на переведенных работах последних, а отчасти представляли собой простой пересказ их концепций и рекомендаций.

Второй этап (вторая четверть XX в.) – систематизация криминалистических знаний о планировании расследования

---

[1] Баршев Я. Основы уголовного судопроизводства. М., 1841. С. 139-140; Левинстим Л.А. Предварительное следствие по судебным уставам, его недостатки и меры к улучшению // Журнал министерства юстиции. 1895. № 11. С. 153; Барнер В. О производстве предварительных следствий по делам с многочисленными свидетелями, обвиняемыми и документами // Журнал министерства юстиции. 1908. № 5. С. 160-162; Духовский М.В. Русский уголовный процесс. М., 1910 и др.

[2] Городыский Я. О значении фиктивных банковских операций, проводимых с целью маскировки растрат // Журнал гражданского и уголовного права. СПб., 1883. Кн. 5 (Раздел X «Заметки»). С. 58-88; Он же. Об излишнем выпуске в обращение закладных листов Земельного банка // Журнал гражданского и уголовного права. СПб., 1883. Кн. 7 (Раздел IX «Заметки»). С. 63-88; Он же. Банковые хищения // Журнал гражданского права, 1887. Кн. 7. С. 71-180 и др.

преступлений сопровождается разработкой отдельных рекомендаций по расследованию отдельных видов преступлений, совершаемых в финансово-кредитной системе.

Развитие представлений о планировании расследования преступлений в 20-е гг. XX в. связано с управленческой деятельностью органов юстиции советского государства[1] и работами отечественных криминалистов, заложивших основы соответствующего криминалистического учения (В.И. Громов, М.С. Строгович, Л.М. Яхнич, С.А. Голунский, Г.К. Рогинский, М.Е. Евгеньев и другие).

Третий этап (50-е – 80-е гг. XX в.) – формирование криминалистического учения о планировании расследования (А.Н. Колесниченко, А.Р. Шляхов и др.) сопровождается активным использованием ее отдельных положений в разрабатываемых методиках расследования преступлений, совершаемых в финансово-кредитной системе.

Начиная с 50-х гг. XX в., отечественные ученые-криминалисты стали уделять проблемам расследования преступлений, совершаемых в финансово-кредитной системе, повышенное внимание, о чем свидетельствуют работы В.Я. Осенина и А.М. Позднякова (1952), В.И. Теребилова (1953), Е.Н. Коновалова (1953). Так, В.Я. Осенин и А.М. Поздняков рассматривали некоторые аспекты расследования и предупреждения хищений, совершаемых в сберегательных кассах СССР[2]. В.И. Теребилов попытался рассмотреть общие вопросы методики расследования хищений в Государственном банке СССР и на этой основе разработать методики расследования хищений денег с текущих и расчетных счетов, из касс и хранилищ банка, хищений, совершаемых инкассаторами банка и иных хищений, совершаемых в банке (при выдаче пенсий через учреждения банка и хищений с использованием межфилиальных оборотов банка (МФО)[3]. Среди общих вопросов методики расследования хищений в Государственном банке СССР, автор выделил ошибки, допускаемые, в том числе, при планировании расследования. Следует отметить, что В.И. Теребилов один из первых, кто обратил внимание на необходимость составления

---

[1] О плановом начале в расследовании преступлений говорилось в циркуляре НКЮ РСФСР от 26.04.1923 № 84, приказе ЦАУ от 7.03.1927 № 33, циркуляре НКЮ от 5.07.1929 № 93, циркуляре Прокуратуры РСФСР от 25.04.1930 № 2 и т.п. (Приводится по работе Шляхов А.Р. Планирование предварительного следствия: дис. … канд. юрид. наук. М., 1953. С. 8).

[2] Осенин В.Я., Поздняков А.М. Расследование хищений в системе сберегательных касс. М., 1952.

[3] Теребилов В.И. Расследование хищений в учреждениях банка: дис. … канд. юрид. наук. М., 1953.

первоначального плана расследования, позволяющего следователю: а) выявить и закрепить такие доказательства, которые могут быть уничтожены или претерпеть изменения; б) обеспечить сохранность для дальнейшего исследования вещественных доказательств и документов; путем своевременного избрания меры пресечения предупредить возможность уклонения преступников от суда и следствия, а также обеспечить возмещение ущерба, нанесенного преступлением[1]. Также автор обратил внимание на то, что перед составлением плана расследования следователю «необходимо ознакомиться с техникой и порядком оформления банковских операций, которые … были или могли быть использованы преступниками»[2].

Отметим, что общие положения планирования, разрабатываемые отечественными криминалистами, находят отражение в работах прикладного характера. Например, структура плана расследования, предложенная А.Н. Колесниченко[3], была использована В.И. Теребиловым применительно к расследованию хищений в кредитных учреждениях. По мнению ученого структура плана расследования на первоначальной стадии включает: наиболее вероятные версии совершения хищения, перечень основных вопросов, подлежащих выяснению по каждой версии, а также перечень всех необходимых следственных действий и последовательность их осуществления[4].

В перечисленных и иных исследованиях проблем расследования преступлений, совершаемых в финансово-кредитной системе, обращалось внимание на особенности планирования, к которым относили знание следователем: 1) специфики конкретных банковских и хозяйственных операций, а также связи между ними, во время которой совершалось преступление, 2) характера хозяйственной деятельности конкретного предприятия, 3) прав и обязанностей должностных лиц предприятия. Данные знания, отмечали исследователи, помогут следователю составить наиболее действенный план расследования, определить самые вероятные версии и наметить эффективные способы и методы их проверки.

В последующие периоды развития отечественной криминалистики на базе разработанных общих положений планирования расследования преступлений было сформировано соответствующее криминалистическое учение.

---

[1] Теребилов В.И. Расследование хищений в учреждениях банка: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1953. С. 10.

[2] Там же.

[3] Колесниченко А.Н. Планирование советского предварительного следствия: дис. … канд. юрид. наук. Харьков, 1952. С. 20.

[4] Теребилов В.И. Расследование хищений в учреждениях банка: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1953. С. 50.

В связи с тем, что современная финансово-кредитная система поражена коррупционной преступностью, яркими проявлениями которой являются подкуп и взяточничество, небезынтересно отметить работу Л.Ш. Берекашвили (1965 г.). Исследуя проблемы методики расследования взяточничества, подвергая критике точку зрения авторов, утверждающих, что планирование начинается лишь после осуществления первоначальных следственных действий с момента составления письменного плана, он показал, что такое понимание противоречит активному, творческому характеру планирования, как одному из тактических методов расследования, оставляет место для неверного вывода о тождестве планирования с составлением письменного плана[1]. В качестве основы планирования Л.Ш. Берекашвили рассматривает криминалистические версии, а в качестве одного из элементов планирования – определение предмета доказывания.

В рассматриваемый период продолжились предметные исследования проблем расследования преступлений, совершаемых в финансово-кредитной системе. Среди подобного рода исследований можно выделить диссертации Я. Козицина (1964) и Е.И. Казакова-Турбовского (1967)[2]. Так, в отличие от существующих работ, в которых только обращалось внимание на знание следователями технологий (техники, правил) совершения банковских операций, как на непременное условие планирования и успешное расследование соответствующей категории преступлений, Я.М. Козицин разработал детальные рекомендации по планированию с учетом таких знаний.

В данный период криминалисты все чаще стали констатировать о возможности использования при планировании расследования хищений социалистического имущества методов сетевого планирования и управления (СПУ), высказанных А. Сыровым (1966-1969), а также А. Р. Ратиновым (1967), А.А. Герасун (1968), А.М. Лариным (1970) и другими учеными.

Следует обратить внимание, что в 80-е гг. XX в. криминалисты обращали внимание на организацию и планирование расследования преступлений, как на самостоятельные элементы соответствующих

---

[1] Берекашвили Л.Ш. Методика расследования взяточничества: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1965. С. 9-10.

[2] Козицин Я. Расследования хищений государственного и общественного имущества, совершенных с использованием банковских операций: дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1964; Казаков-Турбовский Е.И. Криминалистические методы расследования и предупреждения преступлений, посягающих на советскую денежную и кредитную систему: дис. … канд. юрид. наук. Харьков, 1967.

частных криминалистических методик (В.Н. Сущенко и др.). Данная тенденция была свойственна и для исследований проблем расследования отдельных видов (групп) преступлений, совершаемых в финансово-кредитной системе (М.А. Шматов и др.).

К окончанию рассматриваемого периода взаимосвязь планирования и организации расследования преступлений стали раскрывать в двух направлениях: 1) организационные мероприятия могут быть составной частью плана расследования и правоприменительной деятельности; 2) деятельность по планированию в ряде случаев нуждается в ее организации (В.Н. Кострыкин).

Четвертый этап (90-е гг. XX в. по настоящее время) – развитие криминалистического учения о планировании расследования, осознание необходимости плановости следственной деятельности, а также совершенствование системы методик расследования преступлений, совершаемых в финансово-кредитной системе, сопровождается девальвацией исследователей к разработке криминалистических рекомендаций применительно к планированию расследования отдельных общностей преступлений данной категории.

Активизация криминалистических исследований в области расследования преступлений, совершаемых в финансово-кредитной системе, произошла после принятия УК РФ (1996 г.). В работах О.А. Луценко (1998), Р.С. Сатуева (1998), А.В. Шмонина (1999), Е.И. Ложкиной (1999), М.В. Белова (2000), А.И. Леднева (2000), Е.Н. Петухова (2001), А.И. Миненко (2001), В.И. Отряхина (2001), Т.И. Абдурагимовой (2001), А.Д. Тлиш (2002), А.В. Шувалова (2002), А.Н. Рогожкина (2003), А.В. Седых (2003), Г.А. Абдировой (2003), Е.Н. Дерябиной-Чистяковой (2006), Н.Р. Герасимовой (2004), С.В. Воронцовой (2005), М.А. Неймарка (2006), Е.А. Ерахтиной (2006), А.И. Босых (2007), В.Е. Акимова (2008), И.М. Мишиной (2009) и др.

Между тем, проведенное автором статьи исследование показало, что происходит девальвация по отношению к планированию происходит не только у следователей[1], но и у исследователей-криминалистов. В частности, анализ содержания диссертационных работ, так или иначе связанных с проблемами расследования преступлений, совершаемых в финансово-кредитной системе, показал,

[1] Следственный департамент МВД России неоднократно обращал внимание на бесплановость и недостатки в планировании расследования преступлений. Неслучайно руководство МВД России среди прочих приоритетных направлений деятельности системы данного ведомства на 2013 г., указывается на необходимость принятия мер по повышению эффективности планирования работы следователей по уголовным делам, находящимся в производстве.

что в них отсутствует упоминание о планировании расследования[1] или только отмечается необходимость планирования расследования[2] либо фрагментарно отражается данный вид деятельности[3].

Следовательно, можно сделать вывод о том, что вопросам планирования расследования преступлений в целом и планирования расследования преступлений, совершаемых в финансово-кредитной системе, в частности, практические работники и исследователи-криминалисты не уделяют достаточного внимания. Между тем одной из главных причин низкого качества расследования преступлений рассматриваемой категории является формальный подход к планированию.

Следовательно, развитие научных взглядов на планирование расследования преступлений, совершаемых в финансово-кредитной системе, сопровождается противоречивым отношением к данному виду деятельности. С одной стороны, ученые признают важность и необходимость планового начала в деятельности следователя по делам о преступлениях, совершаемых в финансово-кредитной системе, с другой – игнорируют разработку научно-обоснованных рекомендаций по планированию применительно к расследованию отдельных видов данной категории преступных деяний.

Е.С. Бикеева
Г.И. Положенко

Допрос и его виды

Совершенствование производства отдельных следственных действий с учетом специфики по данным видам преступлений – является немаловажным условием повышения эффективности всего расследования в целом, а также будет способствовать повышению уровня защиты интересов участников судопроизводства.

Допрос является самым распространенным следственным

---

[1] Миненко А.И. Проблемные вопросы расследования преступлений, совершаемых организованными преступными группами в банковской сфере: Краснодар, 2001 и др.

[2] Рогожкин А.Н. Предварительное расследование и судебное рассмотрение дел о преступлениях в сфере банковской деятельности: Н.Новгород, 2003; Ерахина Е.А. Видовая методика по расследованию незаконного получения банковского кредита и злостного уклонения от погашения кредиторской задолженности: Краснодар, 2006 и др.

[3] Неймарк М.А. Проблемы теории и практики расследования хищений денежных средств в сфере банковского кредитования: Барнаул, 2006 и др.

действием по всем категориям преступлений.

С учетом возросшей активности преступных групп, сформированных на этнической основе (этнический компонент) ориентированных на незаконный оборот наркотиков, весьма актуальным является вопрос изучения и применения в практике производства допроса специальных знаний из области этнологии.

Каждый допрос имеет свою специфику в зависимости от сложившейся следственной ситуации, однако, несмотря на это, существуют общие положения тактики производства допросов любого вида, которые реализуются при проведении рассматриваемого следственного действия.

Жизнедеятельность человека происходит в постоянном общении с другими людьми, что порождает определенные**,** взаимоотношения. Важнейшим элементом взаимоотношений является психологический контакт, т.е. коммуникация, процессы взаимовлияния, сопереживания и взаимного понимания[1].

Коммуникация как область научного знания имеет длительную историю. Особенности и закономерностей общения с целью получения, какой-либо информации в той или ином ракурсе изучается многими науками. Так, американский психолог Ю. Рюш (Jurgen Ruesch) выделил более сорока подходов к этому понятию в различных областях знания, включая антропологию, социологию, политологию, психологию, языкознание и т.д.[2]

Один из ведущих теоретиков в области изучения массовой коммуникации Эрик Барноу отмечал, – «Именно «центральное положение коммуникаций в истории человечества, убедительно объясняет, почему такие различные отрасли познания, как антропология, искусство, образование, этнология, история, журналистика, право, лингвистика, философия, политология, психология и социология, – все тяготеют к изучению коммуникационных процессов...»[3].

И в научной, и в художественной литературе можно встретить множество примеров того, сколь существенны межкультурные вариации систем коммуникации, т.е. обмена информацией между людьми, и как эти различия мешают им понимать друг друга. В этом проявляется специфика именно человеческой коммуникации, поскольку «коммуникативное влияние как результат обмена

[1] Порубанов А.Н. Лож и борьба с ней на предварительном следствии / под ред. И.И. Басецкого. Минск, 2002. С. 106.

[2] Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации: учебное пособие. Воронеж, 2000. С. 26.

[3] Barnouw E. Preface//International Encyclopedia of Communications. Vol.1. P. 19

информацией возможно лишь тогда, когда человек, направляющий информацию (коммуникатор), и человек, принимающий ее (реципиент), обладают единой или сходной системой кодификации и декодификации. На обыденном языке это правило выражается в словах: «все должны говорить на одном языке»[1].

Более того, в процессе коммуникации представителей разных культур непонимание может возникнуть даже в том случае, когда они говорят на одном языке, так как «понимание текста предполагает не только знание языка, но также и знание мира». Неосведомленность в реалиях культуры может привести к полному непониманию текста при знании отдельных слов[2].

При производстве допроса также используются различные социологические методы в адаптированном к профессиональным потребностям виде. Так, в частности, отмечается необходимость получения полных, правдивых, максимально конкретизированных показаний при производстве допроса по методу когнитивного интервью[3].

В социологии как науке, где объектом изучения являются индивиды как исполнители социальных ролей, предметом исследования – микроанализ конкретных ситуаций социального взаимодействия выделяет различные методы познания, которые включают в себя понимание и интерпретация личностных смыслов в социологических понятиях. Среди методов изучения индивида, теоретики выделяют следующие виды биографического интервью:[4]

Лейтмотивное интервью. Респонденту помогают сразу подойти к определенной теме и ее не бросить, чтобы усердие рассказчика и склонность к повествованию были использованы с наименьшими потерями.

Нарративное интервью. Собеседника просят подробно рассказать историю своей жизни в свободной форме, но в хронологической последовательности событий. Данное интервью в версии Ф. Шютце, наиболее разработанное в направлении гомологии рассказ пережитого опыта (цугцванг к детализации, заключению образа и конденсации информации).[5]

---

[1] Андреева Г.М. Социальная психология. М., 2007. С. 86.

[2] Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: учебник для вузов. М., 2009. С. 88

[3] Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: психология, тактика, технология: учебное пособие. М., 2011. С. 216

[4] Самарцев О.Р. Современный коммуникативный процесс. Ч. 2 // Теория и методика журналистики: учебное пособие. Ульяновск, 2000. С.94

[5] Журавлев В.Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология: 4 М. 1993. № 3-4. С. 36

Открытое интервью (фокусированное) Интервьюер выступает в качестве любопытного знакомого, который – по типу повседневного разговора – задает наводящие вопросы.[1]

Опираясь на приведенные положения, а также данные психологии, социологии, мы полагаем, выделение следующих видов допроса, дифференцируемых и диверсифицируемых в зависимости от следственной ситуации и процессуального положения допрашиваемого:

1) Лейтмотивный допрос – когда допрашиваемого сразу ориентируют на определенную интересуемую тему, и выдерживают её в ходе допроса.

При этом по нашему мнению, следователь ориентирован на рассмотрение интересуемого вопроса в динамике. Например, если нас интересуют статусно – ролевое положение лица в преступной группе. В процессе допроса, вопросы группируются хронологическом или смысловом порядке, и при переходе к каждому следующему блоку информации мы будем иметь в фокусе именно этот определенный аспект и задавать дополнительные вопросы, касающиеся изменений в отношениях между участниками именно в контексте этой интересуемой нас информации.

Использование такого подхода актуально в начале допроса, когда уже имеются определенные данные о допрашиваемом лице и деталях совершенного преступления.

Именно на данном этапе, будут весьма актуальными тактические приемы, которые включают в себя постепенной предъявление имеющихся доказательств по делу и логическое подведение к кульминационной развязке.

2) Нарративный допрос – при котором допрашиваемому предлагается вести свободный рассказ об известных ему событиях, без вмешательства со стороны следователя, задающего лишь в начале общее направление ожидаемого рассказа.

Данный вид, как правило, весьма успешно применим в начале допроса, или в тех следственных ситуациях, когда отсутствует информация о допрашиваемом лице и подробностях совершенного преступления.

Предполагается, что в ходе такой формы допроса, в памяти допрашиваемого ассоциативно всплывают в первую очередь те эпизоды и моменты, которые представляют для него наибольшую субъективную ценность, или наиболее запечалились в памяти.

Поскольку рассказчик понимает, что в его распоряжении

[1] Биографический метод: История. Методология. Практика. М., 1994. С. 27

ограниченное количество времени, он вынужден останавливаться только на тех обстоятельствах и событиях своей жизни, которые он считает наиболее значимыми и имеющими решающее значение. Необходимость селекции информации, таким образом, проявляется в тенденции со стороны повествующего сообщать слушателю наиболее релевантную для своего жизненного опыта информацию о событиях, связях и последствиях этих событий, другими словами информацию, отвечающую критерию существенности[1].

При этом тактически очень важно следить за изменениями уровня речевого оформления показаний. Имере Кертэс отмечает, что в данном случае лжесвидетели и обвиняемые, дающие ложные показания, как правило, не затрудняются в речевом оформлении своих показаний. В ложном показании почти всегда все гладко, ничего не забыто, нет пробелов, а в добросовестном показании, как правило, имеются и забытые детали, и пробелы, и речевое оформление его выглядит менее гладко. Нередко лжесвидетель или обвиняемый, бойко и плавно рассказав о заранее придуманном, подготовленном, «затрудняется» ответить на вопросы, особенно если они для него неожиданны, хотя и безобидны, и ответ на которые известен допрашиваемому (например, касается условий или обстоятельств его жизни). Допрашиваемый, желающий дать правдивые показания, ответит на такие вопросы незамедлительно, уверенно, а те, кто не желает давать такие показания, обдумывают, какое отношение этот вопрос может иметь к делу, какой ответ будет целесообразным с их точки зрения, оттягивают время, переспрашивают и т. д.[2]

На данном этапе, актуальными будут такие тактические приемы, которые включают в себя завуалированное получение и кумуляцию информации полученной в ходе допроса.

3) Фокусированный допрос – когда коммуникация строится на основании исключительной тематики, постоянно возвращаясь к интересующим узким вопросам.

Часто при производстве фокусированного допроса необходимо обращаться к таком способу оперировать информацией как рекурсия (Прим. авт. Способность языка порождать вложенные предложения и конструкции). Возвращаясь к интересуемому факту или событию с учетом расширяющихся знаний в конкретном ключе, относительно заранее определенного события или факта. Базовое знание: «Изъяты наркотики», далее в ходе допроса расширяется с учетом рекурсии «изъятые наркотики предназначались для сбыта» --> «Изъятые

[1] Журавлев В.Ф. Указ. соч. С. 41

[2] Кертэс И. Тактика и психологические основы допроса. М., 1965. С. 145.

наркотики предназначенные для сбыта неустановленному лицу А», и так далее.

Данный вид допроса, как правило, весьма успешен на повторных допросах, или в тех следственных ситуациях, когда имеется достаточное количество информация о допрашиваемом лице и подробностях совершенного преступления, что позволить веси допрос поступательно, определенном ключе и исключить в последующем возможность отказа допрашиваемого от данных ранее показаний.

Каждый из этих видов или их комбинаций, могут быть более удачны к применению, а другие не могут быть использованы вообще в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Мы полагаем, что при своевременном и эффективном использовании допроса определенного вида и тактических приемов соответствующих конкретной следственной ситуации и можно значительно повысить эффективность коммуникативных и информативных функций допроса.

Ю.М. Бойцов

Вопросы организации деятельности следственно-оперативной группы и взаимодействия на первоначальном этапе расследования преступлений

В настоящее время за основу криминалистических методик расследования преступлений взято понятие следственной ситуации. В научной литературе большинство учёных определяют следственную ситуацию как совокупность данных, характеризующих обстановку, в которой следователю подлежит действовать. Полагаю, что данный подход положен в основу расследования из-за отграничения следственных действий от оперативно-розыскных мероприятий. Расследование осуществляется на основании УПК РФ, а ОРД на основании ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Несмотря на то, что результаты ОРД, отвечающие требованиям, предъявляемым к доказательствам УПК, как сами по себе, так и в совокупности с другими доказательствами могут быть положены в основу судебного решения[1].

Думается, что следователь действует всегда в определённой оперативной обстановке, в которую входит понятие следственной ситуации. Во времена СССР оперативная обстановка складывалась по периметру государственной границы, а её определение было чётко

[1] Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практ. пособие / под ред. В.М. Лебедева. М., 2009. С. 87.

изложено в Контрразведывательном словаре Высшей Краснознамённой школы КГБ при Совете Министров СССР имени Ф.Э. Дзержинского, изданном в 1972 г.

Оперативная обстановка определялась как совокупность условий, которые прямо или косвенно влияют на процесс борьбы органов государственной безопасности с противником, определяют направление этой борьбы и выбор используемых в ходе её сил, средств и методов. Влияние оперативной обстановки на контрразведывательную деятельность состояло в том, что она либо благоприятствует, либо препятствует ей, вплоть до того, что не даёт возможности начать запланированную деятельность без предварительного изменения сложившихся условий.

Оперативная обстановка включала три основные группы условий: а) деятельность противника (интересы, мотивы и цели деятельности противника, объекты его посягательств и защиты, его силы и средства, используемые им способы и приёмы); б) собственные возможности органов государственной безопасности (имеющиеся в их распоряжении силы и средства, используемые ими способы и приёмы); в) общие для обеих сторон условия общественной и природной среды, которые каждая из сторон учитывает в своей деятельности (лица, поддерживающие контакт с противником, характер этих контактов, правовой режим, настроения, быт и нравы населения, состояние промышленности, транспорта, сельского хозяйства, свойства местности, время года и т.д.).

Изучение оперативной обстановки являлось непременным условием правильного планирования и организации контрразведывательной деятельности. Оно позволяло заранее знать, что прямо или косвенно угрожает интересам Советского государства и каковы те благоприятные обстоятельства, которые могут быть использованы для достижения успеха в борьбе. Особенно большое значение имело при этом получение наиболее полных и объективных данных о противнике.

Полагаю, что этот подход не утратил актуальности в настоящее время и должен быть востребован при расследовании преступлений, так как оперативная обстановка, складывавшаяся во времена СССР на пограничных рубежах, перекочевала в наши населённые пункты.

Практика показывает, что если следственно-оперативная группа прибывает на место происшествия в течение трёх минут после совершения преступления, то розыск преступников положительно завершается в большинстве случаев (до 80%), а если в течение пяти минут – результативность его снижается до 50%. Также доказано, что в крупном областном центре наиболее ценными для раскрытия

преступлений являются первые три часа после совершения преступления[1].

Важной составляющей организации расследования является вопрос взаимодействия следователя с органами дознания. Взаимодействие происходит в двух формах: процессуальной и организационной. Процессуальными формами взаимодействия являются: поручение следователя органу дознания о производстве розыскных и следственных действий в соответствии с ч. 4 ст. 38 УПК РФ; содействие органа дознания следователю в производстве отдельных следственных действий.

Организационная форма взаимодействия следователя и органов дознания вырабатывается практикой и регламентируется ведомственными нормативными актами. Основным организационным способом взаимодействия на практике является планирование. Роль следователя, согласно ст.38 УПК РФ, состоит в том, что он принимает все решения о направлении следствия, намечает производство конкретных следственных действий, разрабатывает вопросы, подлежащие выяснению органами дознания, указывает сроки выполнения намеченных мероприятий. При этом следователь не имеет права вмешиваться в непосредственное определение способов и методов проведения ОРД, а сотрудник органа дознания может высказать своё суждение о тех или иных мероприятиях и тактике их проведения[2].

При таком подходе, то есть разграничении, установленном УПК РФ и ФЗ «Об ОРД», нельзя иметь единый оперативно-поисковый план, выработать единое понятие оперативной обстановки.

Обоснованность, оптимальность и, в конечном счёте, эффективность мер борьбы с преступностью, осуществляемых на любых уровнях и в любых масштабах, напрямую зависит от уровня, качества их информационного обеспечения, которое включает достоверные и, по возможности, исчерпывающие знания о преступности как объекте целенаправленных воздействий со стороны общества, государства, правоохранительных органов, иных субъектов

---

[1] Сорокина Л.О. Криминалистика: учебный курс. М., 2010. С. 281.

[2] Бакин А.А., Кутина В.П., Липский Н.А. Согласованное планирование как обязательное условие успешности взаимодействия оперативно-розыскных подразделений и следователей ОВД при раскрытии и расследовании преступлений: материалы международ. научно-практич. конферен. (15-16.12.2010). Ч. 2. Уголовно-правовое и уголовно-процессуальное реагирование, оперативно-розыскное реагирование, криминалистическое обеспечение и использование криминалистических данных в сфере противодействия наркопреступности. Ленинградская область, 2011. С. 20.

антикриминальной деятельности. Без этого противодействие преступности обречено на действие вслепую, «блуждание в потёмках», подмену реальности виртуальными схемами[1].

Полагаю, что расходы на борьбу с преступностью в России должны оцениваться, исходя из всех видов вреда, причиняемого преступностью, и затрат на борьбу с ней. В США расходы на борьбу с преступностью ежегодно составляют 400 млрд. долларов[2].

Думается, что единый оперативно-поисковый план обеспечит системное управление органами предварительного расследования и дознания, а также последовательное выполнение тактических приёмов. Для реализации этой идеи необходимо осуществить комплекс мер по надлежащему кадровому обеспечению борьбы с преступностью. В первую очередь это повышение уровня профессионализма и подготовки универсальных сотрудников правоохранительных органов, способных решать все служебные и боевые задачи.

Для реализации оперативно-поискового плана важна достоверная исходная информация о преступности. По экспертным оценкам, массив фактической (действительной) преступности в современной России составляет ежегодно от 10 млн. до 25 млн. преступлений[3]. Учёт, осуществляемый правоохранителями России, на порядки искажает истину о преступности. Об этом свидетельствуют самые разные данные. Это, прежде всего, огромная разница в коэффициентах преступности на 100 тыс. населения в России и других странах. Коэффициент преступности в Германии в четыре раза, а в США в два раза выше, чем в России[4]. Таким образом, Россия искусственно поддерживает данные регистрируемой преступности на весьма ограниченном уровне и завышает показатель раскрываемости преступлений.

Ориентируясь при организации расследования на «кривое зеркало учтённой преступности», государство планирует себе проблемы. Думается, что для формирования понятия оперативной обстановки необходимо установить полную картину преступности, способов совершения преступлений, личности современных преступников.

---

[1] Алесеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 83.

[2] Там же. С. 111.

[3] Горяинов К.К., Овчинский В.С., Кодратюк Л.В. Улучшение взаимоотношений граждан и милиции: доступ к правосудию и система выявления, регистрации и учёта преступлений: научный доклад. М., 2001. С. 9-21.

[4] Алесеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. С. 84-85.

Не секрет, что руководство Центрального банка РФ с 90-х гг. выводило валютные резервы из страны. Официальное расследование деятельности Центробанка было приостановлено скандалом по поводу отставки Генерального прокурора Ю.И. Скуратова. В настоящее время расследование крупных экономических преступлений продолжается, как правило, по несколько лет. Такие дела обычно находятся на контроле у руководителей правоохранительных органов. Но, не смотря на это, преступники для «развала» этих дел инициируют серию «кризисов» внутри правоохранительных органов и соответствующих отставок[1]. Правоприменительная практика России сегодня показывает, что преступники более организованы и мобильны, чем правоохранители, при разработке преступных схем они используют пробелы законодательства. Так, Перечнем наркотических средств и психотропных веществ, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 30.06.1998 № 681, ФЗ от 08.01.1998 № 3 «О наркотических средствах и психотропных веществах», специальный контроль аналогов прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ не предусмотрен. Преступник, решивший сколотить состояние на «легальных» наркотиках, ничем не ограничен. В настоящее время директор ФСКН Иванов В.П. и Президент РФ Путин В.В. приняли решение сократить срок на внесение изменений в Перечень наркотических средств и психотропных веществ до 15 суток (ранее на это уходило 30 суток). Полагаю, что такой подход не решит данную проблему по существу, т.к., согласно ст. 10 УК РФ, закон, ухудшающий положение лица, не имеет обратной силы. Не смотря на то, что российский уголовный процесс не принадлежит к англосаксонскому типу, думается, что если источником права в России будет прецедент, это позволит использовать в нашей стране мировой опыт борьбы с преступностью.

На мой взгляд, необходимо выработать единое понимание оперативной обстановки, разработать единый оперативно-поисковый план, довести план до исполнителей в правоохранительных органах, установить контроль за его выполнением, вплоть до установления уголовной ответственности, как это предусмотрено за преступления против военной службы в ст.ст. 340, 341, 342, 343, 344 УК РФ. Для плана важен процесс его доведения до исполнителей. Думается, что формой доведения плана должен быть приказ конкретным правоохранителям, в котором изложены конкретные тактические приёмы его выполнения. Задачей плана должна быть организация

[1] Овчиский А.С., Чеботарёва С.О. Матрица преступности / под ред. В.С. Овчинского. М., 2006. С. 83-96, 98.

равномерной, ритмичной, взаимосвязанной работы всех правоохранительных органов. Работа плана должна обеспечиваться боевым расчётом сил и средств, исходя из оперативной обстановки в зонах ответственности правоохранительных органов. План должен решать одну задачу – не допустить безнаказанное совершение правонарушения.

П.В. Бондаренко

Псевдоцветные преобразования изображения почеркового объекта в matlab

Решение экспертных задач в отношении кратких записей и подписей представляет большую трудность при производстве почерковедческих экспертиз, поскольку в таких объектах, как правило, система свойств почерка пишущего проявляется не полностью. Для преодоления дефицита почерковой информации разработан ряд методов, позволяющих более детально изучать структурно-геометрические и нажимные характеристики движений пишущего. В частности, мною было проведено экспериментальное исследование и на его основе разработаны методические рекомендации по исследованию нажимных характеристик по распределению плотности красящего вещества в штрихах подписей с помощью персонального компьютера, оснащённого сканером[1].

Глаз человека отличает лишь относительно малое число оттенков серого тона, поэтому для того, чтобы сделать малые колебания яркости изображения более заметными и различимыми для глаза и для выделения важных областей на полутоновых изображениях, было предложено раскрашивать участки штрихов каждой градации тона определённым цветом. При этом окрашенность штрихов исследуемых объектов измеряется количественно (по числу градаций тона) и может сравниваться качественно (по цвету соответствующих участков). Результаты сравнения оцениваются на качественном уровне. Сам метод исследования распределения красящего вещества в преобразованных цветах занимает промежуточное положение между качественным микроскопическим исследованием и количественным измерением интенсивности окрашенности штриха. Цветовой контраст между участками штриха различной плотности позволяет более объективно выделять и сравнивать эти участки на изображениях

[1]Бондаренко П.В. Исследование нажимных характеристик неподлинных подписей. Саратов, 2007.

исследуемой подписи и образцов методом визуального сопоставления.

Реализация метода средствами графического редактора Adobe Photoshop позволяла относительно просто проводить исследование, однако имела и недостатки. Во-первых, «раскраска» осуществлялась в несколько этапов, фактически в полуавтоматическом режиме. Во-вторых, сами преобразования выглядели произвольными, как бы нарушался принцип определённости. Adobe Photoshop позволяет сохранять историю операций, осуществляемых во время обработки изображения, однако и она при решении данной задачи выглядела громоздкой, мало кто из экспертов прикладывал её к заключению эксперта.

С 2011 г. экспертами Главного управления криминалистики Следственного комитета Российской Федерации ряд задач стал решаться с помощью программирования в среде MATLAB, включающей средства обработки изображений. Широко применяемые в технике псевдоцветные преобразования реализованы здесь одной функцией grayslice, при этом оттенки серого цвета легко могут быть окрашены с помощью задаваемой экспертом карты цветов[1].

Программа, с помощью которой изображение почеркового объекта может быть преобразовано для экспертного исследования распределения плотности красящего вещества, составляет несколько строк:

```
% чтение изображения почеркового объекта;
f = imread (‘file.tif’);
% преобразование в формат серого цвета с 256 градация яркости;
fg = rgb2gray (f);
% выделение необходимого числа оттенков;
fp = grayslice (fg, 4);
% определение карты цветов (красный, синий, зелёный, белый);
map = [1,0,0; 0,0,1; 0,1,0; 1,1,1];
% раскрашивание изображения почеркового объекта;
fn = ind2rgb (fp, map);
% вывод преобразованного изображения;
fn = imwrite (‘file_n.tif’);
```

Таким образом, реализация метода исследования распределения плотности красящего вещества в штрихах подписей в преобразованных цветах в среде MATLAB не имеет названных выше недостатков. Преобразование осуществляется в автоматическом режиме с соблюдением принципа определённости.

[1] Гонсалес Р., Вудс Р., Эддинс С. Цифровая обработка изображений в среде MATLAB. М.: Техносфера, 2006. С. 241.

Д.А. Бражников
О.Н. Ходасевич

Основные элементы криминалистической характеристики кражи сельскохозяйственных животных

Сельскохозяйственные животные всегда являлись главным средством существования людей. Именно поэтому самые жестокие меры наказания применялись, прежде всего, к скотокрадам. Скотокрадство это один из самых старых видов преступлений в истории человечества.

Борьба с кражами скота не потеряла свою актуальность и в наши дни, поскольку этот вид преступной деятельности причиняет значительный материальный ущерб. Проведенный анализ исследований различных авторов свидетельствуют о том, что деяния указанного вида отнесены к «сельским» преступлениям[1].

Данные о лицах, совершающих кражи: включают общую характеристику преступника, занимающегося кражами скота:

- основная масса краж совершается мужчинами, на долю женщин здесь приходится в среднем около 5% преступлений;
- возрастной состав преступников: 3% краж совершается лицами в возрасте до 18 лет; 35% – в возрасте от 18 до 30 лет; 62% – от 30 до 50 лет;
- несовершеннолетние, как правило, участвуют в кражах в группе со взрослыми;
- большинство преступников имеют начальное образование, на момент совершения кражи нигде не работали и не учились, а если работали, то на неквалифицированных работах;
- подавляющее число преступников являются местными жителями, по роду своей работы, имеющие непосредственное отношение к содержанию, обслуживанию и обеспечению охраны животных;
- большая часть краж совершается в группе: 50% из них – в составе 2-3 соучастников, знакомых по месту жительства, работы или имеющих родственные связи.

Формирование таких групп можно назвать чаще всего ситуативным, по достижении преступного результата они распадались, похитив, как правило, несколько животных. Оставшаяся часть преступных групп чаще всего включает трех и более участников. Такие группы устойчивы, достаточно организованны, обладают

[1] Голощапов М.С., Тямкин А.В., Худяков Ю.М. Предупреждение и раскрыие краж скота.: учебное пособие. М., 1993. С. 13-16.

криминальным опытом и действуют квалифицированно, с обеспечением мест сбыта похищенного, или совершая кражи по заказу. Их преступная деятельность носит серийный характер, похищается при этом значительное количество животных.

В уголовном праве выделяют три основных формы образования криминальных объединений: преступная группа, преступная организация и преступное сообщество. Такая градация обусловлена их численным составом, степенью устойчивости и организованности, целями и задачами, которые они преследуют, а также другими особенностями.

Данные о способах формирования преступных групп. Анализ деятельности преступных групп в сфере краж сельскохозяйственных животных позволяет подразделить их в соответствии со способами формирования:

- большинство из них возникает на основе личных знакомств и района совместного проживания, без учета национальной принадлежности участников, и характеризуется достаточной степенью устойчивости и сплоченности;

- объединение участников происходит на основе преступных интересов:

- подобные формирования, как правило, немногочисленны, их участники не имеют близких личностных отношений, преступная деятельность их непродолжительна, активна, носит целевой характер, то есть, направлена на подготовку и совершение одного-двух конкретных преступлений.

- объединение участников по этнической принадлежности, а в некоторых случаях и на религиозной основе. Такие группы, как правило, многочисленны, сплоченны, устойчивы и наиболее активны.

Традиционно значительную часть краж скота, особенно лошадей, совершали лица цыганской национальности, которые в период миграции похищали животных для личных нужд, на продажу и др. Скотокрадство как криминальная «специализация» характерно для отдельной этнической группы цыган, называемых «русские цыгане». За последнее время криминальный интерес этой категории лиц приобрел другую преступную направленность, и в связи с этим доля их участия в кражах скота несколько снизилась.

Доля ранее судимых за совершение краж скота в числе осужденных за аналогичные преступления составляет в среднем половину от общего числа преступников, которые и составляют организующую основу преступных групп.

Наряду со знанием характеристики личности преступников, необходимым условием успешной борьбы с кражами является

осведомленность оперативных сотрудников об этапах их подготовки и совершения, что позволяет не только успешно выявлять причины и условия, способствующие совершению краж скота, но и вырабатывать необходимые меры по их устранению, целенаправленно формировать агентурный аппарат и успешно использовать его в предупреждении и раскрытии преступлений.

Нетипичность объекта преступного посягательства определяет и обусловливает ряд особенностей, присущих процессу подготовки и совершения преступления. Можно выделить три основных этапа преступных действий: подготовительный этап, завладение похищенным имуществом и использование похищенного.

Данные о подготовке к совершению краж включают сведения о действиях преступников, направленных на подготовку к совершению преступления:

- приискание объекта преступных посягательств, обеспечивающего необходимые требования и качество (крупнорогатый скот, лошади, свиньи, овцы, их состояние и упитанность);

- подбор соучастников или пособников из числа местных жителей, работающих в животноводстве, знающих обстановку на выбранном объекте, маршруты и места выпаса животных и др.;

- выбор способа завладения животными (на перегоне, перевозке транспортными средствам);

- приискание автомобилей, специально оборудованных для перевозки скота, подбор и подготовка технических средств для проникновения в помещения и воздействия на животных (монтировки, ломы, топоры, веревки, кнуты, упряжки, корм, мешки, сыпучие вещества и т.д.);

- выработка маршрута перегона животных, мест дневных стоянок;

- выбор места временного содержания, кормления или убоя (частный двор, участок местности, заброшенные или пустующие строения);

- выбор места содержания животных, определение количества похищаемых животных, изучение обстановки в месте содержания животных, состояния охраны, освещения, ограждений;

- выбор способа и орудий забоя, разделки туши;

- поиск места сбыта краденого живым весом (заготовители, частные лица, убойные цеха), мяса в тушах (рынки, коммерческие магазины, колбасные цеха) или места длительного хранения мясопродуктов (продовольственные базы, холодильники и т.д.);

- обеспечение необходимыми сопроводительными документами (справки санэпидстанций, товаротранспортные накладные, путевые листы и т.д.).

Данные о способах совершения краж включают непосредственные действия преступников, направленные на завладение похищенным:

- отбивание и отгон от стада необходимого количества голов животных и перегон их в подготовленное место для убоя, длительного содержания или погрузки в транспортное средство;

- преодоление преград, запоров и освобождение пути перегона животных из помещения для загрузки, убоя и др.;

- убой животных и разделка туш в заранее подготовленном или подобранном месте;

- транспортировка животных или туш к месту их содержания, сбыта или хранения.

Данные о действиях преступников, направленных на использование похищенного:

- сбыт похищенных животных в живом виде (частным лицам, заготовителям, в убойные цеха, на мясокомбинаты);

- сбыт мяса в тушах (на рынки, торгово-закупочные предприятия, оптовые коммерческие фирмы и т.д.);

- сбыт мяса самими преступниками (на стихийных рынках, с автомашин в жилых массивах, в кругу знакомых, использование для личных нужд);

- сбыт животных и мяса на территории приграничных государств.

Выделение перечисленных этапов совершения краж скота и определение их содержания позволяют органам внутренних дел эффективно осуществлять деятельность, направленную на выявление лиц, замышляющих, подготавливающих или совершивших преступления этого вида.

Данные о способах совершения краж. Осведомленность сотрудников о способах совершения краж скота, а также умение выявлять и контролировать каналы и места сбыта похищенного – являются важнейшими условиями успешной работы аппаратов уголовного розыска.

Выбор способа совершения преступлений определяется, прежде всего, целями, которые преследуют преступники при совершении краж. А выбор преступниками способа совершения краж обусловлен формами содержания животных. В специальной литературе выделяются две основных формы: первая – пастбищного или отгонного содержания, вторая – стойлового или стационарного содержания[1]. На практике часто используется сочетание обеих

[1] Старков А.А., Моисеев Б.Л. Справочник по промышленному животноводству. М., 1976; Основы животноводства: учебное пособие для сельскохозяйственных заведений. М., 1981.

перечисленных форм, поэтому следует выделить и смешанную форму содержания животных.

Изучение практики борьбы со скотокрадством позволяет выделить основные способы совершения краж, которые в большой мере и определяют направления деятельности оперативных работников по их раскрытию, расследованию, розыску преступников и установлению места нахождения похищенного.

Первый способ: кражи животных совершаются при перегоне стада, отары или табуна с мест стойлового содержания на места летнего выпаса. Эти маршруты обычно заранее известны, так как используются ежегодно. Данный способ, как правило, применяется местными жителями, проживающими вблизи указанных маршрутов. Они отбивают от стада 1-2 животных, перегоняют их в места содержания или убоя для использования в личных целях.

Второй способ: кражи животных в местах постоянного выпаса поголовья, занимающего достаточно большие территории. Преступник или преступная группа предварительно определяют состояние и режим охраны стада, а затем отбивают от стада, табуна или отары животных, отгоняют или перевозят их к месту забоя, сбыта или содержания. Данный способ используется преступниками или преступными группами при целевых, заранее подготовленных, заказных кражах большого количества животных. При этом может использоваться огнестрельное оружие для забоя животных, нейтрализации охранных собак и других целей.

Третий способ: кражи скота с мест стойлового (фермы, кошары, загоны, сараи и т.д.) содержания. Преступник или преступная группа перед совершением кражи изучают состояние и режим охраны, систему запоров и ограждений, возможные пути подъезда и отъезда от объекта, направления выгона животных. В этом случае похищается большое количество голов животных, используются транспортные средства, орудия взлома, огнестрельное или холодное оружие. Как правило, в подготовке и совершении кражи здесь принимают участие местные жители, бывшие сотрудники сельскохозяйственного предприятия или лица, работающие в настоящее время на данном объекте.

Данный способ совершения преступления часто используется при инсценировке краж работниками предприятия для сокрытия недостачи поголовья перед плановыми ревизиями или контрольными пересчетами животных, недостача может образоваться в результате присвоения скота материально ответственными лицами, значительного падежа, несвоевременно выявленной кражи, или разбредания животных при отсутствии надлежащей охраны и ограждений.

Данные о месте и времени совершения краж. Практика показывает, что даже в одном районе, но на разных территориях характеристика краж может значительно отличаться. В местности, где интенсивно используется стойловое содержание скота, преобладают одни способы краж, при отгонном содержании животных – другие. Около двух третей краж при этом приходится на скот, принадлежащий хозяйствам, одна треть на домашний скот, находящийся в индивидуальном владении, что обусловлено главным образом степенью обеспечения охраны животных.

В дневное время кражи совершаются чаще всего с мест выпаса, а в ночное – с мест стойлового содержания. Независимо от места содержания животных и региона, наибольшая преступная активность приходится на осенне-зимний период. Это объясняется началом массового забоя скота, благоприятными условиями хранения мясопродуктов, резким повышением спроса на них населения.

Для перевозки похищенных крупных домашних животных преступники используют специально оборудованный или предназначенный для этих целей автотранспорт, находящийся в личном или служебном пользовании. Это определяет высокую степень мобильности скотокрадов, позволяет перевозить животных на значительные расстояния, в другие регионы России и республики ближнего зарубежья. По статистическим данным Министерства внутренних дел России установлено, что перевозку скота или мяса осуществляют родственники или знакомые в 20% случаев, и только в 5% случаях используется угнанный транспорт[1].

Конокрадство по-прежнему остается традиционным преступлением среди «русских цыган». Существуют некоторые особенности их криминальной деятельности:

- животные похищаются ими, как правило, с целью сбыта лошадей лицам, потребляющим в пищу конину (казахи, киргизы, калмыки и т.д.);

- кражи совершаются в любое время года, но в зависимости от сезона имеют свои особенности;

- обычно цыгане не совершают краж в той местности, где живут;

- в летнее время лошадей чаще всего похищают с пастбищ, а в зимнее – с мест стойлового содержания в первой половине ночи, чтобы иметь время отогнать животных как можно дальше от места совершения преступления;

[1] Обзор о состоянии борьбы с кражами скота на территории России за 2009 г. М., 2010.

- кражи обычно совершаются вооруженной группой в составе трех-четырех человек.

Отогнав лошадей в ночное время как можно дальше от места кражи, цыгане дают отдых животным в лесных массивах, а сами располагаются на почтительном расстоянии от них, одновременно ведя наблюдение за животными. В случае обнаружения животных поисковой группой такая тактика позволяет цыганам скрыться незаметно. Если все прошло благополучно, то в ночное время перегон лошадей к месту их сбыта продолжается. Лошадей перегоняют обычно по известным маршрутам (тропам) и в соответствии с определенным графиком движения. Одни и те же маршруты используются многократно.

В некоторых случаях цыгане используют приемы изменения масти, отметин или некоторых внешних особенностей животных. Например, кусок холста или рогожи, смоченный в горячем молоке, прикладывают к крупу лошади. На месте ожога появляется белая шерсть, отметина. Распаривая рога коровы горячими отрубями, цыгане изменяют направление изгиба рогов или их конфигурацию. При перевозке животных используются приемы, заставляющие животных молчать в пути следования. Например, лошадям туго натягивают узду, коровам и свиньям надевают на головы торбу с сыпучими веществами (крупа, мука и т.д.).

Использование цыганами традиционных способов совершения краж скота и многократное использование для его перегона известных органам внутренних дел маршрутов позволяет оперативным работникам с достаточной долей достоверности прогнозировать поведение преступников. А это, в свою очередь, дает возможность предварительно определять местонахождение похищенных животных, преступников и принимать необходимые меры по их задержанию.

З.И. Брижак
С.Н. Волочай

Криминалистическая характеристика остается основой методик расследования отдельных видов и групп преступлений

Криминалистическая характеристика преступлений как научная категория претерпела в своем развитии периоды практически повсеместного признания и использования, а также времена, когда ее предлагали вообще исключить из числа понятий, используемых в науке. При этом и в первом и во втором случае инициатива принадлежала ученым, чьи имена давно связаны с фундаментальными

исследованиями в криминалистике. Достаточно сказать, что в 1984 г. был опубликован сборник научных работ, посвященных проблемам криминалистической характеристики, где пожелали высказаться такие, как Р.С. Белкин, А.Н. Васильев, В.В. Клочков, А.Н. Колесниченко, И.Ф. Крылов, Н.П. Яблоков и другие известные криминалисты[1]. А в 2001 г. вышла в свет книга Р.С. Белкина, где он назвал данную категорию «фантомом криминалистики», чем по-существу, как считают некоторые, подписал ей приговор[2].

Тем не менее, и сейчас есть немало ученых, считающих понятие криминалистической характеристики преступлений чрезвычайно важным в теоретическом плане и имеющем большую практическую значимость. Думаем, что такая точка зрения заслуживает внимания, а исследования в этой области должны быть более обширными и основательными, потому что именно поверхностное изучение проблемы создало отрицательное отношение к названной выше категории. В период 80-х – 90-х гг. XX в. было защищено большое количество научных работ, посвященных методике расследования отдельных видов преступлений, которые в обязательном порядке имели разделы о криминалистической характеристике данных видов преступлений. Однако эти характеристики на практике оказывались мало пригодными для разработки и использования методик. Очень часто авторы такого рода работ не указывали, почему в ходе своих исследований они изучали то или иное количество уголовных дел определенной категории или других практических материалов, почему посчитали это количество достаточным для формулирования своих выводов. Более того, практически никто не сообщал какими методами пользовался для получения выводов. Таким образом, в лучшем случае, криминалистические характеристики представляли собой описание наиболее типичных способов совершения преступлений, обстановки, орудий, используемых преступниками, данных о личности потерпевших и т.д. Самое главное, что характеризует криминалистическую характеристику – наиболее значимые взаимосвязи ее элементов – не указывались. И не могли указываться, поскольку не исследовались. Большинство, как правило, либо излишне перегружены информацией, либо чересчур кратки, а в целом – неконструктивны, что означает следующее:

1) выделенные элементы в криминалистической характеристике отдельного вида преступлений не всегда существенны, а те которые

[1] Криминалистическая характеристика преступлений: сборник научных трудов. М., 1984.
[2] Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. С. 223.

необходимы, на которых можно выстроить модель преступления, отсутствуют;

2) не исследуются важнейшие для следственной работы корреляционные связи и зависимости между элементами криминалистических характеристик, не устанавливается частота встречаемости этих связей.

Указанные недостатки не позволяют использовать исследуемую категорию в качестве информационного средства методики, а между тем, уже были положительные результаты такого использования. Достаточно вспомнить опыт таких ученых, как Л.Г. Видонов и Г.А. Густов[1].

Каким же образом должна реализовываться модель того или иного вида преступлений? На сегодняшний день ответ на данный вопрос есть – через систему типичных следственных версий, следующих из указанных характеристик, а затем путем использования структуры базовой методики расследования, включающей в себя проверочный этап, версионный этап (этап формирования и разработки версий), этап планирования проверки версий и этап реализации.

Таким образом, есть основа для разработки эффективных методик расследования. Более того, многие методики уже существуют. Необходимо только постоянно обновлять их с учетом изменяющихся взаимосвязей в моделях преступлений, сделав этот процесс постоянным. Имея подлинно научные криминалистические характеристики отдельных видов (групп) преступлений и базовые методики расследования, можно уйти от количественных критериев оценки эффективности работы следователей и всемерно способствовать повышению их профессиональной квалификации, вооружая их действительно обоснованными алгоритмами деятельности на различных этапах предварительного расследования.

---

[1] Видонов Л.Г., Видонов В.Л. К вопросу о криминалистической характеристике преступлений и закономерных связях между ее элементами // Криминалистическая характеристика преступлений: сборник науч. трудов. М., 1984. С. 95; Густов Г.А. Обнаружение способа должностного хищения в сложной ситуации (факторный анализ). Л., 1985. С. 90-93.

Л.В. Брусницын

«Дополнительные» и «подготовительные» меры следователя по обеспечению безопасности участников уголовного процесса

Одно из условий раскрытия преступления – обеспечение безопасности тех, кто помогает изобличить преступника. УПК РФ содержит ряд норм, специально предназначенных для этого: участие свидетеля, потерпевшего в уголовном судопроизводстве (далее – УСП) под псевдонимом (ч. 9 ст. 166 УПК), опознание в условиях, когда опознаваемый не видит опознающего (ч. 8 ст. 193 УПК), и ряд других мер[1]. Защите участников УСП от угроз преступников и иных форм посткриминального воздействия способствует использование и норм УПК, которые, не будучи специально предназначенными для предотвращения указанного воздействия (далее – ПВ), тем не менее, могут служить этой цели. Условно их можно назвать «дополнительными» – условно, т.к. их применение возможно не только в дополнение к вышеуказанным мерам безопасности, но и без таковых – если этих норм достаточно для предотвращения ПВ. Учитывая допустимый объем публикации, приведем лишь одну из таких норм:

Указание в протоколе следственного действия только фамилии, имени и отчества его участника, что возможно на основании п. 3 ч. 3 ст. 166 УПК, где установлено: адрес и другие данные о личности участников следственных действий указываются лишь в необходимых случаях. Если участник УСП, биографические данные которого в протоколе следственного действия были приведены в усеченном объеме, подлежит вызову в судебное заседание, его место жительства следует указывать не в приложении к обвинительному заключению (в составляемом в соответствии с ч. 4 ст. 220 УПК списке вызываемых в суд) и не в обвинительном акте, а в отдельной справке, не относящейся к материалам уголовного дела и потому не подлежащей предъявлению участникам УСП при их ознакомлении с делом в порядке ст. 216 и 217 УПК. Указанная справка направляется прокурору и в суд вместе с уголовным делом. Данные о месте жительства, работе, учебе защищаемого лица могут быть сохранены в тайне от других лиц и в дальнейшем – в ходе судебного производства по делу, поскольку ч. 2

[1] О некоторых аспектах их применения см.: Брусницын Л.В. Применение норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного процесса (в стадии предварительного расследования) // Актуальные проблемы применения норм уголовно-процессуального права при расследовании преступлений: материалы Международ. научно-практич. конферен. (26.10.2012). М., 2012. С. 50-59.

ст. 278 УПК обязывает председательствующего перед допросом установить личность свидетеля и потерпевшего, а также отношение свидетеля к подсудимому и потерпевшему, но не место жительства допрашиваемого и иные сведения о нем.

Помимо «дополнительных» мер безопасности возможно применение приемов, на первый взгляд, противоречащих УПК, но только на первый взгляд. Один из них:

Невручение обвиняемому приложения к обвинительному заключению – списка лиц, вызываемых в суд, а при окончании предварительного расследования в форме дознания – неознакомление обвиняемого и защитника с обвинительным актом в части, содержащей сведения о месте жительства лиц, вызываемых в суд. Эта мера не была предусмотрена УПК РСФСР, не указана она и в УПК. Тем не менее, еще в 1996 г. при исследовании законности и обоснованности судебных решений по конкретному уголовному делу Президиум Верховного Суда РФ признал ее допустимость в российском УСП на том основании, что эта мера безопасности соответствует нормам международного права и российским конституционным нормам, указав, что применение данной меры безопасности, наряду с удалением подсудимого из зала судебного заседания на время допросов потерпевших и свидетелей, содействовало получению от них правдивых показаний[1].

Осуществляя предварительное следствие, нельзя забывать и о возможностях, предоставляемых следователю Федеральным законом от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»[2], в частности, для решения следующей проблемы: подозреваемые (обвиняемые), изобличившие соучастников либо иных лиц в совершении преступлений, и изобличенные лица могут содержаться в одних и тех же местах содержания под стражей. Кроме того, угроза ПВ в этих местах исходит не только лиц, изобличенных в преступных деяниях в ходе производства по данному уголовному делу, но и от иных лиц - носителей криминальной (тюремной) субкультуры, которая запрещает сотрудничество со следственными органами. В УПК эта проблема не учтена. Она учтена в названном Законе, согласно п. 1 ч. 2 ст. 14 которого лицо, подлежащее защите, и лицо, от которого исходит угроза ПВ, при их задержании и заключении под стражу направляются в разные места содержания под стражей. Соответственно в протоколах задержания следует указывать конкретные (разные) места их

[1] Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 2. С. 9-11.
[2] Собрание законодательства РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.

содержания под стражей. О необходимости содержания вышеуказанных лиц под стражей в разных СИЗО следует указывать и в постановлениях о возбуждении перед судом ходатайства о применении к подозреваемым (обвиняемым) меры пресечения в виде заключения под стражу.

Далее речь пойдет о «подготовительных», если можно так выразиться, действиях следователя, которые позволят в дальнейшем - в ходе судебного следствия предотвратить ПВ посредством такой меры безопасности, как замещение допроса в суде защищаемого свидетеля (потерпевшего) оглашением показаний, данных им в стадии предварительного расследования.

«Подготовительные» действия заключаются в предоставлении следователем обвиняемому в ходе предварительного расследования возможности реализовать право, предусмотренное подпунктом «d» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, который гласит: «Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права: … d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены…» (далее – конвенциальное право)[1].

В ряде случаев это право обвиняемый реализует в ходе очных ставок с лицами, «показывающими против него», проведенных потому, что показания участников УСП были противоречивы и без какого-либо расчета со стороны следователя, что проведение очных ставок к тому же в будущем даст суду возможность заместить допрос свидетелей, потерпевших оглашением их показаний, данных в ходе предварительного следствия. Но, согласно ч. 1 ст. 192 УПК, проведение очной ставки – право, а не обязанность следователя, и он может не проводить ее, полагая, например, что потерпевший или свидетель (далее для краткости будем упоминать только свидетеля) из страха перед обвиняемым на очной ставке откажется от своих показаний. В этом случае свои сомнения в правдивости показаний свидетеля следователь может устранить посредством проведения других следственных действий – проверки показаний на месте, следственного эксперимента и проч., после чего завершит следствие составлением обвинительного заключения и направит дело прокурору, а тот, согласившись с обвинительным заключением, направит дело в суд.

При проведении предварительного следствия по такому «сценарию» обвиняемый лишается – на этом этапе УСП – возможности осуществить конвенциальное право. Упрекать в этом

[1] Собрание законодательства РФ. 1998. № 20. Ст. 2143.

следователя нельзя, т.к. реализацию данного права Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) не связывает именно со стадией предварительного расследования – возможность реализации права обвиняемому (подсудимому) может быть предоставлена и в ходе судебного следствия. Но дело в том, что свидетели и потерпевшие нередко уклоняются от явки в суд из-за боязни ПВ со стороны подсудимого, его родственников и знакомых в помещении суда и на подходах к нему. В этих случаях события развиваются по одному из двух вариантов: вопреки ч. 1 ст. 281 УПК суд оглашает показания неявившегося свидетеля без согласия на то стороны защиты[1] или, ввиду отсутствия ее согласия на оглашение показаний, разрешает дело без их учета. Возникающие при этом вопросы: о нарушении судом норм УПК, обеспечивающих непосредственность исследования доказательств, равенство сторон и право обвиняемого на защиту – при первом варианте; при втором – отражены ли в итоговом судебном решении действительные обстоятельства деяния, ставшего предметом исследования в суде?

Предотвращение указанных негативных последствий в значительной мере зависит от следователя. Чтобы объяснить это, вернемся к предварительному расследованию, в ходе которого следователь по причине боязни свидетелей обвиняемого отказался от проведения очных ставок[2] либо они не проводились, т.к. в показаниях участников УСП не было противоречий. При этом обратим внимание: формулировка подпункта «d» п. 3 ст. 6 Конвенции такова, что обязывает разъяснить обвиняемому конвенциальное право независимо от того, имеются ли в показаниях обвиняемого и иных лиц противоречия. Учитывая это, следователь при предъявлении в соответствии с ч. 1 ст. 217 УПК стороне защиты уголовного дела для

---

[1] Согласия на оглашение показаний стороны не достигают вследствие противоположности их интересов в УСП.

[2] Если же очные ставки проведены, и в ходе них следователь предоставил обвиняемому задать вопросу «противникам», значит, обвиняемым было реализовано конвенциальное право. При этом в очных ставках должен принять участие защитник – данное условие обусловлено решением ЕСПЧ в деле «Мельников против Российской Федерации» 2010 г. (Жалоба № 23610/03). Проведение очных ставок с указанными условиями позволит суду заместить допрос неявившегося свидетеля оглашением его показаний, данных в ходе предварительного расследования, причем без согласия сторон. В УПК нет указания на возможность этого, но такая возможность вытекает из решений ЕСПЧ. См., в частности: § 51 решения в деле «Вожигов против Российской Федерации», 2007 г. (Жалоба № 5953/02); § 33 решения в деле «Трофимов против Российской Федерации», 2008 г. (Жалоба № 1111/02) // СПС «КонсультантПлюс».

ознакомления, может (подчеркиваем: не обязан, но может[1]) разъяснить обвиняемому конвенциальное право независимо от причины, по которой очные ставки не проводились.

Варианты ответных действий стороны защиты: первый вариант – она заявляет ходатайство о допросе лиц, которые, выражаясь языком Конвенции, «показывают против» обвиняемого. Следователь должен удовлетворить такое ходатайство, но, учитывая боязнь свидетеля давать показания в присутствии обвиняемого, не за счет проведения между ними очной ставки, а посредством альтернативных ей процессуальных действий. Они заключаются в следующем: вопросы свидетелю сторона защиты формулирует в ходатайстве об осуществлении конвенциального права, следователь дополнительно – по этим вопросам – допрашивает свидетеля и предъявляет протокол допроса стороне защиты для ознакомления. Такая замена очной ставки допустима, поскольку ЕСПЧ, обращая внимание на неотъемлемое право обвиняемого задавать вопросы тем, кто свидетельствует против него[2], в то же время в решении по делу «С.Н. против Швеции» (2002 г.) указал: «нельзя считать, что подпункт «d» пункта 3 Статьи 6 Конвенции требует во всех случаях, чтобы вопросы (потерпевшему – Л.Б.) задавались непосредственно обвиняемым или его адвокатом»[3].

Удовлетворение ходатайства стороны защиты о реализации конвенциального права в ряде случаев потребует продления срока предварительного следствия, но это меньшая проблема, нежели та, что возникнет в суде при неявке свидетеля, допросить которого сторона защиты была лишена возможности в ходе досудебного производства.

Второй вариант действий стороны защиты: она отказывается от осуществления конвенциального права. Данное обстоятельство не аннулирует тот факт, что ей была предоставлена соответствующая возможность, поэтому, как и при первом варианте действий указанной стороны, суд будет вправе без ее согласия заместить допрос неявившегося в судебное заседание лица оглашением его показаний, данных в стадии предварительного расследования.

Зафиксировать то, что в ходе досудебного производства стороне защиты была предоставлена возможность реализовать конвенциальное право, следует в протоколе, составляемом по результатам выполнения требований ст. 217 УПК, следующим образом: «Обвиняемому разъяснено, что в соответствии с подпунктом «d» п. 3 ст. 6 «Конвенции

---

[1] Поскольку, напомним, реализацию данного права Конвенция не связывает только с досудебным производством по делу.

[2] Решение ЕСПЧ в деле «Кракси против Италии» (2002 г.) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. М., 2003. № 5. С. 25–27.

[3] Бюллетень Европейского Суда по правам человека. М., 2003. № 1. С. 34.

о защите прав человека и основных свобод» он вправе допрашивать показывающих против него свидетелей и потерпевших или иметь право на то, чтобы эти лица были допрошены. Обвиняемому разъяснено также, что это право осуществляется, по усмотрению следователя, посредством проведения очной ставки между обвиняемым и указанными лицами либо посредством допросов следователем указных лиц по вопросам, сформулированным обвиняемым, последующим предъявлением протоколов допросов обвиняемому».

О.С. Бутенко

Некоторые вопросы применения сферической панорамы как способа фиксации обстановки места происшествия

Сегодня цифровая фотография является неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Обладая многими преимуществами перед традиционными методами аналоговой фотографии, она практически вытеснила ее изо всех областей применения, за исключением, пожалуй, художественной фотографии. Результатом цифровой сьемки является изображение в виде массива цифровых данных – файла. Данное изображение уже подготовлено для дальнейшей обработки на компьютере или на иной цифровой технике[1]. Это в совокупности с доступностью цифровых фотоаппаратов и цветных струйных и лазерных принтеров обеспечило успех цифровой фотографии. В тоже время, приемы и методы, разработанные в судебной фотографии, для цифровой фотосъемки остаются такими же, как для обычной аналоговой фотографии, без каких – либо существенных изменений, хотя некоторые приемы судебной фотографии, ранее не пользовавшиеся широкой популярностью с приходом цифровой фотографии обретают новые возможности и области применения[2].

Одним из таких методов, получившим свежий импульс для развития является создание сферических панорам и виртуальных туров на их основе. Результатом такой фотосъемки является виртуальная модель места происшествия очень высокой степени детализации, по которой можно фактически путешествовать, вовлекая зрителя в осмотр места происшествия. Виртуальные туры позволяют осмотреть место происшествия любой конфигурации и масштаба, увеличивать

[1] Лэнгфорд М. Библия фотографии. М., 2009

[2] Малюка А.А. Цифровое изображение как объект судебной фототехнической экспертизы // Актуальные проблемы российского права. М., 2010, № 2 (15). С. 432.

изображение предметов, осматривать их с разных сторон, видеть обстановку места происшествия практически находясь в нем и т.д.

Технически способ создания сферических панорам достаточно прост. На месте происшествия делаются снимки цифровой фотокамерой, либо снабженной специальным фотообъективом типа fisheye («Рыбий глаз»), с углом обзора 180°, либо обычным широкоугольным объективом, подходящим для данной фотокамеры. Камера закрепляется специальной панорамной головке штатива, и последовательно делаются сферические панорамные снимки с разных точек места происшествия. Затем цифровые изображения проходят компьютерную обработку с помощью программных средств на основе алгоритмов Panorama tools (Hugin, PTGui или иные), после чего на основе созданных панорам с помощью уже иного программного обеспечения создается виртуальный тур, который может состоять из одной или нескольких панорам, снабженных гиперссылками друг на друга. Поскольку просмотр виртуального тура без компьютера невозможен, в случае создания сферических панорам и виртуальных моделей мест происшествия необходимо прикладывать к протоколу осмотра места происшествия, записанные на любой носитель (обычно CD или DVD диск) файлы виртуального тура и сферической панорамы.

Как отмечает М.А. Медведев, значимость полученной виртуальной модели состоит в том, что она позволяет неоднократно возвращаться к обстановке места происшествия, повторно осматривать, реконструировать ситуации, использовать при производстве экспертиз, при допросах и других следственных действиях. «Демонстрация виртуальной модели места происшествия успешно используется в суде присяжных, где последние наглядно могут увидеть и оценить последствия преступных действий прямо в зале суда»[1].

Сферические панорамы и виртуальное моделирование мест происшествий активно используется в практике деятельности правоохранительных органов зарубежных стран, например США, где были созданы специальные программные комплексы – CSI:360, Crime Scene Virtual Tour и другие, доведенные в настоящее время до уровня самостоятельных коммерческих продуктов[2].

---

[1] Медведев М.А. Применение современной судебной цифровой фотографии и цифровой видеосъемки при расследовании насильственных преступлений, совершаемых военнослужащими Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 3. С. 100

[2] Цомая С.Д. Исторический обзор изменения позиции законодателя на возможности использования научно-технических средств в уголовном процессе // Публичное и частное право. 2011. № 1 (9). С. 190

Как было отмечено, для создания виртуальной модели используются несколько (от 3-х до 74) снимком места происшествия. Данные снимки проходят как минимум двойную компьютерную обработку с использованием специальных алгоритмов, включая компенсацию искажений линзы, блендинг, устранение «призраков» и т.п. Соответственно, впоследствии вполне могут возникнуть вопросы о достоверности полученных виртуальных моделей. В данном случае можно рекомендовать делать в протоколе осмотра места происшествия отметку об используемых программных продуктах для создания сферических панорам и виртуальных турах и вместе с электронными версиями виртуальной модели места происшествия приложить также все снимки, которые послужили исходниками для создания панорамы и виртуального тура. Это действие позволит повторить путь создания данной панорамы и, в случае необходимости, значительно облегчит проведение фототехнической экспертизы данных электронных снимков.

А.В. Бутырская

Исходная информация, как основа для построения версий о создании преступного сообщества (преступной организации)

Раскрытие и расследование создания преступного сообщество (преступной организации) представляет собой сложную динамическую систему процессуальных и не процессуальных действий лица, ведущего расследование, направленную на установление события преступления и его участников. При функционировании этой системы приходится выдвигать следственные версии, принимать решения по управлению расследованием, реализуя их в конкретных действиях и мероприятиях.

Феномен организованности касается не только и не столько совершения конкретных деяний, сколько становления самого преступного формирования, его существования и его криминальной деятельности. Основной причиной, по которой государственными обвинителями или судом исключается из обвинения квалифицирующий признак «организованная группа», оправдываются лица за создание преступного сообщества (преступной организации), является нацеленность оперативных и следственных органов на сбор доказательств по эпизодам конкретной преступной деятельности криминального образования. Как оперативными службами, так и следователями принимаются недостаточные меры к получению и закреплению доказательств о времени и месте создания криминального

образования, действий его лидера, направленных непосредственно на создание этого формирования.

Как правило, отсутствуют доказательства устойчивости, структурированности и стабильности состава, роли организатора в создании преступного сообщества и функциональных обязанностях всех участников, их взаимоотношений и др.

Ученые, изучающие вопросы, связанные с противодействием организованной преступности, обоснованно полагают, что на первоначальном этапе расследования следственные ситуации во многом зависят от того, находилось ли криминальное формирование под оперативным контролем правоохранительных органов или о его существовании стало известно лишь в результате выявления преступлений, совершенных его членами[1].

Немаловажно знать имеются ли у преступной организации любой формы, коррумпированные связи, которые, безусловно, осложнят не только расследования уголовного дела на первоначальном этапе, но и создадут проблемы в ходе всего предварительного следствия и судебного разбирательства.

Как правило, правоохранительные органы редко получают информацию о начальном этапе создания преступного сообщества и не имеют возможности предотвратить это.

В целом информация о создании преступного сообщества (преступной организации) может быть получена из следующих источников.

1. В ходе расследования неочевидных преступлений в результате осуществления оперативно-розыскной деятельности получена информация о причастности к его совершению криминального формирования.

Эта ситуация складывается в условиях информационной неопределенности, её свойственно наличие разноплановой информационной базы, тактический риск, характеризующийся тем, что у следователя среди множества решений нет абсолютно надежного[2]. В связи с этим ряд обстоятельств недостоверен или неизвестен, поэтому у следователя возникает необходимость в выдвижении криминалистических версий, требующих проверки.

---

[1] Куницина А.В. Тактика выявления организаторов преступных групп: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 102; Криминалистика. Методика расследования преступлений новых видов, совершаемых организованными преступными сообществами: учебник / отв. ред. Ю.Г. Корухов. М., 1999. С. 12.

[2] Городилов В.В. Организационные и тактические аспекты расследования преступлений, совершаемых организованными преступными группами: дис… канд. юрид. наук. Ижевск, 2002. С. 126.

С учетом полученных из непроцессуального источника данных следователь может выдвинуть наиболее вероятные типичные версии о характере преступного формирования:

а) преступление совершено группой, не имеющей признаков организованности;

б) преступление совершено организованной преступной группой;

в) преступление совершено преступным сообществом (преступной организацией).

Важную роль в проверки этих версий играет оперативно-розыскная деятельность. Разведывательная деятельность часто превращается в серию мероприятий и операций в течение длительного периода, информация в основном получается из негласных источников. Сотрудникам оперативных служб по делам о преступлениях рассматриваемого вида принципиально важно обеспечить должную полноту, достоверность и возможную детализацию собранной информации, оценку её с точки зрения уголовно-процессуальной перспективы и своевременную передачу следственным органам для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 210 УК РФ.

Нельзя не согласиться с мнением Н.П. Яблокова[1] о том, что субъекты оперативно-розыскной деятельности не должны накапливать собранную информацию лишь «для себя», они обязаны заботиться о том, чтобы полученная ими информация могла быть своевременно использована в формировании доказательственной базы. С этой целью особое внимание должно быть уделено документированию результатов оперативно-розыскной деятельности. При документировании факта создания преступного сообщества (преступной организации) должна быть отражена следующая информация: данные об организаторе, руководителях преступного сообщества; мотивы и цель создания; место и время создания; подготовительные мероприятия, как законные, так и незаконные; способы создания преступного сообщества и объем планируемой или уже осуществляемой преступной деятельности, базовая криминальная направленность; способы сокрытия этой деятельности (в частности, легальная деятельность фирм, акционерных обществ, предприятий, с помощью которых прикрывается создание преступного сообщества); методы и механизм управления преступным сообществом; иерархическая структура, численность, количество структурных подразделений; территория планируемой и осуществляемой

[1] Яблоков Н.П. Расследование организованной преступной деятельности. М., 2002. С. 113.

преступной деятельности; источники получения финансовой и иной материальной выгоды организатором; планируемые или осуществляемые формы легализации, связи с легальным бизнесом; наличие коррумпированных связей с правоохранительными органами и государственными чиновниками, формы и методы противодействия правоохранительным органам.

2. Информация о создании преступного сообщества (преступной организации) получена в результате анализа ситуации в различных сферах деятельности, анализа материалов уголовных дел.

Данная ситуация характеризуется тем, что помимо негласной оперативной работы, информация о создании преступного сообщества может быть получена в результате анализа различных направлений хозяйственно-финансовой деятельности коммерческих структур, наркоситуации и др. Криминальная деятельность преступного сообщества продолжается от нескольких месяцев до нескольких лет. Следствием этой деятельности являются нераскрытые преступления, в ряде случаев производство предварительного следствия по которым длительное время приостановлено.

На основе полученной и исследованной исходной инофрмации следователь может выдвинуть следующие версии:

- общая версия: неустановленным лицом создано преступное сообщество (преступная организация);

- частные версии: преступное сообщества создано в анализируемой (или расследуемой) сфере деятельности; преступное сообщество создано в период предшествующий совершению преступлений; вероятное место создания, место совершения наибольшего количества преступлений либо место извлечения наибольшей финансовой выгоды.

После получения общего представления о создании преступного сообщества (преступной организации) следственные и оперативно-розыскные органы должны за счет розыскных и иных методов работы развить систему получения данных для выявления факта создания преступного сообщества и всех преступных акций, совершенных его членами.

В данной ситуации кроме уголовных дел необходимо проанализировать и приобщенные к ним вещественные доказательства с приложениями (например, звуко-, видеозаписями допросов), планы расследования, оперативно-розыскные материалы и оперативную обстановку на момент совершения преступления. Цели анализа этих материалов состоят в исследовании и оценке доказательств, оперативно-розыскных данных, собранных при расследовании, установлении пробелов, ошибок и иных недостатков в расследовании

и возможностей их устранения, в определении конкретных задач дальнейшей работы по делу[1].

Необходимо также тщательно изучить все жалобы, заявления, анонимные письма и другие сообщения граждан и организаций, относящиеся к делу о нераскрытом преступлении (указанные документы вместе с материалами их проверки нередко могут храниться отдельно от уголовного дела).

Результаты анализа целесообразно зафиксировать в записях, памятных заметках, аналитических справках, анкетах, специально разработанных для изучения приостановленных дел о нераскрытых преступлениях, в графических схемах связей лиц, допрашивавшихся по делу, обвинявшихся, подозревавшихся или заподозренных в совершении преступления. Подобные графические схемы были применены по уголовному делу в отношении «Судаковского» преступного сообщества, где по ранее возобновленным делам были допрошены более 80 членов преступного сообщества, чьи связи, а также место в иерархической структуре были изображены в виде схем[2].

При возобновлении производства по приостановленным уголовным делам должны быть максимально использованы процессуальные средства накопления информации: дополнительные допросы свидетелей, подозреваемых, обыски, поручения органу дознания, осмотры документов, назначение экспертиз и др.

3. При проверке правоохранительными органами сообщений, заявлений о совершенном преступлении или явок с повинной получены сведения о создании преступного сообщества (преступной организации).

Сведения о создании преступного сообщества могут быть получены следствием из поступивших сообщений (письменных и устных), заявлений (первичная информация о создании и деятельности «Новокузнецкого» преступного сообщества была получена из заявления жены одного из активных участников сообщества[3]), явок с повинной. Сочетание оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий может ускорить получение положительных результатов. После соответствующей регистрации следователь должен получить объяснение, как от заявителя, так и иных лиц, на которых

---

[1] Лавров В.П. Особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет. М., 1972. С. 16.

[2] Уголовное дело № 02-02\09 // Архив Самарского областного суда. 2009.

[3] Жук О.Д. Проблемы уголовного преследования в досудебном производстве по уголовным делам об организации преступных сообщества (преступных организаций): монография. М., 2004. С. 115-228.

ссылается последний, организовать проверочные мероприятия в зависимости от фактов, изложенных в сообщении, заявлении, явке с повинной. При подтверждении фактов решить вопрос о возбуждении дела.

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что тщательное изучение исходной информации позволит определить задачи и средства их решения, своевременно получить и процессуально закрепить доказательства о создании преступного сообщества (преступной организации).

Н.Б. Вахмянина

Основы предупреждения конфликтных ситуаций в процессе расследования преступлений несовершеннолетних

Профилактика требует меньших затрат сил, средств и времени, но тем не менее предупреждает даже те минимальные деструктивные последствия, которые имеет любой конструктивно разрешенный конфликт[1]. Поэтому профилактика конфликтных ситуаций наиболее значима в современных условиях постоянного роста разнообразных и изощренных методов противодействия криминальной среды правоохранительным органам.

Профилактическая деятельность следователя может включать в себя четыре стадии:

1) анализ и оценка следственной ситуации;

2) прогнозирование возможного возникновения конфликтной ситуации;

3) разработка и осуществление предупредительных мер;

4) анализ результатов профилактической деятельности.

Анализ следственной ситуации проводится с целью определения уровня ее конфликтности (конфликтная ситуация со строгим соперничеством, конфликтная ситуация без строго соперничества, бесконфликтная ситуация), а также направления ее возможного развития. При этом следует учесть, что позитивного результата можно достичь при анализе только достаточного объема информации, отражающей основные элементы следственной ситуации. Неверное восприятие следователем бесконфликтной ситуации как потенциально конфликтной приведет к неверному прогнозированию динамики ее развития и ошибочной тактике проведения профилактических мероприятий.

[1] Анцупов А.С., Шипилов А.И. Конфликтология. М., 2004. С. 432

В профилактических целях необходимо не только выявление с помощью анализа и оценки следственной ситуации многочисленных конфликтогенных факторов, влияющих на развитие конфликтных ситуаций в процессе расследования преступлений несовершеннолетних, но и разработка на их основе прогнозов возможного противодействия расследованию. Такая когнитивная деятельность следователя поможет ему вовремя предугадать действия противостоящей стороны, направленные на развитие конфликта, и применить контрдействия по его предупреждению. Следователь сможет не только сымитировать рассуждения и тем самым разгадать планы другой стороны, но и деформировать их выгодным для себя способом, так как «средства рефлексивного анализа позволяют, вероятно, объективно исследовать поведение индивидуумов»[1].

При решении задач профилактики важную роль играет временной фактор. Чем раньше следователем выявлены противоречия, а также причины, которые могут привести к развитию конфликтных ситуаций, тем меньшие усилия нужно будет приложить для того, чтобы их предупредить или конструктивно разрешить. Как отмечал М.Д. Шаргородский, «будущее необходимо предвидеть для того, чтобы в познанную цепь причин и следствий включиться собственным деянием и повлиять на дальнейший ход событий»[2].

Рефлексивное мышление и управление динамикой следственной ситуации увеличивает стратегическое преимущество следователя, что позволит осуществить воздействие на процесс принятия решения противостоящей стороны. Поэтому прогнозирование – это неотъемлемая часть профилактической деятельности следователя, позволяющая на основе анализа и оценки следственной ситуации своевременно устранить конфликтогенные факторы и предупредить противодействие.

Объектами прогнозирования могут быть:

1) элементы конфликтных ситуаций (участники уголовного судопроизводства; конкретные действия следователя и взаимодействующих с ним сторон (в первую очередь – это сотрудники ПДН, уголовного розыска). Прогнозировать необходимо как действия противостоящей следователю стороны, так и сотрудничающих с ним лиц, а также и собственные действия. При осуществлении совместной и согласованной деятельности, направленной на достижение единой цели – борьбы с преступностью, рефлексивные связи, способность к

[1] Лефевр В.А., Смолян Г.Л. Алгебра конфликта. М., 2007. С.52

[2] Шаргородский М.Д. Прогноз и правовая практика // Правоведение. 1971. № 1. С. 40-41.

имитации рассуждений являются важным фактором, обеспечивающим нормальное функционирование[1] сотрудников системы правоохранительных органов;

2) потенциальные конфликтные ситуации, степень вероятности их возникновения, имитация хода и направления развития; возможные пути нормализации следственной ситуации и ее перехода к бесконфликтной;

3) возможные последствия конфликтной ситуации, как при существующих тенденциях, так и в результате принятия предупредительных мер и т.д. Для принятия следователем конструктивных решений важен не только прогноз возникновения конфликтной ситуации, но и прогноз хода, направления ее развития и возможных последствий.

В криминалистическом аспекте можно выделить два этапа прогнозирования – исследовательский и регулятивный. На первом этапе прогнозирование конфликтной ситуации носит плановый характер и направлено на выявление перспектив развития следственной ситуации на основе анализа существующей информации о фактах, событиях, участниках уголовного судопроизводства. Целью данного этапа является выявление возможности возникновения конфликтной ситуации, определение ее границ и участников. Второй этап прогнозирования заключается в вероятностном определении возможных путей профилактики возникновения и развития конфликтных ситуаций, а также путей, которых следует избегать.

При прогнозировании следственной ситуации следует учитывать, что в ходе предварительного следствия по многоэпизодным уголовным делам о преступлениях, совершенных преступными группами несовершеннолетних, достаточно часто возникают неожиданные конфликтные ситуации. Это обусловлено многогранностью конфликтных ситуаций, возникающих при расследовании этой категории уголовных дел. Как известно, «чем сложнее и многовариантней механизм изменения прогнозируемого явления, тем сложнее дать оценку его будущему состоянию»[2]. Основной причиной многовариантности механизма изменений конфликтных ситуаций по уголовным делам является необходимость проведения значительного количества различных следственных действий с большим количеством участников уголовного процесса при существенном недостатке времени. В такой ситуации количество конфликтогенных факторов

[1] Лефевр В.А., Смолян Г.Л. Указ. раб. С. 50.

[2] Демидов В.Н., Сафиуллин Н.Х. Криминологическое прогнозирование и его значение для профилактики преступлений, осуществляемой органами внутренних дел: учебное пособие. Казань, 2002. С. 15.

может длительное время увеличиваться, и в результате начинает действовать так называемый «накопительный эффект». В данной ситуации наиболее ценным является взаимодействие с оперативными работниками.

При разработке и осуществлении предупредительных мер следователю необходимо стремиться к достижению правомерного поведения сторон, которое «всегда включает в себя два момента: информационный и поведенческий, т.е. осведомленность гражданина о своих юридических правах и обязанностях и представление о законных способах их осуществления»[1]. Поэтому в профилактических целях должен применяться метод разъяснения правильности и объективности принимаемых решений. Такой метод заключается в анализе и разъяснении правовых норм, регулирующих действия следователя относительно несовершеннолетнего преступника, его законного представителя и защитника. Разъяснение прав, обязанностей, а также порядка проведения конкретного следственного действия и целей назначения экспертиз является одной из важных составляющих достижения психологического контакта с несовершеннолетним подозреваемым (обвиняемым) и его законным представителем.

Непонимание между участниками судопроизводства нередко возникает из-за неспособности несовершеннолетнего воспринимать информацию в связи с незнанием юридической терминологии и законов. Чем больше подросток понимает терминологию, применяемую в общении с ним взрослым, тем больше он доверяет такому участнику общения. Доверие является основой психологического контакта с несовершеннолетним преступником. При достаточном психологическом контакте следователю проще выявлять возможные конфликтогенные факторы и своевременно предупреждать потенциальные конфликтные ситуации. Это благоприятно отражается на динамике следственной ситуации и способности следователя ее контролировать. Таким образом, применение в деятельности следователя метода разъяснения правильности и объективности принимаемых решений, является достаточно эффективным способом, позволяющим снизить процент возникновения конфликтных ситуаций, основанных на незнании правовых норм, регламентирующих порядок уголовного судопроизводства, права и обязанности его участников. В этом отношении наибольшее значение имеют нормы закона, содержащие положения о смягчении наказания, назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено в законе и даже освобождении

[1] Бабаев В.К. Правомерное поведение. Правонарушения. / Теория государства и права: учебник / под ред. В.К. Бабаева. М., 1999. С. 484.

от наказания.

В ходе изучения уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, в большинстве случаев одной из причин возникновения конфликтных ситуаций явились следственные упущения и недочеты. Следует отметить, что в материалах уголовных дел зачастую отражаются только тактические ошибки следователя. Вместе с тем некорректность обращения с несовершеннолетними подозреваемыми (обвиняемыми) и другими участниками уголовного процесса, нерешительность, нечеткость требований и другие недостатки, нарушающие психологический контакт, наряду с тактическими ошибками, нередко также являются конфликтогенными факторами. При этом в ходе изучения эмпирического материала выявлен достаточно высокий процент уголовных дел (73,5%)[1], по которым не разрешены конфликтные ситуации в полном объеме. Такая негативная тенденция свидетельствует о необходимости проведения не только внешней профилактики конфликтных ситуаций, но и внутренней профилактики, т.е. самопрофилактики следователя.

Самопрофилактика как отдельный вид профилактики конфликтных ситуаций предполагает сознательную целенаправленную деятельность следователей по преодолению у самих себя деструктивных качеств конфликтности и повышению уровня правого сознания и правовой культуры. Она связана с такими социально психологическими явлениями, как самовоспитание, обучение, самонаблюдение, самоконтроль, самоанализ, самокритика, самосознание и самооценка личности[2], а также с развитием уровня рефлексии. Самоконтроль является по мнению некоторых практических работников следственных органов (6,6% от числа опрошенных)[3], основным способом, позволяющим не только предупреждать, но и разрешать конфликтные ситуации, так как профессионально грамотное поведение препятствует развитию конфликтного поведения субъектов противостоящей стороны.

Анализ результатов профилактической деятельности. Подводя итоги своей профилактической деятельности, следователь должен исследовать средства и методы, которые им применялись, особенности их применения, что позволит оценить их результативность. Исследование такой деятельности, способствует дальнейшему ее совершенствованию путем разработки новых методов профилактики.

---

[1] Вахмянина Н.Б. Предупреждение и разрешение конфликтных ситуаций в процессе расследования преступлений несовершеннолетних: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 89

[2] Худойкина Т.В., Васягина М.Ш. Указ. раб. С. 57

[3] Вахмянина Н.Б. Указ. раб. С. 89

Подводя итог вышесказанному, представляется, что под криминалистической профилактикой конфликтных ситуаций следует понимать специфическую деятельность следователя (дознавателя) по принятию предупредительных мер, осуществляемых на протяжении всего периода расследования, основанную на анализе конкретной следственной ситуации, прогнозировании ее динамики, и направленную на выявление и устранение конфликтогенных факторов.

В заключении хотелось бы отметить, что содержание каждого этапа деятельности следователя, направленной на профилактику конфликтных ситуаций включает в себя более широкий диапазон средств и методов, однако в рамках данной статьи в силу ограниченности её объема рассмотрены основные положения и заострено внимание лишь на втором и третьем этапах.

А.Н. Вдовин

Аспекты производства допроса подозреваемого (обвиняемого) по уголовным делам о незаконном обороте оружия

Наиболее сложным в тактическом плане является допрос подозреваемого (обвиняемого), проведению которого оптимально должны предшествовать осмотр места происшествия, допрос потерпевших и свидетелей, обыск, выемка и другие следственные действия. В результате производства, которых и определяется предмет допроса, формируется план установления необходимо-значимых обстоятельств, подбирается система тактических приемов, направленных на получение исчерпывающей информации от допрашиваемого.

Необходимость повторного допроса подозреваемого или допроса обвиняемого вызвана потребностью подтверждения (опровержения) имеющихся подозрений, восполнения доказательств. Одновременно, дача показаний обвиняемым – это действенное средство защиты от предъявленного обвинения.

Как было указано выше, одним из важных направлений работы по подготовке к допросу является изучение личности подозреваемого, его психофизиологических свойств и индивидуальных особенностей. Определяющее значение для уяснения особенностей личности подозреваемого (обвиняемого) имеют данные, характеризующие лицо, как способное совершить преступление, раскрывающие его поведенческую сторону при совершении преступления и после него.

Такая информация стороной обвинения по делам о незаконном обороте оружия получается посредством:

- ИЦ МВД РФ и использования данных различных других учетов;
- ознакомления с оперативно-розыскными данными;
- допросов других участников судопроизводства;
- изучения процессуальных документов уголовного дела.

Однако, практика расследования уголовных дел о преступлениях о незаконном обороте оружия (в особенности связанных с его применением) свидетельствует о минимальном количестве информации у следователя о личности преступника перед первым допросом. Поэтому необходимо оперативно реагировать на признаки косвенного отношения к обращению допрашиваемого лица с оружием и взрывчатыми веществами (повреждение пальцев или отсутствие их фаланг, шрамы на лице, шее, руках, специфический окрас и запах (пороховой) кожи, волос, одежды).

Получению множества аспектов информации по обстоятельствам преступной деятельности от преступника в ходе допроса помогает составление плана проведения следственного действия. В плане отражаются обстоятельства и вопросы, по которым необходимо получить показания, исходя из предмета доказывания. При этом важен учет грамотной формулировки вопросов и их последовательность, исключающей предположительный ответ или простое согласие с отрицанием.

Тактика допроса подозреваемого (обвиняемого) во многом зависит от сложившейся следственной ситуации, конфликтного и бесконфликтного ее характера. Признательные показания, как правило, даются подозреваемыми в случаях их задержания с поличным, что происходит не часто и обусловлено, как отмечалось выше, спецификой способа совершения преступления.

Однако следует отметить, что признательные показания о совершенном преступлении требуют к себе критического отношения. Установление истинного мотива дачи признательных показаний, а также их тщательная проверка путем сопоставления с уже имеющимися данными, вещественными доказательствами поможет избежать ошибки, выявить самооговор, попытку сокрытия иного преступления.

Допрос подозреваемого (обвиняемого), признающего вину частично либо полностью отрицающего свою вину, ставит перед следователем задачу применения тактических приемов, изобличающих допрашиваемых во лжи. К таким приемам относятся: объяснение бессмысленности занятой позиции, побуждение раскаяться и чистосердечно признаться, разъяснение негативных последствий дачи ложных показаний и благоприятных – признания вины; воздействие на положительные стороны личности преступника; логический анализ

противоречий, доказательств. В ходе допроса допрашиваемых может допустить «проговорки» путем использования специальной оружейной и взрывотехнической терминологией [1].

Согласно ст. 173 УПК РФ после предъявления обвинения обвиняемый должен быть допрошен немедленно, но с соблюдением требований п. 9 ч. 4 ст. 47 и ч. 3 ст. 50 УПК РФ, т.е. с участием защитника с которым обвиняемый вправе иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально, в том числе до первого допроса обвиняемого, без ограничения их числа и продолжительности.

Давать показания – это исключительно право обвиняемого, а не обязанность, т.е. обвиняемый может воспользовавшись ст. 51 Конституции РФ отказаться свидетельствовать против себя.

Если обвиняемый согласился дать показания, то допрос производится в соответствии с правилами, установленными ст. 189 УПК РФ, с выполнением требований, предусмотренных ч. 5 ст. 164 УПК РФ.

Так, согласно ч. 1 ст. 189 УПК РФ, если у следователя возникают сомнения, владеет ли допрашиваемое лицо языком, на котором ведется производство по уголовному делу, то он выясняет, на каком языке допрашиваемое лицо желает давать показания. И в соответствии со ст. 18, 46 и 47 УПК РФ подозреваемому (обвиняемому) предоставляется право делать заявления, давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым они владеют, а также бесплатно пользоваться помощью переводчика в порядке, установленном УПК РФ.

Согласно ст. 166 УПК РФ протокол допроса подписывает допрашиваемый, как и другие участники и следственного действия.

После чего, следователю целесообразно задать обвиняемому уточняющие, детализирующие его показания вопросы. Данные вопросы подлежат занесению в протокол, и обвиняемому предоставляется возможность ответить на них. При этом, следует отметить, что задавать наводящие вопросы закон запрещает.

Тактику допроса подозреваемого (обвиняемого) следователь определяет самостоятельно. При этом нам кажется логичным и целесообразным предоставить обвиняемому возможность изложить все обстоятельства, связанные с обвинением, в виде свободного рассказа, а после чего задать ему необходимые дополнительные вопросы и получить ответы на них.

Форма изложения показаний подозреваемого (обвиняемого) в виде свободного рассказа оптимальна не только для реализации вышеуказанных лиц права на защиту, но и делает маловероятной

возможность психологического (физического) на них воздействия. Что является особенно важным в свете увеличивающейся динамики обвинения лицами, привлекаемыми к уголовной ответственности, в давлении на них со стороны следствия.

Обвиняемых, проходящих по одному и тому же делу, необходимо допрашивать порознь в целях исключения отрицательного влияния одного на другого и влияния на содержание показаний.

Закон не обязывает подозреваемого (обвиняемого) оказывать помощь в расследовании и разрешении дела путем дачи правдивых показаний. Он вправе по личному усмотрению не объяснять свои действия, не отвечать на вопросы, давать неправильные ответы, не подвергаясь уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или за заведомо ложные показания. Право на дачу показаний указанным участником судопроизводства включает в себя и давать их в наиболее удобный момент предварительного расследования.

В учебной, научной процессуальной и криминалистической литературе до настоящего времени в большинстве случаев тактика допроса подозреваемого (обвиняемого) рассматривается с точки зрения психологии общения двух субъектов: следователя и обвиняемого (подозреваемого) [2].

В настоящее время, с учетом действующего уголовно-процессуального законодательства, допрос обвиняемого (подозреваемого) есть общение следователя с допрашиваемым, допрашиваемого со своим защитником, защитника со следователем, т.е. контакт трех людей. И уже на начальном этапе расследования чрезвычайно важно установление коммуникативной связи с защитником, его изучение, выявление его позиции, прогнозирование его поведения, а не только поведения обвиняемого.

То есть нельзя не учитывать, что защитник, имея право задавать вопросы, может в значительной степени повлиять на ход следственного действия и его результаты». Поэтому необходимо особенно тщательно готовиться к такому допросу, предусмотреть позицию, которую займет защитник, чтобы не упустить инициативу и при недобросовестных намерениях защитника не дать ему возможности помешать установлению истины.

Обобщение практики показывает, что в разработке теоретических положений тактики допроса подозреваемого (обвиняемого) именно с участием защитника особенно остро сегодня нуждаются следователи правоохранительных органов.

Участие защитника на начальном этапе расследования делает его активным субъектом уголовно-процессуальной деятельности, повышает объективность уголовного преследования. Среди

практических работников правоохранительных органов довольно распространено представление о том, что защита в уголовном процессе затрудняет, ослабляет борьбу с преступлениями, а во многих случаях защитник активно противодействует установлению истины по делу в целях улучшения положения своего «подопечного» [3].

Однако нельзя не учитывать, что честном и добросовестном «чистоплотном» отношении к своим обязанностям защитник выступает как очень полезный союзник следователя. Он может быть придирчивым, несговорчивым, бескомпромиссно настроенным, но он и опытный союзник, объективно помогающий установлению истины по уголовному делу.

Кроме того, для достижения компромисса между сторонами, имеется целый комплекс тактико-криминалистических средств и способов компромисса, которые, пусть не всегда урегулированы действующим законодательством, но фактически применяются на предварительном расследовании и в суде.

На практике, в целях установления психологического контакта, склонения к даче правдивых показаний, предупреждения умышленного затягивания предварительного расследования, применяются типичные уступки подозреваемым (обвиняемым), на которые идут следователи в интересах расследования конкретных уголовных дел.

1. Уступки, уголовно-правовых последствий (уменьшение объема обвинения, не привлечение близких родственников обвиняемого к уголовной ответственности и др.).

2. Уступки «чисто» процессуального характера (изменение или отмена меры процессуального принуждения, исключение из списка свидетелей подлежащих вызову в суд, обыск, выемка в квартире обвиняемого с участием понятых из числа людей, указанных подследственным, и др.).

3. Уступки непроцессуального характера (предоставление сверх лимита свидания, предоставление возможности обвиняемому позвонить близким, передать им письмо, предоставление возможности обвиняемому по пути в следственный изолятор заехать домой повидать семью, переодеться, принять душ и т.д.).

Указанные варианты частных компромиссов и уступок либо прямо предусмотрены законодательством, либо не запрещены им, не противоречат ему, а потому при соблюдении определенных правовых и этических требований вполне допустимы между стороной защиты и обвинения.

Это означает, в частности, что следователь не только вправе принимать предложения защитника о компромиссе, но и иногда даже

должен инициировать подобные соглашения, создавать для них соответствующие организационные, тактические предпосылки.

Следователь уже на первоначальном, а тем более на последующем этапе расследования вправе не исключать возможность такого компромисса. Он может дать понять стороне защиты, что при неукоснительном соблюдении требования закона он, тем не менее, не против самой возможности прекращения дела, тем самым, стимулируя обвиняемого к бесконфликтному расследованию, раскаянию, добровольному возмещению причиненного вреда.

Правда, весьма опасна и другая крайность, широко проявляющаяся в правоприменительной практике. Недобросовестные следователи порой без достаточных оснований возбуждают уголовное дело, не собирают достаточных доказательств вины и затем понуждают незаконно привлеченных к уголовной ответственности лиц признать вину и согласится на прекращение дела по нереабилитирующему основанию. Подобные «компромиссы» со стороны обвинения не только незаконны, но и преступны (ст. 285, 286 УК РФ).

Итак, знания, опыт, навыки использования законного компромисса, гибкость, контактность и порядочность при заключении сделок, на наш взгляд, являются одним из самых ярких и важных составляющих профессионального мастерства, как следователя, так и адвоката, не менее значимых, чем знания норм материального и процессуального права [4].

Литература

1. Васильев А.Н. Основы следственной тактики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990; Васильев А.Н., Кориева Л.М. Тактика допроса при расследовании преступлений. М., 1970; Шмидт А.А. Тактические основы распознания ложных показаний и изобличение лжесвидетелей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1973.
2. Пашута И.В. Особенности проведения допроса при расследовании преступлений, совершаемых с применением взрывчатых веществ или взрывных устройств // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2012. С 111.
3. Бойко Г. А. Проблемы методики расследования незаконного оборота оружия и боеприпасов (по материалам Северо-Кавказского региона): дис.. канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 175.
4. Гармаев Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве: Иркутск: ИПКПР ГП РФ, 2005. С. 258.
5. Статистический отчет по выявлению незаконного оборота оружия в Сибирском Федеральном округе». Новосибирск, 2011.

О.П. Вдовина

О некоторых особенностях фиксации микрообъектов

Выявленные в ходе осмотра места происшествия микрообъекты и их предполагаемые предметы-носители приобретают значение для дела лишь в том случае, если будут надлежащим образом зафиксированы. Однако, несмотря на то, что фиксация микрообъектов является одной из составляющих общего этапа закрепления хода и результатов следственного действия, применительно к данным объектам она имеет свою специфику.

Главными ее целями являются: 1) закрепление установленных при осмотре фактических данных о признаках и свойствах микрообъекта в связи с элементами обстановки события и 2) закрепление самого микрообъекта на подложке как носителя информации для сохранения материала в том виде, который необходимым для всестороннего и полного исследования.

Примечательно то, что большинство ученых[1] сходится во мнении о необходимости детального описания обнаруженных микрообъектов в протоколе осмотра. Так, теоретики криминалистики отмечают, что в нем последовательно должны быть указаны:

1) признаки предмета-носителя: его месторасположение относительно предметов вещной обстановки, внешний вид, функциональное назначение, отличительные особенности;

2) локализация каждого обнаруженного микрообъекта на предмете-носителе, рисунок, образованный скоплением микрообъектов;

3) характеристика микрообъекта: по возможности вид, агрегатное состояние, цвет, форма (для описания рекомендуется использовать такие термины, как «волокнообразное», «пылеобразное», «в виде опилок», «плоские чешуйки», «бесформенные глыбки», «микрочастицы шарообразной формы»), характер поверхности (матовая, блестящая);

4) технико-криминалистические средства и методы, применяемые при работе с микрообъектами.

Правильная и грамотная протокольная фиксация, максимально полное отражение всех характеристик обнаруженных микрообъектов – залог результативности их экспертного исследования и успешного

[1] Егоров Н.Н. Поиск, обнаружение и предварительное исследование микрообъектов. Хабаровск, 1989. С. 22; Косарев В.Н., Макогон И.В. Тактические алгоритмы работы с микрообъектами в процессе расследования преступлений: учеб. пособие. Волгоград, 2005. С. 38; Осмотр места происшествия: практич. пособие / под ред. А.И. Дворкина. М., 2000. С. 97.

использования полученной информации в доказывании. Однако специфические особенности микрообъектов создают определенные сложности в столь детальном описании их в протоколе. Кроме этого, если слабовидимые микрочастицы, микроследы и микроколичества веществ следователь может обнаружить на предмете-носителе, указав их свойства и признаки, то относительно факта существования невидимых невооруженному глазу микрообъектов он выдвигает лишь предположения. В последнем случае следователь изымает вероятные предметы-носители микрообъектов, описывая их в протоколе осмотра.

Как показывает изучение экспертной и следственной практики, наиболее грубой ошибкой, допускаемой на этапе фиксации, является неправильное обозначение обнаруженного микрообъекта в протоколе следственного действия (данная ошибка была выявлена нами в 22% случаев[1]). Так, не обладая специальными знаниями в области химии, физики, биологии, следователи нередко на месте происшествия визуально не могут определить вид микрообъекта, обнаруженного ими при осмотре (с данным утверждением согласились 70% респондентов[2]). Однако в протоколе следственного действия и в тексте удостоверительных надписей, уведомляющих о содержании упаковки, вместо указания на схожесть внешних признаков выявленного микрообъекта с общеизвестными (например, микрообъект, похожий на микрочастицу ЛКП) следователи, опираясь на свои предположения, четко указывают вид обнаруженного ими микрообъекта. В ходе же исследования представленного на экспертизу материала выясняется, что природа происхождения микрообъекта иная, что впоследствии служит основанием возникновения вопросов допустимости и предположений о возможной фальсификации доказательств.

Самым распространенным недочетом фиксации является нечеткое описание в протоколе следственного действия местоположения обнаруженных микрообъектов (данная ошибка была характерна для 60% изученных нами материалов наблюдательных производств). В большинстве случаев указывается только их предмет-носитель (либо его часть). К примеру, наиболее употребляемыми при составлении протоколов осмотра мест ДТП являются следующие обозначения: «микрочастицы полимерного материала на бампере автомобиля…», «микрочастицы ЛКП с капота ТС…», «микрочастицы волокон на чехле водительского сидения…», «микрочастицы волос на лобовом стекле автомобиля». Очевидно, что такие описания не несут в себе той

[1] Исследованы материалы 100 наблюдательных производств.

[2] Данные получены в ходе проведения анкетирования следователей специализированного отдела по расследованию ДТП.

информации, которая необходима эксперту для всестороннего и полного исследования.

Особые трудности на этапе фиксации микрообъектов возникают и с понятыми, которые в соответствии со ст. 60 УПК РФ привлекаются для удостоверения факта производства, содержания, хода и результатов следственного действия. Связано это с тем обстоятельством, что малые размеры микрообъектов, использование специального оборудования и особых методов обнаружения делают не всегда понятными и доступными для непосредственного восприятия всеми участниками действий, осуществляемых с микрочастицами, микроследами и микроколичествами веществ на месте происшествия.

В целях облегчения процедуры фиксации хода работы с микрообъектами в криминалистической литературе предлагается предъявлять эти особые объекты понятым сразу после их обнаружения, перед изъятием, так как это «за один прием продемонстрирует факт обнаружения микрообъекта, процесс его изъятия и результат упаковки»[1]. При этом для обеспечения наглядности процесса должны быть использованы средства увеличительной техники.

Неоценимую, на наш взгляд, роль в закреплении фактических данных о микрообъектах, обнаруженных при осмотре места происшествия, играет применение дополняющих протокол технических методов фиксации (фото-, видеосъемка, составление графических изображений), которые способствуют получению наглядного материала (о локализации, количестве, форме, образованной скоплениями микрочастиц, координатах, ориентирах месторасположения микрообъектов) и позволяют опровергнуть версии обвиняемого о фальсификации доказательств.

Так, при осмотре места ДТП большое значение имеет фотографическая фиксация участвовавших в нем ТС и всех имеющихся на них следов. Это связано с тем, что ликвидация последствий автокатастрофы, в том числе неправильная буксировка ТС, передача их на хранение владельцам без проведения качественного осмотра, может привести к существенному изменению локализации первоначальных следов или появлению новых. А поскольку необходимая для интерпретации события ДТП информация представлена именно в следах, то, как справедливо заметил К.Д. Поль, «своевременной фотографической фиксации должно придаваться первостепенное значение»[2].

---

[1] Баканова Л.П. Теоретические и практические основы использования микрообъектов в раскрытии и расследовании преступлений. Ташкент, 2005. С. 36.

[2] Поль К.Д. Естественно-научная криминалистика. Опыт применения научно-

Фотосъемка дает возможность запечатлеть место расположения микрообъекта на подложке, его цвет, форму, размер и многие другие характеристики. Однако, учитывая малые размеры микрообъекта и то обстоятельство, что приборов, способных осуществлять крупномасштабную макрофотосъемку или микрофотосъемку в следственной и экспертной практике пока недостаточно, фотографировать отдельно каждый микрослед и микрочастицу довольно сложно. Ввиду этого фотофиксации подлежит предмет-носитель микрообъекта, узловой фотоснимок которого производится в целях запечатления его расположения относительно элементов вещной обстановки, а детальный – в целях отражения местоположения на нем микрообъектов, которое указывается стрелкой, сделанной из подручных материалов.

Большое значение в теории уделяется видеосъемке всего хода работы с микрообъектами[1]. Однако отметим, что в расследовании данная процедура применяется достаточно редко. К примеру, изучение практики расследования дел о ДТП показало, что при осмотрах мест происшествий микровидеосъемка для фиксации микрообъектов не использовалась ни разу.

Не менее важной и ответственной задачей этапа фиксации является закрепление микрообъекта на предмете-носителе в целях защиты от попадания загрязнений, обеспечения максимальной сохранности первоначального его состояния, признаков и локализации. Связано это со специфическим свойством микрообъекта – способностью передавать информацию не только субстанциональными свойствами, но и своим размещением и состоянием.

Самым оптимальным способом фиксации является закрепление микрообъекта путем наложения на зону его обнаружения или предполагаемого места нахождения полиэтиленовой пленки (либо плотных листов белой бумаги), которая оклеивается по периметру липкой лентой (при этом липкий слой не должен соприкасаться с зоной локализации микрообъектов). Под ленту может быть помещена этикетка с номером следа, обозначенного в протоколе.

Несмотря на преимущества данного способа фиксации, изученный нами опыт лаборатории по исследованию микрообъектов

технических средств при расследовании отдельных видов преступлений / под ред. В.Я. Колдина. М., 1985. С. 45.

[1] Аистов И.А. Использование следов биологического происхождения при расследовании преступлений: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 80-81; Попова Т.В. Криминалистические и процессуальные вопросы использования микроследов в доказывании: дис. … канд. юрид. наук. Челябинск. 2005. С. 79-80.

свидетельствует о том, что на практике он почти не применяется. Выборочное исследование материалов 50 наблюдательных экспертных производств показало, что таким образом лишь однажды были закреплены микрочастицы ЛКП на одежде потерпевшего.

Зачастую при осмотрах ТС, ремней безопасности, чехлов водительских сидений, одежды наличие микрообъектов вообще никак не фиксируется, вопрос о присутствии микрочастиц, микрослед и микроколичеств веществ ставится на разрешение экспертам. Если же микрообъекты все же обнаружены, то они не только не закрепляются на предмете-носителе, но и сама подложка изымается не всегда[1]. На исследование представляются лишь вторичные носители микрообъектов (например, липкие пленки, поролоновые губки), что в некоторых случаях (например, когда решение вопроса экспертного задания требует изучения локализации микрочастиц на предмете-носителе) препятствует решению вопросов, интересующих следствие. Своевременная же и грамотная фиксация способствует созданию условий проведения экспертизы на более качественном уровне и как следствие – получению информации, необходимой для расследования преступлений.

В.Б. Вехов
С.А. Ковалев

Проблемы расследования преступлений, связанных с использованием систем дистанционного банковского обслуживания

В период вступления Российской Федерации во Всемирную торговую организацию и активной интеграции экономики страны в мировое хозяйство, совпавшей с процессом глобализации мировой экономической системы, в структуре и динамике преступности в сфере экономики произошли серьезные изменения. В преступных целях стали использоваться самые передовые научные достижения. Одновременно с этим, современное развитие рынка финансовых, в том числе кредитно-банковских услуг в Российской Федерации, характеризуется бурным внедрением новых электронно-цифровых

[1] Анализ наблюдательных экспертных производств показал, что в 38 % случаев вопрос о наличии микрообъектов следователи ставили на разрешение экспертам, при осмотрах мест происшествий ими изымались только предполагаемые предметы-носители микрообъектов, в 16 % случаев обнаруженные при осмотрах мест ДТП микрообъекты изымались вместе с предметом-носителем, в 46% – путем отделения от предмета-носителя.

технологий, в большинстве своем основанных на широком использовании в качестве основного средства для проведения безналичных расчетов пластиковых и виртуальных карт, а также «электронных кошельков». Стремительно расширяется сеть торговых организаций и предприятий сферы услуг, в том числе коммунальных, реализующих свои товары и оказывающих услуги с применением дистанционных технологий. Формируется рынок так называемой «электронной коммерции», состоящий из двух четко выраженных сегментов экономической деятельности: первый – продажа товара торговым предприятием (электронным «онлайновым» магазином) покупателю через компьютерную сеть Интернет по каталогу, выставленному на соответствующем сайте сети (витрине магазина); второй – оказание различного рода платных услуг (информационных, посреднических, по оплате коммунальных услуг, услуг сотовой электросвязи, IP-телефонии, Интернет и др.).

Базовым компонентом всех вышеуказанных технологий является электронная транзакция – электронное сообщение о проведении бухгалтерской операции. При этом следует особо обратить внимание на то обстоятельство, что для совершения большинства операций используются не сами карты и иные средства безналичных расчетов в натуре, а их реквизиты, вводимые в электронный терминал и передаваемые по информационно-телекоммуникационным сетям. По действующему российскому законодательству большинство этих реквизитов являются конфиденциальными, т. е. относятся к различного вида тайны (банковской, коммерческой, служебной, связи) и иной охраняемой законом информации (персональным данным)[1].

По мере развития электронных платежных систем, основанных на применении таких технологий, увеличения числа их пользователей возрастает и количество хищений, совершаемых дистанционным способом. В этих случаях в качестве основных вещественных доказательств по уголовным делам выступают пластиковые карты и иные электронные носители информации, электронные сообщения и документы[2]. При этом особое значение для раскрытия и расследования

---

[1] Персональные данные – любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) / п. 1 ст. 3 Закона РФ от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

[2] О процессуальных особенностях работы с названной категорией доказательств подробнее см.: Вехов В.Б. Электронные доказательства: новеллы уголовно-процессуального законодательства // Актуальные проблемы применения норм уголовно-процессуального права при расследовании преступлений: мат-лы Международ. науч.-практ. конф. (26.10.2012). М., 2012.

преступлений имеет криминалистически значимая компьютерная информация[1], содержащаяся в их реквизитах.

С большим опозданием на 15-20 лет законодатель все-таки отреагировал на «де-факто» существующие преступные посягательства рассматриваемого вида. Федеральным законом от 29.11.2012 № 207-ФЗ была введена уголовная ответственность за следующие деяния:

1) за мошенничество с использованием платежных карт (ст. 159.3 УК РФ), то есть хищение чужого имущества, совершенное с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации;

2) за мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ), то есть хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

До этого момента на практике для квалификации преступлений, связанных с использованием систем дистанционного банковского обслуживания, с определенной долей успеха применялись рекомендации, изложенные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Например, в случаях, когда безвозмездное обращение лицом в свою пользу или в пользу других лиц денежных средств, находящихся на счетах в банках, совершенное с корыстной целью путем обмана или злоупотребления доверием, сопряжено с неправомерным внедрением в чужую информационную систему или с иным неправомерным доступом к охраняемой законом компьютерной информации кредитных учреждений либо с созданием заведомо вредоносных программ для электронно-вычислительных машин, внесением изменений в существующие программы, использованием или распространением вредоносных программ для ЭВМ, содеянное подлежало квалификации по ст. 159 УК РФ, а также, в зависимости от обстоятельств дела, по ст. 272 или 273 УК РФ, если в результате неправомерного доступа к компьютерной информации произошло уничтожение, блокирование, модификация либо

С. 89-94.

[1] Под компьютерной информацией понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи (прим. 1 к ст. 272 УК РФ).

копирование информации, нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети (абз. 4 п. 12).

Продолжая исследование отметим, что в наши дни говорить о серьезности проблемы борьбы с данными преступными посягательствами нет никакого смысла. Актуальность этой темы очевидна. Столь же очевидно и то, что достигнутые на этом фронте отечественными правоохранительными органами успехи явно проигрывают по сравнению с неудачами. Официальная статистика свидетельствует о том, что количество таких преступлений увеличивается ежегодно в несколько раз, а наносимый ими материальный ущерб возрастает в арифметической прогрессии, по сравнению с хищениями, совершенными обычными (традиционными) способами.

В качестве примера можно привести уголовное дело, находившееся в производстве одного из следственных подразделений Главного следственного управления Главного управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, по обвинению Г., который, в декабре 2011 г., имея умысел на совершение тайного хищения денежных средств граждан с принадлежащих им карточных счетов в банковских учреждениях, вступил в преступный сговор с Ж. и И.

Для достижения своего преступного умысла он приобрел в неустановленном месте, осуществив предварительный заказ на одном из зарубежных сайтов компьютерной сети Интернет POS-терминалы – устройства, предназначенные для совершения расчетно-кассовых операций по безналичной оплате товаров и услуг с использованием банковских карт путем дистанционного списания денежных средств с карточных счетов, открытых в банковских учреждениях.

Далее, в функциональную часть данных POS-терминалов он, совместно с Ж., внес изменения, после которых совершать операции по списанию денежных средств с карточных счетов держателей банковских карт с их помощью не представлялось возможным. Однако, при этом они накапливали в своей памяти информацию о ПИН-коде карты и ее номере, которая передавалась на мобильные телефоны Г. с помощью электронного SMS-сообщения.

В дальнейшем, в целях реализации своего преступного умысла, Г., представляясь сотрудником банковской организации, произвел установку модифицированных POS-терминалов в различных торговых предприятиях г. Санкт-Петербурга, не ставя в известность продавцов-кассиров о своих преступных целях, направленных на незаконное получение информации о ПИН-кодах и номерах банковских карт, то

есть информации, составляющей банковскую тайну[1]. Полученные сведения он использовал для изготовления поддельных банковских карт с целью совершения тайного хищения денежных средств с карточных счетов их держателей.

Изготовленные дубликаты банковских карт и ПИН-коды к ним Г. передавал Ж. и И., которые использовали их в различных банкоматах г. Санкт-Петербурга, то есть дистанционно совершали тайное хищение денежных средств со счетов, открытых физическими лицами в различных кредитных организациях.

Анализ следственной и судебной практики по делам о преступлениях выделенного вида свидетельствует о наличии существенной сложности в определении места совершения преступления и, как следствие, определения места производства предварительного расследования. Проблема заключается в том, что в соответствии со ст. 140 Гражданского кодекса РФ платежи на территории РФ осуществляются путем наличных и безналичных расчетов, то есть находящиеся на счетах в банках денежные суммы могут использоваться в качестве платежного средства. Порядок использования электронных средств платежа регулируется Федеральным законом РФ от 27.06.2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», в соответствии с которым:

1) электронные денежные средства – это денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа (п. 18 ст. 3);

2) под электронным средством платежа понимается средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств (п. 19 ст. 3).

[1] Статья 26 Закона РФ от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности».

Из вышеизложенного следует, что с момента зачисления денег на банковский счет лицо получает реальную возможность распоряжаться поступившими денежными средствами по своему усмотрению, например, осуществлять расчеты от своего имени или от имени третьих лиц, не снимая денежных средств со счета, на который они были перечислены в результате мошенничества.

В рассматриваемых нами случаях преступление следует считать оконченным с момента зачисления этих средств на счет лица, которое путем обмана или злоупотребления доверием изъяло денежные средства со счета их законного владельца, либо на счета других лиц, на которые похищенные средства поступили в результате преступных действий виновного.

Основываясь на данных положениях, правоприменитель идет по пути направления заявлений потерпевших, зарегистрированных в КУСП, в регионы, где было совершено снятие со счетов похищенных денежных средств, например, через банкоматы. Указанная практика представляется не совсем верной, так как неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, находящейся в системе «банк-клиент» юридического лица и, как следствие – к расчетному счету может быть произведен с IP-адреса, выделенного абоненту в г. Москве, хищение денежных средств происходит с расчетного счета физического (юридического) лица в г. Санкт-Петербург, а фактическое снятие денежных средств может происходить как на территории других субъектов Российской Федерации, так и за рубежом, например, из банкомата, находящегося на территории Турции.

Таким образом, направление материалов в место, где происходило снятие денежных средств, влечет за собой увеличение периода доследственной проверки, невосполнимую утрату вещественных доказательств и затрудняет доступ граждан к правосудию. В этой ситуации представляется логичным проводить доследственную проверку и принятие решения о возбуждении уголовного дела по месту регистрации сообщения о преступлениях, связанных с системами дистанционного банковского обслуживания.

В последнее время для совершения преступных деяний рассматриваемой категории преступниками все чаще используются так называемые «прокси-серверы» или «анонимайзеры» – специализированные программно-технические средства, позволяющих осуществлять подмену IP-адреса компьютерного устройства, что существенно затрудняет установление его местонахождения, и, как следствие проведение следственных действий, направленных на фиксацию материальных следов преступления. Как правило,

преступниками используются «прокси-сервера», находящиеся на территории стран Азии и Восточной Европы. Несмотря на имеющиеся межгосударственные соглашения о сотрудничестве в борьбе с преступностью, сроки исполнения международных запросов об оказании правовой помощи в некоторых случаях превышают 1 год. Это порождает необоснованное продление сроков предварительного следствия, дает возможность преступникам уничтожить следы своей деятельности и уйти от уголовной ответственности.

Нельзя также не отметить и то обстоятельство, что преступления, связанные с хищением денежных средств с помощью информационно-телекоммуникационных технологий, совершаются, как правило, организованными преступными группами, специализирующимися на данном виде деятельности. Их характеризует сплоченность, устойчивость, распределение ролей. В этой связи, для успешного раскрытия и расследования преступлений на первоначальном этапе необходимо проведение комплекса оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, направленных на выявление всей цепочки посредников, которые осуществляют передачу денежных средств, либо на отслеживание движения титульных знаков по «электронным кошелькам» при проведении транзакций. Одновременно, должны проводиться мероприятия, направленные на установление IP-адресов, с которых производился неправомерный доступ к системе «банк-клиент» юридического лица. В связи с ограниченным сроком хранения вышеуказанной информации на серверах банковских организаций следствию необходимо получить указанные сведения в возможно кратчайшие сроки. При этом необходимо помнить, что, во-первых, запрашиваемая информация составляет банковскую тайну и (или) тайну связи и, во-вторых, находится на электронных носителях. Все это обусловливает особый процессуальный порядок ее получения.

А.Ю. Головин
М.А. Берестнев

Система типовых версий по делам о разбойных нападениях на автодорогах, совершаемых организованными преступными группами

Несмотря на относительно небольшое количество разбойных нападений, совершаемых на автодорогах страны (173 преступления в

2012 г., 155 – 2011 г.[1]), степень общественной опасности и специфика данных преступлений свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования методики раскрытия и расследования подобных деяний, в том числе в части криминалистического обеспечения версионной работы по делу.

Предварительное расследование по делам о разбоях на автодорогах на первоначальном этапе в большинстве случаев ведется в условиях дефицита информации относительно всех обстоятельств совершения конкретных разбойных нападений, лицах, их совершивших. В этой связи трудно переоценить значение творческого подхода следователя, который выражается в различных версиях о неизвестных обстоятельствах преступления, основанных на научно-обобщенной и систематизированной информации о преступных деяниях этого вида (криминалистической характеристике), а также сведениях, полученных в ходе первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Выдвинутые следователем версии являются важным творчески-организационным началом расследования рассматриваемых деяний, средством познания истины.

Учение о криминалистической версии является одним из наиболее разработанных в криминалистической науке[2]. Считаем обоснованным исходить из определения криминалистической версии как логически построенного и основанного на фактических данных, положениях криминалистической науки и обобщениях следственной практики предположительного умозаключения следователя (других субъектов деятельности по раскрытию и расследованию преступлений) о сути исследуемого деяния, об отдельных его обстоятельствах и деталях, направленного на выяснение истинных обстоятельств дела и требующее соответствующей проверки.

В структуре частных методик расследования традиционно предлагается система типовых криминалистических версий, выдвигаемых следователем. В криминалистической литературе под типовой версией понимается «наиболее характерное для данной ситуации с точки зрения соответствующей отрасли научного знания или обобщенной практики судебного исследования (оперативно-розыскной, следственной, судебной, экспертной) предположительное

[1] Официальный сайт МВД РФ. URL: http://mvd.ru.

[2] См. подробно: Арцишевский Г.В. Выдвижение и проверка следственных версий. М., 1978; Белкин Р.С. Очерки криминалистической тактики. Волгоград, 1993; Дубровицкая Л.П., Лузгин И.М. Планирование расследования. М., 1972; Ларин А.М. От следственной версии к истине. М., 1976; Пещак Я. Следственные версии. М., 1976 и др.

объяснение отдельных фактов или события в целом»[1]. Типовые версии имеют большое практическое значение. В основу представлений о типовых версиях положено то обстоятельство, что способ преступления и другие элементы механизма преступления конкретного вида, повторяются в аналогичных ситуациях.

Учитывая особенности и криминалистическую характеристику разбойных нападений на автодорогах, совершаемых организованными преступными группами, считаем возможным предложить следующую систему общих и частных версий применительно к расследованию как отдельных фактов нападений, так и в целом деятельности организованных преступных групп, совершающих рассматриваемые деяния.

В частности, в такой системе можно выделять несколько подсистем типовых версий:

Подсистема 1. Версии по отдельному эпизоду (факту) разбойного нападения.

1. Общие версии:

- на месте обнаружения следов преступления было совершено разбойное нападение;
- имело место разбойное нападение при обстоятельствах, сообщенных заявителем;
- имело место разбойное нападение при иных обстоятельствах (заявитель добросовестно заблуждается или искажает информацию о преступлении по иным причинам);
- имело место иное преступление (кража, грабеж, вымогательство, хулиганство, похищение человека и пр.);
- имела место инсценировка преступления.

2. Частные версии:

- о подготовке к совершению разбойного нападения;
- о способе совершения разбоя;
- о совершении преступления группой (в том числе ОПГ), поведении ее членов до и после нападения, их количестве, особенностях распределения ролей между ними;
- о характере использованного при нападении оружия, следов его применения, иных орудий и средств и следов их использования;
- о реализованном сокрытии следов преступления;
- о непосредственном месте разбойного нападения (участке автодороги), месте сокрытия следов преступления, перегрузки похищенного имущества;

[1] Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика / под ред. Р.С. Белкина. М., 1999. С. 474.

- о времени и обстановке нападения;

- об особенностях поведения потерпевших, очевидцев преступления до, во время и после совершения нападения;

- о характере похищенного в ходе нападения имущества и его местонахождении, маршрутах его перемещения, способах маскировки (переупаковки, переделке, перебивке номеров и т.д.), путях и местах сбыта.

Подсистема 2. Версии о совершении различных эпизодов разбойных нападений на автодорогах вне населенных пунктов одной и той же организованной преступной группой:

1. О территории действия ОПГ:

- на автодорогах в одном районе;

- на одной и той же крупной автодороге (автотрассе федерального или регионального значения);

- на автодорогах одного субъекта федерации;

- на автодорогах нескольких субъектов федерации;

- на автодорогах России и сопредельных государств.

2. О причастности организованной преступной группы (ее членов) к совершению:

- других разбойных нападений или иных преступлений, уже находящихся в производстве территориального (регионального) следственного подразделения;

- других разбойных нападений или иных преступлений, находящихся в производстве в других органах следствия (в том числе в других ведомствах и/или в других регионах);

- других нападений и преступлений, признаки которых пока не были выявлены правоохранительными органами;

- раскрытых разбойных нападений и иных преступлений прошлых лет;

- нераскрытых преступлений прошлых лет.

Подсистема 3. Версии о составе и характере преступной группы, личности организатора, исполнителей и пособников преступлений, а также об их местонахождении:

- о времени и месте создания ОПГ;

- о численности преступной группы, ее «костяка»;

- о ее устойчивости, вооруженности, этнической окраске, целевой направленности преступной деятельности;

- о членах ОПГ, непосредственно участвующих в совершении разбоев, осуществляющих общее руководство, выполняющих «обеспечивающие» функции;

- о личности ее лидера (организатора);

- о местонахождении скрывающихся от следствия членов ОПГ.

Подсистема 4. Версии о сопутствующей разбойным нападениям преступной деятельности:

- о постоянных каналах и местах сбыта похищенного имущества;
- о способах приобретения (приискания, изготовления) оружия, боеприпасов, транспорта, средств связи и т.д.;
- о воздействии на участников расследования в целях противодействия его нормальному ходу, лицах, оказывающих такое воздействия и его последствиях.

Подсистема 5. Версии о наличии пока неустановленных источников доказательственной и иной криминалистически значимой информации:

- о наличии очевидцев и других свидетелей разбойных нападений, иной преступной деятельности ОПГ и их местонахождении;
- о наличии в определенном месте, на теле конкретного лица, его одежде следов преступления;
- о наличии в определенном месте или у определенного лица вещественных доказательств и документов, имеющих значение для расследуемого дела.

Подсистема 6. Версии об обстоятельствах (причинах и условиях), способствовавших совершению преступлений:

- об обстоятельствах, способствовавших созданию и деятельности организованной преступной группы;
- об обстоятельствах, способствовавших совершению серии или отдельных разбойных нападений на автодорогах вне населенных пунктов;
- об обстоятельствах, способствовавших совершению ОПГ иных преступных деяний.

В рамках приведенных подсистем типовых версий может осуществляться выдвижение конкретных версий по делу, моделирование отдельных обстоятельств совершенных нападений, деятельности организованной преступной группы, преступного поведения отдельных ее членов (например, лидера), прогнозирование новых нападений конкретными ОПГ, их места и времени, организации операций по задержанию преступников с поличным.

Н.В. Головко

Тактика производства допроса по уголовным делам о торговле несовершеннолетними

В криминалистической литературе достаточно подробно и всесторонне освещены общие положения тактики производства

следственных действий по различным категориям уголовных дел[1]. В значительной степени она определяется обстоятельствами, которые связаны с механизмом преступной деятельности, а также с конкретными возникающими в ходе раскрытия и расследования преступлений следственными ситуациями. В свою очередь, тактика производства определённого следственного действия обусловлена характером и направленностью задач, разрешаемых должностным лицом, осуществляющим производство по уголовному делу, а также содержанием доказательственной информации, которую предполагается получить в результате выполнения этого следственного действия.

В число средств получения доказательственной информации одно из ведущих мест по своей значимости и распространённости занимают допросы. Специфика проведения данного следственного действия обусловлена уже тем, что допросу подлежит ребёнок, ставший объектом торговли. Например, в целях сексуальной эксплуатации. При этом зачастую он выступает едва ли не единственным источником сведений, содержащих поисковую информацию о преступнике, месте, времени, способе совершения общественно опасного деяния.

Как показала следственная практика, несовершеннолетние-жертвы купли-продажи, находясь в неадекватном психическом состоянии под влиянием пережитых угроз, шантажа, нередко уклоняются от дачи показаний.

В этой связи тактику допроса несовершеннолетнего необходимо избирать с учётом того, что такой потерпевший может опасаться расправы со стороны взрослых преступников. Особенно это обстоятельство актуально в тех случаях, когда расследуются уголовные дела об организованных формах вовлечения подростков в занятие проституцией.

Одним из сдерживающих факторов дачи полных и правдивых показаний выступает то обстоятельство, что несовершеннолетний может находиться в состоянии финансовой и материальной зависимости от заподозренного взрослого, т.к. не имеет постоянного источника дохода, не обеспечен средствами для решения элементарных бытовых вопросов (питание и место жительства); не имеет реальной возможности самостоятельно вернуться домой (если

[1] Агафонов В.В. Расследование преступлений, связанных с торговлей людьми. М., 2008, С. 19; Справочная книга криминалиста / под ред. Н.А. Селиванова. М., 2000. Гл.6; Настольная книга следователя (тактические приемы проведения осмотра места происшествия и допросов при расследовании преступлений различной категории) / под ред. А.И. Дворкина. М., 2006. Разд.1; Справочник следователя (практическая криминалистика). М., 1990. Вып.1.

находится в другом населённом пункте).

Допрос несовершеннолетнего подростка по указанной категории уголовных дел затруднён ещё и тем, что после применённых в отношении него со стороны преступников актов насилия и угроз пострадавший зачастую испытывает недоверие вообще ко всем взрослым, в том числе к сотрудникам правоохранительных органов. В этой связи для нейтрализации такого негативного предубеждения и установления доверительных отношений с ребёнком целесообразно обеспечить участие в допросе психолога или психиатра.

Учитывая изложенное обстоятельство, допрос несовершеннолетних жертв торговли необходимо организовать и производить таким образом и в такой атмосфере (обстановке), при которых они испытывали чувство доверия к следователю и уверенность в собственной безопасности. Достижение психологического контакта с ребёнком может быть обеспечено, в частности, с помощью следующего тактического приёма: потерпевшему предоставляется возможность в свободной форме рассказать о своём происхождении, образе жизни, трудностях и обстоятельствах, вынудивших его заниматься противоправной деятельностью, например, проституцией. Затем в вопросно-ответной форме получить необходимую доказательственную информацию о лицах, которые были причастны к совершению купли-продажи несовершеннолетнего.

Содержание задаваемых при допросе вопросов должно быть направлено на выяснение следующих обстоятельств: где, в течение какого времени и с кем ребёнок проживает; как и при каких обстоятельствах оказался в данной местности; на какие средства существует. При наличии сведений о конкретном заподозренном взрослом, следует поинтересоваться, знает ли ребёнок это лицо, с какого времени, где и при каких обстоятельствах состоялось их знакомство, каков характер их взаимоотношений. В каком месте может находиться этот взрослый в настоящее время.

В разработанных мировым сообществом правовых актах-рекомендациях по защите детей, ставших жертвами преступления торговли несовершеннолетними, большое значение отводится участию в допросе, собеседовании и первичных розыскных и процессуальных действиях специалиста[1]. Эффективность участия специалиста в допросе ребёнка обусловлена тем, что он владеет методами прикладной психологии и способен активизировать память потерпевшего для получения сведений о месте, времени, способе

[1] Руководство по защите детей-жертв торговли людьми. Детский Фонд ООН. ЮНИСЕФ. 2006. URL: htpp://www.unicef.org/ceecis.

совершения преступления, а также о лицах, их совершивших. Данные обстоятельства крайне важны для составления словесного портрета преступника, установления его примет, исследования «почерка» и особенностей преступных действий, розыска и идентификации преступления и использованных транспортных средств и др.

Специалист на основе наблюдения за поведением несовершеннолетнего может составить собственное представление о ребёнке, ставшем жертвой купли-продажи, в частности о его психическом состоянии после пережитого. По данному поводу специалист может быть допрошен в порядке, установленном действующим уголовно-процессуальным законом. В соответствии с ч. 4 ст. 80 УПК РФ в качестве самостоятельного источника доказательств предусмотрены показания специалиста: сведения, сообщённые им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний.

Как показало исследование материалов уголовных дел о торговле несовершеннолетними, первоначальный допрос потерпевших следователи зачастую производят поверхностно и небрежно[1]. Это, в частности, проявляется в том, что задаваемые несовершеннолетнему вопросы недостаточно продуманы с точки зрения получения исчерпывающей доказательственной информации.

В протоколах допросов несовершеннолетних главным образом зафиксированы лишь основные узловые детали совершённого преступления. Между тем, тактика производства такого допроса должна быть выстроена таким образом, чтобы можно было получить от пострадавшего ребёнка максимально подробное изложение сведений, необходимых для раскрытия и расследования преступления.

Представляется, что первичный допрос несовершеннолетних-жертв купли-продажи должны осуществлять только соответствующим образом подготовленные сотрудники правоохранительного органа, которые специализируются по работе с подростками. Кроме того, целесообразно поручить выполнение данного следственного действия должностному лицу того же пола, что и допрашиваемый несовершеннолетний.

Данное правило необходимо закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве, дополнив его соответствующей нормой.

Из тактических и этических соображений допрос несовершеннолетнего-потерпевшего целесообразно не производить по месту его нахождения и в местах, где жертва подвергалась эксплуатации, а также в присутствии взрослых преступников. При

[1] Головко Н.В. Доказывание по уголовным делам о торговле несовершеннолетними: дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. С. 142-156.

наличии возможности, первичный допрос следует отложить до перемещения ребёнка в безопасное охраняемое и пригодное для установления психологического контакта место: временный приют либо помещение по оказанию альтернативной помощи, в центр социальной реабилитации, церковь и т.д., в зависимости от региона.

Как показала судебно-следственная практика, чаще всего на первом этапе расследования фактов торговли несовершеннолетними дети-потерпевшие дают более правдивые показания, а затем родители, законные представители, родственники оказывают на них психическое воздействие (особенно это характерно в случае сексуальной эксплуатации ребёнка). После этого потерпевшие несовершеннолетние меняют свои показания, отказываются от них; начинают утверждать, что никто им не угрожал и не насиловал и т.д. В этой связи, учитывая негативное влияние родственников на несовершеннолетнего потерпевшего, по уголовным делам торговлей несовершеннолетними не рекомендуется привлекать в качестве законных представителей их родителей или родственников.

При наличии конкретных сведений о том, что несовершеннолетнему потерпевшему угрожают убийством, применением насилия либо иными опасными противоправными деяниями, следователь должен принять в отношении пострадавшего ребёнка меры безопасности, предусмотренные действующим законодательством (ч. 3 ст. 11 УПК РФ).

В частности, целесообразно рассмотреть возможность применения мер безопасности, предусмотренных ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241, ч. 5 ст. 278 УПК РФ, а также Федеральным законом от 20.08.2004 № 119-ФЗ (с изм. от 24.07.2007) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству»[1].

При расследовании преступлений указанной категории необходимо учитывать, что несовершеннолетние отличаются повышенной внушаемостью, которая выражается, «с одной стороны, в склонности подростка к неосознаваемому подчинению требованиям других лиц (взрослых, старших по возрасту сверстников) и, с другой, в податливости его постороннему воздействию, благодаря которому подросток сознательно рассказывает не то, что помнит, а то, что ему говорили и хотят от него услышать старшие»[2].

Организация проведения допросов (впрочем, как и всех остальных следственных действий) должна быть такой, чтобы исключался прямой

[1] Собрание законодательства РФ. 2004. № 34. Ст. 3534.
[2] Романов В.В. Юридическая психология. М., 2000. С. 433.

контакт ребёнка-жертвы с подозреваемым (обвиняемым) во время предварительного следствия, а также во время рассмотрения и разрешения уголовного дела в суде.

На основании вышеизложенного представляется целесообразным дополнить диспозицию ст. 280 УПК РФ положением, согласно которому аудио- и видеозаписи показаний ребёнка, полученных в ходе предварительного следствия, могут рассматриваться в качестве самостоятельного уголовно-процессуального доказательства в суде. Соответствующую поправку в уголовно-процессуальный закон необходимо изложить в следующей редакции:

«В целях защиты законных интересов потерпевшего и свидетеля, не достигших восемнадцати лет, по ходатайству сторон, а также по инициативе суда допрос может быть проведен в отсутствие совершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, о чём суд выносит соответствующее постановление или определение. В данном случае в качестве доказательств могут служить аудио- и видеозаписи показаний этого потерпевшего или свидетеля, полученные на предварительном следствии».

Это обстоятельство будет являться надежной гарантией обеспечения того, что несовершеннолетнему не придётся давать показания в присутствии и на виду у подозреваемого (обвиняемого) торговца несовершеннолетними, а также в суде. Одновременно это послужит дополнительным стимулом для несовершеннолетнего-потерпевшего давать правдивые показания на предварительном следствии.

М.Е. Гущев
Е.А. Лушин

О некоторых проблемных вопросах применения законодательства об оперативно-розыскной деятельности в процессе расследования преступлений.

Раскрытие и расследование преступлений в подавляющем большинстве случаев невозможно без использования результатов оперативно-розыскной деятельности, которые играют большую роль в формировании системы доказательств по уголовному делу.

При этом, законодательство указывает на то, что результаты оперативно-розыскной деятельности доказательствами не являются.

Такой вывод следует из анализа положений ст. 74 УПК РФ, в которой отсутствует упоминание «результатов оперативно-розыскной деятельности» в качестве одного из видов доказательств (источников

доказательств).

Конституционный Суд РФ указывает, что результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований названного Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятелдьности» (далее – Закон об ОРД), могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона, т.е. так, как это предписывается ст. 49 (ч. 1) и 50 (ч. 2) Конституции РФ[1].

По мнению Е.А. Доли, результаты ОРД отличаются от доказательств прежде всего по правовому положению их источников. Источником оперативных данных (результатов ОРД) всегда выступает субъект оперативно-розыскной деятельности (например, оперативный работник, сотрудник службы наружного наблюдения). Источником доказательств может быть только лицо, занимающее определенное правовое положение в уголовном процессе. Существенны различия и в способах формирования результатов ОРД и доказательств. Первые формируются в ходе проведения соответствующих ОРМ, вторые – в процессе производства следственных и судебных действий. Результаты ОРД могут быть получены только в присущей им оперативно-розыскной форме, доказательства формируются с помощью уголовно-процессуальной формы. Различаются доказательства и результаты ОРД и по содержанию. Если содержание первых связано только с обстоятельствами, могущими иметь значение для уголовного дела, то содержание вторых (исходя из предмета оперативно-розыскной деятельности) значительно шире[2].

Таким образом, результаты ОРД – это ничто иное как определенная информация, зафиксированная в порядке, определяемом ведомственными приказами и инструкциями органов, сотрудники которых вправе проводить оперативно-розыскные мероприятия. Задача следователя – на базе этой информации или с её помощью сформировать доказательства, предусмотренные ст. 74 УПК РФ, и использовать их в процессе доказывания.

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2012 № 1738-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ракова Евгения Николаевича на нарушение его конституционных прав частями третьей и пятой статьи 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», частью третьей статьи 56 и частью второй статьи 79 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

[2] Доля Е.А. Оперативная информация: происхождение и соотношение с доказательствами // Законность. 2012. № 10. С. 46-51.

В этой связи небезынтересно проанализировать положения ч. 3 ст. 86 УПК РФ, в соответствии с которыми защитник вправе собирать доказательства (выделено автором) путем получения предметов, документов и иных сведений, опроса лиц с их согласия, а также истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии.

Как мы видим, способы добывания доказательств защитником практически идентичны деятельности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность: истребование справок, характеристик, иных документов – наведение справок; опрос лиц с их согласия – опрос; получение предметов, документов и иных сведений – сбор образцов для сравнительного исследования, проверочная закупка, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств.

Представленные защитником доказательства наряду с другими доказательствами по уголовному делу подлежат проверке и оценке в соответствии со ст.ст. 87, 88 УПК РФ.

Учитывая, что результатом действий как защитника, так и органов, осуществляющих ОРД, зачастую могут стать одни и те же сведения или документы, полагаем, что целесообразно было бы считать представленные следователю результаты ОРД доказательствами, подлежащими проверке и оценке в общем порядке, для чего необходимо изменить редакцию ст. 74 УПК РФ. При этом, необходимо также изменить редакцию и п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ согласно которой к недопустимым доказательствам относятся иные доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса. На наш взгляд, к недопустимым доказательствам следовало бы относить иные доказательства, полученные не только с нарушением требований УПК РФ, а также и федеральных законов и иных нормативно-правовых актов. Такая редакция ст. 75 УПК РФ существенно упростила бы вопросы взаимодействия оперативных подразделений органов, осуществляющих ОРД, и следственных подразделений.

Определенный интерес представляет и противоречие между положениями ст. 7 Закона об ОРД и ст. 157 УПК РФ.

Так, согласно ч. 4 ст. 157 УПК РФ после направления уголовного дела руководителю следственного органа орган дознания может производить по нему оперативно-розыскные мероприятия только по поручению следователя.

Одновременно ст. 7 Закона об ОРД в качестве равнозначных оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий

предусмотрены как наличие возбужденного уголовного дела, так и поручения следователя, руководителя следственного органа, органа дознания или определения суда по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, находящимся в их производстве.

Таким образом, в некоторых случаях для производства ОРМ Уголовно-процессуальный кодекс требует совокупности оснований, предусмотренных пп. 1, 3 ч. 1 ст. 7 Закона об ОРД, который, однако, рассматривает каждое из оснований самостоятельным и достаточным.

Результатом несогласованности положений нормативных актов зачастую становится признание доказательств, полученных на основании результатов оперативно-розыскных мероприятий, проведенных в связи с возбужденным уголовным делом, но без поручения следователя, недопустимыми.

Так, в определении от 13.10.2010 № 18-Д10-4 Верховный Суд РФ[1] делает вывод, что «в соответствии со ст. 149, п. 3 ч. 2 ст. 151, ч. 4 ст. 157 УПК РФ (в ред. ФЗ от 8.12.2003 № 161-ФЗ) и п. 3 ч. 1 ст. 7, п. 2 ст. 14 ФЗ от 12.08.1995 № 144-ФЗ Закона об ОРД проведение оперативно-розыскных мероприятий при наличии возбужденного следователем ОВД уголовного дела возможно лишь по поручению следователя, в производстве которого находится конкретное уголовное дело», после чего отменяет обвинительный приговор суда и прекращает дело в отношении лица в части в связи с тем, что ОРМ в отношении него при наличии возбужденного уголовного дела проведены без поручения следователя.

К аналогичным выводам Верховный Суд РФ пришел и в кассационном определении от 15.10.2009 № 47-О09-67[2] – «вместе с тем, на указанный судом период времени (конец декабря 2007 г.) уголовные дела в отношении Я. уже были возбуждены, находились в производстве не органа дознания, а органов следствия, по ним проводилось предварительное расследование, в связи с чем проведение

[1] Определение Верховного Суда РФ от 13.10.2010 № 18-Д10-41. Производство по делу в части осуждения виновного по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ по одному из эпизодов прекращено за непричастностью осужденного к совершению преступления.

[2] Определение Верховного Суда РФ от 15.10.2009 № 47-О09-67. Приговор по делу о получении взятки изменен: действия одного из осужденных переквалифицированы с п. «а» ч. 4 ст. 290 УК РФ на ч. 2 ст. 159 УК РФ, действия второго – с п. «а» ч. 4 ст. 290 УК РФ на ч. 3 ст. 159 УК РФ, им снижено наказание, так как получение виновными вознаграждения путем обмана совершено в тот период времени, когда такие действия не совершались и не могли быть совершены ими самостоятельно, а лишь по поручению следователя.

каких-либо оперативно-розыскных мероприятий было возможно в силу требований ст. 157 ч. 4 УПК РФ лишь по поручению следователя».

Анализируя положения ст.157 УПК РФ и ст. 7 Закона об ОРД, доктор юридических наук, профессор А.И. Алексеев и доктор юридических наук В.С. Овчинский[1] приходят к выводу, что наличие возбужденного уголовного дела в качестве юридического основания проведения ОРМ следует рассматривать применительно к трем типичным ситуациям:

1) в случае нахождения такого дела в производстве органов дознания;

2) в случае неустановления совершившего преступление лица по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя;

3) в случае установления виновного лица по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя.

При этом, в третьем случае указанные авторы считают, что следует признать допустимым и возможным проведение оперативно-розыскных мероприятий в отношении лиц, привлекающихся к уголовной ответственности, без поручения следователя, если оперативные подразделения располагают сведениями об их причастности к другим нераскрытым преступлениям.

Данная позиция находит отражение и в практической деятельности оперативных работников. Они чаще всего добывают оперативно-розыскную информацию, направленную на доказывание факта преступной деятельности, по которому возбуждено уголовное дело на основании поручения следователя, но при этом ведут инициативный поиск подтверждения иных фактов преступной деятельности подозреваемого или обвиняемого, направляя в случае выявления информации рапорт об обнаружении признаков преступления для решения вопроса о возбуждении уголовного дела по новому эпизоду.

В этой связи интересна позиция Конституционного Суда РФ, изложенная в определении от 25.01.2012 № 167-О-О[2].

Конституционный Суд РФ полагает, что согласно Закона об ОРД

---

[1] Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный) / под ред. А.И. Алексеева, В.С. Овчинского. М., 2011.

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 25.01.2012 № 167-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Лункина Вячеслава Владимировича и Лункина Виталия Владимировича на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», пунктом 4 части второй статьи 38, частью первой статьи 86 и статьей 89 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»

каждое из оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий является самостоятельным и применяется независимо от другого, а потому наличие или отсутствие одного из них не отменяет и не исключает другого и не снимает обязанности с органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, при решении определенных этим Федеральным законом ее задач принимать в пределах своих полномочий все необходимые меры по защите конституционных прав и свобод человека и гражданина, собственности, а также по обеспечению безопасности общества и государства.

Недопустимость проведения оперативно-розыскных мероприятий по другим законным основаниям, когда отсутствуют поручения следователя по уголовным делам, находящимся в его производстве, а потому и недопустимость использования результатов таких мероприятий в доказывании по уголовному делу, приводили бы к фактической отмене предусмотренных законом иных оснований для проведения таких мероприятий, блокировали бы реализацию органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, возложенных на них задач по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, в целях защиты конституционно значимых ценностей от преступных посягательств.

Представляется, что указанным определением Конституционный Суд РФ признает возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий по возбужденному уголовному делу и без поручения следователя вне зависимости от каких-либо иных условий.

На наш взгляд, в целях формирования единой практики применения положений УПК РФ и Закона об ОРД, представляется целесообразным изменить положения ч. 4 ст. 157 УПК РФ, исключив из нее указание на возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий по возбужденному уголовному делу только по поручению следователя.

Также, в практической деятельности часто возникает вопрос о том, в скольких экземплярах должно выноситься судебное решение, разрешающее производство оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан, и должно ли указанное постановление представляться следователю для приобщения к материалам уголовного дела.

Так, ст. 12 Закона об ОРД предусматривает, что судебное решение на право проведения оперативно-розыскного мероприятия и материалы, послужившие основанием для принятия такого решения, хранятся только в органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

В то же время п. 13 «Инструкция о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд», утв. совместным приказом МВД РФ, ФСБ РФ, ФСО РФ, ФТС РФ, СВР РФ, ФСИН, ФСКН, МО РФ от 17.04.2007 № 368/185/164/481/32/184/97/147 (далее – Инструкция), содержит норму, прямо противоположную изложенной в ст. 12 Закона об ОРД. В соответствии с выше указанным пунктом Инструкции копия решения суда должна представляться следователю в составе пакета оперативно-служебных материалов.

Конституционный Суд РФ в Определении от 15.07.2008 № 460-О-О однозначно указал, что закрепленное в ч. 3 ст. 12 Закона об ОРД правило согласно которому судебное решение на право проведения оперативно-розыскного мероприятия и материалы, послужившие основанием для его принятия, хранятся только в органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, не означает запрет на приобщение копии такого решения к материалам уголовного дела, в котором в качестве доказательств используются результаты оперативно-розыскной деятельности; более того, результаты оперативно-розыскных мероприятий, проводимых на основании судебных решений, должны представляться следователю или в суд именно вместе с копиями этих судебных решений.

Вместе с тем, вопрос о рассекречивании сведений составляющих государственную тайну при представлении результатов ОРД, в том числе копий решений судов, санкционирующих проведение ОРМ, остается актуальным.

Так как сведения в области оперативно-розыскной деятельности в соответствии со ст. 12 Закона об ОРД и п. 4 ст. 5 Закона РФ от 21.07.1993 № 5485-1 «О государственной тайне» составляют государственную тайну, суд при вынесении решения должен определить степень секретности сведений, содержащихся в постановлении. Ходатайства руководителей органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, на основании которых судьями принимаются решения, также всегда имеют гриф секретности. Соответственно и постановления суда будут иметь определенный гриф, ввиду чего орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, не вправе самостоятельно решить вопрос о рассекречивании документа, автором которого он не является.

Небезынтересно мнение о рассекречивании постановления суда, санкционировавшего проведение ОРМ, изложенное в статье[1] Д.А. Седых и Д.С. Лыженко.

[1] Седых Д.А., Лыженко Д.С. Рассекречивание постановлений суда о

Авторы предлагают три различных варианта решения данной проблемы:

1. В резолютивной части постановления суда в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 12 Закона РФ «О государственной тайне» указывается решение суда о том, что в случае изменения объективных обстоятельств, вследствие которых дальнейшая защита сведений, составляющих государственную тайну, станет нецелесообразной, т.е. в случае принятия решения о рассекречивании факта проведения и результатов оперативно-розыскных мероприятий, постановление суда будет рассекречено.

2. В резолютивной части постановления суд делегирует руководителю органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, полномочия по рассекречиванию постановления суда в случае принятия решения о рассекречивании факта проведения оперативно-розыскного мероприятия.

3. Решение о рассекречивании постановления о проведении оперативно-розыскных мероприятий оформляется отдельным постановлением суда о рассекречивании носителя сведений, составляющих государственную тайну, по обращению органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

Полагаем, что третий из предложенных авторами вариантов наиболее приемлем и отвечает требованиям законодательства об ОРД и государственной тайне.

Первый вариант отвергнут самими авторами ввиду того, что по их мнению законодательством однозначно не решен вопрос о том, является ли вынесение уполномоченным лицом соответствующего постановления о рассекречивании обязательным, либо же вопрос о рассекречивании может быть решен «автоматически» вследствие наступления определенных событий.

Второй же вариант не может быть признан соответствующим закону ввиду того, законодательство о государственной тайне не допускает делегирования полномочий по рассекречиванию документов иным лицам, за исключением случаев делегирования таких полномочий организацией-фондообразователем руководителям государственных архивов Российской Федерации в отношении носителей сведений, составляющих государственную тайну, находящихся на хранении в закрытых фондах этих архивов.

В целом, можно согласиться с авторами статьи, что нормы закона,

---

разрешении проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан // Российский судья. 2011. № 2. С. 19-21.

регламентирующие рассекречивание постановления суда, разрешающие проведение ОРМ, должны быть включены в Закон об ОРД.

Важной проблемой представляется и вопросы ответственности лиц, внедренных в преступную среду.

Частью 4 ст. 16 Закона об ОРД установлено, что при защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, либо лицом, оказывающим ему содействие, совершаемое при правомерном выполнении указанным лицом своего служебного или общественного долга.

Часть 4 ст. 18 Закона об ОРД гласит, что лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, активно способствовавшее раскрытию преступлений, возместившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с законодательством РФ.

При этом, в соответствии со ст. 75 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию преступления, возместило причиненный ущерб или иным образом загладило вред, причиненный в результате преступления, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным, а лицо, совершившее преступление иной категории, освобождается от уголовной ответственности только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса.

Так ст. 210 УК РФ содержит примечание, согласно которому лицо, добровольно прекратившее участие в преступном сообществе (преступной организации) или входящем в него (нее) структурном подразделении либо собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп и активно способствовавшее раскрытию или пресечению этих преступлений, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления.

А.В. Савинский и И.М. Циммерман справедливо полагают, что

норма указанного примечания пригодна для применения в случаях привлечения участников преступных сообществ к конфиденциальному содействию органам, осуществляющим ОРД, в обмен на их освобождение от уголовной ответственности. Однако, очевидно, применение в этом случае примечания к ст. 210 УК РФ возможно лишь относительно преступлений, совершенных указанными лицами до дачи ими согласия на оказание содействия правоохранительным органам. Требовать же от них прекращения участия в преступной деятельности после начала конфиденциального сотрудничества было бы абсурдным: только продолжая состоять в ОПГ, они реально смогут оказывать содействие в борьбе с организованной преступной деятельностью[1].

Кроме того, практическая реализация норм об освобождении от уголовной ответственности, предусмотренных ч. 4 ст. 16 и ч. 4 ст. 18 Закона об ОРД, весьма проблематична. Во-первых, УК РФ не знает института вынужденного причинения вреда правоохраняемым интересам. Во-вторых, логика законодательных норм такова, что освобождение указанных в них лиц от уголовной ответственности предполагает официальное установление факта негласного содействия или принадлежности к органам, осуществляющим ОРД, что становится достоянием всех участников уголовного процесса[2].

Также проблема применения ч. 4 ст. 18 Закона об ОРД заключается и в том, что ни в одной из статей Особенной части УК РФ не назван такой субъект, как сотрудник оперативного подразделения или лицо, оказывающее ему содействие на конфиденциальной основе.

Ряд западных стран, а также некоторые государства СНГ и Балтии предоставляют субъектам оперативного внедрения определенную свободу действий (дискреционные полномочия). Например, в США решен «самый важный в правовом плане вопрос о допустимости совершения внедренным сотрудником правонарушения и освобождение его от уголовной ответственности за эти действия, формально подпадающие под признаки состава преступления»[3]. На основании Инструкции Генерального атторнея по тайным операциям ФБР 1987 г. такого рода действия допускаются и могут быть разрешены в случаях, когда необходимо: получить информацию или доказательства, имеющие первостепенное значение для привлечения подозреваемых к уголовной ответственности; поддержать

[1] Савинский А.В., Циммерман И.М. Юридическое обеспечение оперативного внедрения требует совершенствования // Российский следователь. 2005. № 11.
[2] Железняков Ю.Г. Оперативно-розыскная деятельность: некоторые проблемы правового регулирования // Российский следователь. 2007. № 23.
[3] Смирнов М.П. Комментарии оперативно-розыскного законодательства РФ и зарубежных стран: учеб. пособие. М., 2002. С. 211-212.

достоверность «легенды» в глазах лиц, деятельность которых расследуется; предупредить опасность для жизни или здоровья людей или избежать этой опасности.

Мы согласны с учеными которые считают, что при всей сложности законодательной реализации этого опыта в условиях современной России от его использования вряд ли стоит отказываться, поскольку действующие положения Закона «Об ОРД», по оценке некоторых экспертов в значительной степени сковывает разведывательные возможности такого оперативно-розыскного мероприятия, как оперативное внедрение, и оперативно-розыскной деятельности в целом.

А.В. Евтушенко

Акустическое моделирование в качестве средства получения криминалистически значимой информации

В соответствии со сложившейся практикой метод моделирования в криминалистической деятельности используется в тех случаях, когда затруднено, невозможно или нецелесообразно непосредственное познание самого исследуемого объекта (оригинала)[1]. Эксперимент, проводимый в реальности, требует определенных затрат времени, сил и средств. В этом отношении модельный эксперимент, особенно с использованием современных вычислительных средств, выполнить гораздо проще, а результаты исследования с полным основанием могут быть перенесены на реальный объект. Однако применение моделирования целесообразно лишь в строго определенных случаях, когда у следователя или иного субъекта возникает необходимость в получении информации для последующего ее познания и исследования опосредованным путем в процессе расследования.

Например, становится возможным проведение ситуационного анализа, когда объект познания существовал в прошлом и его уже нет полностью на момент расследования (преступное событие, его отдельные обстоятельства, отдельные объекты и др.). Предметом такого анализа, может быть оценка достоверности показаний участников события о восприятии того или иного звукового сигнала, в частности, импульсного характера, что представляет несомненный практический интерес. Другими словами, необходимо определить возможность обнаружения субъектом реального акустического сигнала при заданных (статистических) параметрах шумового фона.

[1] Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. М., 2001.

Основные предпосылки и этапы акустического моделирования указанной задачи сводятся к следующему.

Для практического использования необходимо выбрать такую психоакустическую характеристику, которая бы наилучшим образом отражала субъективное восприятие человеком импульсного шумового сигнала. Как показала практика, наиболее информативным и удобным для использования в этом случае является такой устойчивый признак каждого слухового ощущения, как громкость.

Оценка громкости импульсных шумовых сигналов имеет свою специфику. Ранее нами был разработан и обоснован метод численной оценки уровня громкости импульсных звуковых сигналов[1]. Метод в достаточной мере учитывает спектральные и временные характеристики слуховой системы человека, что позволяет получать расчетные оценки громкости конкретного сигнала, соответствующие его субъективному ощущению.

Имеющиеся данные экспериментальных исследований[2] показывают, что рабочие характеристики обнаружения человеком акустического сигнала на фоне помех приближаются к теоретическим оценкам таковых для технических устройств, реализующих схему энергетического обнаружителя. Отсюда можно заключить, что для решения задачи обнаружения, в первую очередь, необходимо знать амплитудные и спектральные характеристики акустического сигнала в точке его приема и иметь информацию по аналогичным характеристикам окружающих шумов в этом районе.

Пороговое отношение сигнал/шум, называемое в психоакустике «показателем распознавания», определяется с учетом конкретных параметров сигнала и шума. Однако критерии соответствующего порога обнаружения часто определяются нечетко, и порог обнаружения, соответственно, оказывается неустановленным. Тем не менее, на основе теоретических предпосылок и известных характеристик слуховой системы можно сформулировать некоторые критерии, которые могут быть экспериментально проверены для ряда стандартных ситуаций и при необходимости скорректированы. В нашем случае наиболее очевидным является критерий равенства громкости импульсного шумового сигнала и шумового фона в критических полосах слуха: сигнал не воспринимается (не выделяется)

---

[1] Евтушенко А.В., Тихонов А.С. Об оценке громкости импульсного шума на транспорте // Аннотации докладов международного симпозиума «Шум и вибрации на транспорте». СПб., 1992. С. 17; Дубровский Н.А., Евтушенко А.В., Тихонов А.С. Метод расчета громкости импульсных шумов // Тезисы докладов международной конференции «Noise – 93». СПб., 1993. С. 43.

[2] Урик Р.Дж. Основы гидроакустики. Л., 1978.

слуховой системой на фоне шума, если в каждой критической (или третьоктавной) полосе слуха его громкость не превышает громкости фонового шума. Безусловное выполнение данного строгого критерия в ряде случаев может привести к неверной оценке ситуации. Однако можно использовать и более мягкий, нестрогий критерий: интересующий нас сигнал не классифицируется субъектом однозначно на фоне шума, если общая громкость звукового импульсного сигнала не превышает громкости шума.

В ходе акустического моделирования используются расчетные методы, позволяющие провести оценку громкости звукового импульса в точке приема на основе данных об исходных параметрах импульсного звукового сигнала для конкретного источника. Характер изменения спектральных характеристик сигнала при его распространении напрямую связан с состоянием атмосферы, рельефом местности, расположением источника и приемника сигнала и акустическими свойствами подстилающей поверхности[1].

Все это учтено при разработке процедуры вычислений характеристик импульсных звуковых сигналов для различных условий их распространения. В результате удается выполнить расчет распределений громкости в пространстве при заданных параметрах шумового фона и определение границ слышимости импульсного сигнала, т.е. расстояния от источника, начиная с которого сигнал не выделяется слуховой системой на фоне помех.

Возможности компьютерного моделирования процесса обнаружения импульсного звукового сигнала человеком оценены с помощью проведенных натурных экспериментов. В качестве источника импульсного акустического сигнала использовалось стандартное сигнальное устройство для спортивных мероприятий. Измерения выполнены в реальных условиях загородной местности с известными параметрами атмосферы, подстилающей поверхности и помех. Субъективную оценку момента обнаружения акустического сигнала осуществляла группа подготовленных экспертов. Организация эксперимента предусматривала возможность определения расстояния, на котором эксперты переставали реагировать на предъявляемый звуковой сигнал. В результате была определена граница слышимости звукового импульсного сигнала (~2,4 км) для конкретных условий эксперимента.

На рис. 1 представлены результаты расчета слышимости

[1] Красненко Н.П. Дальнее звуковое вещание в атмосфере: проблемы, возможности, результаты // Сборник трудов XX сессии Российского акустического общества. Т.1. М., 2008. С. 139-172.

импульсного звукового сигнала для условий проведенного эксперимента с помощью разработанной вычислительной схемы.

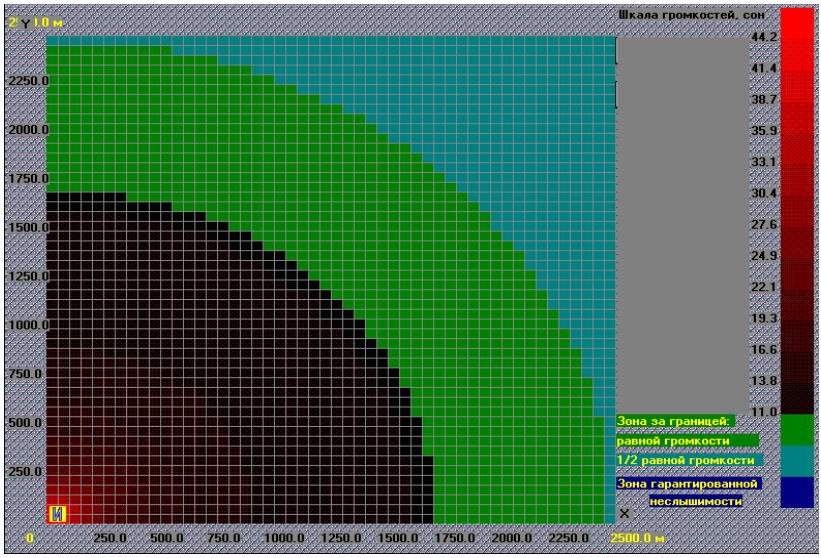


Рис. 1. Зоны слышимости импульсного сигнала

Цветовая маркировка на рисунке отражает значения громкости сигнала (в сонах) в конкретной ячейке расчетной сетки программы.

Можно отметить, что рассчитанное значение границы порога слышимости сигнала достаточно хорошо совпадает с определенной в натурном эксперименте областью, где эксперты теряют способность выделять сигнал на фоне помех (половина равной громкости сигнала и помехи). Среднестатистические данные по фоновой помехе для случая компьютерного моделирования можно взять из соответствующей справочной литературы. В данном примере для большей точности использованы результаты непосредственного измерения третьоктавного спектра окружающего шумового фона в месте расположения экспертов.

На рис. 2 приведены результаты компьютерного моделирования возможности обнаружения импульсного акустического сигнала на открытой местности при наличии препятствия. Рассматривается следующая ситуационная модель.

Источник импульсного сигнала отображается, как и ранее, маркером с буквой «И». Предполагается, что на расстоянии 100 м от точки его размещения находится двухметровый бетонный забор

(вертикальная узкая полоса на рисунке) и непосредственно за ним начинается хвойный лес. Поверхность перед забором со стороны источника сигнала считается покрытой травой.

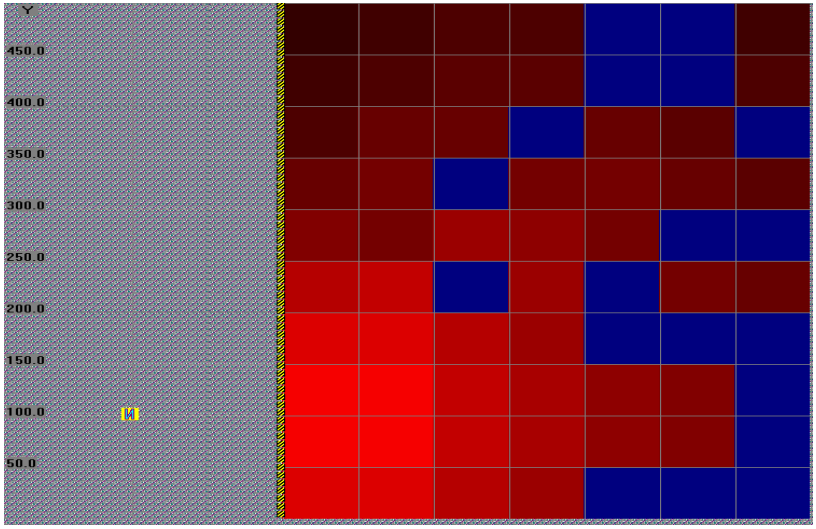


Рис. 2. Зоны слышимости импульсного сигнала

Результаты расчета показывают, что для данной ситуации возможно образование зон, обусловленных, в первую очередь, дифракционными и интерференционными эффектами, где звук от источника практически не будет услышан (синяя маркировка).

Приведенные примеры апробации метода акустического моделирования дают основания рекомендовать его для использования на этапе предварительного следствия в познавательных целях. На основе сделанных выводов, при необходимости, следователь может принять решение о проведении дополнительного следственного эксперимента в реальных условиях.

Описанные выше подходы к вопросам применения акустического моделирования могут быть использованы в ходе изучения курса «Криминалистика», в частности разделов, связанных с использованием специальных знаний в следственной практике.

О.В. Жбанкова

Психофизиологические методики для выявления скрываемой информации

На сегодняшний день психофизиологические исследования с применением полиграфа представляются самым точным методом выявления скрываемой информации. Однако продолжается изучение возможностей других современных технологий, перспективы использования которых по отношению к полиграфу могут развиваться по одному из двух направлений: новые измеряемые психофизиологические показатели могут стать дополнительным каналом информации в рамках стандартной парадигмы применения полиграфа или они могут использоваться как основа альтернативного полиграфу подхода к выявлению лжи.

Когда человек выполняет те или иные когнитивные операции, такие как арифметический счет, чтение или произнесение лжи, у него активируются различные отделы мозга. Повышение активности нейронов сопровождается усилением их метаболизма и увеличением локального кровоснабжения. Для регистрации изменения кровоснабжения различных областей мозга можно использовать технологию ядерного магнитного резонанса. В типичном эксперименте испытуемый, расположенный в трубе магнитометра ЯМР-томографа, выполняет определенные когнитивные задачи. Например, одни изображения можно получать в периоды, когда человек лжет, а другие тогда, когда он говорит правду. После этого два комплекта ЯМР-снимков сравниваются между собой для выявления зон активации в мозге. Ранние ЯМР-исследования показали, что во время лжи усиливается активность в нижней и боковой областях лобной коры, отвечающей за особо сложные процессы переработки информации.

Использовать для определения лжи результаты МРТ обследования предложил Дэниел Лэнглебен из Университета Пенсильвании. Лэнглебен говорит: «Когда вы сознательно лжете, вам приходится одновременно удерживать в мозгах и правду. Значит, разумно предположить, что мозг при этом должен быть более активен». Другими словами, лгать нелегко. Лэнглебен начал проводить эксперименты с участием студентов-добровольцев, которых он просил лгать; вскоре он обнаружил, что ложь рождает усиление мозговой деятельности на нескольких участках мозга, включая переднюю долю (где сосредоточены высшие мыслительные процессы), височную долю и лимбическую систему (где обрабатываются эмоции). В частности, он обратил внимание на необычную активность в передней части поясной

извилины (которая связана с разрешением конфликтов и подавлением ответной реакции). Он утверждает, что в контролируемых экспериментах с целью определить, говорит ли испытуемый правду или лжет (эксперимент состоял в том, что студенты правильно или неправильно называли игральную карту), добился устойчивого успеха вплоть до 99%. Интерес к этой технологии так велик, что основаны уже несколько коммерческих предприятий, предлагающих эту услугу. В 2007 г. одна из компаний под названием «МРТ против лжи» начала работу по первому делу; был обследован человек, который подал в суд на страховую компанию за то, что она обвинила его в преднамеренном поджоге собственного магазинчика. Функциональное МРТ-исследование показало, что он не поджигатель.

М.В. Киреев, А.Д. Коротков, С.В. Медведев (2012) при проведении исследований методом функциональной магнитно–резонансной томографии мозгового обеспечения сознательной лжи показали, что сопоставление данных настоящего ФМРТ–исследования с результатами проведенных ими ранее, в аналогичных условиях, исследований по регистрации вызванных потенциалов указывает на вовлечение мозговой системы детекции ошибок в обеспечение процессов сознательной лжи. Попытки использования изменения биоэлектрической активности головного мозга в ответ на действие различных стимулов, иначе называемое вызванными потенциалами (ВП), предпринимались на протяжении нескольких десятилетий. В 1994 г. журнал «Time Magazine» присвоил титул Изобретателя года Лэрри Фарвэллу за его работу по обнаружению специфических электрических волн головного мозга, связанных с актом лжи. Л. Фарвелл назвал свой метод «мозговой дактиллоскопией», однако в действительности среди ученых все еще продолжаются дебаты в отношении методологии выявления ВП при лжи и разработки соответствующей теории.

В 50-х гг. XX веке в Москве русский ученый Альфред Ярбус проделал важные исследования в области видеоокулографии или айтрекинга. Он показал, что формальная задача, поставленная испытуемому, имеет огромное влияние на результат эксперимента по айтрекингу. Он также писал о взаимосвязи между мотивацией испытуемого и фиксациях его взгляда: «Проведенные исследования… показывают, что характер движения глаз либо совсем независим, либо крайне мало зависим от содержимого зрительного стимула». Серия экспериментов показала, что результат эксперимента зависим не только от визуального стимула, но и от задачи, поставленной испытуемому, а также от информации, которую испытуемый рассчитывает получить из визуального стимула.

Измерение зрачковой реакции не является современным изобретением в психофизиологии. Известно, что расширение зрачка происходит в результате стимуляции симпатической нервной системы или снижения активности парасимпатической нервной системы, то есть имеет в своей основе те же механизмы, которые лежат в основе психофизиологической детекции лжи. Оценка зрачковой реакции используется в целом ряде прикладных направлений, таких как отвыкание от героина, оценка уровня умственной нагрузки или исследование различных аспектов памяти. Ранние исследования показали, что в процессе лжи действительно наблюдаются изменения размера зрачка. В частности было показано, что зрачковая реакция возникает при ответах на все вопросы, относящиеся к преступлению, однако она более выражена при ложных ответах на них. Исследователи из Университета штата Юта США применили данную методику в экспериментах по обнаружению лжи, суть которого заключалась в предъявлении испытуемому на экране монитора ряда вопросов, на которые можно было бы дать истинный либо ложный ответ. Регистрируя когнитивные реакции опрашиваемого, такие как изменение диаметра зрачков, время, затраченное на ответ, и количество перечитываний вопроса, исследователи определили, что ложь требует больше затрат работы мозга, а следовательно, и времени или движений глазами. Например, у человека, который обманывает, возможно, произойдет расширение диаметра зрачков, а также увеличится время для обдумывания и дачи ответа на вопрос.

Метод оценки психоэмоционального состояния человека был реализован с помощью аппаратно-программного комплекса трекинга глаз SMI RED 250. Методика предъявления вопросов была основана на теории классических полиграфных проверок, а также на информации, взятой из патента Дж. Кирхера (2008). Использовалась инфракрасная подсветка глаз, световой блик фиксировался видеокамерами, установленными под экраном монитора компьютера, на котором обследуемому показывались тестовые изображения. До начала основного исследования обследуемый проходил калибровочное тестирование, необходимое для индивидуальной настройки аппарата. Затем проводился основной тест, заключающийся в фокусировке взора на появляющихся объектах. Объекты для фиксации взора предъявлялись в центре экрана монитора. Регистрировались изменение диаметра зрачков, количество саккад, морганий и фиксаций взгляда для каждого глаза. Строились графики изменения диаметра зрачков. Вывод специалиста о скрываемой информации делался после анализа совокупности всех полученных методом инфракрасной видеоокулографии параметров. Были проведены три серии

экспериментов – тест на задуманное число, тест на карточку с вербальным предъявлением вопросов, тест на разыгранную кражу денег. В экспериментах приняли участие 45 человек в возрасте от 18 до 40 лет. Было выявлено, что у скрывающих информацию испытуемых возникает схожий паттерн изменения диаметра зрачков, когда они намеренно ложно отвечают на предъявляемые на экране монитора вопросы. У 80% обследуемых был зарегистрирован комплекс психоэмоциональных реакций, позволяющий выявлять скрываемую информацию при ложных ответах на вопросы. Разработанный метод оценки психоэмоционального состояния человека на основе видеоокулографии позволяет без подключения множества датчиков регистрировать психоэмоциональные и психофизиологические реакции человека с помощью изучения реакций зрачков; анализировать результаты с помощью специально разработанной для этой цели программы.

Полученные экспериментальные указывают на высокую прогностическую значимость метода айтрекинга, о возможном использовании этого метода в криминалистике.

Е.А. Загрядская

Проведение примирительных процедур как мера поощрения позитивного постпреступного поведения несовершеннолетних

Современное российское правосудие по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, является в своей основе карательным, поскольку действует принцип неотвратимости уголовного наказания. Однако государство и общество должны стремиться в достижению необходимого баланса между основанной на законе и требуемой силой уголовной репрессии необходимым гуманизмом по отношению к несовершеннолетнему преступнику посредством реализации правовой идеи о необходимости дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания. Дифференциация и индивидуализация ответственности и наказания не могут рассматриваться в отрыве от принципа справедливости (ст. 6 УК РФ)[1]. Распределяющий аспект справедливости предполагает учет позитивного постпреступного поведения несовершеннолетнего лица, нарушившего уголовно-правовой запрет, и поощрение последнего.

[1] Тарханов И.А. Поощрение позитивного поведения и его реализация в уголовном праве: вопросы теории, нормотворчества и правоприменения. URL: http//law.edu.ru.

Уголовный закон содержит целый ряд уголовно-правовых норм, регламентирующих меры поощрения постпреступного поведения лица, такие как освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшими, освобождение несовершеннолетнего от наказания в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия и другие.

В рамках это работы хотелось бы остановиться на такой мере поощрения постпреступного поведения как освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим.

Статья 76 УК РФ предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности лица впервые совершившего преступление небольшой и средней тяжести в случае примирения обвиняемого с потерпевшим и возмещения последнему ущерба, причиненного преступлением. Принцип неотвратимости наказания в этом случае уступает место урегулированию конфликта между обвиняемым и потерпевшим без использования мер государственного принуждения.

В указанных случаях уголовное судопроизводство рассматривается как конфликт между сторонами (обвиняемым и потерпевшим), контролируемый судом (следователем), а не между государством и обвиняемым. К этой новой тенденции относится и идея восстановительного правосудия, описанная известным американским юристом Х. Зером[1] и уже реализуемая в практике правоохранительных органов многих стран.

Для начала рассмотрим порядок осуществления восстановительного правосудия. Инициатива указанной процедуры может исходить как от дознавателя, следователя, в производстве которых находится уголовное дело, так и от подозреваемого, обвиняемого (их законных представителей), ищущего примирения с потерпевшим. В следственных органах существуют списки лиц, которым могут быть поручены посреднические переговоры между обвиняемым (подозреваемым) и потерпевшим. Посредником может быть педагог, психолог, другой подходящий для этой роли человек, коммуникабельный и умеющий расположить к себе спорящие стороны, вызвать доверие, симпатию, уважение. Посредничество во всех случаях должно быть добровольным. О применении процедуры посредничества дознаватель, следователь выносят постановление. Посредника необходимо ознакомить с материалами уголовного дела. Применение указанной процедуры возможно только по ходатайству или с согласия обеих сторон. Далее начинается деятельность за

[1] Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / под ред. Л.М. Карнозовой. М., 1998.

рамками уголовного судопроизводства. Посредник беседует с обвиняемым (подозреваемым) и потерпевшим отдельно, чтобы выявить их готовность к переговорам и примирению. Он также праве собирать любую необходимую ему информацию у родственников и близких обвиняемого (подозреваемого) и потерпевшего. Беседы с обеими сторонами могут проводится неоднократно, пока не будет достигнуто примирение или пока не станет очевидным что оно не возможно.

Переговоры должны заканчиваться составлением соглашения. Условиями заключения соглашения являются: чистосердечное раскаяние обвиняемого (подозреваемого) и полное признание им своей вины; принесение извинений потерпевшему; согласие потерпевшего на примирение, обязательство обвиняемого (подозреваемого) полностью загладить причиненный вред и возместить ущерб потерпевшему (желательно, чтобы это было сделано при подписании соглашения или в установленный им срок). Соглашение составляется письменно и является процессуальным документом, на основании которого следователь (дознаватель) прекращает уголовное дело. Поскольку следователь (дознаватель) дал согласие на примирительную процедуру соглашение о примирении является для него обязательным. Однако любая из сторон или обе стороны могут отказаться от достигнутого соглашения до утверждения его следователем (дознавателем). Если процедура восстановительного правосудия была нарушена, то следователь (дознаватель) вправе признать соглашение недействительным и назначить новое примирительное производство с участием другого посредника. На основании соглашения о примирении следователь (дознаватель) выносит постановление о прекращении уголовного дела.

Казалась бы неплохая идея, но при сравнении оснований освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных ст.76 УК РФ и в порядке восстановительного правосудия оказывается, что они одинаковы. Тогда зачем же осложнять производство по делу примирительным правосудием? Следователь с согласия руководителя следственного органа (дознаватель с согласия прокурора) и без примирительного производства может прекратить уголовное дело на основании ст. 25 УПК РФ. Но примирение несравнимо лучше формального прекращения дела следователем или судьей и больше способствует проявлению позитивного постпреступного поведения несовершеннолетних.

Восстановительное правосудие рассчитано на внутреннюю перестройку сознания правонарушителя, его подлинное перевоспитание, осознание своей ответственности перед другими

гражданами и обществом в целом. Заключая примирительное соглашение обвиняемый и потерпевший реализуют принадлежащее им конституционное право «защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом» (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, п. 22 ч. 2 ст. 42, п. 11, ч. 4 ст. 46, п. 21 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Пункт «d» ст. 37 Конвенции о правах ребенка требует от государств-участников, чтобы «каждый лишенный свободы ребенок имел право на незамедлительный доступ к правовой и другой соответствующей помощи»; именно такую «соответствующую» интересам обвиняемого подростка, как и потерпевшего, помощь оказывают им в интересах правосудия социальные работники и «посредники».

Прекращение уголовного дела формальным актом следователя или дознавателя лишено этих достоинств. Кроме того, восстановительное правосудие исключает или минимизирует коррупцию. Наконец оно экономит время следователя, и без того перегруженного делами о тяжких и особо тяжких преступлениях. Предоставление сторонам помощи по урегулированию конфликта не есть вмешательство в процедуру расследования уголовного дела или фактическое участие в нем. За следователем и дознавателем сохраняются все их процессуальные полномочия, включая право привлечь социальных работников и «посредников» в качестве специалистов либо воздержаться от этого, согласиться с достигнутым примирением либо продолжить расследование, несмотря на заключенное между обвиняемым и потерпевшим соглашение.

Проведение каких-либо примирительных встреч обвиняемых с потерпевшими с участием «посредников», а также использование на стадии предварительного расследования «социально-правовых технологий ресоциализации несовершеннолетних обвиняемых» действующим законодательством не предусмотрено. Для возможности применения мер восстановительного правосудия в УПК РФ необходимо включить данное основание для прекращение уголовных дел и регламентировать всю процессуальную процедуру примирительного производства.

К примеру, ст. 25 УПК РФ дополнить ч. 2 следующего содержания:

«2. По делам, указанным в части первой настоящей статьи, следователь, дознаватель, суд разъясняют обвиняемому (подозреваемому) и потерпевшему право на проведение переговоров о заглаживании вреда и примирении путем проведения примирительной процедуры через посредника».

В.О. Захарова

О некоторых проблемах взаимодействия органов предварительного следствия и дознания в ходе расследования преступлений

Важнейшим условием, залогом успеха в раскрытии и расследовании преступлений является правильная организация взаимодействия органов, принимающих в этом участие. Вопросы налаживания и оптимизации взаимодействия были актуальными всегда: и много лет назад[1], и сегодня[2]. Вместе с тем, в настоящее время еще не все аспекты и проблемы взаимодействия достаточно исследованы; нормативная правовая база, регулирующая эту сложную деятельность, также пока несовершенна.

Взаимодействие в ходе раскрытия и расследования преступлений организует следователь. Но, вместе с тем, раскрытие и расследование преступлений – это коллективная деятельность, результаты которой тесно связаны с организацией взаимодействия. Причем все службы и подразделения в вопросах раскрытия и расследования преступлений несут ответственность за конечный результат деятельности – установление истины по уголовному делу[3].

---

[1] Балашов А.Н. Взаимодействие следователей и органов дознания при расследовании преступлений. М., 1979. С. 110; Гаврилов А.К. Раскрытие преступлений. Волгоград, 1976. С. 181-195; Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975. С. 105-150; Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002. С. 1088; Лекарь А.Г., Безруких Р.К. Организационно-тактические основы раскрытия преступлений. М., 1977. С. 119 и др.

[2] Александров А.С. Проблемы взаимодействия прокурора, руководителя следственного органа и следователя в ходе досудебного производства по уголовному делу // Система отправления правосудия по уголовным делам в современной России как социальное взаимодействие личности и государства: сб. науч. статей. Курск, 2009. С. 16-21; Кривенко А.И. Теория и практика взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. М., 2008. С. 240; Нечаев В.В. Организационно-правовые основы взаимодействия органов предварительного следствия и органов дознания. М., 2007. С. 200 и др.

[3] Наметкин Д.В. Взаимодействие органов предварительного расследования как одна из предпосылок их процессуальной самостоятельности // Следователь. 2006. № 9. С. 24; Статкус В.Ф., Жидких А.А. Органы предварительного следствия в системе МВД Российской Федерации: история, современное состояние и перспективы / под ред. В.А. Алферова. М., 2000. С. 10-11.

Более 100 лет назад основоположник криминалистики как науки, профессор Пражского университета Ганс Гросс подчеркивал, что правильное положение полиции будет отведено в том случае, если следователь не будет себя ни возвышать, ни унижать перед полицией и, в интересах дела, будет работать с ней рука об руку, будет постоянно сообщать ей о новых обстоятельствах, добытых им, и только то поставит себе в действительную заслугу, что доведет дело до удачного конца. Но раз следователь без всякой со своей стороны надменности, будет работать рука об руку с полицией, то он должен самым настойчивым образом требовать и поставить дело так, чтобы руководство и направление действиями полиции всецело перешло к нему, чтобы ничто не происходило без его ведома и чтобы все его поручения исполнялись по его указаниям. С таким положением всякий верный своему долгу полицейский охотно и добровольно согласится, а это лишь послужит на пользу делу правосудия. Следователь же будет иметь в своем распоряжении лиц, ему преданных, которые, с доверием относясь к нему, скоро и точно будут исполнять все его поручения. Но следователь должен хорошо знать этих людей, знать их вообще и знать их взгляды по каждому отдельному делу[1].

В словаре русского языка под взаимодействием понимается «взаимная связь и поддержка, согласованность действий, направленных на достижение определенной цели»[2].

Среди ученых-криминалистов и процессуалистов нет единства в определении взаимодействия. Так, Р.С. Белкин определяет взаимодействие как одну из форм организации расследования преступлений, заключающуюся в основанном на законе сотрудничестве следователя с органами дознания, согласованном по целям, месту и времени и осуществляющемся в пределах их компетенции в целях полного и быстрого раскрытия преступлений, всестороннего и объективного расследования уголовных дел и розыска скрывшихся преступников, похищенных ценностей и иных объектов, имеющих значение для дела[3].

А.К. Гаврилов, говоря о взаимодействии, считает, что это объединение сил, средств и методов, принадлежащих следователям, оперативным и техническим службам органов внутренних дел для достижения задач правосудия[4].

---

[1] Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. М., 2002. С. 22.

[2] Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1992. С. 71.

[3] Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000. С. 31.

[4] Гаврилов А.К. Раскрытие преступлений. Волгоград, 1976. С. 188.

По мнению И.Ф. Герасимова, под взаимодействием органов предварительного следствия и дознания следует понимать «такую взаимосвязь в деятельности всех этих органов, которая обеспечивает разумное сочетание и наиболее эффективное использование полномочий, методов и средств, присущих каждому из взаимодействующих органов, и направлена на раскрытие, расследование и предупреждение преступлений»[1].

Н.Н. Гапанович и И.И. Мартинович понимают дефиницию взаимодействия как основанную на законе и подзаконных актах, согласованную деятельность следователя и органа милиции, предполагающую рациональное сочетание процессуальных действий и оперативно-розыскных мер, осуществляемых каждым из них в соответствии со своими функциями и в пределах предоставленных им законом полномочий»[2].

Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин под взаимодействием между органами предварительного следствия и дознания с процессуальной точки зрения понимают основанную на законе согласованную деятельность должностных лиц этих государственных учреждений, направленную на раскрытие преступлений и изобличение виновных лиц, пресечение и предупреждение чьей-либо преступной деятельности и возмещение причиненного преступлением материального ущерба путем наиболее рационального сочетания методов, применяемых этими органами[3].

Мы согласны с мнением большинства ученых, которые под взаимодействием органов предварительного следствия и дознания понимают основанную на законе и правильном сочетании, эффективном использовании полномочий и методов работы, присущих каждому из этих органов, деятельность, направленную на раскрытие, расследование и предупреждение преступлений[4].

---

[1] Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975. С. 106.

[2] Гапанович Н.Н., Мартинович И.И. Основы взаимодействия следователя и органа дознания при расследовании преступлений. Минск, 1983. С. 10-11.

[3] Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965. С. 61.

[4] Величкин С.А. Организация расследования преступлений. Л., 1985. С. 77; Ищенко Е.П. Проблемы первоначального этапа расследования. Красноярск, 1987. С. 50-52; Ларин А.М. Расследование по уголовному делу. Планирование. Организация. М., 1970. С. 111; Сидоров В.Е. Начальный этап расследования: организация, взаимодействие, тактика. М., 1992. С. 43.

Среди обстоятельств, оказывающих негативное влияние на взаимодействие следователей и оперативных сотрудников, наибольшее распространение имеют:

- разная оценка документов, передаваемых следователю органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность;
- полное или частичное несовпадение интересов;
- сложные межличностные отношения, обусловленные субъективной оценкой профессиональных качеств друг друга каждой из взаимодействующих сторон[1].

Общую проблему составляет отсутствие четкой нормативной базы, регламентирующей взаимодействие следователей и оперативных сотрудников. Прежде всего, следует указать на недостаточную определенность прав и обязанностей субъектов таких взаимоотношений.

Не затрагивая всего спектра обусловленных этим обстоятельством частных проблем, хотелось бы указать на наиболее, по-нашему мнению, часто встречающую проблему. Так, в большинстве случаев отношения между следователем и оперативным сотрудником начинаются с конфликта по поводу достаточности (недостаточности) собранных материалов. Орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность, представляет следователю результаты оперативно-розыскных мероприятий. Документирование в оперативно-розыскной деятельности во многом сходно с уголовно-процессуальным доказыванием, однако отличается целью, субъектом, а также условиями. При документировании применяются специальные силы, средства и методы. Оперативный сотрудник часто непосредственно сталкивается с событием преступления. В связи с этим у него складывается убеждение о достаточности тех материалов, которые он передает для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Следователь же, не только непосредственно не наблюдавший за исследуемым событием, но и, как правило, не имеющий возможности ознакомиться в полном объеме с материалами дела оперативного учета (в силу ряда обстоятельств они не все могут быть легализованы), оценивает эти материалы с позиции судебной перспективы уголовного дела. Оперативного сотрудника это не всегда сильно интересует.

Таким образом, получается, что оперативный работник представляет следователю неполные материалы, однако при этом он

[1] Козусев А.Ф. Некоторые проблемы взаимодействия следователей и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность // Следственная практика. М., 2003. Вып. 1 (158). С. 233-243.

твердо убежден в их достаточности для возбуждения уголовного дела. Следователь же не возбуждает дело, будучи уверенным, что этих материалов явно недостаточно. Такая ситуация особенно характерна при решении вопроса о возбуждении уголовных дел о преступлениях в сфере экономики и должностных преступлениях. Как обоснованно отмечают психологи, непрерывная цепь деловых конфликтов имеет тенденцию переходить в эмоциональные конфликты и может повлечь серьезные последствия[1].

Вместе с тем, необходимо помнить, что только правильно организованное и осуществленное взаимодействие следователя и оперативно-розыскных подразделений позволяет своевременно выявить и закрепить признаки преступной деятельности, дать конкретным проявлениям этой деятельности правовую оценку, определить направления и конкретные мероприятия по закреплению судебных доказательств, выбрать оптимальную форму и момент реализации результатов оперативно-розыскной деятельности и тем самым создать предпосылки для успешного раскрытия и расследования уголовно-наказуемого деяния[2].

Р.Г. Зорин

Расширение диапазона задач отдельных следственных действий, регулируемых нормами уголовно-процессуального права – необходимость повышения эффективности и качества предварительного расследования

Законодатель, определяя круг задач того или иного следственного действия, предоставляет органу уголовного преследования спектр альтернатив (решаемых тактических, процессуальных задач) по усмотрению. Разумное расширение перечня задач следственных действий приведет к единому толкованию предназначения следственных действий, что, безусловно, повысит их эффективность и качество. По меткому выражению Е.В. Рябцевой, «до последнего времени было принято считать, что любой акт применения права, принятый в рамках закона разумен, поскольку разумны российские

[1] Бородкин Ф.М., Коряк Н.М. Внимание: конфликт! Новосибирск, 1983. С. 34-35; Полстовалов О.В. Криминалистическая конфликтология: современные нравственные и психологические проблемы: монография. Уфа, 2002. С. 152; Он же. Основы профессионального общения следователя: учеб. пособие. Уфа, 2005. С. 146.

[2] Кривенко А.И. Теория и практика взаимодействия следователя с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. М., 2008. С. 150.

законы. В связи с этим разумности не придавалось самостоятельного значения. Однако в настоящее время, данное понятие достаточно часто встречается в нормативных актах России, в том числе наряду с требованием законности. Руководствоваться в уголовном процессе разумностью – это не только соблюдать закон, но и применять его на основе сбалансированного учета прав, свобод и законных интересов всех участвующих в деле лиц, а также назначения уголовного судопроизводства [1, с. 338].

Представляется невозможным выполнение эффективно и качественно следственных действий, не имея представлений о надлежащих их целях и задачах, и совершенно недопустимой подмена надлежащих задач ненадлежащими при производстве следственных действий, равно как и подмена надлежащих следственных действий ненадлежащими. И в том, и в другом случаях мы встречаемся с фактами допущения существенных процессуальных нарушений в результате получения недопустимых доказательств. Существующие и прогрессирующие формы противодействия уголовному преследованию (обвинению) со стороны преступного сообщества свидетельствуют о необходимости совершенствования и расширения перечня задач, регулируемых уголовно-процессуальным законом и решаемых при производстве следственных действий. Приступая к производству того или иного следственного действия, орган уголовного преследования должен четко определить какие именно задачи должны или могут быть решены в рамках его производства.

При производстве осмотра места происшествия, например, орган уголовного преследования решает следующие задачи: обнаружение (выявление, установление) следовой информации о готовящемся либо совершенном деянии в котором усматриваются признаки преступления, фиксация следовой информации, изъятие и приобщение к материалам предметов, имеющих доказательственное значение. «Представляется необходимым внести дополнения в содержание норм УПК в виде дополнительных полномочий должностных лиц, ведущих уголовный процесс, по осуществлению в рамках следственного осмотра следующих уголовно-процессуальных мероприятий:

- действия, носящие экспериментальный характер;
- получение образцов для сравнительного исследования;
- изъятие (выемка);
- выявление и установление следовой информации о готовящемся либо совершенном преступлении;
- установление наличия или отсутствия негативных обстоятельств.

Правовая оценка негативных обстоятельств впоследствии самым существенным образом влияет на формирование предмета и пределов

доказывания [2, с. 76]. Трудно представить себе осмотр места происшествия, исключив при этом действия, носящие поисковый характер. Установление наличия следовой информации (доказательств) осуществляется именно посредством их отыскания. Осмотр, объектом которого выступает жилище, нередко сопровождается действиями, носящими поисковый характер, подпадающими в свою очередь под признаки обыска. Подобные действия мы встречаем в рамках осмотра независимо от его объекта, в ходе задержания и заключения под стражу (личный обыск), в процессе проверки показаний на месте, а рамках следственного эксперимента.

И сегодня нет единого мнения среди ученых и практиков относительно допустимости производства в рамках освидетельствования (кроме производства традиционных установление наличия или отсутствия особых примет либо телесных повреждений) таких действий как получение образцов для сравнительного исследования, изъятие (выемка), осмотр одежды. В.Г. Глебов справедливо отмечает: «практика показывает, что освидетельствование проводится относительно редко, что обусловлено недостаточно полной проработкой процессуальных, тактических и методических аспектов его проведения [3, с. 3]. Поисковые действия в рамках освидетельствования связаны с необходимостью осмотра одежды на предмет установления наличия либо отсутствия следов преступной деятельности. Таким образом, в рамках освидетельствования могут решаться самые разнообразные задачи.

Убежден в том, что существующая ныне задача очной ставки в качестве устранения существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц, является малоэффективной. Следует констатировать, что в большинстве случаев на практике существенные противоречия по тем или иным причинам не устраняются. Таким образом, поставленная законодателем задача очной ставки, как и само следственное действие, носят скорее декларативный характер. Видится необходимым дополнить перечень задач очной ставки в качестве именно выявления и установления существенных противоречий в показаниях допрашиваемых лиц. При чем речь идет не только о ранее данных показаниях, но и о показаниях, впервые полученных в ходе очной ставки, о доказательственной информации ранее неизвестной органу уголовного преследования. Эффективность и качество очной ставки будут зависеть от своевременности выявления и установления существенных противоречий, ранее неизвестных органу уголовного преследования, полученных в условиях ее производства. «Нам представляется, что одно лишь устранение существенных противоречий в качестве решаемых предусмотренных законом задач

очной ставки не способствует ее эффективности. Более того, допрашиваемые лица могут не только предоставлять прежние показания, но что еще хуже, в частности, добросовестные лжесвидетели могут изменить показания по содержанию на сопутствующие, скажем, уверенному недобросовестному лжесвидетелю. Представляется необходимым расширить диапазон задач следственного действия очной ставки, дополнив их, именно «выявлением» существенных противоречий. Не все противоречия, и в частности, существенные находятся на поверхности, не все они подлежат непосредственному распознанию должностными лицами, а напротив, самые значимые, глубинные противоречия, нередко носят латентный характер [4, с. 110].

Необходимо решить вопрос о процессуальной форме процедуры представления доказательств в качестве самостоятельного процессуального действия, так и в рамках таких следственных действий как следственный осмотр, очная ставка, допрос, эксперимент, проверка показаний на месте. Фактически представление доказательств может произойти в рамках любого следственного действия, когда это признано необходимым со стороны заинтересованных лиц. Кроме того, считаем необходимым уточнить определение показаний в нормах УПК, и наделить правом дачи показаний участниками таких следственных действий как следственный эксперимент, предъявление для опознания, освидетельствование.

Расширение круга задач следственных действий на законодательном уровне, безусловно, повысит эффективность и качество предварительного расследования, позволит увеличить и вместе с тем усилить тактический, процессуальный арсенал, используемый не только стороной обвинения, но и стороной защиты.

Литература

1. Рябцева Е.В., Пределы разумного поведения участников уголовного судопроизводства // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной практике: материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности», посвященной 10-летию научной школы криминалистической ситуалогии / под ред. Т.С. Волчецкой. – Калининград; Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012 . – С. 337-341.

2. Зорин Р.Г. На пути повышения эффективности предварительного расследования в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь // Судебный Вестник. – 2012. – № 1. – С. 74-80.

3. Глебов В.Г., Освидетельствование при расследовании преступлений (проблемы эффективности): монография. – Волгоград: ВА МВД России, 2007.
4. Зорин, Р.Г., На пути совершенствования правового регулирования задач очной ставки в уголовном судопроизводстве // Правовой аспект. – 2012. – № 1. – С. 109-113.

С.В. Зуев

Некоторые проблемы дознания в системе федеральной службы судебных приставов

Анализ процессуальной деятельности территориальных органов федеральной службы судебных приставов (далее – ФССП) России свидетельствует о ежегодном росте количества возбужденных должностными лицами службы уголовных дел. Устойчивую тенденцию роста имеет также количество заявлений и сообщений о преступлениях, направляемых в ФССП для разрешения. Согласно данным статистической отчётности органами дознания ФССП России в 2007 г. рассмотрено 12162 сообщения о преступлениях, по результатам возбуждено 3847 уголовных дел (в 2008 г. – 91445, возбуждено 36629 уголовных дел). В 2009 г. в службе судебных приставов зарегистрировано 112152 сообщений о преступлениях, по результатам рассмотрения которых вынесено 50592 постановления о возбуждении уголовных дел[1]. В ходе реализации уголовно-процессуальных полномочий дознаватели ФССП сталкиваются с трудностями, вызванными спецификой преступлений, расследование которых отнесено к их подследственности, отсутствием единообразной судебной практики, а также правовыми и организационными проблемами.

В числе средств решения задач на стадии возбуждения уголовного дела, с учетом изменений, внесенных Федеральным законом РФ № 23-ФЗ от 4.03.2013 «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[2], получение объяснений, образцов для сравнительного исследования, истребование предметов и документов, их изъятие, назначение судебной экспертизы, получение заключения эксперта, осмотр места происшествия, документов, предметов и трупов, освидетельствование, требование производства

[1] URL: http://www.fssprus.ru.
[2] Российская газета. 2013. 5 марта.

документальных проверок, ревизий, исследование документов, предметов, трупов, привлечение к участию в этих действиях специалистов, выдача органу дознания обязательного для исполнения письменного поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Однако одно перечисление правовых средств в законе вряд ли может считаться достаточным для формирования единой практики. Обращает на себя внимание отсутствие регламентации порядка получения объяснений. При этом возрастает их значение в связи с возможностью проведения дознания в сокращенной форме. Согласно п. 2 ч. 1 ст. 226.5 УПК РФ с учетом конкретных обстоятельств уголовного дела дознаватель вправе не допрашивать лиц, от которых в ходе проверки сообщения о преступлении были получены объяснения, за исключением случаев, если необходимо установить дополнительные, имеющие значение для уголовного дела фактические обстоятельства, сведения о которых не содержатся в материалах проверки сообщения о преступлении, либо когда необходимо проверить доказательства, достоверность которых оспорена подозреваемым, его защитником, потерпевшим или его представителем. Аналогичное процессуальное отношение выражено в законе и к заключению специалиста, достаточность которого может не обязывать назначать судебную экспертизу по вопросам, ответы на которые содержатся в заключении специалиста по результатам исследования, проведенного в ходе проверки сообщения о преступлении (п. 3 ч. 1 той же статьи).

В службе судебных приставов право на получение объяснений, представление требований, поручений, запросов при проверке сообщений о преступлениях предусмотрено п. 25 Инструкции «О едином порядке организации приёма, регистрации и проверки в Федеральной службе судебных приставов сообщений о преступлениях», утверждённой приказом Минюста РФ от 2.05.2006 № 139[1]. Однако и в этом документе нет подробной информации по проведению данных проверочных действий.

Действующее законодательство не оговаривает порядок вызова лица, не имеющего процессуального положения, для опроса и проведения с его участием других проверочных действий. Каких либо мер процессуального принуждения, предусмотренных ст. 111 УПК РФ, к таким лицам дознаватель не имеет возможности применить. Не может также возместить им расходы, связанные с явкой к месту производства действий и проживанием, возместить недополученную

[1] Российская газета. 2006. 24 мая.

ими заработную плату за время, затраченное ими в связи с вызовом в орган дознания. Более того, такое приглашение не обязывает работодателя обеспечить явку своего работника к дознавателю. Достаточно часто в практической деятельности возникают ситуации, когда из-за неявки лица, от пояснений которого зависит принятие решения, невозможно принять основанное на законе процессуальное решение.

Правоприменительная практика сложилась таким образом, что прокуроры, проверяя и изучая материалы проверки по сообщениям о преступлении, считают материалы, при отсутствии в них объяснений, неполными, недоработанными, что является основанием для отмены прокурором процессуального решения, принятого дознавателем службы судебных приставов, и возвращением материала для проведения дополнительной проверки.

Материалы исполнительного производства, содержащие информацию, объяснения и справки, полученные при совершении исполнительских действий судебными приставами, в большинстве случаев не могут быть положены в основу принятия процессуального решения дознавателем в порядке ст.ст. 144-145 УПК РФ. Это объясняется тем, что на судебного пристава-исполнителя не возложено проведение проверки сообщения о преступлении, и, соответственно, на практике им не отражаются в объяснениях исчерпывающие конкретные вопросы, интересующие дознание при оценке деяния и его квалификации.

В результате дознаватели отказывают в возбуждении уголовных дел, а прокуроры отменяют принятые ими решения. Для примера обратимся к Уголовному делу № 5502076, расследование по которому проводилось Курчатовским РОСП г. Челябинска в 2012 г. в отношении гр. Редькина. По этому делу практически целый том занимает «перепалка» между дознавателями и прокурором. Дознаватели отказывают в возбуждении уголовного дела, прокурор отменяет принятые решения и так происходит несколько раз. В этих отношениях также приняли участие две судебные инстанции, после того как заявитель обратился в суд.

Более подробно хотелось бы остановиться на законодательном разрешении производства судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела. Вряд ли такое решение следует признавать абсолютно верным. Несмотря на то, что большинство практических сотрудников положительно оценивают данное нововведение, представляется, что судебная экспертиза может назначаться и проводится до возбуждения уголовного дела только в том случае, если объектом исследования являются предметы и вещества, используемые

при совершении преступлений, либо живые лица при наличии их письменного согласия подвергаться судебной экспертизе или для установления причины смерти. Такая позиция находит поддержку и среди других ученых[1]. Однако в законе таких условий не указано, что следует расценивать как его недостаток и на практике могут возникнуть проблемы применения данной нормы.

Положительным можно оценить закрепление в законе права дознавателя поручать органу дознания проводить оперативно-розыскные мероприятия (п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ). При этом необходимость их проведения может служить самостоятельным основанием для продления срока проверки заявлений о преступлениях до 30 суток (ч. 3 ст. 144 УПК РФ). Поручение для проведения оперативно-розыскных мероприятий является для органа дознания обязательным для исполнения. Вопросы привлечения полученных результатов решаются в соответствии с Инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд, утвержденной приказом МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, Министерства обороны России от 17.04.2007 № 386/185/164/481/32/184/97/147[2].

Обращает на себя внимание то, что этот приказ не подписан первым руководителем ФССП. Вместе с тем, на практике наблюдается обращение дознавателей данной службы к органам внутренних дел за помощью в установлении места нахождения подозреваемых и те, в свою очередь, идут на встречу и успешно решают предложенные им задачи. Соответствующие рапорта имеют место быть в материалах уголовных дел. Однако такое взаимодействие не носит системного характера, и дознаватели ФССП практически остаются без оперативного сопровождения уголовных дел.

Анализ уголовных дел показал, что имеются случаи, когда дознаватели ФССП выносят постановления об объявлении подозреваемого в розыск, а документы, указывающие на то, что лицо скрылось, в деле отсутствуют. В качестве примера можно сослаться на Уголовное дело № 552761, расследование по которому проводилось в межрайонном отделе судебных приставов по особо важным исполнительным производствам УФССП по Челябинской области в

[1] Семенцов В.А. и др. Уголовное судопроизводство в механизме обеспечения национальной безопасности // Механизм экономико-правового обеспечения национальной безопасности: опыт, проблемы, перспективы: монография. Краснодар, 2008. С. 160-165.

[2] Российская газета. 2007. 16 мая.

2012 г. в отношении гр. Данилина. Представляется, что такими документами могут быть рапорта, справки сотрудников оперативных подразделений, а также показания родственников, лиц, совместно проживающих с подозреваемым и т.п. Однако в указанном уголовном этих документов не обнаружено.

Следует также заметить, что согласно положениям указанного приказа, вместе с результатами оперативно-розыскной деятельности, лицу, производящему расследование, должны направляться копии постановлений о принятых решений (вынесенные руководителем оперативного подразделения или судом в случае ограничения конституционных прав граждан) по поводу проведения оперативно-розыскных мероприятий. К рапортам могут также прилагаться фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы, кассеты видеозаписи, носители компьютерной информации, чертежи, планы, схемы, акты, справки, другие документы, а также иные материальные объекты, которые в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством могут быть признаны вещественными доказательствами (п. 17 указанного Приказа). На практике защитники активно обращают внимание на наличие соответствующих документов в уголовном деле и ходатайствуют о признании доказательств недопустимыми в отсутствии копий постановлений о принятых решениях.

В настоящей статье указаны лишь некоторые проблемы осуществления дознания в системы ФССП, однако их гораздо больше и все они требуют незамедлительного законодательного разрешения. Дознание по рассмотренной категории дел нуждается в тщательном оперативно-розыскном обеспечении, участии органов внутренних дел в решении многих задач раскрытия и расследования преступлений. А это, в свою очередь, становится возможно только при тесном взаимодействии соответствующих правоохранительных органов.

М.Ю. Игнатьева

Некоторые особенности производства психофизиологических экспертиз и исследований с использованием полиграфа

Правоохранительные органы ведут постоянную работу по внедрению в следственную практику криминалистических средств, способствующих раскрытию преступлений и формированию доказательственной базы по уголовным делам. В последние годы в России при расследовании преступлений полиграф стал применяться не только при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий, но

и для получения доказательств путем производства нового вида судебной экспертизы – судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа (далее – СПФЭ).

Данный вид экспертиз обычно назначается при наличии неустранимых противоречий в показаниях участников уголовного процесса или в случае противоречия между показаниями и другими доказательствами по делу.

В ходе проведения СПФЭ, решаются две стандартные задачи:

1) вынесение суждения о степени информированности обследуемого лица о событии (его деталях), послужившем поводом для проведения СПФЭ;

2) вынесение суждения об обстоятельствах получения обследуемым лицом информации о событии (его деталях), послужившем поводом для проведения СПФЭ.

При формировании выводов эксперт-полиграфолог решает основной вопрос: выявлены или не выявлены в ходе проведения исследования психофизиологические реакции, свидетельствующие о том, что участник СПФЭ владеет информацией о деталях совершенного преступления. При этом уточняются детали, в ответ на предъявление которых были получены реакции.

Для объективизации экспертных выводов к заключению эксперта прилагается электронная запись полиграммы (графического отображения совокупности психофизиологических показателей), полученной при производстве СПФЭ, а также материалы видеозаписи, которая в обязательном порядке осуществляется при производстве СПФЭ.

В настоящее время в системе Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК России) СПФЭ проводится в соответствии с «Инструкцией об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации» (далее – Инструкция), утвержденной приказом Председателя СК России от 09.12.2010 № 64; в соответствии с рекомендациями практического пособия Академии управления МВД России «Единые требования к порядку проведения психофизиологических исследований (ПФИ) с использованием полиграфа»; а также с «Видовой экспертной методикой производства психофизиологического исследования с использованием полиграфа», утвержденной в составе Методических рекомендаций АНО «Центр независимой комплексной экспертизы и сертификации систем и технологий» 11.11.2005, разработанной в соответствии с требованиями к содержанию Типовой экспертной методики, подготовленными совместно ГУ ЭКЦ МВД РФ и ГУ

РФЦСЭ при МЮ РФ, утвержденными 18.11.1998 Федеральным межведомственным координационно-методическим советом по проблемам экспертных исследований.

Участниками психофизиологического исследования с применением полиграфа (далее – ПФИ) в рамках назначенной СПФЭ могут быть лица, проходящие по делу, обладающие процессуальным статусом свидетеля, подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего. Основным требованием к проведению СПФЭ, которое должно неукоснительно соблюдаться независимо от того, в отношении кого она проводится, является наличие добровольного согласия со стороны подэкспертного.

При этом в п. 4.7 Инструкции указанно, что ПФИ не проводится:

- в отношении лиц моложе 14 лет (обследование лица старше 14 лет, но не достигшего 18-летнего возраста, проводится только при наличии письменного согласия законного представителя этого лица и при участии педагога или психолога);

- при физическом или психическом истощении обследуемого лица, а также, если оно находится в состоянии сонливости или неконтролируемого перевозбуждения, не может координировать свои движения и т.п.;

- при наличии у полиграфолога информации о психическом заболевании или психическом расстройстве обследуемого лица, а также в случае обострения заболевания, связанного с нарушением сердечно-сосудистой или дыхательной деятельности;

- при наличии у полиграфолога информации об употреблении обследуемым лицом сильнодействующих психоактивных веществ (например, наркотических средств или сильнодействующих лекарственных препаратов) либо имеющихся явных признаках употребления названных веществ;

- в случае нахождения обследуемого лица в состоянии алкогольного или наркотического опьянения;

- в случае наличия данных о беременности обследуемой женщины.

В ходе СПФЭ, до начала тестирования на полиграфе с подэкспертными в обязательном порядке проводится, так называемая предтестовая беседа, в ходе которой выясняются отдельные факты биографии для получения общих сведений о состоянии здоровья подэкспертного, в целях выявления обстоятельств, препятствующих проведению экспертного исследования.

Помимо приведенных факторов на возможность корректного проведения ПФИ существенное влияние оказывают индивидуально-психологические особенности обследуемого лица: эмоционально-волевые особенности (например, эмоциональная лабильность),

ригидность психических процессов (например, нарушение переключаемости речи, внимания) и другие[1].

Проведение ПФИ в отношении лиц, с указанными выше индивидуально-психологическими особенностями, сопряжено со значительными трудностями, а в ряде случаев, при значительной выраженности, не представляется возможным.

«Признавая, что определенную роль в возникновении и развитии психофизиологических реакций человека под воздействием внешних и внутренних стимулов играют все основные психические функции, включая память, эмоции, процессы переработки информации и т.д., приходится констатировать, что приоритетное, ведущее, пусковое значение принадлежит только одной из них – вниманию. Именно эта функция обладает выработанной в ходе миллионов лет эволюции непосредственной и устойчивой связью с функционированием вегетативной нервной системы организма, контроль активности которой по отдельным «внешним» показателям может осуществляться с помощью полиграфа»[2].

Понимая, что состояние и динамика внимания обследуемого лица могут оказывать определяющее влияние на эффективность проведения ПФИ, мы ввели в практику проведения предтестовой беседы психологическое экспресс-тестирование каждого подэкспертного по методике оценки особенностей внимания и наблюдательности (фактически – это одна из разновидностей письменной корректурной пробы Б. Бурдона)[3].

Данная методика используется для исследования особенностей активного внимания, его переключаемости и особенно истощаемости. Ее проведение позволяет определить колебания внимания, наличие утомляемости по отношению к однообразным раздражителям. Ограничений по применению методики практически нет. Для проведения необходимо иметь стандартный бланк теста и секундомер. На бланке напечатаны наборы букв русского алфавита, всего 552 знака, по 46 букв в каждой строчке.

Подэкспертному дается следующая инструкция: «Внимательно просмотрите текст, быстро найдите в нем слова из четырех и более

---

[1] Барабанщикова Т.А., Рыжкова А.Н. Психологические методики исследования личности: практикум / под ред. А.Ф. Ануфриева. М., 2007.

[2] Пеленицын А.Б. и др. Так что же все-таки определяет полиграф? // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 2 (38). М., 2011. С. 9.

[3] Корректурная проба (Тест Б. Бурдона) / Альманах психологических тестов. М., 1995. С. 107-111. Экспериментально-психологическая методика для исследования внимания, работоспособности [Bourdon B., 1895]. Известны модификация В.Я. Анфимова [1908], А.Г. Иванова-Смоленского [1928].

букв и вычеркните их. Время на задание – 4 минуты».

Полученные результаты сверяются с ключом к тесту, после чего по опорным критериям, учитывающим пол, возраст и образование обследуемого лица, производится оценка уровня избирательности и концентрации внимания подэкспертного.

Таким образом, использование психологического экспресс-тестирования по методике оценки особенностей внимания и наблюдательности позволяет эксперту-полиграфологу в ходе ПФИ решать сразу несколько тактических задач:

- объективно оценить соответствует ли психоэмоциональное состояние подэкспертного требованиям, необходимым для прохождения ПФИ;
- выявить возможное медикаментозное противодействие со стороны подэкспертного;
- выбрать оптимальную для данного подэкспертного тактику проведения ПФИ, соответствующую его индивидуально-психологическим особенностям.

Накопленный на сегодняшний день автором статьи практический опыт в этой области специальных знаний (более 2000 психофизиологических экспертиз и исследований) показывает, что удовлетворение высокой и постоянно растущей потребности органов предварительного следствия в проведении психофизиологических экспертиз, приводит к стремительно растущему год от года числу проводимых СПФЭ. При этом доказательством эффективности использования в уголовном процессе экспертных психофизиологических исследований, является то, что только в Республике Татарстан, с 2007 г. по 2012 г., более 100 заключений по результатам СПФЭ были приняты судами первой инстанции, в качестве доказательств по уголовным делам. Также в указанный период имели место прецеденты принятия заключения экспертов-полиграфологов, в качестве доказательства, Верховным Судом Республики Татарстан.

В общем и целом необходимо признать, что судебная психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа как метод установления истины в уголовном судопроизводстве уже состоялась.

Е.В. Ильюк

Выявление парафилий в ходе расследования насильственных преступлений

Парафилии (расстройства сексуального предпочтения), относимые в соответствии с МКБ 10 (Международной классификацией болезней) к психическим расстройствам, оказывают существенное влияние на мотивацию поведения лиц, совершающих насильственные преступления, определяют «криминальный почерк», в том числе влияют на выбираемые способы и орудия совершения преступления, а также детерминируют дальнейшую криминальную деятельность – рецидив – после отбывания наказания. Почти все лица с парафилиями в соответствии со ст. 22 УК РФ относятся к категории лиц с ограниченной вменяемостью, т.е. с психическим расстройством, не исключающим вменяемости.

В феврале 2012 г. в УК РФ (ст. 97, 314 и др.) и УИК РФ (ст. 18, 78, 175, 180) был введен психиатрический термин «педофилия» – это одна из парафилий. В отношении других видов психических расстройств сохраняются нормативные положения, действующие ранее (например, в п. «в» ч.1 ст. 97 УК РФ). В соответствии с этой нормой, в частности, к лицам, имеющим психические расстройства, но признанным вменяемыми, судом могут быть применены принудительные меры медицинского характера, а могут быть и не применены.

В отношении лиц, совершивших насильственные преступления при имеющихся признаках наличия парафилий, назначается сексолого-психиатрическая (сексолого-психолого-психиатрическая экпертиза). Материалы для экспертизы, информацию для анализа экспертов предоставляет следователь. Поэтому следователь должен быть знаком с видами парафилий (основными характеристиками парафилий), сопутствующими психическими расстройствами, этапами формирования парафилий и механизмом импринтинга. Только при наличии полной информации возможно поставить точный диагноз и выявить обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, а также предупредить рецидив после отбытия наказания, если будет назначено необходимое лечение.

Парафилии – это сексуальные девиации, или различные формы отклонений от сексуальной нормы, характерной для данных культурно-исторических условий.

МКБ-10 указывает следующие диагностические критерии:

1) индивидууму свойственны периодически возникающие интенсивные сексуальные влечения и фантазии, включающие

необычные предметы и поступки;

2) индивидуум или поступает в соответствии с этими влечениями, или испытывает значительный дистресс из-за них;

3) это предпочтение наблюдается минимум 6 месяцев[1].

К числу парафилий относятся не только педофилия, а также геронтофилия, зоофилия, некрофилия и некрофагия, садизм и садомазохизм, вуайеризм, трансвестизм, фетишизм, эксгибиционизм. Общественная опасность таких, на первый взгляд, «безобидных» парафилий, как геронтофилия, вуайеризм, трансвестизм, фетишизм определяется тем, что для парафилий характерен полиморфизм, они образуют «триады», к одной парафилии может присоединяться другая, более опасная. Множественные расстройства сексуального предпочтения были обнаружены О.А.Бухановской в своем исследовании в 3-х вариантах: педофилия + садизм; эксгибиционизм + педофилия + садизм; визионизм + фроттеризм + педофилия + садизм.[2]

Для парафилий характерна коморбидность – т.е. связь с другими расстройствами влечения, такими как патологическое влечение к азартным играм, патологическое влечение к поджогам – пиромания, патологическое влечение к воровству – клептомания[3], патологическое влечение к бродяжничеству – дромомания.

У лиц с серийным агрессивным сексуально опасным поведением встречается два вида психических расстройств. Первое – парафилии, стержневое проявление – садистское поведение. Второй вид включает психические расстройства и расстройства поведения, связанные с употреблением алкоголя, начавшимися в подростковом возрасте.

Парафилии часто возникают на фоне шизофрении, паранойи, эпилепсии и других психических расстройств. Так, при агрессивно-садистком поведении обнаруживаются признаки органических заболеваний головного мозга, реже – психопатии и шизофрении. Дромомания встречается при органических поражениях головного мозга, психопатиях, шизофрении, эпилепсии, истерии и др. При эпилепсии происходит снижение интеллекта, нарушение мышления, отмечаются повреждения головного мозга в височном и лобном отделах и связь с эксгибиционизмом, агрессией.

Так, при расследовании уголовного дела по обвинению З. в убийстве 10-летней О. (г. Пермь, 2011-2012 гг.) следователем была

---

[1] Руководство по судебной психиатрии / под ред. А.А. Ткаченко. М., 2012. С. 339.

[2] Бухановская О.А. Психические расстройства у лиц с серийными агрессивными сексуальными опасными действиями (клиника, динамика, систематика): автореф. дис. … канд. мед. наук. М., 2003.

[3] Там же.

назначена сексолого-психиатрическая экспертиза обвиняемого З. Магнитно-резонансная томография (МРТ) головного мозга показала наличие аномалий в лобной доле и височной области. По результатам обследования был сделан вывод об органическом заболевании головного мозга. Отмечено, что обвиняемый в детстве болел эпилепсией. Последующим после убийства сексуальным действиям с трупом дана оценка как «полиморфный транзиторный псевдопарафильный синдром (ситуационные импульсивные педофильные и некрофильные сексуальные действия)».

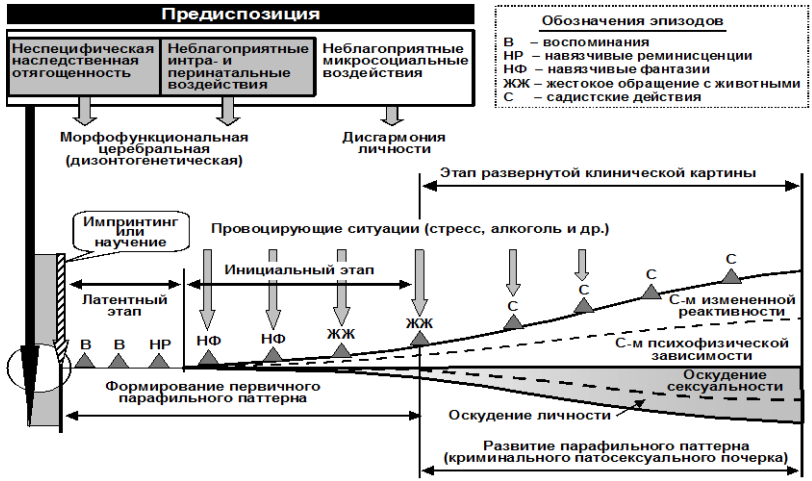
В развитии и формировании агрессивного сексуального поведения участвуют биологические и социальные факторы. К биологическим факторам относятся: психопатологическая отягощенная наследственность, патология беременности и родов, аномалии мозговых структур и черепа. Аномалии мозга имеют преимущественную локализацию в лобном и височном отделах. Психические аномалии являются следствием наследственных факторов или поражения головного мозга. С целью изучения структур головного мозга, черепа и краниовертебральной области применяется магнитно-резонансная томография (МРТ) головного мозга.

Биологические факторы у пациентов с парафилиями сочетаются с нарушениями условий воспитания и семейной дисгармонией, цикличностью семейного насилия, инцестом, эстафетой семейного насилия в нескольких поколениях (социальные факторы). Это неблагополучие было комплексным и касалось структуры семьи, психологического в ней климата, неблагоприятной микросоциальной ситуации, негативного психологического климата. Детство будущих агрессоров с аномальным сексуальным поведением проходит в нестабильной семье, в атмосфере неуважения, конфликтности, агрессии, безразличия друг к другу. У них отмечены затруднения в общении.

Исследован механизм формирования парафильного поведения. Ключевой момент: ситуация импринтинга. Импринтинг – специфическая форма запечатления, которое фиксирует связи внешних признаков объекта, неадекватных для стимулируемого ими сексуального поведения, после чего новые, даже адекватные стимулы, не могут эффективно вызывать соответствующие сексуальные реакции.

В схеме, представленной О.А. Бухановской[1], отмечены:

[1] Бухановская О.А. Психические расстройства у лиц с серийными агрессивными сексуальными опасными действиями (клиника, динамика, систематика): автореф. дис. … канд. мед. наук. М., 2003.



1) латентный этап: воспоминания, навязчивые реминисценции;

2) инициальный этап: навязчивые фантазии;

3) жестокое обращение с животными – это начало действий по реализации фантазий;

4) развитие парафильного паттерна: садисткие действия в отношении человека; развитие криминального патосексуального почерка.

Во всех эпизодах лица при совершении преступлений действовали в одиночку. Это может быть объяснено свойственными им нарушениями коммуникации и трудностями взаимодействия, а также самой сущностью изучаемой агрессии, предполагающей «интимность» криминальных отношений с жертвой. Таким образом, групповые преступления для них не характерны.

К сожалению, действующее законодательство содержит пробелы, препятствующие эффективному предупреждению совершения преступлений лиц ограниченно вменяемых – т.е. имеющих психические расстройства, не исключающие вменяемости:

Предупреждение на стадии жестокого обращения с животными практически отсутствует: административной ответственности нет, ст. 245 УК РФ применяется крайне редко.

Глава 51 УПК РФ распространяется только на лиц, признанных невменяемыми (либо лиц, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство), но не распространяется на лиц с ограниченной вменяемостью (ст. 22 УК РФ), т.е. в отношении лиц, страдающих психическим расстройством, не исключающим вменяемости.

В ряде статей УК РФ (ст. 22 и др.) повторяется, что при наличии психического расстройства, не исключающего вменяемости, суд может назначить принудительные меры медицинского характера, (т.е. может и не назначать). Без лечения у этих лиц наблюдается крайне высокий риск рецидива.

Вызывает несколько замечаний редакция ч. 2.1. ст. 180 УИК РФ:

«2.1. Осужденному за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности администрация учреждения, исполняющего наказание, не позднее чем за шесть месяцев до истечения срока отбывания наказания обязана разъяснить право осужденного на освидетельствование комиссией врачей-психиатров для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии) и определения мер медицинского характера…и проведение соответствующего лечения». Из данной статьи следует, что:

1. Освидетельствование для решения вопроса о наличии педофилии – это право осужденного, а не обязанность исправительного учреждения или другого государственного органа. В то же время ст. 314 ч.3 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за уклонение от применения принудительных мер медицинского характера.

2. К расстройствам сексуального предпочтения УИК РФ относит только педофилию, а некрофилию, некрофагию, геронтофилию, садизм и садо-мазохизм не относит. А они не менее общественно опасны, чем педофилия.

3. Эффективность мер административного надзора после освобождения лиц данной категории вызывает обоснованные опасения.

Лечение психических расстройств для лиц, совершающих насильственные преступления в связи с наличием психических расстройств независимо от признания вменяемым должно быть обязательным и принудительным, а для этого необходимо выявление психических расстройств на стадии предварительного расследования. Обвинение лица, осуждение и отбывание наказания без принудительного лечения не устранит одну из причин совершения данного преступления – наличия психического расстройства, не исключающего вменяемости. Противоречия в правовой регламентации применения принудительных мер медицинского характера являются препятствием в комплексной профилактике данной категории общественно опасных деяний.

С.С.-Х. Исаев

Основные направления использования источников формирования криминалистических знаний о расследовании мошенничеств, связанных с расходованием бюджетных средств

Криминалистические знания о расследовании любой общности преступлений находят отражение в частных криминалистических методиках. В связи с этим правомерно, с определенной долей условности, рассматривать источники формирования криминалистических знаний о расследовании мошенничеств, связанных с расходованием бюджетных средств, применительно к соответствующей частной криминалистической методике.

Как известно, к источникам формирования частных криминалистических методик ученые относят право (законодательство), следственную практику и науку. При этом исследователям необходимо выявлять те специфические (особенные) элементы данных источников, которые в большой степени оказывают влияние на процессы формирования соответствующих частных криминалистических методик.

Проведенное автором исследование позволило сделать следующий вывод. Источниками формирования криминалистических знаний о расследовании мошенничеств, связанных с расходованием бюджетных средств, являются: следственная и судебная практика по расследованию и рассмотрению дел о преступлениях данного вида соответственно; отдельные отрасли научного знания (уголовное, уголовно-процессуальное, бюджетное, банковское и другие отрасли права, теория оперативно-розыскной деятельности, теория судебно-экспертной деятельности и т.п.), в том числе наука криминалистика (общие положения криминалистики, криминалистическая техника и тактика, а также общие положения криминалистической методики); законодательство (уголовное, уголовно-процессуальное, бюджетное, финансовое, банковское и другие отрасли законодательства), в том числе общепризнанные принципы и нормы международного права и международных договоров РФ, содержащие обеспечительные нормы в сфере расходования бюджетных средств.

Кроме того, самостоятельными источниками являются решения (постановления) Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда РФ, содержащие правовую позицию по вопросам, сопряженным с расследованием мошенничеств, связанных с расходованием бюджетных средств, и по иным вопросам, прямо или косвенно сопряженным с расследованием данного вида преступных

деяний, а также постановления Пленума Верховного Суда РФ, содержащие разъяснение вопросов, возникающих в судебной практике, при рассмотрении уголовных дел о мошенничествах, связанных с расходованием бюджетных средств, иных вопросов уголовного судопроизводства, прямо или косвенно сопряженных с рассмотрением данных уголовных дел, в т.ч. смежных преступных деяний.

В частности, рассматривая право в качестве источника формирования методик расследования мошенничеств, связанных с расходованием бюджетных средств, необходимо выделить такие отрасли законодательства, как уголовное, уголовно-процессуальное, бюджетное, финансовое, банковское и другие, в том числе общепризнанные принципы и нормы международного права и международных договоров РФ. Так уголовно-процессуальный закон, в частности, определяет общие положения уголовного судопроизводства, доказательства и доказывания по уголовным делам, меры пресечения, процессуальный порядок возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. Например, разрабатывая данные методики, следует учитывать положения ч. 3 ст. 20 УПК РФ, согласно которым уголовные дела о мошенничествах в сфере предпринимательства возбуждаются не иначе как на основании заявления потерпевшего или представителя потерпевшего. Исключением из данного правила являются, в том числе, случаи, если преступлением причинен вред интересам государственного или муниципального унитарного предприятия, государственной корпорации, государственной компании, коммерческой организации с прямым участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования, либо если предметом преступления явилось государственное или муниципальное имущество.

Также следует учитывать при формировании методик расследования мошенничеств, связанных с расходованием бюджетных средств, положения ч. 1.1 ст. 108, ст. 144 УПК РФ.

Рассматривая уголовный закон в качестве источника формирования методик расследования мошенничеств, связанных с расходованием бюджетных средств, следует обратить внимание на то, что он устанавливает ответственность за данный вид преступления, его уголовно-правовые признаки, обстоятельства, смягчающие или отягчающие деяние, обстоятельства освобождения от уголовной ответственности, основания применения иных мер уголовно-правового характера к лицам, совершившим деяние, в том числе конфискации имущества и т.п. Так, при формировании методик расследования мошенничеств, связанных с расходованием бюджетных средств,

следует учитывать также дифференциацию уголовной ответственности в зависимости от разновидности мошенничеств, а именно: мошенничество при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ) и мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.4 УК РФ).

По нашему мнению к правовым источникам формирования частных криминалистических методик следует относить общепризнанные принципы и нормы международного права и международных договоров Российской Федерации. В части рекомендаций по международному сотрудничеству по делам о мошенничествах, связанных с расходованием бюджетных средств, разработчикам частных криминалистических методик следует руководствоваться как международными нормативными документами (Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20.04.1959, Дополнительный протокол к ней от 17.03.1978, Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993, Протокол к ней от 28.03.1997, двусторонние договоры, а также принципы взаимности), так и межведомственными и ведомственными документами (например, Инструкция по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола, утвержденная приказом МВД № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ № 971 от 6.10.2006).

По нашему мнению при формировании рассматриваемого вида частных криминалистических методик следует широко использовать бюджетное, банковское, финансовое, гражданское законодательство и законодательство в сфере государственных и муниципальных заказов.

Кроме того, для формирования методик расследования мошенничеств, связанных с расходованием бюджетных средств, важное значение имеют так же межведомственные и ведомственные нормативные документы (например, Инструкция по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем, утвержденная приказом Генпрокуратуры России № 309, МВД России № 566, ФСБ России № 378, ФСКН России № 318, ФТС России № 1460, Следственного комитета при прокуратуре РФ № 43, Росфинмониторинга № 207 от 5.08.2010, Положение о порядке взаимодействия контрольно-ревизионных органов Министерства финансов РФ с Генеральной прокуратурой РФ, Министерством внутренних дел РФ, Федеральной службой безопасности РФ при назначении и проведении ревизий (проверок), утвержденное приказом Минфина России, МВД России и

ФСБ России от 7.12.1999 № 89н/1033/717, Инструкция по организации формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел РФ, утвержденная приказом МВД России от 10.02.2006 № 70, Наставление по формированию и ведению централизованных оперативно-справочных, криминалистических и розыскных учетов органов внутренних дел РФ, утвержденное приказом МВД России от 9.06.2007 № 612дсп, Временная инструкция по информационному взаимодействию подразделений органов внутренних дел РФ и ФМС России с интегрированными банками данных, утвержденная приказом МВД России от 4.07.2006 № 523дсп, Положение об организации взаимодействия подразделений органов внутренних дел РФ при раскрытии и расследовании преступлений, утвержденное приказом МВД России от 26.03.2008 № 280дсп и др.).

Следует отметить, что в криминалистической литературе предпринята попытка определить направления использования законодательных и иных нормативных актов при формировании частных криминалистических методик. Так, Ю.П. Гармаев выделил следующие направления использования «сопутствующих правовых источников» (таможенное, банковское, валютное законодательство) при разработке методики расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности. В частности им выделены следующие направления:

1) анализ особенностей правового регулирования сферы внешнеэкономической деятельности в целом, как характеристики исходной информации для разработки методики расследования;

2) разработка оснований формирования рассматриваемой методики расследования и входящих в ее структуру частных методик с учетом криминалистической классификации преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности, которая, в свою очередь, может быть построена на классификации, используемой в сопутствующих правовых источниках;

3) анализ недостатков, пробелов в нормативно-правовом регулировании в сфере внешнеэкономической деятельности;

4) установление нормативной модели участников внешнеэкономической деятельности;

5) использование норм сопутствующих правовых источников для организации расследования[1].

Данные направления использования правовых источников можно

[1] Гармаев Ю.П. Источники методики расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып.1 (5). М., 2003. С. 22-29.

распространить и на формирование методик расследования мошенничеств, связанных с расходованием бюджетных средств, с учетом некоторых уточнений. Анализ особенностей правового регулирования сферы внешнеэкономической деятельности является, по нашему мнению, средством установления нормативной модели участников внешнеэкономической деятельности и анализа недостатков, пробелов в нормативно-правовом регулировании в сфере внешнеэкономической деятельности. В связи с этим перечисленные направления использования «сопутствующих правовых источников» при разработке методики расследования преступлений в сфере внешнеэкономической деятельности можно объединить в одно.

Проведенное автором исследование позволило определить следующие основные направления использования источников формирования криминалистических знаний о расследовании мошенничеств, связанных с расходованием бюджетных средств, которыми являются разработка:

- понятия и определения сущности данного вида частных криминалистических методик;

- криминалистической характеристики мошенничеств, связанных с расходованием бюджетных средств, путем уточнения содержания ее элементов и их значения для расследования данного вида преступных деяний. При этом следует осуществить анализ правового регулирования бюджетной сферы в целом и расходования бюджетных средств в частности, в том числе в целях определения нормативной модели расходования бюджетных средств и выявления недостатков, пробелов данного регулирования;

- классификации методик расследования мошенничеств, связанных с расходованием бюджетных средств;

- рекомендаций по рассмотрению сообщений о мошенничествах, связанных с расходованием бюджетных средств;

- типичных следственных ситуаций расследования данных преступлений (применительно ко всем этапам расследования);

- рекомендаций по планированию расследования (применительно ко всем этапам расследования);

- тактических комплексов при расследовании мошенничеств, связанных с расходованием бюджетных средств.

В.Н. Исаенко

О некоторых проблемах обеспечения допустимости результатов судебно-экспертного фоноскопического исследования

Продолжает оставаться дискуссионным вопрос о возможности использования в качестве образцов для идентификационного фоноскопического судебно-экспертного исследования аудиозаписей устной речи лиц, в отношении которых проводились специально на это направленные оперативно-розыскные мероприятия.

Поэтому привлекает внимание содержание п. 7.4. Обзора судебной практики по уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств, психотропных сильнодействующих и ядовитых веществ, в котором излагается позиция Верховного Суда РФ относительно использования в доказывании фонограмм с записями голосов подозреваемых и обвиняемых, полученных в результате проведения оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД)[1].

Полагаем целесообразным привести фрагмент из п. 7.4 названного документа: «В случаях, когда возникает необходимость в получении образцов голосов подозреваемых, обвиняемых, отказавших в даче образцов для сравнительного исследования, следователь может использовать имеющиеся в материалах уголовного дела так называемые свободные (например, имеется аудио-, видеозапись лица до его задержания, приобщенная к материалам дела в качестве вещественного доказательства) или условно свободные (например, полученные во время проведения следственных действий, таких как проверка показаний на месте, очная ставка, допрос, фиксировавшихся с помощью аудио-, видеозаписи) образцы голоса.

Если образец голоса подозреваемого, обвиняемого получен в ходе проводимого оперативно-розыскного мероприятия до передачи уголовного дела следователю, оперативно-розыскным органам следует установить (идентифицировать) и документально зафиксировать принадлежность голоса данному лицу.

Для признания заключений экспертов по результатам фоноскопических экспертиз допустимыми доказательствами передача образцов для сравнительного исследования должна производиться в соответствии с положениями уголовно-процессуального закона, на основании постановления следователя, в котором должны содержаться сведения об обстоятельствах получения образцов голосов».

[1] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 10.

В связи с высказанной позицией Верховного Суда РФ и ее истолкованием в некоторых публикациях возникают вопросы.

1. Поскольку Обзор опубликован в Бюллетене Верховного Суда РФ, являющемся его официальным органом, можно ли считать данную позицию разъяснением Верховного Суда РФ по аналогии с теми, которые даются в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ в соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 14 Федерального конституционного закона от 07.02.2011 № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции» и являются обязательными для всех соответствующих судов?

Обзор утвержден Президиумом Верховного Суда РФ, которому в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 16 этого же закона принадлежит только право рассмотрения материалов по результатам изучения и обобщения судебной практики. Поэтому представляется, что в Обзоре допущен выход за пределы полномочий, предоставленных как коллегии Верховного Суда РФ, так и его Президиума. Со всем уважением к высшему суду общей юрисдикции, сложно согласиться с таким подходом к изложению его позиции.

2. Как расценивать данную позицию в связи с высказанной ранее в конкретных решениях Верховного Суда РФ, в соответствии которыми недопустимо использовать в качестве образцов для сравнительного фоноскопического исследования фонограммы, полученные в результате осуществления оперативно-розыскной деятельности?

Конституционный Суд РФ в определении от 24.01.2008 № 104-О-О по жалобе Бухрова Д.Ю. указал, что «проведение в связи с производством предварительного расследования по уголовному делу оперативно-розыскных мероприятий не может подменять процессуальные действия, для осуществления которых уголовно-процессуальным законом, в частности, статьей 202 «Получение образцов для сравнительного исследования» УПК Российской Федерации, установлена специальная процедура»[1]. На это же обращено внимание в одном из определений Верховного Суда РФ[2].

В Обзоре Верховного Суда РФ сказано, что если запись голоса лица получена в ходе оперативно-розыскного мероприятия *до передачи* (курсив наш – прим. авт.) уголовного дела следователю, оперативно-розыскным органам следует установить (идентифицировать) и документально зафиксировать принадлежность голоса данному лицу.

Анализируя содержание данного разъяснения, полагаем, что оно может означать следующее.

В п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной

[1] Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии. 2008. № 9.
[2] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 5. С. 17.

деятельности» предусмотрено проведение оперативно-розыскного мероприятия «Сбор образцов для сравнительного исследования». Его осуществление может сопровождаться применением звукозаписывающих устройств. Однако данное мероприятие направлено на получение образца устной речи в целях оперативного отождествления по голосу лица, переговоры которого фиксировались. Сомнительна возможность использования результатов такого отождествления в уголовно-процессуальном доказывании уже по той причине, что оно проводится вне уголовно-процессуальной процедуры.

Получение образцов для сравнительного исследования есть элемент урегулированной уголовно-процессуальным законом деятельности по собиранию доказательств. Сложно судить, почему в комментируемом Обзоре Верховный Суд РФ проявляет своего рода двойной стандарт в подходе к вопросу к осуществлению доказывания. Он проявляется как раз в том, что высшая судебная инстанция придает значение процессуально удостоверенного факта происхождения образца голоса, полученного от проверяемого лица оперативным путем, даже если это удостоверение (отождествление) произошло до передачи дела следователю (требуя вместе с тем соблюдения процессуальной процедуры получения образцов после возбуждения дела). Но в связи с этим возникает еще один вопрос: кто в таком случае возбудил уголовное дело, переданное следователю? Осуществляющий ОРД орган такого права не имеет. Оно принадлежит следователю. Следовательно, такая рекомендация в правовом аспекте не является ни конструктивной, ни состоятельной.

Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ с 15.03.2013 разрешено назначение и производство судебной экспертизы, а также получения образцов для сравнительного исследования до возбуждения уголовного дела, т.е. расширен круг процессуальных возможностей установления не только признаков преступлений, но и причастных к ним лиц уже на данном этапе. Однако субъектом назначения экспертизы и получения образцов для сравнительного исследования независимо от того, до или после возбуждения дела они производятся, также является следователь, обязанный действовать строго в процессуальных рамках. Высказанная в Обзоре Верховного Суда РФ рекомендация, в соответствии с которой передача образцов для сравнительного исследования может быть осуществлена на основании постановления следователя, в котором должны содержаться сведения об обстоятельствах получения образцов, вряд ли может быть приемлемой. Производство выемки, в рамках которой только и возможна передача образцов, до возбуждения уголовного дела не допустимо.

Представляется, что обозначившаяся в действиях законодателя тенденция смягчения ряда жестких и чрезмерно, на наш взгляд, формализующих отдельные уголовно-процессуальные процедуры требований должна способствовать повышению оперативности и эффективности досудебного производства по уголовным делам. Однако преждевременно считать окончательно законодательно решенным вопрос использования в производстве судебно-фоноскопической (как и другой идентификационной) экспертизы образцов для сравнительного исследования, полученных оперативным путем. При всем уважении к Верховному Суду РФ его позиция по данному вопросу, изложенная в названном выше Обзоре, не дает оснований считать это возможным. Для положительного разрешения данной проблемы необходимы определенные изменения в уголовно-процессуальном законе. Как представляется, их можно достичь в результате некоторого изменения редакции ст. 89 и 202 УПК РФ

И.В. Казначей

Актуальные проблемы использования технических средств, в расследовании уголовных дел.

Исследуя процессуальное положения технических средств при производстве следственных действий, установлены существенные потребности возникающие как в теоретической так и правоприменительной деятельности следователей и дознавателей по вопросам установления правового режима использования такого рода средств. Так обращает на себя внимание многообразие различных точек зрений в подходе к классификации данных средств используемых в уголовном процессе, отстаиваемых как учеными в области криминалистики, так и учеными процессуалистами. Бесспорно, такого рода полигамия взглядов, устанавливает необходимость комплексного исследования процессуально-правовых вопросов о технических средствах, используемых при производстве следственных и процессуальных действий. Вместе с тем, современная потребность в разрешении вопросов связанных с установлением единообразного восприятия технических средств в УПК РФ, продиктована не давно вступившим в законную силу Федеральным законом РФ от 4.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в ст. 62 и 303 Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее – ФЗ № 23). Одной из новелл указанного нормативно-правового акта, является возможность замены понятых на технические средства при

производстве ряда следственных действий. Так с учетом поправок вносимых в ст. 170 УПК РФ устанавливается перечень определенных следственных действий, в которых допустима такая замена. В частности по усмотрению следователя допускается использование технических средств: при производстве наложения ареста на имущество, почтово-телеграфные отправления; осмотре, в том числе трупа; эксгумации; следственном эксперименте; выемке; контроле и записи переговоров; проверке показаний на месте. Официально принятой аргументацией о необходимости внесения такого рода поправок, является мнение законодателя о том, что предусмотренный порядок направлен на повышение эффективности производства следственных действий и снижение расходов из федерального бюджета за счёт сокращения процессуальных издержек, возмещаемых понятым[1]. Принимая во внимание и соглашаясь с позицией законодателя, все же стоит отметить, что в большинстве случаев, снижение расходов федерального бюджета не является самоцелью предварительного расследования. Вместе с тем прогнозируется, что новеллы ФЗ № 23, были приняты с учетом позиции ряда ученых, указывающих на затруднительность привлечения поняты. Авторы этой позиции полагают, что в УПК не установлено правил о допустимости принудительного привлечения лица в качестве понятого. Он участвует в следственных действиях на добровольных началах и к нему недопустима административная ответственность по ст. 17.7 КоАП РФ – невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство об административном правонарушении[2]. Безусловно, в такой ситуации единственно оправданным решением является использование должностным лицом, проводящим следственное действие, технических средств.

Однако, произведенный прогноз о сообразности использования технических средств, имеет ряд законодательных особенностей, подлежащих теоретическому осмыслению. Так, в действующем УПК России в ст. 5 (основные понятия, используемые в УПК России)

---

[1] Официальный сайт Президента РФ: Документы: Федеральный закон РФ от 4.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». URL: http:// президент.рф/документы.

[2] См. например: Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2004. С. 8; Великий А.В. К вопросу о правовой сфере использования современных возможностей информационно-коммуникативных средств в оперативно-розыскной деятельности // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 2. С. 222.

отсутствует законодательное определение понятия «технические средства». Несмотря на это, в контексте уголовно-процессуального закона неоднократно используются формулировки о технических средствах в различных смысловых значениях. Иллюстрацией к сказанному является наличие данных формулировок в ряде норм УПК РФ: так в общепринятом смысле технические средства воспринимаются как средства фиксации – «в случае производства следственного действия без участия понятых применяются технические средства фиксации его хода и результатов…» (ст. 170); как средства для протоколирования – «протокол может быть написан от руки или изготовлен с помощью технических средств» (ст. 166); как средства конструктивно предназначенные для установления необходимых сведений – «применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела» (ст. 58); как средства проверки – «в целях осуществления контроля могут использоваться аудиовизуальные, электронные и иные технические средства контроля» (ст. 107).

Наряду с изложенным в УПК РФ содержатся другие разнообразные выражения об использовании технических, информационных, коммуникационных и иных средств без установления их понятийного значения. Такой подход, не позволяет комплексно определить необходимые, т.е. основные, существенные признаки технических средств для их доказательственного обозначения. Соответственно, затруднительным прогнозируется установление общих процессуальных закономерностей в деятельности субъектов доказывания, при формировании и использовании сведений, получаемых с помощью таких средств.

Далее, рассматривая проблемы правового определения технических средств, повышенное внимание вызывает отсутствие их единообразной классификации в контексте норм УПК РФ. Разнообразная интерпретация формулировок о средствах контроля, записи, хранения, учета информации, средствах аудио, видео и фото учета информации в УПК РФ упускает из вида не маловажное условие об индивидуальных особенностях обращения с каждым из указанных средств. Например: проводя аналогию в изъятии доказательственных сведений содержащихся в электронном носителе информации (ст. 81 УПК РФ) и изъятии аналогичных сведений записанных на видеокассету (как носитель информации) отмечено, что законодателем не однозначно прописана процедура такого изъятия по отношению к обоим из обозначенных носителей. Так, согласно Федерального закона № 143 «О внесении изменений в

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[1], при изъятии электронного носителя информации участие специалиста обязательно (ст. 182-183 УПК РФ). Вместе с тем при изъятии видеозаписи находящейся на видеокассете (как носителе доказательственных сведений), такого регламентированного участия специалиста законодателем не предусмотрено. Казалось бы, и на электронном и на видеозаписывающем носителе присутствуют необходимые для юрисдикционного процесса доказывания по уголовным делам сведения. Однако в одном случае при изъятии участие специалиста строго установлено, при том как в другом аналогичном по своему содержанию действии, категоричность в присутствии специалиста отсутствует. Прогнозируется, что приведенный пример лишний раз подчеркивает ранее высказанную мысль доктора юридических наук исследовавшего вопросы, связанные с техническими средствами в уголовном судопроизводстве А.Е Федюнина о том, что: «Отсутствие единого понимания сущности технических средств, применяемых в сфере уголовного судопроизводства, неопределенность их правового статуса и порядка использования в уголовно-процессуальной деятельности влечет за собой не только неясность нормативно-правовых формулировок, но и негативно сказывается на качестве дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства уголовных дел[2]». Подводя итог к сказанному и в продолжении изложенного А.Е. Федюниным следует отметить, одним из условием достижения успешного функционирования действующего уголовно-процессуального закона, адекватного состоянию современного общества с его развитым информационно-техническим потенциалом, является обозначение насущных правовых проблем подлежащих теоретическому и законодательному осмыслению.

И.В. Калинина

Экспертизы по хозяйственным преступлениям, связанным с подделкой документов: особенности назначения по новому УПК Украины

Одним из важнейших средств получения доказательств при

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон РФ от 28.07.2012 № 143-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1. Ст. 9.

[2] Федюнин А.Е. Правовое регулирование технических средств в уголовном процессе: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 36.

расследовании уголовных дел о хозяйственных преступлениях, связанных с подделкой документов, является проведение экспертизы.

В статье нами поставлена следующая цель: определить типичные экспертизы, назначаемые при расследовании хозяйственных преступлений, связанных с подделкой документов, рассмотреть особенности их назначения и выявить проблемные вопросы, возникающие в связи с их назначением и проведением в свете нового уголовно-процессуального законодательства.

Экспертиза – это направленное на решение определенных вопросов исследование, производимое с применением специальных знаний со стороны компетентных лиц – экспертов на основе специальных знаний материальных объектов, явлений и процессов, которые содержат информацию об обстоятельствах дела, находящегося в производстве органов досудебного расследования и суда.

Изучение специальной литературы, следственной и экспертной практики позволило нам сделать вывод, что типичными экспертизами при расследовании хозяйственных преступлений, связанных с подделкой документов, являются следующие виды: техническая экспертиза документов; компьютерно-техническая (компьютерной техники и программных продуктов); почерковедческая. Типичными считаются экспертизы, которые, как правило, назначаются при расследовании определенного вида преступления или в зависимости от конкретной ситуации расследования.

Довольно часто при расследовании уголовных дел о хозяйственных преступлениях, связанных с подделкой документов (например, о незаконных действиях с документами на перевод, платежными карточками и другими средствами доступа к банковским счетам, оборудованием для их изготовления; о подделке документов, которые подаются для регистрации выпуска ценных бумаг и т.п.), возникает необходимость в назначении экспертизы, для решения вопросов которой необходимы знания из различных областей знаний или разных направлений в пределах одной области знаний. В таких случаях назначаются комплексные экспертизы.

Конечно, общество в целом и его отдельные институты не являются постоянными структурами и явлениями. Им присуща динамичность и изменчивость. Через некоторое время на месте неэффективных и устаревших элементов общественных институтов образуются новые, делаются выводы по результатам неудачных экспериментов, от последних отказываются вообще или дорабатывают их, средства их реализации и т.п. Не является исключением и уголовное судопроизводство Украины, которое в настоящее время находится в стадии реформирования. Так, 13.04.2012 был принят новый Уголовный

процессуальный кодекс Украины (далее – УПК), который вступил в силу 20.11.2012. Соответственно, практика применения уголовно-процессуальных норм (в частности о назначении экспертиз при расследовании уголовных дел) и проблемы, которые появляются в связи с этим, требуют новых научных подходов и соответствующих практических решений.

Статья 242 нового УПК определяет основания проведения экспертизы. Так, экспертиза проводится экспертом по обращению стороны уголовного производства или по поручению следственного судьи или суда, если для выяснения обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, необходимы специальные знания. Далее, в ч. 2 этой статьи говорится, что следователь или прокурор обязан обратиться к эксперту для проведения экспертизы относительно:

1) установления причин смерти,

2) установления тяжести и характера телесных повреждений,

3) определения психического состояния подозреваемого при наличии сведений, которые вызывают сомнение в его вменяемости, ограниченной вменяемости;

4) установления возраста лица, если это необходимо для решения вопроса о возможности привлечения его к уголовной ответственности, а другим способом невозможно получить эти сведения,

5) установления половой зрелости потерпевшего в уголовных производствах о преступлениях, предусмотренных ст. 155 УК Украины[1].

То есть, законодатель фактически продублировал норму УПК 1960 г., в которой были определены случаи обязательного назначения экспертизы (ст. 76).

Категоричность УПК 1960 г. и УПК 2012 г. по этому вопросу приводит к тому, что при назначении экспертиз возникают определенные проблемы. В частности, при расследовании преступлений в сфере хозяйственной деятельности, связанных с подделкой документов (ст. 199 – изготовление, хранение, приобретение, перевозка, пересылка, ввоз в Украину с целью сбыта или сбыт поддельных денег, государственных ценных бумаг или билетов государственной лотереи, ст. 200 – незаконные действия с документами на перевод, платежными карточками и другими средствами доступа к банковским счетам, оборудованием для их изготовления, ст. 216 – незаконное изготовление, подделка, использование или сбыт незаконно изготовленных, полученных или

[1] Уголовный процессуальный кодекс Украины от 13.04.2012 (по состоянию на 05.12.2012). URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show.

поддельных марок акцизного сбора или контрольных марок, ст. 223-1 – подделка документов, которые подаются для регистрации выпуска ценных бумаг, ст. 223-2 – нарушение порядка ведения реестра владельцев именных ценных бумаг, ст. 224 – изготовление, сбыт и использование поддельных негосударственных ценных бумаг)[1], практика признает необходимым проведение экспертиз для установления факта подделки определенных документов. Это может быть один или несколько видов типичных для такой категории дел экспертиз или комплексные экспертизы.

Интересны нормы УПК 2012 г. (ст. 243, ст. 244) о привлечении эксперта. Так, сторона обвинения привлекает эксперта при наличии оснований для проведения экспертизы, в том числе по ходатайству стороны защиты или потерпевшего. Сторона защиты вправе самостоятельно привлекать экспертов на договорных условиях для проведения экспертизы, в том числе обязательной.

В случае отказа следователя, прокурора в удовлетворении ходатайства стороны защиты о привлечении эксперта лицо, которое заявило соответствующее ходатайство, вправе обратиться с ходатайством о привлечении эксперта к следственному судье. Следственный судья по результатам рассмотрения ходатайства вправе своим постановлением поручить проведение экспертизы экспертному учреждению, эксперту или экспертам, если лицо, обратившееся с ходатайством, докажет, что:

1) для решения вопросов, имеющих существенное значение для уголовного дела, необходимо привлечение эксперта, однако:

а) сторона обвинения не привлекла его; б) на решение привлеченного стороной обвинения эксперта были поставлены вопросы, которые не позволяют дать полное и надлежащее заключение из вопросов, для выяснения которых необходимо проведение экспертизы; в) существуют достаточные основания полагать, что привлеченный стороной обвинения эксперт вследствие отсутствия у него необходимых знаний, предвзятости или по другим причинам предоставит или предоставил неполное или неправильное заключение;

2) оно не может привлечь эксперта самостоятельно из-за отсутствия средств или по другим объективным причинам.

Заключение эксперта, привлеченного следственным судьей, предоставляется лицу, по ходатайству которого он был вовлечен.

Новым УПК существенно изменено определение понятия заключения эксперта и его содержания. В частности, ст. 101

[1] Уголовный кодекс Украины от 5.04.2001 (по состоянию на 15.08.2012). URL: http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show.

установлено, что заключение эксперта – это описание проведенных экспертом исследований и сделанные по их результатам выводы, обоснованные ответы на вопросы, поставленные лицом, которое привлекло эксперта, следственным судьей или судом, который поручил проведение экспертизы.

Статья 102 содержит перечень основных составляющих содержания заключения эксперта, среди которых п. 6 указано, что в заключении должно быть указано описание проведенных исследований, в том числе методы, примененные в исследовании, полученные результаты и их экспертная оценка.

Следует отметить, что при оценке судом двух заключений по аналогичным вопросам, составленных различными экспертами, которые могут быть представлены как стороной обвинения, так и стороной защиты, и в случае их различия, вопросы примененных экспертом методов будет иметь решающее значение для учета результатов экспертизы в принимаемом судебном решении.

Подводя итог, отметим, что нами поставлена лишь часть проблемных вопросов, возникающих при назначении экспертиз по делам о хозяйственных преступлениях, связанных с подделкой документов, и, в частности, которые могут возникать после вступления в силу нового УПК Украины.

Ю.С. Каркошко
О.Н. Надоненко

Проблемные аспекты назначения комплексной и комиссионной судебных экспертиз: ошибки в практической деятельности

При расследовании преступлений не редки ситуации, когда следователь ставит на разрешение экспертов сложные, нестандартные вопросы, либо при изучении полученного материала эксперт понимает, что исследуемая ситуация не так проста, как представлялось ранее. В результате возникает необходимость проведения комплексной или комиссионной экспертиз.

Порядок определения характера экспертизы и особенности ее проведения в статусе комплексной или комиссионной определен в ст.ст. 200, 201 УПК РФ. Процедура поручения выполнения судебной экспертизы прописана в ст. 199 УПК РФ. В этой статье в ч. 2 указано, что «руководитель экспертного учреждения после получения постановления поручает производство судебной экспертизы конкретному эксперту или нескольким экспертам из числа работников данного учреждения». Эта же норма, но в другой формулировке

содержится и в ст. 14 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»[1] (далее – ФЗ № 73) – «Руководитель не вправе … самостоятельно без согласования с органом или лицом, назначившим судебную экспертизу, привлекать к ее производству лиц, не работающих в данном учреждении». В соответствии со ст. 15 ФЗ № 73 руководителю государственного судебно-экспертного учреждения дается право «ходатайствовать перед органом или лицом, назначившим судебную экспертизу, о включении в состав комиссии экспертов лиц, не работающих в данном учреждении, если их специальные знания необходимы для дачи заключения».

Таким образом, УПК РФ и ФЗ № 73 запрещают руководителю государственного судебно-экспертного учреждения поручать производство экспертизы специалисту, не работающему в данном государственном судебно-экспертном учреждении, предписывая ему, в случае такой необходимости, направлять ходатайство следователю или иному лицу, назначившему экспертизу о включении в состав комиссии экспертов специалиста, обладающего либо узкоспециальными познаниями, либо более высокой квалификацией, чем сотрудники судебно-экспертного учреждения, для полноценного и всестороннего рассмотрения и разрешения поставленных перед экспертами вопросов. Такое ходатайство может содержать как общее указание на профессиональные характеристики специалиста, которого желательно включить в состав комиссии, например, врач-ренгенолог, сосудистый хирург, так и прямой запрос о привлечении конкретного специалиста, который обладает, по мнению руководителя государственного судебно-экспертного учреждения, необходимыми знаниями и навыками с указанием его фамилии, места работы и должности, к производству экспертизы. Следователь вправе удовлетворить данное ходатайство, либо нет. По результатам рассмотрения ходатайства следователь выносит постановление в порядке, установленном ст. 122 УПК РФ, и в случае его удовлетворения в результативной части назначает предлагаемое лицо экспертом для производства судебной экспертизы и дачи заключения. Одновременно следователь в этом же постановлении принимает решение о разъяснении указанному субъекту прав и обязанностей эксперта, предусмотренных ст. 57 УПК РФ. С постановлением следует ознакомить потерпевшего и обвиняемого. Только после этого лицо, не работающее в государственном судебно-экспертном учреждении, может быть допущено к участию в производстве судебной экспертизы.

[1] Парламентская газета. 2001. № 100.

Однако при изучении материалов уголовных дел и по результатам общения с сотрудниками различных следственных подразделений СК России было обнаружено, что на практике зачастую данный механизм организации производства комплексных и комиссионных экспертиз не соблюдается.

В постановлениях о назначении судебных экспертиз следователи по рекомендации сотрудников экспертных подразделений нередко включают следующую фразу: «Разрешаю в случае необходимости привлекать к производству судебной экспертизы специалистов соответствующего профиля». Однако, насколько законна данная рекомендация со стороны экспертного учреждения и исполнение ее следователем?

При изучении заключений экспертов по таким постановлениям было установлено, что среди участников, выполнявших исследование и подписавших заключение, присутствует лицо (или несколько лиц), обладающее специальными познаниями, и обозначенное в заключении эксперта как специалист. Данные лица привлекаются к производству экспертизы, к оценке результатов исследования и формулировке выводов по поставленным перед экспертом вопросам по выбору самого эксперта или руководителя экспертного подразделения. Они имеют доступ ко всем материалам уголовного дела, предоставленным в судебно-экспертное учреждение при постановлении о назначении судебной экспертизы: как вещественным доказательствам, так и к материалам уголовного дела, представленным эксперту. Причем следователь узнает об участии данного специалиста в производстве экспертизы только после того, как получает заключение эксперта и знакомится с ним.

Рассмотрим более детально нормы УПК РФ, которые оказываются нарушенными таким разрешением следователя и исполнением его со стороны экспертного подразделения.

Начнем с того, насколько вообще законно привлечение лица в статусе специалиста при производстве судебной экспертизы, и кто присваивает ему этот статус? В соответствии с действующим УПК РФ, специалист – это определенный участник уголовного процесса. В соответствии с УПК РФ в производстве судебной экспертизы может принимать участие только лицо в статусе эксперта. Ни в одной норме УПК РФ не содержится упоминание о том, что судебная экспертиза может быть выполнена с участием специалиста. Более того, в ст. 58 УПК РФ указано, для чего специалист привлекается к участию в процессуальных действиях, и там нет упоминания об оказании консультативной или иной помощи эксперту при производстве судебной экспертизы. Также в данной статье указано, что привлечение

специалиста к участию в процессуальных действиях должно осуществляться в порядке, установленном настоящим Кодексом. Специалист может быть предупрежден о запрете на разглашение данных предварительного расследования, ставших ему известными в связи с участием в производстве по уголовному делу в качестве специалиста в соответствии со ст. 161 УПК РФ. В данной статье в ч. 2 указано, что следователь или дознаватель предупреждает участников уголовного судопроизводства о недопустимости разглашения сведений. Однако так как следователь не задействован в привлечении специалиста к участию в производстве судебной экспертизы, то он не реализует свое право и такой специалист заведомо остается не предупрежденным об этом. Более того, в соответствии со ст.ст. 164, 168 УПК РФ следователь не удостоверяется в компетенции специалиста, не выясняет его отношение к подозреваемому (обвиняемому), потерпевшему (а ведь возможно, что данный человек находится в заинтересованном положении относительно кого-либо из участников процесса), а так же не разъясняет специалисту его права и ответственность. Таким образом, данное лицо не приобретает официального статуса специалиста, ни о чем не предупреждено, не несет никакой ответственности, но все равно участвует в производстве следственного действия и получает доступ к материалам уголовного дела. Одновременно следователь лишен возможности рассмотреть вопрос об отводе такого специалиста (ст.ст. 62, 72 УПК РФ).

Также сами сотрудники экспертного подразделения такой рекомендацией и последующим исполнением ее в виде самостоятельного привлечения специалиста к производству судебной экспертизы нарушают требования ч. 4 ст. 57 УПК РФ о том, что эксперт не вправе разглашать данные предварительного расследования, ставшие известными ему в связи с участием в уголовном деле в качестве эксперта. На практике судебный эксперт не только разглашает эти сведения, но и дает ознакомится с ними, активно обсуждает результаты и формулирует выводы с лицом, не имеющим процессуального статуса.

Заключение эксперта в соответствии со ст. 74 УПК РФ является одним из доказательств по уголовному делу. А в соответствии со ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения. Таким образом, применяемый на практике порядок проведения судебных экспертиз с привлечением «специалистов» ставит под сомнение допустимость заключения эксперта, так как нарушает многие требования действующего УПК РФ.

М.С. Колесников

Некоторые аспекты доследственной проверки в порядке ст. 144-145 УПК РФ, проводимой следователями Следственного комитета Российской Федерации по материалам о фактах совершения налоговых преступлений (на примере следственной практики Дальневосточного федерального округа)

На сегодняшний день по данным Федеральной налоговой службы России за второе полугодие 2012 г. доходы консолидированного бюджета по сравнению с аналогичным периодом прошлого года уменьшились на 29,5%. По данным Министерства экономического развития России за указанный период снижение промышленного производства составило 14,8%, ВВП страны сократился на 10,1%. Международные золотовалютные резервы уменьшились на 14,49 млрд. долларов. Дефицит федерального бюджета составил по предварительным данным Министерства финансов России 753,6 млрд. руб. или 4,2% ВВП[1].

Результаты анализа экономической ситуации позволяют прогнозировать дальнейшее ухудшение ситуации с формированием доходной части бюджета, что в первую очередь связанно с увеличением численности недобросовестных налогоплательщиков и увеличением количества налоговых правонарушений и преступлений. В 2013 г. Минэкономразвития России прогнозирует дефицит бюджета на уровне 7,8% от ВВП. При этом задолженность по уплате налогов и сборов по итогам второго полугодия 2012 г. составила 1 трлн. 22,8 млрд. руб. Такие данные были приведены в документах, подготовленных Минфином России к заседанию президиума Правительства 24.12.2012. Общий объем налоговых доходов федерального бюджета РФ за второе полугодие 2012 г. составил 1 трлн. 801,1 млрд. руб., что на 26,3% ниже показателя аналогичного периода 2011 г.[2]

Таким образом, актуальность борьбы с недобросовестными налогоплательщиками споров не вызывает, так как каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы, как предписывает ст. 57 Конституции РФ.

Высшими должностными лицами государства неоднократно обращалось внимание на необходимость борьбы с противоправными

[1] Соловьев И.Н. Преступные налоговые схемы и их выявление: учебное пособие. М., 2012. С. 21-24.
[2] URL: http://government.ru/docs.

действиями в финансовой сфере государства, совершаемыми как чиновниками, так и рядовыми гражданами. В средствах массовой информации ежедневно придаются огласке действия чиновников, грубо нарушающие права и свободы граждан. Помимо того, ежедневно практически в каждом выпуске новостей мы слышимо совершении должностными лицами государственных органов или органов местного самоуправления коррупционных или налоговых преступлений. Реагируя на данные факты, президент России В.В. Путин периодически дает комментарии, а также оценку эффективности деятельности государственных органов, которая зачастую его не устраивает, давая тем самым понять, что противоправные действия любого представителя государственной власти дискредитируют всю вертикаль власти в глазах населения и просто недопустимы, тем не менее, мы не перестаем о них слышать.

Значимость надлежащего исполнения налоговой обязанности, возложенной действующим законодательством на юридических и физических лиц, очень велика, что неоднократно подчеркивалось в нормативно-правовых актах на федеральном уровне.

Так, согласно п. 9 Указа Президента РФ от 18.08.1996 № 1212 «О мерах по повышению собираемости налогов и других обязательных платежей и упорядочению наличного и безналичного денежного обращения» «в целях повышения собираемости налогов за счет предотвращения уклонения от их уплаты и упорядочения наличного и безналичного денежного обращения в Российской Федерации предприятия не вправе вносить наличные денежные средства на счета других лиц – владельцев счетов (в том числе физических лиц), минуя свой расчетный счет», а также согласно письму Госналогслужбы России от 08.05.1998 № ВК-6-10/282 запрещается проводить сделки, предусматривающие осуществление расчетов за реализованные товары (работы, услуги) через счета третьих лиц, если организация является недоимщиком. Данные положения не утратили юридической силы, в то время как направление борьбы с недобросовестными налогоплательщиками продолжило свое развитие и в дальнейшем[1].

Согласно положениям п. п. 3 и 5 Постановления Конституционного Суда РФ от 17.12.1996 № 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона РФ от 24 июня 1993 г. «О федеральных органах налоговой полиции», в соответствии с которыми налогоплательщик не вправе распоряжаться по своему усмотрению той частью своего имущества, которая в виде

[1] Соловьев И.Н. Преступные налоговые схемы и их выявление: учебное пособие. С. 35-40.

определенной денежной суммы подлежит взносу в казну, и обязан регулярно перечислять эту сумму в пользу государства, а взыскание налога не может расцениваться как произвольное лишение собственника его имущества – оно представляет собой законное изъятие части имущества, вытекающее из конституционной публично-правовой обязанности».

Также, в тексте Постановления Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ) от 23.12.1997 № 21-П указано, что налоги являются важнейшим источником доходов бюджета, за счет которого должны обеспечиваться соблюдение и защита прав и свобод граждан, а также осуществление социальной функции государства (ст.ст. 2 и 7 Конституции РФ). Без поступлений в бюджет налоговых платежей невозможно финансирование предприятий, выполняющих государственный заказ, учреждений здравоохранения, образования, армии, правоохранительных органов[1]. Сходная правовая позиция выражена в Определении КС РФ от 7.11.2008 № 1049-О-О. Согласно Конституции РФ каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы (ст. 57 Конституции РФ). По смыслу данной статьи конституционная обязанность платить законно установленные налоги и сборы имеет особый, а именно публично-правовой характер, что обусловлено самой природой государства и государственной власти[2].

Уплата легитимно установленных налогов и сборов в бюджеты различных уровней является признаком правовой культуры, но, к сожалению, большинство российских граждан не наделены надлежащим чувством социальной ответственности, и, как следствие, у многих из нас отсутствует финансовая дисциплина, что является отрицательным показателем и без того низкой правовой культуры. На взгляд автора, для надлежащего исполнения налоговой обязанности гражданами необходим соответствующий стратегический политический курс, которому будет сопутствовать законотворчество, характер которого должен учитывать реальные финансовые возможности граждан, а также процесс развитие и качественные показатели в деятельности правоохранительных органов России в области координации действий, направленных на повышение эффективности налогового контроля и совершенствования института уголовной ответственности за совершение налоговых преступлений.

Следует отметить, что в случае неисполнения налоговой обязанности или исполнения ее ненадлежащим образом, гражданин

[1] URL: http ://www.ksrf.ru/ru.

[2] Соловьев И.Н. Преступные налоговые схемы и их выявление: учебное пособие. С. 50-51.

может нести уголовную ответственность, но только в случае установления в его действиях признаков состава преступления.

Перечисленные негативные факторы являются основной детерминантой налоговой преступности, в связи с чем, на протяжении длительного периода времени перед руководством страны стоит вопрос о выработке мер, направленных на качественную и эффективную борьбу с налоговой преступностью.

В настоящее время, согласно положениям пп. «а» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ, производство предварительного расследования по уголовным делам о налоговых преступлениях, ответственность за совершение которых предусмотрена ст.ст. 198-199.2 УК РФ, отнесено к подследственности СК России в связи с вступившими в силу 01.01.2012 изменениями, внесенными в ст. 150-151 УПК РФ, то есть в части определения подследственности рассматриваемой категории преступлений следственным органам СК России. Ранее расследование данной категории преступлений было отнесено к подследственности органов внутренних дел. Надо полагать, что при внесении изменений в ст. 150 и 151 УПК РФ законодатель руководствовался тем, что работа органов внутренних дел в области выявления и расследования налоговых преступлений была неэффективной, в связи чем, компетенция по их расследованию была передана в ведение органов СК России.

Уже на протяжении длительного времени, по сложившейся практике материалы налоговой проверки передаются в органы СК России налоговыми органами Федеральной налоговой службы Российской Федерации (далее – ФНС РФ). Процедура передачи материалов налоговой проверки регламентируется ст. 32, 33 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), из содержания которых следует, что в случае, если в течение двух месяцев со дня истечения срока исполнения требования об уплате налога (сбора), направленного налогоплательщику, на основании решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения, последний не уплатил (не перечислил) в полном объеме указанные в требовании суммы недоимки, размер которой позволяет предполагать наличие признаков состава преступления в действиях налогоплательщика, то налоговые органы обязаны в течение 10 дней со дня выявления указанных обстоятельств направить материалы в органы СК России для принятия решения вопроса о возбуждении уголовного дела[1] в порядке ст. 144-145 УПК РФ.

[1] Федеральные законы: от 29.12.2009 № 383-ФЗ (ред. от 28.07.2012) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской

Кроме того, между СК России и ФНС РФ заключено соглашение, а также имеется несколько протоколов, являющихся его неотъемлимыми приложениями. В указанном соглашении регламентирован порядок направления материалов налоговыми органами ФНС в органы СК России при выявлении обстоятельств, позволяющих предполагать совершение нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления[1]. В протоколе № 2 к соглашению определен порядок направления органами СК России материалов в налоговые органы при выявлении обстоятельств, требующих совершения действий, отнесенных к полномочиям налоговых органов. Механизм проверки по фактам сокрытия денежных средстви имущества, за счет которых должно производиться взыскание налогов, необходимо осуществлять, руководствуясь требованиями приказа СК России «О порядке приема и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации»[2] и использовать рекомендации, содержащиеся в Информационном письме заместителя Председателя СК России от 30.10.2011 № 214/1-33719-10 «О некоторых особенностях и вопросах взаимодействия, в том числе международного сотрудничества, при расследовании налоговых преступлений».

Федеральным законом от 06.12.2011 № 407-ФЗ в ст. 140 УПК РФ добавлена ч. 1.1, согласно которой поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. 198-199.2 УК РФ, могут служить только материалы, которые направлены налоговыми органами в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждения уголовного дела. В этой связи, на сегодняшний день уголовное дело по факту совершения преступлений, предусмотренных ст. 198-199.2 УК РФ, может быть

Федерации», от 27.07.2010 № 229-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации», от 28.12.2010 № 404-ФЗ (ред. от 07.12.2011) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия».

[1] Соглашение между Следственным комитетом РФ и Федеральной налоговой службой РФ от 06.03.2012 № 101-62-12/ММВ-27-2/3, а также протоколы № 1, 2 от 06.03.2012 к указанному соглашению. URL: http://sledcom.ru/corruption.

[2] Об организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации: приказ СК России от 11.10.2012 № 72 // Российская газета. 2013. 06 марта.

возбуждено исключительно на основании материалов, направленных в органы СК России налоговыми органами, что, несомненно, в полной мере реализует право налогоплательщика на защиту, гарантированное ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, а также ст. 16 УПК РФ и ст. 4 АПК РФ.

Кроме вышеперечисленных нормативно-правовых актов, к примеру, в Приморском крае, имеется соответствующий Приказ руководителя Следственного управления СК России по Приморскому краю и начальника Управления ФНС России по Приморскому краю от 02.02.2012 № 01-11/031/11 «Об утверждении временной инструкции о порядке направления материалом налоговыми органами Приморского края в следственные органы Приморского края при выявлении обстоятельств, позволяющих предположить совершение нарушения законодательства о налогах и сборах, содержащего признаки преступления»[1], устанавливающий перечень документов, которые должны наличествовать в материалах, передаваемых в органы СК России для регистрации указанных материалов в качестве сообщений о преступлениях.

В случае отсутствия оснований для возвращения материалов налоговой проверки заявителю, то есть в налоговый орган, материал регистрируется в книге учета сообщений преступлениях и, в дальнейшем, по нему следователем СК России проводится проверка в порядке ст. 144-145 УПК РФ.

Таким образом, систему правовой регламентации доследственной проверки по материалам, переданным налоговыми органами в следственные органы, являются: ст. 198-199.2 УК РФ, предусматривающие уголовную ответственность за совершение налоговых преступлений, ст. 144-145 УПК РФ, которые содержат положения, регулирующие общий порядок проведения доследственной проверки, а также основания возбуждения уголовного дела. Также, следователь СК России при разрешении материала, переданного налоговым органом, должен руководствоваться положениями соглашения заключенного между Следственным комитетом РФ и Федеральной налоговой службы РФ № 101-62-12/ММВ-27-2/3, Приказа СКР от 03.05.2011 № 72 «О порядке приема и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации», а также иными подзаконными актами, принятыми на уровне следственных управлений СК России.

Несмотря на многочисленные межведомственные и внутриведомственные подзаконные акты, в следственной практике

[1] URL: http://www.supk.ru.

органов СК России по Дальневосточному федеральному округу возникают многочисленные недостатки, что обусловлено тем, что не в полной мере урегулированы вопросы передачи материалов налоговых проверок из органов ФНС РФ в органы СК России, а также многочисленными недостатками в правовой регламентации процедуры передачи материалов, в частности это касается сроков передачи, а также законодательно установленной возможности передачи материалов налоговой проверки в отсутствие решения арбитражного суда, вступившего в законную силу.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в условиях действующей процедуры передачи материалов налоговой проверки в органы СК России, основной проблемой на стадии проведения проверки в порядке ст. 144-145 УПК РФ, которая возникает у следователя является проблема отсутствия решения арбитражного суда вступившего в законную силу при решении вопроса о возбуждении уголовного дела, при этом следственная практика органов СК России по Дальневосточному федеральному округа не является исключением.

Согласно ч. 1 ст. 16 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) вступившие в законную силу судебные акты арбитражного суда являются обязательными для органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц и граждан и подлежат исполнению на всей территории РФ. В то же время положения ст. 143 АПК РФ говорят о том, что в случае невозможности рассмотрения дела в арбитражном суде до разрешения другого дела, рассматриваемого судом общей юрисдикции, арбитражный суд, в производстве которого находится дело, обязан приостановить производство по делу. На практике арбитражные суды периодически игнорируют данную норму, что является нарушением и препятствует полному, всестороннему исследованию всех обстоятельств гражданского дела и нарушает право налогоплательщика на защиту, гарантированное ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, а также ст. 16 УПК РФ и ст. 4 АПК РФ, что подтверждается судебной практикой арбитражных судов[1]. Так, лицу, в производстве которого находится материал проверки в порядке ст. 144-145 УПК РФ по факту деяния, содержащего признаки налогового преступления или уголовной дело, возбужденное по аналогичному факту, целесообразно постоянно соотносить свои процессуальные

[1] Определение ВАС РФ от 02.10.2012 № ВАС-7057/12 по делу № А04-1754/2011; Постановление ФАС Поволжского округа от 22.11.2012 по делу № А55-23821/2010; Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.09.2008 № 18АП-4728/2008 по делу № А76-25555/2007.

решения и действия с ходом и стадией рассмотрения соответствующего налогового спора в арбитражном суде. Игнорирование данных рекомендаций может привести к следующей неблагоприятной для следователя ситуации. В порядке ст. 32 НК РФ налоговый орган передает материал для производства доследственной проверки в порядке ст. 144-145 УПК РФ. В предоставленных налоговым органов материале налоговой проверки имеется решение арбитражного суда 1 инстанции, в котором суд посчитал действия налоговых органов полностью правомерными, расчет до начисленных налогоплательщику сумм верным, отказав последнему в удовлетворении жалобы. Следователь, усмотрев признаки одного из составов преступлений, предусмотренных ст. 198-199.2 УК РФ, выносит постановление о возбуждении уголовного дела. В ходе расследования уголовного дела налогоплательщик в апелляционном порядке обжалует решение суда 1-ой инстанции, и суд апелляционной инстанции находит позицию налогового органа и нижестоящего суда необоснованной, встает на сторону налогоплательщика и выносит решение о неправомерности действий налогового органа. При этом рассмотрим худшую следственную ситуацию. Следователь на момент вынесения решения судом апелляционной инстанции вынес постановление о привлечении в качестве обвиняемого, приняв во внимание при расчете суммы ущерба – сумму неуплаченных налогов, сборов и иных платежей, указанную в решении налогового органа о привлечении налогоплательщика к налоговой ответственности в порядке ст. 120, 122 НК РФ и, соответственно, решении суда первой инстанции. С учетом положения ст. 90 УПК РФ, в которой закреплен принцип преюдициального значения решения суда, последнее имеет первостепенное значение для лица, ведущего предварительное следствие, в особенности, на стадии принятия им процессуального решения в порядке ст. 144-145 УПК РФ. В этой связи, в случае противоречия вступившего в силу решения суда и постановления следователя о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела, действия последнего следует признать незаконными и нарушающими право налогоплательщика на защиту, что повлечен неблагоприятные последствия для следователя, как минимум, в виде дисциплинарной ответственности.

Таким образом, следователь, при разрешении материала в порядке ст. 144-145 УПК РФ, который был передан налоговыми органами на момент обжалования налогоплательщиком действий налогового органа, и в отсутствие решения арбитражного суда, вступившего в законную силу, в котором будет указан конечный размер подлежащих взысканию с налогоплательщика денежных сумм, должен посредством

запроса в порядке ст. 21 УПК РФ истребовать сведения о движении жалобы налогоплательщика и о стадии рассмотрения судебного спора для рационального планирования дальнейшего расследования.

Изученные позиции вовсе не являются прямым руководством к действию для следователей при вынесении постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по данной категории преступлений. Также, они не означают, что не следует возбуждать уголовное дело в случае отсутствия решения арбитражного суда вступившего в законную силу на стадии проверки, проводимой в порядке ст. 144-145 УПК РФ, тем не менее, следует взвешенно и с максимальной долей осмотрительности подходить к принятию решения о возбуждении уголовного дела, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 145 УПК РФ.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что попытки законодателя, направленные на стимулирование недобросовестных налогоплательщиков к уплате установленных налогов и сборов, и, в то же время, на обеспечение защиты интересов добросовестных налогоплательщиков, введенные в действующее законодательство, не дали надлежащего результата, о чем могут свидетельствовать статистические данные, изложенные ранее. Внесенные изменения не коснулись выработки четкой и целенаправленной стратегии налоговой политики, а также концепции уголовной ответственности за совершение налоговых преступлений, заложенной в УК РФ. Правовая регламентация диспозиций и санкций ст. 198-199.2 УК РФ с 2003 г., не претерпевала серьезных изменений. Более того, в 2011 году произошло незначительное смягчение санкций ст. 198-199.2 УК РФ, что, на взгляд автора настоящей работы, не представляется логичным и обоснованным в условиях роста налоговой преступности и увеличения количества криминальных денежных потоков на международном уровне.

По мнению автора, нельзя обойти вниманием и то, что единственным значимым шагом государства на пути к выработке наиболее совершенной стратегии в борьбе с налоговой преступностью, явилось создание в 1992 г. Федеральных органов налоговой полиции, которые согласно ст. 1 Закона РФ «О федеральных органах налоговой полиции» являлись правоохранительными органами и составной частью сил обеспечения экономической безопасности Российской Федерации. В 2003 г. руководством страны во главе с В.В. Путиным было принято решение о ликвидации налоговой полиции. 01.07.2003 в связи с принятием Федерального закона от 30.06.2003 № 86-ФЗ Закон РФ «О федеральных органах налоговой полиции» утратил силу, и налоговая полиция перестала существовать, что в свою очередь

отразилось на качестве противодействия и борьбы с организованной экономической преступностью.

27.02.2013 в ходе расширенного заседания коллегии СК России бурную реакцию и множество вопросов вызвала инициатива Председателя СК России с предложением о создании в нашей стране финансовой полиции. По мнению А.И. Бастрыкина, такая служба необходима для выявления и раскрытия финансовых преступлений, которые представляют особую сложность в расследовании в связи с необходимостью специальных познаний в области экономики и финансов, а также особой сложностью и большим объемом следственных действий, производство которых необходимо по данной категории дел[1].

Я.В. Комиссарова

Проблемные аспекты защиты прав граждан в ситуации становления новых видов экспертиз

На современном этапе проблема защиты прав и свобод человека и гражданина при использовании специальных знаний в ходе осуществления правосудия по уголовным делам стоит, как никогда ранее, остро. Морально устаревшая процессуальная конструкция позволяет частнопрактикующим специалистам получать вознаграждение за участие в судопроизводстве (в том числе за счет средств федерального бюджета) независимо от качества оказываемых услуг. Особого внимания заслуживают вопросы обеспечения реализации назначения уголовного судопроизводства в ситуации становления новых видов экспертиз.

В последние 10 лет психофизиологические исследования и экспертизы с применением полиграфа регулярно проводятся: с 2002 г. – в Институте криминалистики Центра специальной техники ФСБ России (далее – ИК ФСБ России), с 2004 г. – в 111 Главном государственном центре судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Минобороны России (далее – 111 ГГЦСМиКЭ МО РФ), с 2005 г. – в ЭКЦ ГУВД по г. Москве, с 2006 г. – в ЭКЦ МВД по Республике Татарстан, с 2010 г. – в Экспертно-криминалистическом управлении ФСКН России.

С 2009 г. исследования с применением полиграфа (а в некоторых регионах – экспертизы) стали проводить сотрудники вновь созданного Управления организации экспертно-криминалистической деятельности

[1] Российская газета. 2013. 27 февраля.

Главного управления криминалистики СК России и подразделений криминалистики СУ СК России по субъектам РФ. В 2012 г. результаты 855 проведенных ими исследований нашли отражение в обвинительных заключениях, свыше 200 заключений полиграфологов использовались в совокупности с другими доказательствами при вынесении приговоров (в том числе оправдательных), 130 были учтены при принятии решения по делу.

Кроме того, экспертизы с применением полиграфа проводятся в нескольких негосударственных экспертных учреждениях, а также множеством частнопрактикующих специалистов-полиграфологов, что создает ряд проблем, связанных: во-первых, с низкой квалификацией отдельных «специалистов»; во-вторых, с незнанием полиграфологами основ юриспруденции, теории и практики судебной экспертизы; в-третьих, с различием в научных подходах к обоснованию методик проведения исследования.

Как известно, при формировании нового рода (вида) экспертизы ученые и практики сталкиваются с необходимостью использования не только методов и методик, заимствованных из материнской науки, но и разработки специфических экспертных методик, востребованных исключительно в судебно-экспертной деятельности. Соответственно при производстве судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа (далее – СПФЭ) следует различать:

1. Методику(и) проведения тестирования на полиграфе, порядок использования специальных знаний их носителем при проведении исследования как такового. Наработанные мировой практикой методики данного типа общеизвестны, апробированы в России и применяются в ходе исследования независимо от того, в какой организационно-правовой форме оно проводится. Их освоение происходит в период прохождения субъектом подготовки в качестве полиграфолога.

2. Экспертную методику производства СПФЭ как систему предписаний (категорических или альтернативных), регламентирующих выбор и порядок применения в определенной последовательности и в определенных (существующих или создаваемых) условиях способов и средств решения полиграфологом экспертных задач.

В 2005 г. коллектив авторов разработал «Видовую экспертную методику производства психофизиологического исследования с использованием полиграфа» (далее – Видовая экспертная методика), которая 11.11.2005 была утверждена в составе Методических рекомендаций АНО «Центр независимой комплексной экспертизы и

сертификации систем и технологий»[1]. В 2006-2009 гг. эта методика прошла апробацию в ЭКЦ МВД Республики Татарстан и в настоящее время в полном объеме используется при проведении психофизиологических исследований и экспертиз с применением полиграфа в СК РФ и 111 ГГЦСМиКЭ МО РФ[2].

Документом, в определенной мере синтезирующим положения обоих вышеуказанных типов методик, являются Единые требования к порядку проведения психофизиологических исследований с использованием полиграфа (далее – Единые требования), в 2008 г. подготовленные коллективом авторов в виде пособия, предназначенного для использования в деятельности специалистов-полиграфологов правоохранительных органов Российской Федерации[3].

---

[1] В разработке Видовой экспертной методики участвовали: Л.Н. Иванов, кандидат медицинских наук; Я.В. Комиссарова, кандидат юридических наук; А.Б. Пеленицын, кандидат биологических наук; В.Н. Федоренко, кандидат биологических наук (см.: Инструментальная детекция лжи: реалии и перспективы использования в борьбе с преступностью: материалы Международного науч.-практ. форума / под ред. В.Н. Хрусталева, Л.Н. Иванова. Саратов, 2006. С. 90-96).

[2] С учетом изложенного вызывает недоумение умозрительная позиция отдельных исследователей, огульно критикующих Видовую экспертную методику (вплоть до отрицания документально подтвержденного факта ее апробации), не предложивших каких-либо собственных адекватных современным реалиям разработок. Так, в одной из своих статей Ю.И. Холодный пришел к выводу, что введение понятия «единый научно-методический подход к практике проведения психофизиологических исследований и экспертиз с применением полиграфа, профессиональной подготовке и специализации полиграфологов» в юридическую и научную лексику в настоящее время не обосновано; как следствие, указанное понятие не может быть использовано в юридически значимых документах (см.: Холодный Ю.И. О «едином научно-методическом подходе» к применению полиграфа // Юридическая психология. 2013. № 1. С. 11-13). Надо сказать, что утверждение для бывшего сотрудника государственного судебно-экспертного учреждения – ИК ФСБ России более чем странное. В соответствии с ч. 6 ст. 11 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» государственные судебно-экспертные учреждения одного и того же профиля осуществляют деятельность по организации и производству судебной экспертизы на основе единого научно-методического подхода к экспертной практике, профессиональной подготовке и специализации экспертов, что не является препятствием для разработки и утверждения в установленном законом порядке ведомственных методик проведения отдельных видов экспертиз.

[3] Единые требования были подготовлены в ходе научно-исследовательской работы, выполненной сотрудниками Академии управления МВД России по

Частнопрактикующие полиграфологи, осознавая обязательность выполнения требований п. 9 ч. 1 ст. 204 УПК РФ, в своих заключениях охотно ссылаются на Видовую экспертную методику и Единые требования, но при этом исследование проводят с грубыми нарушениями оговоренных в них положений[1].

Именно поэтому ведение видеозаписи, не предусмотренное действующим законодательством при проведении судебных экспертиз, при производстве СПФЭ представляется важным, если не обязательным условием ее объективности. Лишь при наличии видеозаписи у сторон есть реальная возможность оценить адекватность действий конкретного полиграфолога выработанным международной практикой научно-методическим стандартам и требованиям этики[2].

заявке БСТМ МВД России (п. 5.3.1 Плана научного обеспечения деятельности ОВД и ВВ МВД России на 2008 г.). В разработке пособия и экспертной оценке промежуточных результатов исследования участвовали опытные специалисты по использованию полиграфа в оперативно-розыскной деятельности, судопроизводстве и регулировании трудовых отношений. В рабочую группу экспертов вошли сотрудники (действующие или находящиеся в запасе) МВД, ФСБ, МО, СВР, ФСКН, ФСИН Минюста России, а также преподаватели ведущих государственных образовательных учреждений страны, в том числе – автор статьи (см.: Единые требования к порядку проведения психофизиологических исследований (ПФИ) с использованием полиграфа: практ. пособие / Б.Н. Мирошников [и др.]. М., 2008).

[1] См. подробно: Комиссарова Я.В. Ошибки при производстве судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа // Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е.Р. Россинской. М., 2012. С. 226-241.

[2] Об актуальности ведения видеозаписи в ходе ПФИ свидетельствуют результаты рецензирования в 111 ГГЦСМиКЭ МО РФ заключений экспертов-полиграфологов по уголовным делам. Просмотр видеозаписи проведения тестирования на полиграфе, кассета с которой была приобщена полиграфологом Н.И.В. к заключению эксперта, показал, что на 5-й минуте беседы с подэкспертным М. полиграфолог начинает набирать текст смс-сообщения, параллельно отвечает на поступивший звонок и далее на протяжении всего тестирования многократно принимает и отправляет смс-сообщения, таким образом утрачивая контроль за процедурой тестирования (рецензирование проводилось в мае 2011 г.). Просмотр видеозаписи проведения тестирования на полиграфе, DVD-диск с которой был приобщен полиграфологом П.Л.С. к заключению эксперта, показал, что на 10-й минуте тестирования С. на полиграфе верхний из двух датчиков дыхания (изначально правильно установленный на груди подэкспертного над линией сосков) сползает ниже линии сосков (впоследствии и вовсе съезжает на уровень живота), а на 23-й минуте сползает на уровень пупка нижний датчик (изначально правильно установленный на уровне верхней границы живота подэкспертного), на что эксперт не обращает внимания, хотя подобное

Присутствие кого-либо при проведении тестирования на полиграфе, помимо обследуемого и полиграфолога, может способствовать решению вопроса о том, не было ли допущено в отношении обследуемого лица каких-либо действий, ущемляющих его права, унижающих честь и достоинство, и т.п. Однако присутствие третьих лиц без ведения видеозаписи не позволяет объективно решить вопрос о том, были или не были соблюдены лицом, проводившим тестирование на полиграфе, все существенные методические требования.

Подобные проблемы в той или иной мере характерны и для других видов экспертиз. Но в ситуации становления нового направления они, что называется, колют глаз, порождая иллюзию, будто на уровне закона, санкционировав или, напротив, запретив применение отдельно взятого технического средства, можно решить проблему использования методов прикладной психофизиологии в доказывании. Между тем, опыт разных стран мира свидетельствует – ответ на вопрос о легитимности ссылок на результаты исследований с применением полиграфа в уголовном судопроизводстве не является таким простым, как кажется на первый взгляд, поскольку определяется установившимися правовыми принципами и национально-культурными традициями и не зависит от природы и научной обоснованности самого метода.

По мнению автора статьи, эмпирическим путем доказанная эффективность использования полиграфа (при условии соблюдения всех «технологических» параметров проведения исследования), а также знание и понимание природы отдельных, наиболее важных процессов, обуславливающих возникновение психофизиологических реакций, регистрируемых с помощью прибора[1], являются основанием для того, чтобы вопрос о возможности производства экспертиз с применением полиграфа перевести из разряда дискуссионных в практическую плоскость. Главное не переоценить значимость полученных таким образом доказательств.

При назначении СПФЭ в рамках проверки показаний участника процесса лица, несущие бремя доказывания, с учетом сведений, предоставляемых полиграфологом по результатам проведенного исследования, самостоятельно принимают решение о достоверности или недостоверности информации, содержащейся в показаниях. Использование психофизиологического метода «детекции лжи» с

смещение датчиков не могло не сказаться на качестве отображения сигнала (рецензирование проводилось в мае 2012 г.).

[1] См. подробно Пеленицын А.Б., Сошников А.П., Жбанкова О.В. Так что же все-таки определяет полиграф? // Вестник криминалистики. Вып. 2 (38). М., 2011. С. 7-18.

применением полиграфа позволяет снизить уровень субъективизма при проверке личных доказательств, но не должно рассматриваться как средство их оценки. Заключение эксперта-полиграфолога не просто подлежит оценке наряду с другими доказательствами, оно не имеет самостоятельного значения и может использоваться только в совокупности с проверяемыми доказательствами.

В.П. Корж

Проблемы расследования преступлений в условиях нового Уголовного процессуального кодекса Украины

Необходимость реформирования процессуального законодательства объективно обусловлена тем, что социальная роль и назначение отдельных уголовно-процессуальных норм УПК Украины 1960 г. существенно деформированы и формализированы. Сложившаяся ситуация в сфере судопроизводства требует качественно новых концептуальных положений, которые должны быть воплощены в уголовном процессуальном законодательстве, реально обеспечить защиту человека и гражданина, общества и государства от преступных посягательств, реабилитацию лица, подвергнутого незаконному и необоснованному уголовному преследованию, незаконно осужденного. В Украине не были разработаны концептуальные положения реформирования сферы уголовного судопроизводства. К сожалению, авторы при разработке основных положений в новом УПК Украины не учитывали теоретические положения наук уголовно-процессуального права, криминалистики, уголовного права, процессы интеграции и дифференциации научного знания, комплексные научные исследования, отечественные процессуальные традиции и положительный опыт работы правоохранительных и судебных органов. Безусловно, правотворчество – одна из важнейших форм государственной деятельности, основное звено механизма правового регулирования общественных отношений. Правотворческий процесс основывается на таких принципах как полномочие, профессионализм, законность, научность и ее связь с правоприменительной практикой, оперативность, гласность. Полагаю, что принципы профессионализма, законности, научности и ее связи с правоприменительной практикой не всегда соблюдались при подготовке и принятии нового УПК. Об этом свидетельствуют наличие юридических коллизий в нормах нового УПК Украины, псевдонаучные положения о расследовании уголовных правонарушений и уголовных проступков, упразднение стадий возбуждения уголовного судопроизводства, отсутствие функции

уголовного преследования, обвинения на досудебном следствии, ущемление прав потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого на досудебном следствии.

Коллизионные ситуации создают нормы УПК, регламентирующие полномочия и статусы органов прокуратуры, оперативных подразделений, следователя, следственного судьи. Эти коллизии деформируют статус прокурора, оперативного работника, следователя, следственного судьи. Последний – одновременно осуществляет функции правосудия и карательные функции, связанные с избранием меры пресечения, производством обысков и отстранением от должности и т.д.

Анализ положений норм в главах 19-25 УПК Украины позволяет сделать вывод о правовом невежестве законодателя, который нормами уголовно-процессуального законодательства обязал следователя, прокурора расследовать уголовные правонарушения и уголовные проступки, т.е. деяния, которые не предусмотренные УК Украины. Указанные в нормах УПК категории «уголовные правонарушения» и «уголовные проступки» противоречат основам фундаментальной юридической науки – теории государства и права, специальным и прикладным юридическим наукам, научным исследованиям. Псевдонаучные процессуальные нормы, предусматривающие расследование уголовных правонарушений и уголовных проступков создают коллизионную ситуацию в правоприменительной деятельности. Расхождение и противоречия между отдельными положениями УПК и нормами Конституции Украины, УК, других законов создает юридические коллизии в правотворчестве и правоприменительной практике.

Псевдонаучные положения изложены в главе 22 УПК Украины. Нормы этой главы предусматривают письменное сообщение следователя, прокурора лицу о подозрении в совершении уголовного правонарушения, об изменении этого подозрения, о новом подозрении. В ст. 291 УПК предусмотрено составление обвинительного акта на основании письменного сообщения о подозрении лица в совершении уголовного правонарушения. В теории уголовно-процессуального права достаточно исследованы процессуальные институты: подозреваемого в совершении преступления, его допрос, предъявления обвинения и допрос обвиняемого, правильно разграничены следственной и судебной практикой процессуальный статус подозреваемого и обвиняемого. В новом УПК Украины законодателем предложен псевдонаучный подход к процессуальному статусу подозреваемого, обвиняемого. Так, лицо, подозреваемое в совершении преступления, получает письменное уведомление об этом. Следователь

составляет обвинительный акт, в котором излагает сущность подозрения и производство направляется в суд. Подозреваемый в суде автоматически без предъявления обвинения приобретает процессуальный статус обвиняемого. При этом нормами УПК не предусмотрено предъявление обвинения на досудебном следствии, допрос подозреваемого, обвиняемого. Так, следователь направил письменное сообщение гр. С. о подозрении в совершении уголовного правонарушения, предусмотренного ч. 1, 2 ст. 115 УК Украины (убийство двух и более лиц), в котором сообщил, что гр. С. подозревается в совершении убийства двух лиц и это правонарушение квалифицируется по ч. 1 и ч. 2 ст. 115 УК Украины.

Следует отметить, что в отдельных положениях УПК имеет место существенное расхождение и противоречия, которые вносят несогласованность действий, беспорядок, неправомерность решений в правоприменительной практике. Так, ст. 214 УПК Украины обязывает следователя приступить к расследованию уголовного правонарушения после внесения данных в Единый реестр досудебного расследования не позднее 24 часов после получения заявления или сообщения о совершении уголовного правонарушения. В УПК Украины не предусмотрена проверка заявлений и сообщений о преступлении и стадия возбуждения уголовного производства. Считаю, необоснованным упразднение в новом УПК стадии возбуждения уголовного производства. Началом расследования по УПК Украины является письменное сообщение следователя прокурору, а не постановление о возбуждении уголовного производства. В тоже время ст.ст. 280, 282 УПК Украины предусматривают принятие следователем постановления о приостановлении и возобновлении досудебного расследования, ст. 283 УПК предусматривает прекращение уголовного производства на основании постановления следователя. Следует отметить, что после вступления нового УПК Украины в действие 20.11.2012 было зарегистрировано в Едином реестре досудебного расследования за № 01-000001 первое уголовное правонарушение, предусмотренное ч. 1. ст. 152 УК Украины (изнасилование).

Юридические коллизии имеют место в отдельных нормах УПК Украины. В ст. 216 «Подследственность» в ч. 1 указано, что следственные органы внутренних дел осуществляют досудебное расследование уголовных правонарушений, предусмотренных Законом Украины об уголовной ответственности, тогда как такого Закона в Украине нет. В ч. 2 ст. 216 законодатель предусматривает, что следственные органы службы безопасности осуществляют расследование преступлений, предусмотренных соответствующей статьей УК Украины. В ч. 3 ст. 216 указано, что следственные органы,

осуществляющие контроль за соблюдением налогового законодательства осуществляют расследование преступлений, предусмотренных УК Украины. Так, одни следователи в процессуальных документах о начале расследования употребляют термин «уголовное правонарушение», при этом ссылаются на нормы УК Украины, которые предусматривают уголовную ответственность за преступления. Другие следователи правильно в процессуальных актах ссылаются на расследование преступления в соответствии с нормами УК Украины. Аналогичные коллизии имеют место в положениях ст.ст. 284-291, 294-297 УПК Украины.

Отдельные нормы УПК ухудшают права потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого на досудебном следствии. В частности, положения УПК не предусматривают основания и порядок реабилитации лица незаконно и необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, незаконному осуждению, правовой механизм возмещения физического, морального, материального ущерба причиненного реабилитированному. Нормы УПК не регламентируют допрос подозреваемого, обвиняемого, производство выемки, проведение очной ставки, проверки показаний на месте, назначение экспертиз, в т.ч. повторной, дополнительной, комиссионной, комплексной. Несмотря на то, что нормы УПК Украины не регламентируют такое следственное действие как допрос подозреваемого, следователи, прокуроры допрашивают подозреваемого на досудебном следствии.

В соответствии с требованиями ч. 2 ст. 36 УПК Украины прокурор осуществляет надзор за соблюдением законов во время досудебного расследования в форме процессуального руководства, тогда как в соответствии с п. 3 ст. 121 Конституции Украины прокурор осуществляет надзор за соблюдением законов органами, которые осуществляют оперативно-розыскную деятельность, дознание, досудебное следствие. Таким образом, в положениях ст. 36 УПК деформируется статус прокурора. Законодатель необоснованно наделяет прокурора одновременно функциями контроля, надзора и расследования. В соответствии с требованиями нового УПК прокурор проводит следственные (розыскные) действия и негласные следственные (розыскные) действия и при этом осуществляет контроль и надзор за производством следователем указанных действий. В практической деятельности имеют место случаи, когда прокуроры увлеклись оперативно-розыскной деятельностью и вместе со следователем планируют проведение негласных следственных действий и принимают участие в их реализации. Не единичные случаи в практике прямого вмешательства прокуроров в деятельность

следственных органов МВД Украины. Так, некоторые прокуроры Херсонской, Харьковской, Кировоградской областей допускают вмешательство в компетенцию органов досудебного расследования и принимают решения об отстранении следователя от проведения досудебного расследования, тогда как в соответствии с п. 6 ст. 36 УПК прокурор инициирует перед руководством органов досудебного расследования об отстранении следователя.

Всеобщее и точное исполнение закона – фундаментальные основы реализации демократических правовых принципов в государстве. Низкое качество отдельных положений УПК Украины, юридические коллизии, пробелы в правовом регулировании процессуальных процедур приводят к тому, что в правоприменительной практики широко используется толкование отельных положений УПК по аналогии или их ведомственное урегулирование, что приводит к нарушению законности, прав и свобод человека и гражданина.

Указанные юридические коллизии негативно влияют на работу правовой системы Украины, приводят к ущемлению или прямому нарушению прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, негативно влияют на правосознание, правовую культуру в обществе. И как правильно отмечает С.А. Нерсесянц, что социальная ценность и регулирующая значимость закона состоит не в том, что он создает новые формы общественного бытия, а в том, что он адекватно, полно и четко формулирует как правовые, так и формы общественных отношений, которые обеспечивают стабильность и развитие путем официального санкционирования[1]. Юридические коллизии, ухудшение прав потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого на досудебном следствии свидетельствуют о социальной и правовой неэффективности отдельных положений, глав УПК Украины.

Способами разрешения юридических коллизий, как правило, является принятие нового законодательного акта, в котором необходимо предусмотреть изменение тех положений УПК, которые создают юридические коллизии или коллизионные ситуации.

А.А. Корчагин

Проблемы теории и практики криминалистической методики по делам об убийствах

Проблема совершенствования криминалистической методики

[1] Нерсесянц В.С. Философия права: учебник для вузов. М., 1997. С. 86.

расследования убийств остается по-прежнему актуальной. В криминалистической литературе уделено значительное внимание разработке криминалистической методики расследования убийств. Вместе с тем, как показало проведенное исследование, авторы традиционно ограничиваются вопросами криминалистической методики расследования убийств только для предварительного расследования. Изучение следственно-судебной практики по делам об убийствах показывает, что она складывается неоднозначно: имеются многочисленные случаи успешного раскрытия и расследования тяжких и особо тяжких преступлений, однако немало таких преступных деяний, которые из-за объективных и субъективных причин остались нераскрытыми. В настоящее время, в связи с изменением социальных политических, экономических условий жизни нашего общества, повлекших, в том числе, качественные и количественные изменения преступности, включая особо тяжкие преступления (убийства), возникла необходимость совершенствования существующих и разработки новых методик расследования преступлений. Это стало особенно актуальным в связи с появлением нового уголовно-процессуального законодательства, закрепившего в ст. 15 принцип состязательности сторон, а также возможность рассмотрения уголовных дел судом присяжных. В настоящее время активно обсуждается вопрос об использовании криминалистических знаний на стадии судебного разбирательства[1]. Полагаем, проблемой является отсутствие единой, системной, целостной криминалистической методики раскрытия, расследования и судебного разбирательства уголовных дел. Необходимость создания подобной вполне созрела в настоящее время. Как представляется, формирование целостной методики предварительного и судебного следствия по делам об убийствах, должно основываться на общих положениях науки криминалистики. Мы являемся сторонниками комплексного подхода к определению объекта криминалистики, согласно которому к нему относится целостное возникновение, движение и использование уголовно-значимой информации и доказательств по уголовному делу от их возникновения и разрешения по существу на предварительном следствии, а также в ходе судебного разбирательства[2]. В криминалистической методике предварительного и судебного следствия по делам об убийствах, таким образом, полагаем, можно выделить две составляющие ее подсистемы. Первая подсистема отражает закономерности преступной деятельности по совершению

[1] Кореневский Ю.В. Криминалистика для судебного следствия. М., 2002. С. 9.
[2] Гавло, В.К. Избранные труды. Барнаул, 2011. С. 553.

убийств. Вторая подсистема отражает закономерности полезной деятельности субъектов, осуществляющих раскрытие, расследование и судебное разбирательство убийств. В первой подсистеме в качестве уголовно-значимой информации может выступать та, которая отражается от структурообразующих ее элементов: субъекта преступления, мотива и цели его действия; ситуации убийства; способа, места и времени убийства; связей и отношений между субъектами преступления и обстановкой преступления, соучастниками, свидетелями, потерпевшими; наступивших последствий преступного посягательства; механизма убийства; следов – последствий преступления и других источников – носителей информации. К элементам второй подсистемы криминалистической методики расследования убийств можно отнести: субъект доказывания; цель действий субъектов доказывания; уголовно-значимую информацию о событии преступления; складывающиеся следственные ситуации; модели расследуемого события; оперативно-розыскные, организационно-технические мероприятия, следственные и судебные действия; тактические операции и комплексы, направленные на выполнение стратегических и тактических задач уголовного судопроизводства; оценка эффективности выбранной стратегии и тактики следствия. Таким образом, складывается полноструктурная криминалистическая система методики расследования убийств с ее специфическими информационными процессами и структурами[1].

Особенность информационно-познавательной деятельности по судебному разбирательству дела об убийстве заключается в том, что субъект доказывания на основе имеющихся в деле доказательств и уголовно-значимой информации: во-первых, мысленно возвращается в пространственно-временную и ситуационную сущность не только до, во время и после совершения события преступления, но и предварительного расследования его; во-вторых, активно прослеживает движение уголовно-значимой информации и доказательств в ходе судебного разбирательства дела, познавая и устанавливая все его обстоятельства. У суда формируются основные модели, отражающие: а) преступную деятельность подсудимого по совершению преступления; б) полезную деятельность органа дознания и предварительного следствия по раскрытию и расследованию убийства; в) полезную деятельность суда по судебному разбирательству дела. Криминалистическая характеристика убийств и криминалистическая характеристика их расследования по своим количественным и качественным показателям являются

[1] Криминалистика: учебник. М., 2004. С. 459.

взаимосвязанными компонентами в информационно-познавательной структуре методики расследования данной категории убийств[1]. Криминалистическая характеристика убийств отражает ретроспективную направленность, криминалистическая характеристика расследования убийств, наоборот, перспективную, содержанием которой являются закономерности расследования события преступления, отвечающие на вопрос, как надо поступать, и выступающие как задача, потребность и стремление к созданию, совершенствованию и использованию на практике научных методов раскрытия, расследования и предотвращения убийств в различных следственных ситуациях. Разработка криминалистической характеристики предварительного расследования убийств имеет не только важное теоретическое, но и практическое значение в условиях закрепленного ст. 15 УПК РФ принципа состязательности сторон. Разработка криминалистической характеристики расследования убийств включает в себя изучение информационно-познавательных процессов раскрытия и расследования убийств в складывающихся следственных ситуациях. Задачей является выделение особенностей складывающихся следственных ситуаций по делам об убийствах разных категорий, разработка на этой основе рекомендаций по расследования дел об убийствах. На основании этого следователь может правильно оценить сложившуюся на определенном этапе следственную ситуацию, спланировать ход расследования, выдвинуть версии, определить перечень необходимых следственных действий и правильно построить тактику их проведения.

Возможность использования криминалистических рекомендаций на стадии судебного следствия заложена в самом УПК РФ. Так глава 37 УПК РФ предусматривает возможность проведения в суде следственных действий (допросы, осмотры местности и помещений, производство судебной экспертизы, допрос эксперта, следственный эксперимент и др.). Это, на наш взгляд, обуславливает необходимость разработки соответствующих тактических рекомендаций по их проведению. Исходной для построения криминалистической характеристики судебного следствия по делам об убийствах является криминалистическая характеристика их расследования. Все три вышеназванных элемента (криминалистическая характеристика преступлений, криминалистическая характеристика расследования и криминалистическая характеристика судебного следствия) взаимосвязаны между собой, так как криминалистическая характеристика преступления является информационной базой как для

[1] Гавло В.К. Избранные труды. Барнаул, 2011. С. 459.

криминалистической характеристики расследования и раскрытия преступления на стадии предварительного расследования, так и для криминалистической характеристики судебного следствия[1]. Вместе с тем, как полагаем, криминалистическая характеристика судебного следствия по делам об убийствах имеет свою специфику, делающую её самостоятельным структурным элементом криминалистической методики. Судебное следствие носит самостоятельный характер, представляя собой новое, полное, всестороннее, объективное исследование всех обстоятельств дела и вынесения законного и обоснованного приговора[2]. Структуру криминалистической деятельности по судебному разбирательству дел об убийствах в качестве составных элементов включает: 1) объект – уголовное дело об убийстве, рассматриваемое в суде; 2) субъект – судья, государственный обвинитель, подсудимый, защитник, потерпевший, свидетели, другие лица, проходящие по делу (их криминалистическая характеристика); 3) психологические условия, в которых проходит судебное разбирательство; 4) материальные и организационные условия судебного разбирательства; 5) место проведения судебного разбирательства; 6) время его проведения.

В качестве составляющих элементов криминалистической характеристики судебного следствия по делам об убийствах можно выделить: понятие и содержание криминалистической характеристики судебного следствия, и ее соотношение с криминалистической характеристикой предварительного расследования; следственные ситуации; следственные версии и планирование судебного следствия; тактика проведения следственных действий в суде; тактические приемы, тактические операции и тактические комбинации, применяемые в суде; особенности взаимодействия участников судебного следствия. Для государственных обвинителей и судей знание криминалистической характеристики расследования и судебного разбирательства позволит правильно оценивать проведенное по делу предварительное расследование, складывавшиеся следственные ситуации, смоделировать на основании этого возможные ситуации судебного следствия, правильно подготовиться к рассмотрению дела и спланировать тактику поддержания государственного обвинения в суде. К числу основных принципов построения криминалистической методики расследования убийств можно отнести те, которые ориентируют на то, чтобы методика

[1] Лебедев Н.Ю. О криминалистической характеристике расследования преступлений// Закон и право. 2008. № 4.С. 52-53.

[2] Воробьев Г.А. Планирование судебного следствия. М., 1978. С. 4.

основывалась на знании закономерностей криминалистической характеристики убийств и криминалистической характеристики их раскрытия, расследования и предупреждения на предварительном следствии и в ходе судебного разбирательства. Наиболее значимыми из них являются те, которые отражают: зависимость возникновения и функционирования фактических данных о событии преступления и личности субъекта, цели, объекте, мотиве, способе и ситуации убийства; наличие устойчивых связей между личностью субъекта и объектом, способом, следами-последствиями преступления и ситуацией, в которой подготавливалось, совершалось и скрывалось расследуемое событие; зависимость приемов и методов раскрытия, расследования и предупреждения преступлений от складывающейся доследственной, следственной и судебной ситуации; зависимость приемов и методов обнаружения, закрепления, исследования и использования уголовно-значимой информации и доказательств от метода познания, применяемого органом дознания, следователем, экспертом и др.[1] Таким образом, криминалистическая характеристика совершения убийств и криминалистические характеристики их предварительного расследования и судебного разбирательства по своим качественным показателям являются взаимосвязанными компонентами в информационно-познавательной структуре методики расследования данных преступлений. При их взаимодействии возникает новое целостное образование – криминалистическая методика расследования отдельных видов преступлений.

А.В. Котяжов

Некоторые аспекты розыска следователем несовершеннолетних, пропавших без вести

Розыскная деятельность следователя является одним из важных направлений его процессуальной деятельности и одновременно – неотъемлемой частью всей поисковой работы, осуществляемой при раскрытии и расследовании преступлений, связанных с исчезновением несовершеннолетних.

За последние семь лет число несовершеннолетних, пропавших без вести, разыскиваемых по возбужденным уголовным делам, ежегодно увеличивается. В то же время количество разысканных детей, ставших жертвами преступления, уменьшается. Так, в 2006 г. расследовались уголовные дела по факту исчезновения 654 детей, в 2007 г. – 673, в

[1] Гавло В.К. Избранные труды. Барнаул, 2011. С. 676.

2008 г. – 692, в 2009 г. – 703; в 2010 г. – 686; в 2011 г. – 712 и в 2012 г. в производстве находились уголовные дела, возбужденные по факту исчезновения 798 несовершеннолетних. В ходе расследования в 2006 г. обнаружено 76 несовершеннолетних, ставших жертвами преступлений; в 2007 г. – 52, в 2008 г. – 68, в 2009 г. – 48, в 2010 г. – 30, в 2011 г. – 33, в 2012 г. – 31.

Ежегодно растет количество неразысканных по уголовным делам несовершеннолетних, пропавших без вести. Так, на конец отчетного периода 2006 г. оставалось в розыске 557 таких детей, в 2007 г. – 611, в 2008 г. – 617, в 2009 г. – 640, в 2010 г. – 686, в 2011 г. – 712, в 2012 г. – 743[1].

Несовершеннолетний, пропавший без вести, является объектом как розыскной деятельности следователя, так и оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой сотрудниками подразделений полиции, и в первую очередь – уголовного розыска. Эффективность его розыска зависит от своевременной реализации комплекса розыскных действий следователя и оперативно-розыскных мер органов дознания, что обеспечивается надлежащей организацией расследования и широкомасштабных розыскных мероприятий с привлечением весьма значительных людских и технических ресурсов, проведением оперативно-розыскных мероприятий в отношении заподозренного (подозреваемого, обвиняемого), осуществлением розыска пропавшего (местного, федерального, международного) в рамках розыскного либо оперативно-поискового дела.

Розыск несовершеннолетних, пропавших без вести, на практике сейчас преимущественно осуществляется посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в рамках розыскных дел. За период с 2006-2012 гг. количество несовершеннолетних, пропавших без вести, разыскиваемых по уголовным делам, ежегодно составляет не более 3-5,9% от общего числа разыскиваемых несовершеннолетних, поставленных на централизованный учет ГИАЦ МВД России в указанной категории. Тенденция ежегодного уменьшения количества несовершеннолетних, оставшихся неразысканными (с 1855 до 1382 детей), соотносится, с одной стороны, с увеличением количества возбужденных уголовных дел о преступлениях, связанных с исчезновением несовершеннолетних, а с другой – с продолжающейся практикой прекращения розыска пропавших без вести по истечению

[1] Экспресс-информация «О розыске лиц, скрывшихся от дознания, следствия, суда, уклоняющихся от исполнения уголовных наказаний, без вести пропавших, а также установления личности граждан и неопознанных трупов (по форме 030)». М., ГИАЦ МВД России. Статистические сборники за 2006-2012 гг.

срока давности нахождения в розыске (15 лет). За рассматриваемый период по указанным основаниям прекращен розыск 179 несовершеннолетних.

Как показывает практика, решение задачи розыска несовершеннолетнего, пропавшего без вести, может быть, достигнуто как до раскрытия преступления – в период проверки сообщения и на первоначальном этапе расследования, так и после обнаружения преступника – на последующем этапе расследования, по пути «от преступника к трупу пропавшего или похищенному несовершеннолетнему», когда в результате проведения следственных действий и розыскных тактических операций подозреваемый (обвиняемый) указывает место сокрытия потерпевшего или его трупа. Другая типичная ситуация – поиск «от трупа пропавшего – к убийце или похитителю».

Обнаружение разыскиваемого либо обнаружение его трупа (останков) позволяет установить механизм преступления (время, место, способ, обстановку совершения преступления), установить личность преступника по оставленным им следам. Отсюда можно заключить, что обнаружение в результате розыска несовершеннолетнего, пропавшего без вести, его трупа прямо соотносится с обнаружением следователем доказательств, позволяющих подтвердить либо опровергнуть само событие преступления.

Розыскная деятельность следователя, входя в содержание уголовного судопроизводства (п. 9 ст. 5 УПК РФ), в тактическом отношении выходит за рамки расследования. Поэтому, применительно к розыску несовершеннолетнего, пропавшего без вести, наряду с его тактическими основами на первоначальном, последующем этапе расследования и в работе по приостановленному делу[1], можно говорить и об использовании некоторых рекомендованных криминалистикой розыскных средств уже на стадии возбуждения уголовного дела.

Это первая самостоятельная стадия уголовного судопроизводства (ст. 140-149 УПК РФ), в ходе которой формируется информационная основа исходных следственно-розыскных ситуаций и реализуется комплекс рекомендованных криминалистикой розыскных средств процессуальных и непроцессуальных, – включая организационные – розыскные действия.

[1] Шурухнов Н.Г. Розыскная деятельность следователя / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. М., 2009. С. 524.

Изменения, внесенные в ч. 1 ст. 144 УПК РФ Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ существенно расширили розыскные возможности следователя в период проверки сообщения о безвестном исчезновении несовершеннолетнего. Сегодня следователь вправе получать объяснения заявителя и других граждан, которым могут быть известны обстоятельства исчезновения и иные сведения, имеющие значение для выяснения судьбы и местонахождения разыскиваемого; получать образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия (последнего местонахождения, места жительства пропавшего несовершеннолетнего); освидетельствование (в т.ч. лиц, на теле которых обнаружены телесные повреждения, нанесение которых возможно сопротивляющейся жертвой); при обнаружении погибшего несовершеннолетнего произвести осмотр его трупа; давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий; привлекать специалистов к производству исследований документов, предметов, трупов.

Указанные действия следователя, как правило, сочетаются с осуществлением им или по его требованию комплекса следующих непроцессуальных розыскных действий:

- проверки по учетам (лиц, доставленных в территориальные органы МВД России; несовершеннолетних, находящихся в социальных приютах и содержащихся в ЦВСНП; учету происшествий; информационным базам медицинских учреждений, бюро судебно-медицинской экспертизы и моргов), в том числе с использованием возможностей ЕИТКС и программно-технического комплекса «ИБД-Регион»;

- ориентирование личного состава территориальных органов МВД России на розыск пропавшего ребенка;

- организация и проведение широкомасштабных розыскных мероприятий (проверки вероятных маршрутов движения, прочесывания местности, подворных и поквартирных обходов и др.) в т.ч. с привлечением общественности, с помощью которых уже в период доследственной проверки можно разрешить возникшую исходную ситуацию и достичь цели розыска – обнаружение несовершеннолетнего или его трупа, установление тождества которого с разыскиваемым несовершеннолетним будет проводиться уже в рамках расследования.

По изученным нами 169 уголовным делам о преступлениях связанных с безвестным исчезновением несовершеннолетних, установлено, что в период проверки сообщения были обнаружены 18 трупов, что составило 13% от всех разысканных по этим делам детей (предъявление для опознания проведено уже в рамках расследования), а также установлены 28 заподозренных лиц, что позволило провести розыскные тактические операции и обнаружить пропавшего ребенка.

Исходя из изложенного, можно утверждать, что применительно к розыску несовершеннолетнего, пропавшего без вести, период проверки сообщения о преступлении в определенных ситуациях является первым этапом розыскной деятельности следователя, на котором может быть достигнута цель розыска либо создана необходимая база розыскной и идентификационной информации, необходимой для достижения вышеуказанной основной цели в процессе розыскной деятельности на первоначальном, последующем этапах расследования и по приостановленному делу.

Сегодня, ознакомление следователя с первичной информацией о преступлении связанном с безвестным исчезновением гражданина опосредовано ее предварительной субъективной оценкой других должностных лиц (руководителей территориальных органов внутренних дел, сотрудников дежурных частей, оперативных сотрудников, участковых уполномоченных полиции, инспекторов ОППН). Информация передается следователю только после того, как одно из указанных должностных лиц, сделает вывод о наличии признаков преступления в событии безвестного исчезновения.

В соответствии с пунктами 7 и 9 Инструкции «О порядке рассмотрения заявлений, сообщений о преступлениях и иной информации о происшествиях, связанных с безвестным исчезновением граждан»[1] (далее – Инструкция), заявления или сообщения о безвестном исчезновении гражданина при отсутствии очевидных признаков совершения в отношении его преступления, относит рассмотрение, проверку и принятие решений предусмотренных ст. 145 УПК РФ, к компетенции органов дознания.

Практика показывает, что устанавливаемые обстоятельства, по содержанию и розыскному значению можно разделить на три группы:

- во-первых, обстоятельства, совокупность которых указывает на наличие в событии исчезновения признаков преступления;

- во-вторых, обстоятельства, указывающие на самовольный уход несовершеннолетнего из дома;

[1] Утверждена совместным Приказом Генеральной прокуратуры РФ и МВД РФ от 27.02.2010 № 70/122.

- в-третьих, обстоятельства, указывающие на исчезновение ребенка в результате несчастного случая.

Примерный перечень первой группы обстоятельств в настоящее время нормативно определен (п. 5 Инструкции).

Как показало изучение уголовных дел, указанный перечень можно дополнить обстоятельствами, свидетельствующими:

1) об убийстве разыскиваемого несовершеннолетнего:

- обнаружение в месте последнего пребывания (местонахождения) исчезнувшего или ином месте следов (крови, частиц мозговой ткани, костных отломков и др.);

- исчезновение в малолюдном месте либо в ночное время и т.п.;

- внезапное прерывание связи по мобильному телефону с его последующим отключением;

- наличие у несовершеннолетнего в момент исчезновения значительных денежных средств или других ценностей, которые могли привлечь внимание преступников;

2) о похищении несовершеннолетнего потерпевшего:

- сообщение ребенком незадолго до исчезновения о замеченной слежке, приставаниях взрослого лица на улице (во дворе);

- исчезновение несовершеннолетних – членов семей частных предпринимателей, владельцев частных предприятий и т.п. Получение требований о передаче денежных сумм или прав на владение имуществом и т.п. в обмен на возвращение несовершеннолетнего;

- наличие сведений о похищении ребенка участниками организованных преступных групп, с целью вовлечения его в сферу детской проституции, порнографии, незаконного оборота наркотиков и т.п.

К обстоятельствам второй группы следует отнести:

- негативные бытовые условия проживания и асоциальное поведение взрослых членов семьи;

- наличие сведений о высказываниях разыскиваемым ребенком незадолго до исчезновения намерений ухода из дома;

- склонение исчезнувшим несовершеннолетним к уходу из дома сверстников и друзей, накопление либо заимствование с этой целью денежных средств;

- расторжение брака родителями ребенка и отъезд одного из них на постоянное место жительства в другой населенный пункт;

- ведение самостоятельного хозяйства, устройство на работу, намерение вступить в брак до достижения совершеннолетнего возраста, другие проявления эмансипации и т.п.

К обстоятельствам третьей группы можно отнести следующие:

- наличие показаний очевидцев и документальной фиксации (уличными видеокамерами), данных о том, что несовершеннолетний посещал места расположения потенциально опасных объектов (аварийные и подлежащие сносу строения, строящиеся объекты, объекты транспортной инфраструктуры и т.п.);

- исчезновение несовершеннолетнего во время купания в различных водоемах; походов в лес (тайгу), горную (пустынную) местность;

- исчезновение ребенка во время эксплуатации транспортных средств (велосипеда, мопеда, мотоцикла и т.п.);

- наличие у несовершеннолетнего увлечений, представляющих потенциальную опасность для жизни (ныряние с высоты в естественные водоемы, скалолазание, обследование подземных коммуникаций и т.п.).

Приведенный перечень не является исчерпывающим, он может пополняться другими обстоятельствами, установленными в процессе практической деятельности, в том числе с учетом местных особенностей.

Установление обстоятельств первой группы является обязательным условием (как процессуальное основание для возбуждения уголовного дела предусмотренное ст. 144-145 УПК РФ), но их достаточность для вывода о наличии события преступления, связь и количественное соотношение с признаками некриминального характера, бывают выражены в разной степени. Поэтому, существует высокая вероятность ошибки в оценке обстоятельств исчезновения несовершеннолетнего и сложившееся положение, нельзя признать удовлетворительным.

Для повышения эффективности деятельности следователя по розыску несовершеннолетних, пропавших без вести в период предварительной проверки, считаем необходимым, нормативно закрепить предписание о немедленной передаче следователю информации о каждом факте исчезновения несовершеннолетних и организации выезда на место происшествия СОГ под его руководством.

Данное предписание должно распространяться на все случаи исчезновения детей, независимо от их возрастной группы и присвоенной органом дознания категории учета: несовершеннолетних, пропавших без вести; ушедших из дома, школ-интернатов, детских домов, психиатрических больниц; утративших связь с родственниками, а также бежавших из центров временного содержания несовершеннолетних правонарушителей, специальных школ и училищ.

Мы разделяем мнение А.Е. Чечетина, который относит все

вышеуказанные категории розыска к лицам, пропавшим без вести[1], и утверждаем, что событие безвестного исчезновения несовершеннолетнего лица может содержаться в каждой из них. Учитывая возможный криминальный характер данного события, его выявление должно иметь решающее значение при организации розыска.

И.В. Кубарев

Согласованное планирование расследования: проблема методики

1. Одной из организационных форм взаимодействия следователя с оперативными подразделениями и другими субъектами расследования, получившей широкое распространение и положительную оценку в практике, является согласованное планирование. Высокая эффективность данной формы взаимодействия обусловлена, среди прочего, тем, что она позволяет с одной стороны противопоставить факторам, осложняющим расследование (недостаточность и противоречивость информации, противодействие заинтересованных лиц) опыт, интеллект, интуицию нескольких лиц. С другой стороны оно создает предпосылки для нейтрализации негативного влияния на процесс планирования таких факторов как конформизм и профессиональная деформация[2]. Согласованное планирование по своей сути является групповой деятельностью, подчиняющейся закономерностям социальной психологии. Данное обстоятельство предопределяет принципиальную возможность использования при расследовании преступлений коллективных методов планирования и принятия решений, выработанных теорией управления.

2. Одним из первых к исследованию возможностей указанных методов в планировании расследования обратился В.М. Быков[3]. В последующем идея внедрения в практику расследования разрабатываемых теорией управления коллективных методов планирования, и в частности, такого метода, как «мозговая атака»,

[1] Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности». Комментарии / под ред. А.Е. Чечетина. М., 2002. С. 14.

[2] О негативном влиянии на планирование расследования конформизма и профессиональной деформации детально см.: Коновалова В.Е. Версия: концепция и функции в судопроизводстве. Харьков, 2000. С. 28-32.

[3] Быков В.М. Проблемы расследования групповых преступлений: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1991. С. 9, 21.

была поддержана рядом известных ученых-криминалистов[1]. Однако, как показывает исследование, на практике данные методы должным образом не используются, а редкие случаи их применения иногда недостаточно эффективны в силу допускаемых ошибок. Представляется, что причины такого положения в следующие: а) неосведомленность практических работников о данных методах, что среди прочего, обусловлено отсутствием их в учебных программах и нераспространением положительного опыта их использования; б) отсутствием организационных усилий со стороны руководителей правоохранительных органов по их внедрению в практику расследования; в) недостаточность и противоречивость теоретических разработок.

3. В настоящее время в криминалистической литературе предлагается использовать три основных метода коллективного планирования. Это метод экспертных оценок, метод «мозговой атаки» и метод дискуссии[2]. Наиболее приемлемым при планировании первоначального этапа расследования преступлений на наш взгляд, является метод дискуссии, суть которого состоит в широком и свободном обмене мнениями, глубоком и всестороннем обсуждении выдвинутых версий и мероприятий по их проверке. Групповая дискуссия является одним из мощных социально-психологических приемов коллективного принятия решений, используемым, главным образом, для их выработки в условиях неопределенности или спорности обсуждаемого вопроса[3]. Важное преимущество данного метода состоит в том, что участие в разработке версий, определении тактических задач и мероприятий по их проверке принимают все заинтересованные лица, и прежде всего, будущие исполнители, что, как отмечается в литературе, повышает их заинтересованность в дальнейшей работе, а принимаемым решениям обеспечивается широкая поддержка и более активное исполнение[4]. Кроме того, в

---

[1] Белкин Р.С. Курс криминалистики в 3 т. т. 3: Криминалистические средства, приемы и методы. М., 1997. С. 183-184; Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. М., 1997. С. 82; Зорин Г.А. Криминалистическая методология. Мн., 2000. С. 571-572.

[2] Кузьмин С.В. Использование информационной модели виновного при раскрытии преступлений, совершенных в условиях неочевидности // Правоведение. 1993. № 1. С. 112. Белкин Р.С. Курс криминалистики в 3 т. т. 3: Криминалистические средства, приемы и методы. М., 1997. С. 183-184; Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. М., 1997. С. 82.

[3] Кузьмин Е.С. Волков И.П. Емельянов Ю.П. Руководитель и коллектив. Социально-психологический очерк. Л., 1974. С. 119.

[4] Веснин В.Р. Основы менеджмента: учебник. М., 1996. С. 249.

отличие от метода «мозговой атаки», дискуссия позволяет обсудить и взвесить не только предлагаемые решения, но и их обоснованность и аргументированность. Использование в планировании расследования преступлений метода дискуссии требует соблюдения ряда правил, наиболее важными из которых применительно к исследуемому вопросу являются следующие.

5. Принято считать, что наибольшей работоспособностью обладает коллектив из 5-7 человек, поскольку ему присущи минимальная конфликтность и максимальная оперативность. Более крупная группа теоретически способна решать более сложные проблемы в виду большего совокупного опыта знаний и квалификации, однако, как показывают исследования в области теории управления, по мере роста численности группы, ее действия становится трудно координировать, что имеет особенно негативную роль при рассмотрении проблем, не имеющих однозначного решения[1], к каковым относится и планирование расследования преступлений. Кроме того, с увеличением числа членов группы вклад каждого в результаты ее деятельности сокращается, а общая эффективность группы падает.

6. Организовывая планирование расследования преступления методом дискуссии, следует иметь в виду, что решения, принимаемые группой характеризуются повышенным тактическим риском. Однако, как справедливо отмечает Г.А. Зорин, данный риск является оправданным и обоснованным[2], поскольку его последствия оцениваются более тщательно и взвешено.

7. Требует учета консерватизм отдельных участников следственно-оперативной группы, особенно если они численно преобладают, их стремления придерживаться традиционных методов расследования, нежелание утруждаться поиском эффективных решений. Данный фактор должен нейтрализовываться за счет правильного подбора членов группы с точки зрения их количества, профессионального уровня, психологической совместимости. Это обеспечит сплоченность и благоприятный психологический климат в группе, преобладание коллективных целей над индивидуальными, взаимную поддержку и ответственность. Необходимо учитывать и публичный характер дискуссии, который может сочетаться с нежеланием отказаться от ранее высказанного мнения, хотя оно и претерпело изменения в ходе обсуждения.

8. Участники совместного планирования в силу объективных причин (отсутствие достаточного профессионального опыта) либо в

[1] Веснин В.Р. Основы менеджмента: учебник. М., 1996. С. 234.
[2] Зорин Г.А. Криминалистическая методология. Мн., 2000. С. 572.

связи с конформизмом, могут уклоняться от активного участия в выдвижении версий и решении других вопросов, связанных с планированием расследования. В связи с этим на организатора ложится важная задача – обеспечить участие в планировании каждого участника взаимодействия, использовать творческие способности всех, чтобы ни одна мысль, ни одна версия не были отвергнуты механически, без спокойного и беспристрастного обсуждения (В.М. Быков). Поэтому нежелательно проводить дискуссию в служебных кабинетах руководителей высокого ранга (начальников УМВД, прокуроров области и т.п.), в залах с местами для президиума и трибуной, что не создает непринужденной обстановки при обсуждении, порождает скованность и неуверенность участников обсуждения возможных направлений работы.

9. Подводя итоги сказанному, еще раз подчеркнем, что согласованное планирование является мощным средством обеспечения эффективности расследования. Способы его осуществления требуют дальнейшей научной разработки и активного внедрения в правоохранительную практику. Надеемся, приведенные положения будут способствовать решению этих задач.

А.И. Куликовская

Проблемы организации расследования преступлений транснационального характера и их разрешение посредством тактической операции «Видеоконференция»

Сегодня спектр преступлений, которые при совершении затрагивают территории двух и более иностранных государств, приобретая транснациональный характер, уже охватывает большинство видов общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законом. При расследовании таких преступлений, как отмечает А.Г. Волеводз, «традиционные методы правоприменения, сконцентрированные на государственном уровне, неизбежно приводят к разочаровывающим результатам»[1]. Практика установления международного сотрудничества по уголовным делам и оказания международной правовой помощи, сложившаяся на современном этапе, также не обеспечивает решения всех задач расследования преступлений рассматриваемой группы.

Существенные препятствия на пути к достижению конечных целей

[1] Волеводз А.Г. Международные правоохранительные организации: учебное пособие. М., 2011. С.20.

расследования преступлений транснационального характера имеют место в случаях установления международного сотрудничества по уголовным делам, так и в случаях, когда его установление по уголовным делам и, соответственно, оказания международной правовой помощи не представляется возможным.

Например, если деяние в одном государстве признается общественно опасным и подлежит расследованию, а в другом – нет, то международное сотрудничество, как правило, исключается. В таких следственных ситуациях лицо, в чьем производстве находится уголовное дело, из-за ограничения его полномочий юрисдикцией государства сталкивается с проблемой выбора криминалистических средств, обеспечивающих поиск и познание носителей следовой и иной криминалистически значимой информации, находящихся на территории иностранного государства.

При рассмотрении заявлений и сообщений о преступлениях транснационального характера также возникает необходимость в получении данных из источников, находящихся за рубежом, в то время как процедура обращения за международной правовой помощью допустима только после возбуждения уголовного дела. Соответственно, принятие решения по результатам проверки таких заявлений и сообщений осуществляется в условиях информационной неопределенности. Отсутствие конкретных данных о фактах, свидетельствующих об общественной опасности деяния, являются причиной отказа в возбуждении уголовного дела. Однако порой принимаются и противоположные решения, хотя при этом существует сомнение, что из-за рубежа могут быть получены сведения, устанавливающие отдельные обстоятельства рассматриваемого деяния, соотносящиеся с элементами состава преступления. Все это негативным образом сказывается на соблюдении конституционных прав и свобод лиц, вовлекаемых в сферу уголовного процесса, на принятии оптимальных тактических и процессуальных решений в ходе дальнейшего расследования.

При оказании же международной правовой помощи познание общественно опасного деяния по идеальным и материальным следам на территории иностранного государства перепоручается компетентному лицу соответствующих зарубежных органов. От того, как он понимает поставленные перед ним в международном обращении[1] задачи, насколько объективно может оценить

[1] Здесь и далее по тексту употребляется термин «международное обращение», упрощающий перечисление различных названий официального документа: просьба о содействии, запрос об оказании содействия, поручение об оказании международной помощи, посредством которого инициируется оказание

следственную ситуацию по уголовному делу, зависит объем и качество получаемых им данных при выполнении данного обращения. В этом случае имеет место опосредованное познание, поскольку инициатором международной правовой помощи воспринимаются данные, полученные в результате познания конкретных объектов представителем компетентных органов иностранного государства через призму его органов чувств и способности к абстрактному мышлению.

В настоящее время практическими работниками отмечается неудовлетворительное качество оказания международной правовой помощи.

Являясь выразителем насущных проблем, потребность практики криминалистической деятельности по уголовным делам о преступлениях транснационального характера, как «объективно сложившаяся необходимость в изменении условий функционирования»[1], предполагает существенное преобразование традиционных и развитие новых криминалистических средств и методов, обеспечивающих решение конкретных задач расследования. Одна из последних заключается в осуществлении лицом, в чьем производстве находится уголовное дело, личного восприятия информации от ее носителей, то есть первоисточников, представляющих интерес для расследования и находящихся на территории иностранного государства. Это подтверждает опрос, проведенный среди сотрудников подразделений Следственного комитета Республики Беларусь, который показал: 87,16% респондентов считают, что возможность личного восприятия информации от первоисточника влияет как на эффективность принятия тактических решений, так и на процесс расследования в целом. Очевидно, решение этой задачи посредством единичного действия либо мероприятия не представляется возможным. В таком случае целесообразно использовать потенциальный ресурс тактической операции. Она, как комплекс согласованных между собой «тактических средств»[2], и будет нацелена на решение указанной задачи расследования.

В то же время, реализуемые через следственные, процессуальные действия, оперативно-розыскные и иные мероприятия, возможности лица в познании носителей криминалистически значимой информации ограничены порогами восприятия его органов чувств. Для

международной правовой помощи.

[1] Бахин В.П. Криминалистика. Проблемы и мнения (1962-2002). Киев, 2002. С. 47.

[2] Дулов А.В. Тактические операции при расследовании преступлений. Минск, 1979. С. 14.

преступлений транснационального характера данное обстоятельство является ключевым, поскольку требующие познания объекты и лицо, в чьем производстве находится уголовное дело, расположены на территориях различных стран, то есть на значительном дистанционном удалении друг от друга. В процессе расследования преступлений преодоление проблем, обусловленных порогами восприятия информации органами чувств, традиционно связано с внедрением достижений науки и техники.

В условиях, когда расстояние является критическим фактором, наибольший и значимый для расследования преступлений транснационального характера технический ресурс в обеспечении коммуникационных процессов имеет, на наш взгляд, видеоконференцсвязь. В настоящее время она уже успешно используется в различных областях профессионально деятельности человека, например, в образовании, медицине и т.д. Как одна из телекоммуникационных технологий, она позволяет «организовать видеоконференции между двумя и более абонентами по сети передачи данных, обеспечивая интерактивный аудиовизуальный обмен с возможностью трансляции телеметрических и компьютерных данных, демонстрации документов и различных объектов»[1]. Необходимость ее внедрения в практическую деятельность правоохранительных органов также настойчиво диктует само время, поскольку в условиях информационного общества технические средства и технологии для собирания и исследования криминалистически значимой информации «стали крайней необходимостью»[2].

На возможность использования рассматриваемой телекоммуникационной технологии указывается в ряде международных договоров, например, Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г. (г. Кишинев). Тем не менее, на протяжении уже более десяти лет идея использования видеоконференцсвязи в практике криминалистической деятельности по уголовным делам о преступлениях транснационального характера, которая направлена на получение доказательственной информации из-за рубежа, глубокого исследования и развития на должном уровне так и не получила. К сожалению, в существующих публикациях

[1] Решения IBA для органов государственного управления / [СП ЗАО «Международный деловой альянс» (IBA Minsk)]. Минск, 2012. С. 41.

[2] Салтевский М.В., Лысов Н.Н. Новый подход в технологии собирания и исследования информационных следов // Эксперт-криминалист. 2008. № 1. С. 16-19.

относительно указанной телекоммуникационной технологии затрагиваются уголовно-процессуальные аспекты соблюдения прав и обязанностей участников конкретных следственных действий, а также частные требования к параметрам видеоконференцсвязи, которые очевидно могут иметь статус обязательных только на внутригосударственном уровне. А ведь внедрение любых технических средств и технологий в практическую деятельность правоохранительных органов изначально требует четкого представления о принципах их работы, а также целях и задачах их использования при производстве конкретных следственных действий[1]. Только на основе этих сведений могут и должны вырабатываться целенаправленные технико- и тактико-криминалистические рекомендации использования рассматриваемой телекоммуникационной технологии при расследовании преступлений транснационального характера.

Поскольку видеоконференцсвязь может быть организована на базе персонального компьютера либо самостоятельного программно-аппаратного терминала, с многообразием комбинаций периферийного оборудования и каналов связи различных сетей, то ее конфигурация в каждом конкретном случае может иметь вариации. Непосредственное влияние на это будут иметь сущность фактов, находящихся на территории иностранного государства и требующих своего установления и познания, цели и задачи конкретных следственных и иных процессуальных действий, различных мероприятий, проведение которых эта телекоммуникационная технология призвана обеспечить, а также ряд иных внешних условий. Указанное обстоятельство также можно рассматривать в качестве дополнительного аргумента идеи о внедрении видеоконференцсвязи в практику расследования преступлений в качестве составляющей тактической операции. Последнюю, полагаем, целесообразно называть «Видеоконференцией», так как сеанс видеоконференцсвязи, связанный с процессом передачи и восприятия различных данных, происходящий в определенный промежуток времени без перерыва, традиционно определяют как видеоконференция. Иными словами, видеоконференцсвязь можно рассматривать как инструмент, а видеоконференцию – как результат использования этого инструмента.

Резюмируя все вышесказанное, хочется отметить, что преступления транснационального характера, как проявление качественного изменения преступности, ярко демонстрируют недостаточность и

[1] Криминалистическая техника: учебник / отв. ред. Н.М. Балашов. М., 2002. С. 516.

неактуальность известных криминалистических средств и методов расследования общественно опасных деяний.

Основная потребность практики криминалистической деятельности по уголовным делам о преступлениях рассматриваемой группы заключается в поиске и разработке адекватных современным условиям средств и способов, обеспечивающих личное восприятие лицом, производящим расследование, данных от первоисточников, находящихся на территории иностранного государства.

Оптимальное решение указанной задачи расследования видится за счет использования ресурса такого криминалистического средства, как тактическая операция «Видеоконференция», под которой следует понимать комплекс спланированных между собой тактических действий, организованных на основе использования видеоконференцсвязи и обеспечивающих лицу, в чьем производстве находится уголовное дело, возможность личного восприятия следовой и иной криминалистически значимой информации от первоисточника в условиях, когда расстояние является критическим фактором.

А.Ф. Купин

Проведение обязательной дактилоскопической регистрации: теория и практика

Правовые основы проведения обязательной государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации определены Федеральным законом от 25.07.1998 № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации» (далее – Закон № 128)1.

Рассмотрим складывающуюся ситуацию по дактилоскопической регистрации граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства, подозреваемых в совершении преступления и обвиняемых в совершении преступления, и на этом примере обратим внимание на возможности и перспективы использования дактилоскопической регистрации при решении задач, связанных с идентификацией личности при расследовании преступлений.

В настоящее время, в соответствии с п. «ж» ст. 9 Закона № 128 граждане РФ, иностранные граждане и лица без гражданства, подозреваемые в совершении преступления, обвиняемые в совершении преступления, подлежат обязательной государственной

[1] О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации: федеральный закон РФ от 25.07.1998 № 128-ФЗ (ред. от 27.07.2011) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

дактилоскопической регистрации. Порядок направления материальных носителей, содержащих дактилоскопическую информацию (дактилокарт), в органы внутренних дел определен Постановлением Правительства РФ от 25.12.1998 № 1543 «Об утверждении Положения о направлении материальных носителей, содержащих дактилоскопическую информацию, в органы внутренних дел»[1] (далее – Постановление № 1543). Так, согласно п. 2 Постановления № 1543 направляются в органы внутренних дел материальные носители, относящиеся к следующим категориям лиц: граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства, подозреваемых в совершении преступления, обвиняемых в совершении преступления либо осужденных за совершение преступления, подвергнутых административному аресту, совершивших административное правонарушение, если установить их личность иным способом невозможно.

Такой порядок направления материальных носителей (дактилокарт) в органы внутренних дел, по нашему мнению, требует пересмотра, поскольку в отдельных случаях личность подозреваемого или обвиняемого устанавливается по другим данным (например, с помощью документов, удостоверяющих личность). Следовательно, фактические основания для направления дактилоскопической карты в органы внутренних дел отсутствуют. На эту проблему ранее мы уже обращали внимание. Так, согласно исследованию, проведенному в 2011 г. Академией управления МВД России совместно с ЗИЦ ГУ МВД России по г. Москве, было установлено, что из 261 подозреваемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 116, 119 УК РФ, уголовные дела по которым направлялись в суд или прекращались по нереабилитирующим основаниям, дактилоскопированы и поставлены на соответствующий учет только 49 лиц[2].

За прошедшее с момента проведения исследования время ситуацию по дактилоскопированию подозреваемых и обвиняемых, к сожалению, не удалось изменить кардинально. На это указывают результаты, полученные в ходе дополнительного изучения Академией управления МВД России и ЗИЦ ГУ МВД России по г. Москве порядка постановки на дактилоскопический учет подозреваемых в совершении преступлений, проведенные в мае 2013 г. Так, из 338 подозреваемых в

[1] Об утверждении Положения о направлении материальных носителей, содержащих дактилоскопическую информацию, в органы внутренних дел: постановление Правительства РФ от 25.12.1998 № 1543 (в ред. от 15.07.2010) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Купин А.Ф. Использование учета следов рук в раскрытии преступлений прошлых лет // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 3. С. 44-47.

совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 161, 162 УК РФ, уголовные дела по которым направлялись в суд или прекращались по не реабилитирующим основаниям в декабре 2012 г., дактилоскопированы и поставлены на соответствующий учет 121 лицо. Фактически, проверка в отношении 217 подозреваемых в совершении преступлений (59% от числа проверяемых лиц), чья вина была доказана в ходе расследования уголовных дел, на причастность к совершению других преступлений с помощью учета следов рук не проводилась.

Подтверждением необходимости постановки и проверки по учету следов рук дактилоскопических карт подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, могут служить многочисленные примеры использования учета следов рук в работе правоохранительных органов, в том числе, и результаты проверок дактилоскопических карт подозреваемых и обвиняемых, полученные непосредственно автором статьи. Рассмотрим один из таких случаев.

В мае 2006 г. в г. Норильске в одной из квартир по улице Комсомольской был обнаружен труп гражданина Г. с признаками насильственной смерти. По результатам проверки по данному факту возбуждено уголовное дело № 16142126 по ч. 1 ст. 105 УК РФ. В ходе осмотра места происшествия изъяты следы рук, признанные в последствие пригодными для идентификации личности. Проверка указанных следов по учету следов рук результатов не дала. Подозреваемые в совершении данного преступления установлены не были, дело было приостановлено. В июле 2007 г. по подозрению в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 161 УК РФ, уголовное дело № 17144888 был задержан гражданин Р., который, несмотря на то, что в ходе осмотра следы рук не изымались, а личность самого Р. была удостоверена по находящимся при нем документам, был дактилоскопирован в дежурной части органа внутренних дел. В ходе проверки дактилокарты указанного лица по учету следов рук были идентифицированы следы рук по уголовному делу № 16142126. Назначенная и проведенная по данному уголовному делу дактилоскопическая экспертиза подтвердила этот вывод. После ознакомления с выводами дактилоскопической экспертизы гражданин Р. признал себя виновным в совершении указанного преступления. С учетом того, что других доказательств, причастности гражданина Р. к совершению преступления у сотрудников правоохранительных органов не было, с большой долей уверенности можно утверждать, что в случае формального выполнения требований Постановления № 1543, исключающих направление дактилокарты Р. для проверки по учету

следов рук в этой ситуации, преступление осталось бы нераскрытым в течение длительного времени.

Приведенные аргументы, по нашему мнению, указывают на необходимость изменения требований Постановлении № 1543, в части направления материальных носителей, содержащих дактилоскопическую информацию (дактилокарт), в органы внутренних дел, и приведения его в соответствие с нормами, закрепленными в п. «ж» ст. 9 Закона № 128, предусматривающими дактилоскопическую регистрацию граждан РФ, иностранных граждан и лица без гражданства, подозреваемых в совершении преступления, обвиняемых в совершение преступления, вне зависимости от каких-либо других условий и обстоятельств.

Другой, не менее важной на наш взгляд проблемой, связанной с проверкой по учету следов рук дактилокарт подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, является не всегда удовлетворительное качество отпечатков пальцев и оттисков ладоней рук, содержащихся на бланках дактилоскопических карт, поступающих для проверки.

Основные правила дактилоскопирования и заполнения дактилоскопических карт определены Положением о порядке формирования и ведения информационного массива, создаваемого в процессе проведения государственной дактилоскопической регистрации (далее – Положение)[1]. Однако с учетом того, что в указанном Положении не определен круг лиц, в чьи должностные обязанности входит проведение дактилоскопической регистрации, на практике возникают затруднения при осуществлении функции государственной дактилоскопической регистрации отдельных категорий лиц, в том числе подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, особенно по преступлениям небольшой и средней тяжести. Объясняется это тем, что в случае совершения тяжкого или особо тяжкого преступления, чаще всего, принимается решение о задержании лица в порядке, предусмотренном ст. 91 УПК РФ, его дактилоскопирование производится сотрудниками ИВС, в функциональных обязанностях которых закреплено проведение

[1] Об утверждении Положения о порядке формирования и ведения информационного массива, создаваемого в процессе проведения государственной дактилоскопической регистрации: Приказом МВД России, МЧС России, Минобороны России, Минфина России, Минюста России, Минтранса России, СВР России, ФТС России, ФСБ России, ФСО России, ФСКН России, ФМС России от 27.09.2010 № 688/472/1214/110н/235/205/36/1785/456/468/402/299 // СПС СТРАС «Юрист».

дактилоскопической регистрации[1]. К тому же, немаловажным является еще и то обстоятельство, что лицо, задержанное в порядке ст. 91 УПК РФ, временно находится в помещении ИВС, и, соответственно, может быть дактилоскопировано повторно, в случае, если качество отпечатков пальцев и оттисков ладоней рук в дактилоскопической карте будет признано непригодным для идентификации личности.

При совершении преступлений небольшой или средней тяжести лица, их совершившие в порядке ст. 91 УПК РФ, как правило, не задерживаются, их дактилоскопирование, в соответствии с п. 24 Положения проводится органами предварительного следствия, органами дознания, или по их поручению органами внутренних дел. С учетом этого, провести своевременно их повторное дактилоскопирование, в случае предоставления дактилоскопических карт этих лиц, заполненных без соблюдения установленных правил (полнота прокатывания, обеспечивающая отображение всех характерных особенностей папиллярного узора; отсутствие грязных и непропечатанных участков; четкость отображения всех папиллярных линий), становится не всегда возможным.

Затрудняет сложившуюся ситуацию, помимо недостаточного контроля над организацией дактилоскопической регистрации подозреваемых и обвиняемых, по нашему мнению, еще и то обстоятельство, что в действующих нормативно-правовых актах не прописан поэтапно механизм проведения дактилоскопирования таких лиц. Задекларированное в ряде ведомственных нормативных правовых актах требование о проведение государственной дактилоскопической регистрации в соответствии с положениями Закона № 128, по нашему мнению, к таковым не относится[2].

Выходом из сложившейся ситуации, с учетом того, что большая часть преступлений небольшой и средней тяжести относится к подследственности органов внутренних дел, может стать принятие Министерством внутренних дел Российской Федерации приказа,

---

[1] Об утверждении Правил внутреннего распорядка изоляторов временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел: приказ МВД России от 22.11.2005 № 950 (ред. от 18.10.2012) // СПС СТРАС «Юрист».

[2] О полиции: федеральный закон РФ от 7.02.2011 № 3-ФЗ (в ред. от 3.12.2012) // Российская газета. 2011. 8 февраля; Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: указ Президента РФ от 1.03.2011 № 249 (ред. от 15.01.2013 № 30) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 10. Ст. 1335; О порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России: приказ МВД России от 30.04.2012 № 389 // СПС СТРАС «Юрист».

прописывающего поэтапно порядок проведения дактилоскопирования отдельных категорий лиц, подлежащих обязательной дактилоскопической регистрации. Тем более, что в отношении лиц, желающих осуществить дактилоскопическую регистрацию на добровольной основе, такой нормативный акт принят[1].

Полагаем, что принятие вышеназванных, достаточно простых и эффективных мер, в части осуществления контроля за организацией дактилоскопической регистрации подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, позволит повысить результаты раскрытия и расследования совершенных преступлений, с использованием возможностей экспертно-криминалистического учета следов рук.

П.А. Литвишко

Производство процессуальных действий по уголовным делам в зарубежных представительствах государств: актуальные проблемы правового регулирования и правоприменения в странах СНГ

Материальная и процессуальная уголовная юрисдикция в загранучреждениях

В соответствии с обновленной в 2013 г. Концепцией внешней политики Российской Федерации[2] Россия «проводит политику, направленную на создание стабильной и устойчивой системы международных отношений, опирающейся на международное право и основанной на принципах равноправия, взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела государств … последовательно выступает за укрепление правовых основ в международных отношениях, добросовестно соблюдает международно-правовые обязательства. Поддержание и укрепление международной законности – одно из приоритетных направлений ее деятельности на международной арене».

Если уголовное судопроизводство осуществляется в зарубежном представительстве[3] страны, это существенным образом затрагивает

[1] Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по проведению добровольной государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации: приказ МВД России от 14.07.2012 № 696 // Российская газета. 2012. 15 августа.

[2] Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом РФ 12.02.2013 (пп. «ж» п. 4, 28, 31, пп. «в» п. 39, 43) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Здесь и далее, если из контекста не следует иное, под зарубежным

национальные интересы иностранного государства, на чьей территории расположено представительство, равно как и двусторонние межгосударственные отношения. Нарушения, допущенные как аккредитующим (представляемым, посылающим) государством[1], так и страной пребывания при осуществлении уголовно-процессуальной юрисдикции в загранучреждении, могут стать причиной серьезного международного конфликта.

В последнее время в практике международного сотрудничества по уголовным делам все чаще подчеркивается недопустимость несанкционированной страной пребывания деятельности органов расследования представляемого государства на территории его загранучреждения, что вытекает одновременно из нескольких международно-правовых норм: суверенного равенства государств; запрета осуществления исполнительной (в т.ч. уголовно-процессуальной) юрисдикции одного государства на территории другого государства в отсутствие согласия последнего в каждом конкретном случае или соответствующего международного договора; уважения законов и правил государства пребывания; запрета на использование помещений представительства в несовместимых с его функциями целях; невмешательства во внутренние дела государства пребывания.

В современном международном праве территория, занимаемая загранучреждениями, в публично-правовом смысле всегда принадлежит стране пребывания. Гражданско-правовая принадлежность данной территории на осуществление в ее отношении суверенитета и юрисдикции страны пребывания не влияет.

В 2009 г. СК при прокуратуре РФ расследовалось уголовное дело о незаконной охоте и нарушении правил эксплуатации воздушного транспорта на территории Республики Алтай, повлекшем смерть

представительством государства, загранучреждением понимаются дипломатическое представительство, консульское учреждение, представительство при международной организации, представительство государственного органа и другое официальное представительство государства за рубежом; под территориями (помещениями) зарубежных представительств (загранучреждений) имеются в виду те из них, которые пользуются неприкосновенностью и иммунитетами.

[1] Далее – представляемое государство, под которым в данной работе понимается как представляемое государство консульского учреждения, так и аккредитующее государство дипломатического представительства и посылающее государство представительства при международной организации (в конечном счете все перечисленные загранучреждения представляют интересы одного государства на территории другого).

нескольких лиц[1]. По делу возникла необходимость в допросе следователем СК в посольстве РФ в Австрии (г. Вена) в качестве потерпевшего гражданина России Б., проходившего в Австрии длительный курс лечения после ампутации обеих ног и выразившего согласие на такой допрос. Следственное действие не могло быть отложено до возвращения потерпевшего в Россию. В связи с этим в МИД России было направлено обращение с просьбой об оформлении следователю приглашения посольства и оказании визовой поддержки.

В своем ответе МИД России указал, что «помещения и земельный участок Посольства России в Вене находятся на территории Австрийской Республики. По общему правилу деятельность каких-либо органов одного государства на территории другого возможна только с согласия последнего. В связи с этим в условиях отсутствия международно-правового акта, который предусматривал бы проведение следственных действий в помещениях дипломатических представительств, допрос гражданина в Посольстве с точки зрения международного права требует согласия австрийской стороны. Неуведомление страны пребывания либо, например, сообщение ей не соответствующих действительности сведений о цели поездки следователя может вызвать негативную реакцию, в том числе и в отношении следователя (запрет на въезд в шенгенское пространство и пр.). В том случае, если допрос потерпевшего Б. не может быть отложен до его возвращения в Россию, рекомендовали бы направить австрийским властям запрос об оказании правовой помощи по уголовному делу»[2].

Кроме того, было получено подобное по своей основной сути разъяснение Федерального министерства юстиции Австрийской Республики, отказавшего в разрешении указанного действия.

Уголовно-правовая (законодательная) юрисдикция представляемого государства распространяется на территорию загранучреждения и жилище его сотрудников только в случае, если совершенное там преступление подпадает под один или несколько экстратерриториальных юрисдикционных принципов (личные активный и пассивный, реальный, универсальный, «aut dedere aut judicare», представительства).

Осуществление представляемым государством в отношении загранучреждения ограниченной экстратерриториальной уголовно-процессуальной юрисдикции, являющейся видом исполнительной

[1] Уголовное дело № 201/383007-09 ГСУ СК при прокуратуре РФ.
[2] Письмо ДНВ МИД России от 16.06.2009 № 5738/днв.

юрисдикции, основано на обычном международном праве, которое, однако, не определяет ее конкретное содержание[1].

Пользующиеся иммунитетом сотрудники загранучреждений, будучи изъятыми из-под уголовно-процессуальной юрисдикции страны пребывания и находясь в пределах пользующихся неприкосновенностью помещений загранучреждения или жилища, подлежат эквивалентной субститутивной юрисдикции представляемого государства, включая средства принуждения[2].

В 2013 г. в ходе расследования уголовного дела по факту незаконного документирования паспортами гражданина Российской Федерации 110 граждан Таджикистана сотрудниками МО УФМС России по Ростовской области в г. Морозовске было установлено, что представленные указанными гражданами Таджикистана справки и подтвердительные письма о приобретении гражданства РФ, якобы выданные от имени генерального консула РФ в Ходженте К., являются поддельными. В связи с этим сотрудниками СК России был осуществлен выезд в генконсульство РФ в Ходженте и в его помещениях ими допрошены в качестве свидетелей 5 сотрудников генконсульства, у некоторых сотрудников получены образцы подписи и почерка для сравнительного исследования, произведены выемки и осмотры интересующих следствие документов генконсульства на бумажных и электронных носителях, получены оттиски всех печатей и штампов генконсульства[3].

Проведение следственных действий по указанным уголовным делам было предварительно согласовано с МИДом России[4].

Производство процессуальных действий на территории

---

[1] Литвишко П.А. Особенности осуществления уголовной и уголовно-процессуальной юрисдикции в отношении зарубежных представительств государств // Российский юридический журнал. 2011. № 3(78). С. 173-185.

[2] Литвишко П.А. Проведение проверок сообщений о преступлениях и производство следственных действий на территории зарубежных представительств государств // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 1(2). С. 145-162.

[3] Информационное письмо Председателя СК России А.И. Бастрыкина от 01.11.2011 № Исоп-220/2-32909-11/3305 «О практике проведения проверок сообщений о преступлении и расследования уголовных дел в отношении лиц, обладающих дипломатическим иммунитетом, а также выполнения процессуальных действий на территории дипломатических представительств и консульских учреждений».

[4] Уголовные дела № 360129 и № 360130 СО по ЮАО СУ СК при прокуратуре РФ по г. Москве; уголовное дело № 2012317261 СУ СК России по Ростовской области; письмо КД МИД России от 21.04.2009 № 15778/кд; письмо МИД России от 14.02.2013 № 2347/3дснг.

загранучреждений органами представляемого государства

Правовой институт руководителей загранучреждений как должностных лиц, являющихся органами дознания либо обладающих их отдельными полномочиями, возник относительно недавно и был введен при разработке новых уголовно-процессуальных кодексов в некоторых странах СНГ: в Казахстане в 1997 г., Белоруссии в 1999 г., России в 2001 г., Таджикистане и Туркменистане в 2009 г., Украине – в 2012 г.

Главам российских дипломатических представительств и консульских учреждений предоставлены отдельные полномочия органов дознания, не включающие в себя принятие мер процессуального принуждения, не подлежащие делегированию и не распространяющиеся на уголовные дела частно-публичного и частного обвинения, а также по которым производство предварительного следствия необязательно. С точки зрения международного права данные полномочия обоснованно носят максимально лимитированный характер.

В УПК Украины 2012 г.[1] (ст. 522), в нарушение норм международного права, устанавливается, что руководитель дипломатического представительства или консульского учреждения Украины имеет право задержать лицо на необходимый срок, но не более чем на сорок восемь часов, и обязан предоставить задержанному лицу доступ к получению правовой помощи. Эти должностные лица обязаны обеспечить доставление задержанного лица в подразделение органа государственной власти на территории Украины, уполномоченного на содержание задержанных лиц, и сообщение о факте законного задержания следователю органа досудебного расследования по месту проведения досудебного расследования в Украине[2].

Для обеспечения допустимости доказательств, добытых на территории загранучреждения РФ или в жилище его сотрудника (в том числе арендованного за пределами территории загранучреждения), в особенности применительно к их самостоятельному сбору органом расследования РФ без получения согласия страны пребывания в исключительных случаях, необходимо внесение соответствующих дополнений в УПК РФ (в ст.ст. 2 и 455).

---

[1] Кримінальний процесуальний кодекс України від 13.04.2012 № 4651-VI (в ред. від 18.09.2012). URL: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show..

[2] Литвишко П.А. Уголовно-процессуальная юрисдикция в отношении загранучреждений по УПК Украины 2012 года: полезные новеллы и очевидные противоречия международному праву // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 2(3). С. 354–361.

При изложении соответствующей формулировки закона следует учитывать, что потребность в получении доказательств на территории загранучреждения может возникнуть не только по делу о совершенном там преступлении, но и по другим уголовным делам, в том числе при выполнении поручений органов расследования консульским должностным лицом.

Это не вполне учтено белорусским и украинским законодателями, которые сформулировали соответствующую норму в статьях о пространственном действии их уголовно-процессуальных законов. Так, согласно ст. 3 УПК Белоруссии[1] правила данного Кодекса применяются также при производстве по материалам и уголовному делу о преступлении, совершенном на территории дипломатического представительства и консульского учреждения Республики Беларусь в иностранном государстве, на воздушном, морском или речном судах, находящихся вне пределов Республики Беларусь под флагом или с опознавательными знаками Беларуси, если названные суда приписаны к портам Республики Беларусь. Аналогичную норму в отношении украинских загранучреждений и судов содержит ст. 4 УПК Украины.

Вместе с тем целесообразно вести речь не о производстве по делу о преступлении, совершенном на соответствующей территории, а в целом о производстве следственных и иных процессуальных действий на такой территории, т.е. и по делам о других преступлениях.

Так, в 2005 г. сотрудник следственного управления Генпрокуратуры Украины в помещении посольства Украины в Лондоне допросил в качестве свидетеля А. Литвиненко по уголовному делу о гибели журналиста Г. Гонгадзе и прослушивании кабинета бывшего президента Украины Л. Кучмы[2].

В 2006 г. в посольстве Великобритании в Москве в рамках расследуемого в Великобритании дела о гибели в Лондоне А. Литвиненко представители компетентных органов Великобритании произвели радиационное обследование помещений посольства, изъяли образцы частей мебели с обнаруженным альфа-излучением для судебной экспертизы, а сотрудники британской полиции осуществили выемку указанных образцов и документов и получили свидетельские показания (witness statement) сотрудников визового отдела посольства[3].

---

[1] УПК Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-З (в ред. от 13.07.2012). URL: http://pravo.by/main.

[2] Диктофон под диваном Кучмы. Александр Литвиненко и Алекс Гольдфарб дали показания следователю Генпрокуратуры Украины // Независимая газета. 2005. 21 апреля.

[3] Судебное дознание по делу о смерти А. Литвиненко. URL: http://www.litvinenkoinquest.org.

В 2009 г. следователь Генпрокуратуры Украины в помещении посольства Украины в Москве допросил в качестве свидетеля М. Гельмана по уголовному делу об отравлении кандидата в президенты Украины В. Ющенко[1].

В связи с этим было бы целесообразно изложить ч. 2 ст. 2 УПК РФ («Действие уголовно-процессуального закона в пространстве») в следующей редакции: «Нормы настоящего Кодекса применяются также … при производстве следственных и иных процессуальных действий в помещениях дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации, представительств Российской Федерации при международных (межгосударственных, межправительственных) организациях, представительств государственных органов Российской Федерации и других представительств (представителей) Российской Федерации за рубежом, пользующихся неприкосновенностью в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, а равно в пользующихся такой неприкосновенностью помещениях, в которых проживают сотрудники данных представительств и учреждений и члены их семей».

В 2012 г. украинский законодатель, применив юридическую фикцию, установил в УПК (ст. 523), что досудебное расследование уголовного правонарушения, совершенного на территории дипломатического представительства или консульского учреждения Украины за границей, осуществляется следователем органа досудебного расследования, юрисдикция которого распространяется на территорию местонахождения центрального органа исполнительной власти в сфере иностранных дел Украины.

Подобное решение могло бы быть заимствовано и российским законом, тем более что в действующем УПК РФ специально не оговорены территориальные подследственность и подсудность уголовных дел о преступлениях, совершенных за рубежом[2]. Выбор таких подследственности и подсудности может быть обоснован и тем обстоятельством, что в МИДе, возможно, будет находиться

---

[1] Марата Гельмана допросили в Москве по делу об отравлении Виктора Ющенко. URL: http://www.kommersant.ua/doc. .

[2] В настоящее время Минюстом России совместно с заинтересованными ведомствами разрабатывается проект федерального закона «О внесении изменений в статьи 32 и 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в целях реализации Постановления Конституционного Суда РФ от 16.10.2012 № 22-П, касающегося определения подследственности и подсудности экстратерриториальных преступлений.

большинство доказательств (служебная переписка и т.д.) и свидетелей из числа его сотрудников.

То же касается и определения подследственности и подсудности дела о преступлении, совершенном в помещениях представительства федерального органа государственной власти РФ за рубежом, – по месту нахождения центрального аппарата соответствующего органа в г. Москве (к примеру, ФМС России в отношении помещений его представительств, Минэкономразвития России – в отношении торгпредств).

Учитывая единичные случаи подобных преступлений, вести речь о существенном увеличении нагрузки на соответствующие территориальные органы расследования и суды не приходится.

Консульская правовая помощь по уголовным делам

Допустимость и объем осуществления консульской правовой помощи по уголовным делам устанавливаются международным договором[1] либо правилами страны пребывания, в том числе в виде разъяснений внешнеполитического ведомства или центрального органа по вопросам правовых отношений по уголовным делам, которые могут как распространять разрешение на любые добровольные консульские процессуальные действия с участием любых лиц независимо от их гражданства, так и, напротив, их не допускать или выдвигать ограничительные условия к их производству. Общая договорная норма о свободе консульских сношений с гражданами представляемого государства и беспрепятственного доступа к ним не служит достаточным основанием для реализации этой функции; если страна пребывания не признаёт право представляемого государства на осуществление данной функции, то ее несанкционированное выполнение ведет к недопустимости соответствующего доказательства и может иметь своим следствием непризнание за консулом страной пребывания иммунитета от своей юрисдикции и свидетельского иммунитета в отношении соответствующих действий.

Расширительную интерпретацию правила о допустимости консульской правовой помощи содержит статья 6 Консульского устава Белоруссии[2], согласно которой «консул выполняет в соответствии с

---

[1] См., например: Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 (ст. 12): в ред. Протокола к Конвенции от 28.03.1997 // СПС «ГАРАНТ ЭКСПЕРТ»; Венская конвенция о консульских сношениях от 24.04.1963 (п. «j» ст. 5) // Сб. международных договоров СССР. Вып. XLV. М., 1991. С. 124-147.

[2] Консульский устав Республики Беларусь: утв. Указом Президента Республики Беларусь от 19.02.1996 № 82 (в ред. от 15.05.2000). URL: http://ncpi.gov.by/sbornik/sb.

процессуальным законодательством Республики Беларусь полученные через Министерство иностранных дел Республики Беларусь поручения следственных органов и судов Республики Беларусь в отношении граждан Республики Беларусь, если это не запрещено законами государства пребывания».

Чрезмерно категорична и позиция Н.И. Пашковского, который считает необходимым закрепить в УПК Украины «положение о том, что дипломатические (всегда) и консульские (с согласия принимающего государства) учреждения вправе вызывать граждан Украины для производства допроса, очной ставки и других следственных действий по поручению органов предварительного расследования и прокуроров. При этом вызываемые граждане должны предупреждаться об ответственности за неявку в указанные учреждения. Кроме того, указанные лица должны предупреждаться об ответственности за дачу заведомо ложных показаний и за отказ от дачи показаний. Но данные виды ответственности должны реализовываться только на территории Украины»[1].

В новый УПК Украины включена норма о консульской правовой помощи по уголовным делам: в соответствии с его ст. 547 консульские учреждения либо дипломатические представительства других государств в Украине имеют право получать на добровольной основе пояснения, вещи, документы от граждан государства, которое они представляют, а также вручать документы таким лицам. Однако имеет место определенная асимметрия: порядок обращения украинских органов расследования с подобными запросами о консульской правовой помощи не установлен.

Консульская правовая помощь должна в сопоставлении с международной правовой помощью по уголовным делам иметь вспомогательный характер и запрашиваться на основании принципа субсидиарности по отношению к международной правовой помощи в исключительных случаях[2].

---

[1] Пашковский Н.И. Субъекты международной правовой помощи по уголовным делам // Актуальні проблеми держави і права. Вип. 6. Ч. II. Одеса, 1999. С.261-267.

[2] Бастрыкин А.И. Вызов свидетелей, экспертов и вручение документов по уголовным делам по договорам о правовой помощи с социалистическими государствами // Правоведение. 1988. № 2; Литвишко П.А. Осуществление уголовно-процессуальной юрисдикции консульскими должностными лицами на территории дипломатических представительств и консульских учреждений (на примере некоторых стран Евросоюза) // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 5(20). С. 251-257.

Консульский устав РФ 2010 г.[1] не содержит прямого указания на рассматриваемую консульскую функцию, устанавливая в ст. 5, что международными договорами РФ и законодательством РФ могут быть предусмотрены и иные консульские функции, и в настоящее время она закреплена только в Положении о Консульском учреждении РФ 1998 г.[2] (п. 8) как «осуществление в пределах своей компетенции функций по вопросам правовой помощи по уголовным делам с соблюдением законодательства государства пребывания»[3].

Производство процессуальных действий на территории загранучреждений органами государства пребывания

В УПК РФ и других стран СНГ «традиционно» указываются не все виды официальных представительств государств и резиденций, на чьи помещения должны распространяться неприкосновенность и иммунитет от юрисдикции страны пребывания[4]. Необоснованными считаем и унаследованные из советского законодательства требования УПК ряда стран СНГ об обязательном присутствии при проведении действий в иностранных представительствах прокурора, сотрудника МИДа и главы зарубежного представительства, которые в международных договорах не выдвигаются. Не вызывает сомнений то, что присутствие всех этих лиц является желательным. Однако решение о допуске в помещения зарубежного представительства для производства там процессуальных действий принимается не властями страны пребывания, а руководством представительства, которое может не разрешить допуск определенных лиц либо ограничить их число до необходимого минимума, в том числе до одного – сотрудника органа расследования. Личное присутствие главы представительства при проведении следственного действия, особенно длительного, на практике также может являться проблематичным и избыточным; сопровождение представителей органов страны пребывания по

[1] Консульский устав Российской Федерации: Федеральный закон от 05.07.2010 № 154-ФЗ (в ред. от 12.11.2012) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Положение о Консульском учреждении Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 05.11.1998 № 1330 (в ред. от 21.08.2012). СПС «КонсультантПлюс».

[3] В настоящее время в рамках мониторинга правоприменения в сфере консульской деятельности СК России внесены предложения в МИД России о реализации данной консульской функции.

[4] См., например: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Кыргызской Республики о правовом статусе представительства Федеральной миграционной службы (Российская Федерация) в Кыргызской Республике от 21.10.2011 // СПС «КонсультантПлюс».

территории представительства и контроль за их действиями могут быть без какого-либо ущерба для этих действий поручены другому должностному лицу представительства.

Изложенное свидетельствует о целесообразности закрепления в уголовно-процессуальном законе формулировки о том, что перечисленные лица могут присутствовать при проведении соответствующих действий, из чего следует, что такое присутствие будет обеспечиваться по мере возможности, в зависимости от достигнутых договоренностей с зарубежным представительством.

Представляется необходимым дополнить ст. 164 УПК РФ («Общие правила производства следственных действий») ч. 9 следующего содержания: «Доступ в помещения дипломатических представительств, консульских учреждений иностранных государств, международных (межгосударственных, межправительственных) организаций, представительств иностранных государств при данных организациях, представительств государственных органов и других официальных представительств (представителей) иностранных государств, пользующиеся неприкосновенностью в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами РФ, а равно в пользующиеся такой неприкосновенностью помещения, в которых проживают сотрудники данных представительств (учреждений, организаций) и члены их семей, производство следственных и иных процессуальных действий в указанных помещениях могут осуществляться лишь по просьбе или с согласия главы представительства (учреждения, организации) или лица, его замещающего.

Информация о том, пользуются ли соответствующие помещения неприкосновенностью, а также просьба или согласие главы представительства (учреждения, организации) или лица, его замещающего, получаются через Министерство иностранных дел Российской Федерации.

На тех же условиях при производстве следственных и иных процессуальных действий в указанных помещениях могут присутствовать прокурор и представитель Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Отказ руководства представительства иностранного государства в доступе на территорию представительства правоохранительным органам страны пребывания для производства процессуальных действий или в предоставлении находящихся там доказательств в отдельных случаях может быть преодолен путем направления страной пребывания в представляемое государство международного следственного поручения.

И.В. Макогон
Л.В. Косарева

Проблема получения нетрадиционными методами криминалистически значимой информации в расследовании преступлений

Проблема борьбы с современной преступностью требует новых средств и методов раскрытия и расследования преступлений. Анализ данной проблемы показывает, что не все современные методы еще задействованы в борьбе с преступностью в силу этических, нравственных и процессуальных воззрений.

Процесс раскрытия и расследования преступлений психологически сложный, по-своему уникальный и творческий. Психофизиологические методы и технические средства, с помощью которых получение криминалистически значимой информации от преступника и других лиц в результате оценки ими своего отношения к сообщаемым фактам базируется на объективно существующей связи между протекающими процессами в психике данного человека и технически наблюдаемыми извне физиологическими проявлениями его организма. Здесь речь идет, прежде всего, о применении в расследовании полиграфа[1].

Зарубежные специалисты констатируют: вера в эффективность полиграфа в ходе расследования настолько велика, что подозреваемые или их адвокаты часто запрашивают проведение этой технико-психологической процедуры в оправдательных целях. Полиграф и другие нетрадиционные методы в раскрытии преступлений нашли свое применение во многих странах мира[2].

Использование либо не использование проверок на полиграфе в той или иной стране определяется, прежде всего, сложившимися правовыми принципами и национальными традициями. Положительное решение данного вопроса практически не зависит от

---

[1] Инструкция «О порядке применения полиграфа при опросе граждан» (утверждена Генеральной прокуратурой РФ, ФСБ РФ), зарегистрированная в Минюсте России 28.12.1994; Митричев В., Холодный Ю. Полиграф как средство получения ориентирующей криминалистической информации // Записки криминалистов. Вып. 1. М., 1993. С. 178.; Холодный Ю.И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений // Мир безопасности. М., 1999. С. 109.

[2] Лурия А.Р. Этапы пройденного пути. Научная автобиография. М., 1982. С. 5-12.

природы самого метода[1].

Практика подтверждает, что применение полиграфа дает следователям весьма ценную информацию, которую иным путем получить невозможно[2]. Об этом уже много и противоречиво написано в научной литературе[3], но широкого применения этот метод пока не получил.

За рубежом имеется значительный опыт применения гипноза в качестве метода получения криминалистически значимой информации при расследовании преступлений. В мировой практике появилось немало примеров успешного раскрытия тяжких преступлений с помощью гипнотического сеанса, в котором субъект уголовного судопроизводства вспоминал все обстоятельства совершенного преступления[4].

В руководстве по применению следственного гипноза, изданном в США, обобщены результаты трехгодичной работы гипнотизеров по 350 делам, которые расследовались полицией Лос-Анджелеса. Обобщение показало, что почти в 80% случаев с помощью гипноза была получена дополнительная ранее неизвестная информация, имеющая важное значение для раскрытия преступлений[5]. Опыт зарубежной полиции показывает: гипноз – это безопасный и общественно полезный метод, который способствует быстрому выявлению, разоблачению преступников, установлению полноценной картины содеянного, позволяет экономить время и деньги, необходимые для расследования преступлений[6].

---

[1] Записки криминалистов. Вып. 1. М., 1993; Системы безопасности связи и телекоммуникаций. № 3. М., 1996. С. 23.

[2] Опыт использования полиграфа в профилактике и раскрытии преступлений в ГУВД Краснодарского края (1-я научно-практич. Конферен.). Краснодар, 1997. С. 12-34.

[3] Шапошникова В., Китаев Н. Значение хронобиологии для криминалистики// Законность. 1997. № 11; Монологи. Криминалисты о своей науке. Иркутск-Москва, 1999. С. 272–279; Записки криминалистов. Вып. 3. М., 1994. С. 287-293; Образцов В.А., Богомолова С.Н. Криминалистическая психология. М., 2002. С. 171-205; Ларин А. М. Криминалистика и паракриминалистика. М., 1996.

[4] Гримак Л.П. Гипноз и преступность. М., 1997. С. 197; Холодный Ю.И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступлений // Мир безопасности. М., 1999. С. 109.

[5] Reiser M. Handbook of Investigative Hypnosis. Los-Angeles, 1980.

[6] Kleinhaz M.,HosovitzU. The use hypnosis in police investigation: a preliminary report. Journal of forensic sciences society, 1977, 17 (77). P. 77-80.

Проблема использования гипноза в расследовании преступлений в России пока находится в зачаточном состоянии, однако имеются основания надеяться на то, что в недалеком будущем в российской криминалистике сложится новое направление – криминалистическая гипнология, способное существенно улучшить тактическое обеспечение следственной практики[1].

Надо полагать, что полученные с помощью указанного метода сведения могут оказаться полезными не только с точки зрения реализации функции выявления и уголовного преследования виновных лиц, но и для снятия подозрений в отношении невиновных лиц, их реабилитации.

Нетрудно представить, какая большая работа должна быть проделана для того, чтобы рассматриваемый метод приобрел свой официальный статус, стал легитимным и эффективным средством тактического арсенала следователей в России. В круг первоочередных задач, связанных с разрешением этой проблемы, очевидно, в первую очередь следует включить обеспечение (на законодательном уровне) соответствующей правовой базы, а также создание прочных научных основ (условий, принципов, критериев и т.д.) и научно обоснованных методик применения гипноза в уголовном судопроизводстве. В этом деле несомненную пользу может принести изучение практического опыта, накопленного зарубежными юристами в области криминалистической гипнологии. Не стоит уклоняться и от изучения собственного опыта, который еще сравнительно небольшой, он все же существует[2].

Необходимо обратится и к такому нетрадиционному методу как применение экстрасенсорных способностей (ясновидения) при расследовании преступлений, который, как правило, жестко критикуется и отрицается[3].

С 90-х гг. минувшего столетия в России стало издаваться большое количество публикаций, авторы которых говорят об использовании в процессе расследования преступлений помощи «криминалистических экстрасенсов».

Изучение специальной литературы[4] приводит к убеждению, что

---

1 Гримак Л.П. Гипноз и преступность. М., 1997. С. 7, 194, 196.

[2] Образцов В.А., Богомолова С.Н. Криминалистическая психология. М., 2002. С. 171.

[3] Ларин А. М. Криминалистика и паракриминалистика. М., 1996.

[4] Шнейкерт Г. Тайна преступника и пути к ее раскрытию. М., 1925; Марфицин П.Г., Климова О.О. Использование нетрадиционных видов познаний в

тема привлечения «сверхъестественных» способностей человека в сферу криминалистики и оперативно-розыскной деятельности является предметом давних научных дискуссий и споров у юристов разных стран, т.к. достаточных и научно обоснованных фактов раскрытия преступления с помощью экстрасенсорных способностей человека не много (13%)[1]. Однако если учесть, что дела, с которыми обращаются к экстрасенсам, являются, как правило, очень сложными, то 13% положительных результатов сообщений не следует считать малозначительными, не достойными серьезного внимания правоохранительных органов. И все же думаем, что информация экстрасенса может помочь следователю или оперативному сотруднику в получение ориентирующей информации для выдвижения версий и их проверке по тяжким преступлениям.

Многие зарубежные и отечественные специалисты правоохранительных органов высказывают положительное мнение по этому вопросу. Так, в современном немецком руководстве по криминалистике отношение к нетрадиционным методам раскрытия преступлений формулируется следующим образом: «Проявляя максимальную осторожность, в некоторых случаях нельзя совершенно исключить того, что высказывания ясновидцев точны…, что это достаточно надежные для нужд криминалистики познавательные средства»[2].

Видимо проблема состоит в том, как выявить и привлечь людей, обладающих действительно сенсорными способностями и призвать их заниматься добрым и благородным делом. Как привлечь, проблема решена уголовно-процессуальным законом – в качестве специалиста. Остается выявить и определить их квалификацию и вознаграждение, здесь сложнее. Для этого, конечно, надо работать, учить и давать им статус эксперта парапсихолога. В криминалистике уже говорилось об этих вопросах, да и органы МВД проводили экстрасенсорные исследования и эксперименты, а в отдельных регионах уже имеется определенный опыт работы с экстрасенсами при расследовании преступлений, особенно тяжких, получивших большой общественный резонанс[3]. Например, в Москве в помощь полиции, занимающейся

уголовном судопроизводстве. Омск, 1998; Рицль М. Парапсихология: факты и мнения. М., 1999.

[1] Скрыпников А.И., Стрельченко А.Б. Использование экстроординарных способностей человека при расследовании преступлений. М., 1995. С. 13.

[2] Gross H., Geerds F., Handbuch der Kriminalistik, Bd. 1. Berlin, 1979. S. 113.

[3] Скрыпников А.И., Стрельченко А.Б. Использование экстраординарных способностей человека при раскрытии преступлений: методическое пособие /

поимкой особо опасных преступников, работает группа экстрасенсов под руководством известного психиатра М.В. Виноградова. Именно на популярной программе «Битва экстрасенсов» М.В. Виноградов отбирает самых талантливых экстрасенсов, которые могут действительно оказать помощь в работе следственных органов. За прошедшие несколько лет эта команда в Москве помогла следственным органам раскрыть 16 особо тяжких преступлений и серию убийств в Новом Уренгое. М.В. Виноградов всегда с гордостью рассказывает о том, как его команда смогла оказать помощь питерским оперативникам в расследовании преступлений педофила, получившего прозвище Доктор. И пример, показанный по телевидению 13.02.2011, когда экстрасенсы по фотографии девушки практически раскрыли тяжкое преступление (изнасилование и убийство Маши Мишиной в г. Рязани) и указали на территорию, где был закопан труп девушки. Об этом открыто сказали следователи и оперативные работники и показали, как доказывали и оформляли это процессуальным путем.

Независимые эксперты и специалисты полагают, что, если бы экстрасенсов вывозили на место совершения преступления и они учувствовали в расследовании, то результат их работы был бы значительно эффективней.

Поэтому поводу М.В. Виноградов говорит, что созданная им команда ясновидящих только и ждёт подходящего момента, чтобы в связи с реформами МВД[1], надеть на себя полицейскую форму и наконец-таки решить вопрос о создании в структуре министерства «ведомства экстрасенсов».

Конечно, пока еще нет законных оснований широко внедрять и применять нетрадиционные методы в практике работы правоохранительных полицейских и следственных органов, но имеющиеся примеры результативного их применения постоянно привлекают к себе внимание различных категорий участников уголовного судопроизводства при решении вопросов, которые другими способами разрешить не представляется возможным. Даже самые непримиримые противники неохотно, но признают, что некоторые экстраординарные явления в действительности имеют место и успешно

под ред. Л.П. Гримак. М., 1995. С.13-14.; Нетрадиционные методы в расследовании преступлений // Тезисы научно-практического семинара ВНИИ МВД России. 1994. С. 104-109.

[1] Федеральный закон «О полиции» от 7.02.2011 № 3-ФЗ; О Следственном комитете Российской Федерации: федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 21.11.2011) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 15.

работают[1].

В настоящее время широко обсуждается проблема медиации в уголовном судопроизводстве. Медиация как система нужна Российскому уголовному судопроизводству, потому-то до настоящего времени у нас отсутствует механизм эффективного разрешения конфликтов на предварительном и судебном следствии[2].

Думаем, умело поставив нетрадиционные методы на службу правоохранительным органам, можно добиться ощутимых результатов в деле борьбы с современной преступностью. Надо понять, в конечном счете, что с помощью нетрадиционных методов можно получать ориентирующую, розыскную или доказательственную информацию о расследуемом преступлении быстро и законным путем, а это перспективное направление в расследовании и разрешения конфликтных ситуаций при совершении любого преступления.

А.Г. Маркелов

Некоторые приемы и правила оформления протоколов следственных действий по уголовным делам

Протоколы следственных действий по уголовным делам являются самими распространенными процессуальными документами, в которых отражаются факт, ход, содержание и результаты конкретного процессуального действия. В рассматриваемой статье автор, опираясь на правовые позиции нормативно-правовых актов и следственно-судебную практику, предпринял попытку рассмотреть некоторые закономерности юридических приемов и правил составления отдельных протоколов следственных действий по уголовным делам. Именно они допускаются в качестве уголовно-процессуальных доказательств и составляют их основную массу в уголовном деле, при этом их применение и оформление вызывает наибольшие затруднения.

Остановимся на ряде особенностей изложения содержания, характерных для некоторых протоколов следственных действий.

Для начало отметим, что протокол в уголовном процессе – это один из основных процессуальных документов, составляемый для

---

[1] Люди-феномены: Нострадамус, Мессин, Ванга и другие. М., 2010. С. 8-10.

[2] Молчанова С.И., Кондратьева Е.В. Развитие медитации в Российском уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовного процесса и уголовно-исполнительного права: теория и практика: материалы Междун. научно-практич. конферен. Тамбов, 2012. С. 481.

закрепления хода, содержания и результатов следственного действия (далее – СД), а также для удостоверения выполнения требований УПК РФ, предъявляемых к производству СД (например, разъяснение прав участникам СД, предъявление материалов для ознакомления, уведомление лиц, участвующих в производстве СД, о применении технических средств и т.д.) (ст. 166, 167 УПК РФ).

Составление протоколов о процессуальных действиях в досудебном производстве УПК РФ предусматривается примерно в 50 случаях.

Протокол, удостоверяющий обстоятельства и факты, установленные при производстве СД, составленный в порядке, предусмотренном УПК, является доказательством по уголовному делу.

Согласно ст. 166 УПК РФ протокол следственного действия составляется в ходе следственного действия или непосредственно после его окончания.

Протокол может быть написан от руки или изготовлен с помощью технических средств. При производстве следственного действия могут также применяться стенографирование, фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись. Стенограмма и стенографическая запись, фотографические негативы и снимки, материалы аудио- и видеозаписи хранятся при уголовном деле.

В протоколе указываются:

1) место и дата производства следственного действия, время его начала и окончания с точностью до минуты;

2) должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол;

3) фамилия, имя и отчество каждого лица, участвовавшего в следственном действии, а в необходимых случаях его адрес и другие данные о его личности.

В протоколе описываются процессуальные действия в том порядке, в каком они производились, выявленные при их производстве существенные для данного уголовного дела обстоятельства, а также излагаются заявления лиц, участвовавших в следственном действии.

В протоколе должны быть указаны также технические средства, примененные при производстве следственного действия, условия и порядок их использования, объекты, к которым эти средства были применены, и полученные результаты. В протоколе должно быть отмечено, что лица, участвующие в следственном действии, были заранее предупреждены о применении при производстве следственного действия технических средств.

Протокол предъявляется для ознакомления всем лицам, участвовавшим в следственном действии. При этом указанным лицам разъясняется их право делать подлежащие внесению в протокол замечания о его дополнении и уточнении. Все внесенные замечания о

дополнении и уточнении протокола должны быть оговорены и удостоверены подписями этих лиц.

Протокол подписывается следователем и лицами, участвовавшими в следственном действии.

К протоколу прилагаются фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы допроса, кассеты видеозаписи, чертежи, планы, схемы, слепки и оттиски следов, выполненные при производстве следственного действия, а также электронные носители информации, полученной или скопированной с других электронных носителей информации в ходе производства следственного действия.

При необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц следователь вправе в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель, не приводить данные об их личности. В этом случае следователь с согласия руководителя следственного органа выносит постановление, в котором излагаются причины принятия решения о сохранении в тайне этих данных, указывается псевдоним участника следственного действия и приводится образец его подписи, которые он будет использовать в протоколах следственных действий, произведенных с его участием. Постановление помещается в конверт, который после этого опечатывается и приобщается к уголовному делу. В случаях, не терпящих отлагательства, указанное следственное действие может быть произведено на основании постановления следователя о сохранении в тайне данных о личности участника следственного действия без получения согласия руководителя следственного органа. В данном случае постановление следователя передается руководителю следственного органа для проверки его законности и обоснованности незамедлительно при появлении для этого реальной возможности.

Протокол должен также содержать запись о разъяснении участникам следственных действий в соответствии с УПК РФ их прав, обязанностей, ответственности и порядка производства следственного действия, которая удостоверяется подписями участников следственных действий.

Остановимся более детально на некоторых особенностях составления уголовно-процессуальных документов, характерных для некоторых видов протоколов.

Согласно ст. 190 ч. 2 УПК РФ показания допрашиваемого лица записываются от первого лица и по возможности дословно. Само понятие «по возможности дословно» законодатель не определяет. В ранее изданном пособии «Руководство для следователей» было обозначено: записывая показания в протокол допроса, следователь

должен точно передать их содержание, сохраняя при этом формулировки и выражения, свойственные речи допрашиваемого, заносить в протокол каждое его слово не обязательно[1].

Конечно, нет такой необходимости все перепития допроса фиксировать дословно. Устные показания есть не что иное, как разновидность разговорной речи. Показания лица не свободно от простых житейских слов (жаргона, мата, нецензуры) и выражений. Многие, полученные в ходе беседы, сведения не имеют никакого отношения к расследуемому делу. Некоторые лица, передавая сведения следователю, страдают проблемами разговорной речи, ряд допрашиваемых лиц не понимают о чем вообще идет разговор. Имеются случаи общения с помощью жестов и мимики. Кроме того, в устных показаниях встречаются повторы, провалы памяти, различные отклонения от темы. Согласно проведенным в Омске исследованиям, в устной речи количество избыточной информации составляет 70% по сравнению с письменной речью[2].

Представляется, что сложившееся положение вещей допроса лица, свидетельствует о необходимости огромного труда органов предварительного расследования, состоящего в обработке текста как технически, так и творчески, в сохранении в письменных показаниях его содержания и занесении его в соответствующий протокол. Здесь мне видится необходимость фиксировать только те важные сведения, которые имеют значение для уголовного дела. Они должны быть понятны и мотивированы, не вызывать никаких сомнений не только у допрашиваемого лица, но и у прокурора и суда. По окончании допроса, следователь должен составить протокол таким образом, чтобы у допрашиваемого лица не возникло никаких вопросов в его подлинности, и полном соответствии его словам.

Огромное юридическое значение имеет единообразие в названии и цвете одного и того же предмета (документа), исключающее всякую двусмысленность. К примеру, если в ходе следственных действий фигурировал кошелек коричневого цвета, то недопустимо указывать его в других процессуальных документах как бумажник или портмоне вишневого цвета. Все это может вызвать сомнение у сторон, которые, как правило, расцениваются в не пользу органов предварительного расследования.

Современная юридическая практика свидетельствует о том, что многие протоколы следственных действий органы предварительного

---

[1] Руководство для следователей / под ред. Н.А. Селиванова, В.А. Снеткова. М., 1997. С. 30.

[2] Кальницкая М.В. Запись в показаниях в протоколе допроса // Законодательство и практика. Омск, 2000. № 2(5). С. 45.

расследования оформляют на разработанных бланках процессуальных документов. В связи с постоянными изменениями и дополнениями УПК РФ, ряд бланков не соответствуют УПК РФ, морально устарели и не соответствуют действующим реалиям. К примеру, согласно ст. 170 ч. 4 УПК РФ, перед началом следственного действия следователь, в соответствии с ч. 5 ст. 164 УПК РФ, разъясняет понятым цель следственного действия, их права и ответственность, предусмотренные ст. 60 УПК РФ. В бланках же ограничиваются лишь разъяснением прав и обязанностей.

Для протоколов обыска и выемки, помимо общих правил их составления, обязательными являются следующие требования, изложенные в ст. 182, 183 УПК РФ:

- в протоколе необходимо указать: где и каким образом обнаружены объекты, в каком они находились состоянии, как хранились, хранилища, в которых обнаружены предметы (тайники), их расположение, размеры и, по возможности, конструкция. В протоколе фиксируются обнаруженное, характер и место расположения следов, а также факт их изъятия. Кроме этого необходимо зафиксировать, выданы ли они добровольно или изъяты принудительно;

- проведение в ходе обыска (выемки) предъявления для опознания предметов или документов, если это имело место, должно быть запротоколировано;

- в протоколе должно быть отмечено, что лицам, присутствовавшим при обыске (выемки), были предъявлены все изымаемые предметы и документы. Несоблюдение этих требований ВС РФ рассматривает как грубое нарушение закона[1];

- при фиксировании на технический носитель объектов или применении иных технических средств необходимо указать об этом в протоколе с соблюдением правил ст. 166 УПК;

- в протоколе необходимо отразить факт принудительного вскрытия помещений или хранилищ, вызванного отказом обыскиваемого их открыть;

- в заключительной части протокола указывается, что изъятые объекты опечатаны, а также способ их упаковки; дается перечень прилагаемых к протоколу схем, слепков, оттисков и т.п.; фиксируются поступившие заявления и жалобы, замечания присутствующих, заявления специалистов и т.п.;

- если в ходе обыска (выемки) были предприняты попытки уничтожить или спрятать подлежащие изъятию предметы, документы или ценности, то об этом в протоколе делается соответствующая

[1] Бюллетень Верховного Суда РФ № 2. 1997. С. 18.

запись и указываются принятые меры.

В своей статье автор высказал лишь часть проблем и рекомендаций по технико-юридическому оформлению протоколов следственных действий по уголовным делам. Меняется жизнь, меняется и УПК РФ. Правильно оформленный уголовно-процессуальный документ залог успеха и признания его доказательством по уголовному делу.

Е.А. Мацун

Правовой характер специальных познаний

Заинтересованность следствия в том или ином специалисте определяется конкретной следственной ситуацией, промежуточными задачами и возможностями специалиста. Но каковы границы использования специальных познаний.

Если относительно эксперта точно закреплено, что ему не могут задаваться для разрешения вопросы правового характера, то в процессе подготовки и принятия УПК РФ высказывались предположения, что знания специалиста и иного сведущего лица могут носить правовой характер. Однако большинство ученых[1] придерживается мнения, что специальные знания любого сведущего лица, в том числе специалиста, должны носить неправовой характер.

И.И. Трапезникова поясняет, что разрешение вопроса о толковании того или иного юридического термина в рамках процессуальной деятельности находится в компетенции исключительно лица, ведущего производство по делу, поскольку именно данное лицо осуществляет оценку доказательств. Сведущее лицо может оказывать ему консультационную помощь, но только справочного характера. Сведущее лицо не должно при этом излагать собственное мнение по тому или иному правовому вопросу, поскольку оценка юридических аспектов дела и применение нормы права при производстве по делу находятся в компетенции лица, ведущего производство по делу[2]. Считаем данное утверждение несколько спорным. В ходе сообщения сведений из любой области знаний, даже справочного характера,

---

[1] Рахунов Р.Д. Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1953. С. 17, 21, 23; Яни П. «Правовая» экспертиза в уголовном деле // Законность. 2001. № 9. С. 23; Сахнова Т.В. Судебная экспертиза. М., 1999. С. 36; Шляхов А. Р. Судебная экспертиза: организация и проведение. М., 1979. С. 4.

[2] Трапезникова И.И. Понятие «специальные знания» в российском уголовном процессе. Комментарий к статьям 57, 58, 80 УПК РФ // СПС «КонсультантПлюс».

специалист анализирует, интерпретирует нормы права, разъясняет их применение, то есть высказывает свое мнение.

Кроме того, сложность состоит в том, что большинство научно-технических и профессиональных правил, унифицирующих и регулирующих порядок осуществления деятельности в различных сферах, закреплены в нормативно-правовых актах и ими санкционированы. То есть многие нормы, по содержанию научно-технические и профессиональные, по форме являются правовыми[1].

Таким образом, в теории уголовно-процессуального права и в практике уголовного судопроизводства, несмотря на общий запрет на постановку перед экспертом вопросов правового характера, в тех случаях, когда норма права содержит в себе технические правила и предписания, установлено правило, что перед экспертом должен ставиться вопрос о соответствии (несоответствии) определенных действий специальным правилам[2]. С одной стороны постановка перед сведущим лицом вопроса о соответствии действий специальным правилам уже имеет характер правового вопроса, поскольку неминуемо влечет косвенный вывод о нарушении нормы права. В то же время, без подобного разъяснения нормативно-правовых актов в виде заключения эксперта или специалиста невозможно принятие процессуального решения по ряду уголовно-правовых составов, например, ст.ст. 143, 216-219 УК РФ[3], поскольку при указанных обстоятельствах следователь самостоятельно не может использовать специальные познания в виду иного уголовно-процессуального статуса. Это не допустимо как, если бы следователь самостоятельно определял тяжесть нанесенного потерпевшему вреда здоровью (исходя из положений Приказа Минздравсоцразвития от 24.04.2008 № 194н «Об утверждении медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека») или имущественный вред, нанесенный в ходе совершения налогового преступления (исходя из способа расчета, предложенного в НК РФ).

Под вопросами юридического характера М.А. Чельцов, Н.В.

---

[1] Трапезникова И.И. Указ. соч. С. 74.

[2] Селина Е.В. Применение специальных познаний в уголовном процессе. М., 2002. С. 21.

[3] Статья 143 УК РФ «Нарушение правил охраны труда»; ст. 216 УК РФ «Нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ»; ст. 217 УК РФ «Нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах»; ст. 218 УК РФ «Нарушение правил учета, хранения, перевозки и использования взрывчатых, легковоспламеняющихся веществ и пиротехнических изделий»; ст. 219 УК РФ «Нарушение требований пожарной безопасности».

Чельцова понимают вопросы о наличии состава преступления и установлении лица виновного, которые должен решать следователь на основе совокупности собранных данных. Если же у лица, ведущего производство по делу, возникнут вопросы правового характера – то есть вопросы, касающиеся норм той отрасли законодательства, в которой у него недостаточно знаний, – то, по мнению авторов, «у него всегда имеется возможность получить необходимые ориентировочные сведения в соответствующем звене той системы, к которой относится данное дело»[1].

Как верно отмечают А.В. Кудрявцева и Ю.Д. Лившиц «...относить вопросы к правовым только на том основании, что то или иное понятие закреплено в законе или нормативно-правовом акте, нельзя». Указывая на недопустимость проведения «правовых» экспертиз, А.В. Кудрявцева и Ю.Д. Лившиц отмечают, что судья (следователь) может обратиться за консультацией к специалистам в какой-либо отрасли (института) права. Не исключается ими возможность привлечения сведущих лиц для оказания помощи непосредственно при решении вопросов, входящих в профессиональную компетенцию следователя (судьи): «...заключение ученых о квалификации деяния является информацией непроцессуального характера, которая подлежит оценке наряду с другой информацией... Нельзя запретить следователям, судьям, защитникам, прокурорам обращаться при возникновении сложных вопросов о квалификации деяния к узким специалистам в области права. Однако... эта информация не должна носить процессуальный характер, она может только помочь следователю, суду принять обоснованное решение по делу, правильно оценить обстоятельства уголовного дела, а прокурору и защитнику выстроить обвинение и защиту по делу»[2].

Приведенные положения в достаточной мере обосновывают необходимость проведения правовых исследований. Если появилась необходимость разъяснения сторонам и (или) суду вопросов, к примеру, в области международного, налогового, трудового, земельного или иного института права, вполне может быть приглашен специалист для оказания консультативной помощи. Указанная форма использования специальных правовых познаний довольно актуальна во время постоянно меняющегося законодательства. В связи с чем Председатель Конституционного Суда РФ В. Зорькин справедливо обратил внимание на отрицательные тенденции развития

[1] Чельцов М.А., Чельцова Н.В. Проведение экспертизы в советском уголовном процессе. М., 1954. С. 120.

[2] Кудрявцева А.В., Лившиц Ю.Д. Доказательственное значение «правовых» экспертиз в уголовном процессе // Российская юстиция. 2003. № 1. С. 36-38.

отечественного законодательства, отметив нечеткость формулировок норм законодательных актов, слабую аналитическую и прогностическую оценку последствий принимаемых законодательных актов[1].

В целом, можно сделать вывод, что правовой характер сведений и вопросов, разрешаемых специалистом определяется не содержанием их в нормативных документах, а их целевым назначением при производстве по уголовному делу. Предлагаем следовать следующим положениям при использовании специальных познаний в области права:

1) для использования специальных познаний в области права предпочтительнее привлекать к участию специалиста, а не эксперта, во избежание появления каких-либо оснований для признания полученного доказательства недопустимым (как правило, по ходатайству стороны защиты);

2) для придания силы доказательств оказанную консультативную помощь в области права следует оформлять в виде заключения или показаний специалиста;

3) толкование норм права, требующих дополнительного разъяснения для участников уголовного процесса, должно осуществляться специалистом без моделирования событий;

4) поскольку оценка доказательств входит в компетенцию следователя, специалист проводит правовое исследование для установления фактических обстоятельств дела, а их уголовно-правовую оценку (квалификацию) осуществляет субъект доказывания;

5) постановка вопроса о соответствии (несоответствии) определенных действий специальным правилам правомерна и допустима.

Для разъяснения последних двух положений приведем два примера. Так, для привлечения лица в качестве обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ (Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств) обязательно установление специалистом фактических обстоятельств и оценка действий. В данном случае специалистом выступает сотрудник ГАИ, который устанавливает факт совершения лицом дорожно-транспортного происшествия. Для привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 143 УК РФ необходимо обязательно установление нескольких фактов: 1) нарушение правил техники безопасности или иных правил охраны труда; 2) причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека.

[1] Зорькин В. Законный брак // Российская газета. 2006. 7 июля.

Установление данных обстоятельств входит в компетенцию сведущих лиц. После оценки действий лиц, ответственных за соблюдение правил безопасности, на соответствие их специальным правилам, сведущим лицом делается вывод о наличии вины. На основе полученных фактических данных производится уголовно-правовая оценка совершенного деяния. Так, по результатам проверки в связи с произошедшим нечастным случаем на производстве специалистом может быть сделан вывод о нескольких лицах, допустивших нарушения охраны труда. Однако, наличие или отсутствие прямой причинно-следственной связи между допущенными нарушениями и наступившими последствиями определяется лицом, ведущим производство по делу.

Л.Е. Меркулова
Л.И. Черкасова

Некоторые особенности расследования преступлений о причинении смерти по неосторожности, совершенных медицинскими работниками

Причинение смерти по неосторожности представляет наибольшую общественную опасность среди преступлений с неосторожной формой вины. И это понятно, так как жизнь человека в силу ст. 2 Конституции РФ является высшей ценностью в демократическом правовом государстве.

В законодательстве РФ причинением смерти по неосторожности признается действие или бездействие, объективно повлекшее за собой смерть другого человека, но совершенное не умышленно, а в результате неосторожности, то есть когда виновный не предвидел, хотя мог и должен был предвидеть, что его деяние приведет или может привести к смерти другого человека (преступная небрежность); либо предвидел, но безосновательно предполагал, что этого не произойдет, либо рассчитывал этого избежать (преступное легкомыслие).

В ст. 109 УК РФ предусмотрены квалифицирующие признаки рассматриваемого преступления: причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей (ч. 2); причинение смерти по неосторожности двум или более лицам (ч. 3)[1].

[1] Комментарий к статье 109 Уголовного кодекса Российской Федерации / под ред. А.И. Чучаева. М., 2011.

По ч. 2 ст. 109 УК РФ могут быть привлечены к уголовной ответственности медицинские работники, причинившие смерть по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения своих профессиональных обязанностей. Причинение смерти по неосторожности, очевидно, является квалифицированным составом преступления, поскольку помимо признаков основного состава содержит специальные признаки, влекущие изменение уголовно-правовой оценки содеянного и усиление ответственности (размера наказания) по сравнению с основным составом. Уголовная ответственность повышается, поскольку объектом преступления является не только жизнь человека, но и общественные отношения в сфере выполнения лицом своих профессиональных обязанностей. Имеет значение также наличие у виновного профессиональной подготовки, специальных знаний.

Важнейшее значение при расследовании уголовных дел рассматриваемой категории имеет производство судебно-медицинской экспертизы. Дело в том, что установление диагноза и выбор метода лечения зависят от множества факторов и не могут быть заранее регламентированы официальными правилами, инструкциями и иными организационно-распорядительными документами. Решения и действия врача, основанные на общепринятых положениях медицинской науки и лечебной практике, в каждом конкретном случае определяются особенностями болезни, больного и условиями, в которых оказывается медицинская помощь.

В ходе предварительного расследования необходимо выяснять следующие обстоятельства:

- каким заболеванием страдал больной при обращении в лечебное учреждение (или какая ему была причинена травма);
- правильно и своевременно ли установлен диагноз болезни (травмы);
- правильно ли в соответствии с установленным диагнозом проводилось лечение больного;
- не связаны ли неправильно установленный диагноз или неправильно проведенное лечение с каким-либо объективными обстоятельствами, затрудняющими решения и действия врачей;
- уровень профессиональной подготовки медицинского работника (стаж работы по специальности, специализация, повышение квалификации, категория, ученая степень и т.п.);
- каковы основные причины наступления тяжких последствий, находятся ли они в причинной связи с недостатками и ошибками, допущенными в диагностике и лечении, или неминуемо должны были наступить в связи с тяжестью заболевания или полученных травм;

- если смерть больного наступила вследствие как тяжести заболевания (травмы), так и дефектов лечения, то можно ли было их предотвратить при правильно проведенном лечении;

- нормативные акты, требования которых были нарушены[1].

Дать ответы на вышеуказанные вопросы следователи самостоятельно не смогут, поскольку для этого требуются специальные познания в области медицины. Такие экспертизы проводятся в бюро судебно-медицинской экспертизы субъектов РФ. Экспертиза производится комиссионно, причем в случаях необходимости к производству экспертизы привлекаются специалисты соответствующего профиля.

При выборе врачей в качестве экспертов особое значение приобретает выполнение требований уголовно-процессуального закона (ст.ст. 61, 69, 70 УПК РФ), касающихся незаинтересованности, независимости экспертов, так как сложностью при проведении судебно-медицинской экспертизы является «корпоративность в медицинской среде», когда одни медицинские работники фактически покрывают неправомерные деяния своих коллег.

Только при соблюдении данных условий можно решить, допущены ли медицинскими работниками по небрежности или легкомыслию неправильные действия (бездействия), не соответствующие положениям медицинской науки и лечебной практики; имеется ли прямая причинная связь между этими упущениями и наступившими тяжкими последствиями[2].

Однако вышеперечисленное не освобождает следователей от обязанности давать правовую оценку экспертных заключений и действий лиц, участвующих в оказании медицинской помощи.

Иногда возникает необходимость в назначении дополнительной экспертизы. Такая потребность появляется нередко и в случаях, когда эксперты не смогли дать категорического заключения по тем или иным вопросам, в частности, когда установлены недостатки и ошибки в лечении, но нет уверенности, что при оказании надлежащей медицинской помощи жизнь больного могла быть спасена.

При назначении комиссионной и дополнительной экспертиз необходимо выяснять, кто будет входить в состав членов комиссии, кто из членов комиссии принимал участие в документальной проверке

---

[1] Плаксин В.О. и др. Проведение судебно-медицинской экспертизы по делам, связанным с жалобами родственников на неправильную диагностику и лечение: методические указания БГСМЭМЗ РСФСР. 1993. № 1523/01-04.

[2] Гецманова И.В. Актуальные вопросы правовой оценки и расследования преступлений, связанных с дефектами оказания медицинской помощи // Медицинское право. 2007. № 2.

с целью исключения получения аналогичных выводов. Следователь должен вникнуть в смысл ответов экспертов на поставленные вопросы и медицинских данных, на которых основано их заключение.

Так, Волосовским районном судом Ленинградской области рассмотрено уголовное дело в отношении Е. – хирурга ординатора хирургического отделения ЦРБ, который при поступлении больной с травмами головы и груди вследствие небрежного отношения ненадлежащим образом исполнил свои профессиональные обязанности.

Преступление было совершено при следующих обстоятельствах:

Е. исполнял должностные обязанности врача, когда в приемное отделение поступила больная. В нарушение приказа от 09.08.2006 № 599 МЗ и СР РФ «Об утверждении стандарта медицинской помощи больным с переломом ребра (ребер), грудины и грудного отдела позвоночника, вывихом, растяжением и повреждением капсульно-связочного аппарата грудной клетки» он не обеспечил надлежащий уровень обследования и лечения в соответствии с современными достижениями медицинской науки и техники, а именно поставил диагноз: «ушибленная рана волосистой части головы и области носа, ушибы мягких тканей лица, ушибы туловища, перелом 9 ребра слева».

Однако на момент доставления больной у нее имелись повреждения в виде тупой закрытой сочетанной травмы тела:

- головы: закрытая черепно-мозговая травма в виде кровоизлияния под твердую мозговую оболочку в области задней черепной ямки и др.;

- туловища: множественные переломы левых ребер V-VIII – по лопаточной линии,VII-IX – по средней подмышечной линии, IX-XII – между лопаточной и околопозвоночной линиям; повреждение задней поверхности левого легкого, легочной плевры отломками ребер и др.

В результате бездействия врача наступила смерть больной. Хирург наступление смерти больной не предвидел, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть. При этом в случае своевременного оказания квалифицированной помощи (в условиях стационара) благополучный исход был возможен.

При рассмотрении данного уголовного дела перед судом были заявлены ходатайства о признании заключений комиссионных судебных медицинских экспертиз № 398/к и № 474/к. недопустимыми доказательствами. Мотивируя ходатайства, сторона защиты указала, что экспертиза № 398/к назначена постановлением следователя, не принявшего к своему производству уголовное дело в соответствии со ст. 156 УПК РФ, тем самым вышеуказанная экспертиза проведена по постановлению лица, неуполномоченного осуществлять производство

предварительного расследования по данному уголовному делу; а в проведении экспертизы № 474/к участвовал эксперт, который принимал участие в документальной проверке Комитета здравоохранения по Ленинградской области и ранее уже высказал противоречивые мнения по вопросам оказания медицинской помощи больной, в связи с чем данное заключение нельзя признать объективным, а с точки зрения оценки доказательств – допустимым.

Указанные процессуальные нарушения органов предварительного следствия дали возможность подсудимому, не признававшему себя виновным, и защитнику в ходе судебного рассмотрения заявлять ходатайства о том, что по уголовному делу другие экспертизы проведены неполно, необъективно и не всесторонне, с допущенными нарушениями при их производстве, ставить под сомнение факты ненадлежащего оказания врачом Е. медицинской помощи, и предполагать возможность наступления смерти больной от иных причин. Суд в указанных обстоятельствах был вынужден назначить повторную экспертизу для устранения сложившихся противоречий.

Оценивая заключения комиссионных медицинских судебных экспертиз, проведенных как в ходе предварительного следствия, так и в ходе судебного разбирательства, суд признал данные заключения достоверными и допустимыми доказательствами по следующим мотивам:

- заключения соответствуют требованиям уголовно-процессуального законодательства, а также Федеральному закону РФ от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-медицинской деятельности в Российской Федерации»;

- экспертам для исследования были представлены достаточные материалы, нарушений процессуальных прав участников судебного разбирательства как при назначении, так и при производстве судебной экспертизы, которые могли бы повлиять на содержание выводов экспертов, судом установлено не было, стороне защиты была предоставлена возможность присутствовать при производстве экспертизы;

- оснований сомневаться в выводах высококвалифицированных специалистов в области судебной медицины нет, так как свои выводы эксперты сделали после тщательного исследования материалов уголовного дела, медицинских документов, в том числе исследования материалов, предоставленных стороной защиты, заключения являются мотивированными и научно аргументированными;

- выводы экспертов полностью согласуются как между собой, так и с другими доказательствами, исследованными в суде, взаимно дополняя друг друга;

- сведений о том, что эксперты лично, прямо или косвенно заинтересованы в исходе дела, судом установлено не было[1].

Приговором Волосовского районного суда Ленинградской области Е. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ, и ему назначено наказание.

Данный вывод суда достаточно четко показывает и определяет алгоритм действий следователя при производстве предварительного расследования уголовных дел в отношении медицинских работников о причинении смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения ими своих профессиональных обязанностей.

А.А. Мишенина

Об отдельных проблемах участия понятых в уголовном судопроизводстве в условиях модернизации законодательства

Целесообразность корректировки института понятых в уголовном судопроизводстве давно обсуждается в юридической среде.

Мнение о необходимости пересмотра норм УПК РФ, касающихся участия понятых в следственных действиях, в конце 2011 г. на встрече с руководством МВД России высказал Президент РФ. В марте 2012 г появился законопроект, предлагающий уменьшить количество следственных действий, при проведении которых обязательно участие понятых. И при этом по замыслу законодателя оставить на усмотрение следователя их участие в отдельных следственных действиях при условии фиксации его хода и результатов.

Федеральным законом от 4.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в новой редакции изложена статья 170 УПК РФ, согласно которой участие понятых является обязательным в четырех следственных действиях: обыск (ст.1 82), личный обыск (ст. 184), выемка электронных носителей информации (ч. 3.1 ст. 183) и предъявление для опознания (ст. 193).

В остальных восьми следственных действиях: наложение ареста на имущество (ст. 115); все виды следственного осмотра (ст. 177, 178); следственный эксперимент (ст. 181); выемка (ст. 183) (за исключением выемки электронных носителей информации); осмотр, выемка и снятие копий с задержанных почтово-телеграфных отправлений (ч. 5 ст. 185);

[1] Приговор Волосовского районного суда Ленинградской области по делу № 1-1/2011 в отношении Е., 2011.

осмотр и прослушивание фонограммы (ч. 7 ст. 186); проверка показаний на месте (ст. 194) – понятые принимают участия по усмотрению следователя. В этом случае применение технических средств фиксации хода и результатов следственных действий является обязательным.

В остальных случаях к следственным действиям понятые привлекаются по ходатайству участников уголовного судопроизводства, поддержанного следователем (дознавателем) или по инициативе последнего (ч. 2 ст. 170).

Таким образом, с одной стороны, законодатель значительно облегчил задачу следователя по обеспечению участия понятых при производстве неотложных следственных действий, к примеру, в ночное время или в безлюдном месте, когда привлечь граждан в качестве понятых очень сложно, а порой и не представляется возможным.

С другой стороны, возникает вопрос, будет ли равноценной замена понятых – не заинтересованных в исходе дела лиц – на технические средства фиксации?

При сомнениях, возникающих у суда и участников судебного разбирательства в допустимости того или иного доказательства есть возможность допросить понятого в качестве свидетеля и выяснить факт и содержание проведения следственного действия.

Добросовестный понятой как «очевидец» следственного действия в отличие от видеокамеры, имеет возможность наибольшего обзора, может отреагировать на движения, замеченные периферическим зрением, зафиксировать звуки, которые не улавливает видеокамера, улавливать запахи (например, запах алкоголя, исходящий от кого-либо из участников следственного действия и тому подобное). При проведении следственного действия следователь может заметить не все, оперативные работники также заняты выполнением своих обязанностей. Понятые же могут запомнить важные детали и нюансы.

При сомнении участников процесса в законности получения доказательств, добытых в ходе следственного действия с участием понятых, показания понятых приобретают особое значение при решении вопросов по существу решения вопросов об исключении тех или иных доказательств.

Безусловно, известны случаи формального подхода к выбору понятых со стороны органов следствия, что в конечном итоге было основанием для признания доказательств, полученных в результате данного следственного действия недопустимыми. Грамотному юристу, участвующему со стороны обвинения или защиты, несложно выявить и доказать участие «ненадлежащего» понятого. Соответственно,

отсутствие серьезного подхода следователя к кандидатуре понятого чревато исключением доказательства из объема обвинения.

Применение технических средств фиксации, к примеру, видеокамеры может повлечь за собой следующие проблемы:

Видеооператор (специалист), привлекаемый для участия в следственном действии, должен обладать определенной подготовкой. На практике же данную роль часто выполняют следователи-криминалисты, что может ставить под сомнение отсутствие какой-либо заинтересованности в содержании и результатах следственного действия со стороны участников уголовного судопроизводства.

Объектив видеокамеры, фиксирующей ход и результаты следственного действия в любой момент можно отвести от нежелательного объекта, приостановить, стереть предыдущую и сделать новую «нужную» запись и тому подобное. В подобных ситуациях проверить содержание и ход следственного действия крайне сложно. Стоит ли говорить о возможности нарушении прав и свобод участников данного следственного действия?

Немаловажное значение имеет оснащение органов следствия высококачественной аппаратурой для фиксации следственных действий. Нужны также технические средства (стоимость которых еще больше) для воспроизведения записей органами предварительного расследования, прокуратурой и судами.

Все эти проблемы еще предстоит решать.

При строгом соблюдении требований закона участие понятых в следственных действиях – это одна из форм контроля за законностью следствия в целом. Опытные следователи прекрасно понимают, что понятой – это ценный свидетель в будущем.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что в настоящее время не следует категорично отказываться от участия понятых при проведении отдельных следственных действий в пользу технических средств фиксации. В условиях модернизации уголовно-процессуального законодательства при наличии ряда проблем рано отказываться от института понятых. Нарушений в ходе следствия допускается немало. Поэтому речь должна идти не об отказе от института понятых, а о его совершенствовании в части более тщательного подхода к выбору кандидатуры понятого.

Думается, что при производстве следственного действия технические средства фиксации не будут лишними наряду с участием понятых. А в ситуации невозможности участия понятых в следственном действии по объективным причинам фиксация с помощью технических средств будет дополнительной гарантией соблюдения прав участников процесса.

К.Д. Муратов

Проблемы производства современной выемки по уголовным делам

Современная система следственных действий – сложный процессуальный механизм, который обязывает соблюдать конституционные гарантии законности при выявлении и расследовании преступлений, и предвидеть те правовые последствия, которые они неизбежно вызывают.

Конституционный Суд РФ неоднократно формулировал правовые позиции по данным вопросам: о необходимости правовой (судебной) защиты изъятого в качестве вещественного доказательства имущества, хранение которого, в силу его громоздкости, было затруднено[1]; о судебном контроле при производстве выемки предметов и документов, содержащих аудиторскую, адвокатскую тайну[2]; о создании эффективных средств защиты законных интересов собственника имущества, на которое наложен арест, так как уголовно-процессуальный закон не предусматривает специального механизма возмещения собственнику арестованного имущества убытков, причиненных чрезмерно длительным ограничением его прав[3].

В связи с этим, можно представить ряд дискуссионных проблем производства современной выемки. Первая – производства выемки в порядке оказания взаимной правовой помощи по уголовным делам. Анализ ряда договоров о правовой помощи показал, что они отражают выемку (или изъятие) как вид правовой помощи по уголовным делам, механизм которой необходимо совместить с процессуальными процедурами отечественного уголовно-процессуального законодательства, поскольку запрашиваемые предметы, практически всегда указываются в запросе как имеющие доказательственное

---

[1] Постановление Конституционного Суда № 9 от 16.07.2008 «По делу о проверке конституционности положений ст. 82 УПК РФ в связи с жалобой гражданина В.В. Костылева» // Российская газета. 2008. 1 августа.

[2] Определение Конституционного Суда РФ от 02.03.2006. н-54-0 «По жалобе общества с ограниченной ответственностью «Аудиторская фирма «Аристалюкс» на нарушение конституционных прав и свобод положениями ст.ст. 7, 75 и 183 УПК РФ; Определение Конституционного Суда РФ от 08.11.2005. н-439-0 «По жалобе граждан С.В. Бородина, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и др. на нарушение их конституционных прав ст.ст. 7, 29, 182 и 183 УПК РФ».

[3] Постановление Конституционного суда РФ от 31.01.2011-08-23 Г. № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой, третьей и девятой ст. 115, п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ и абз. 9 п. 1 ст. 126 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

значение (вещественные доказательства)[1]. Выемка, а также передача предметов и документов упоминается практически во всех международных договорах России о взаимной правовой помощи, что немаловажно при осуществлении борьбы с транснациональной преступностью[2]. Изучение ответов на вопросы анкеты показало, что большинство прокуроров (92%), следователей (90%) и судей (98%) не принимали участия в формулировании правового запроса о передаче (выемке) предметов и документов в рамках международного сотрудничества. Те же, кто участвовал в формировании данных запросов (в основном, следователи), отмечают, главным образом, запрос о передаче документов и культурных ценностей[3]. В соответствии с ч. 2 ст. 457 УПКРФ следует, что при исполнении запроса, в том числе и при производстве следственных действий, можно применить процессуальные нормы законодательства иностранного государства в соответствии с международными договорами Российской Федерации, международными соглашениями

---

[1] Договор между РФ и Литовской республикой о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 21.07.1992 (аналогичные положения в договорах с Азербайджанской Республикой от 22.12.1992, Латвийской Республикой от 3.02.1993, Республикой Кыргыстан, Республикой Индией от 14.09.1992, Республикой Йемен от 6.12.1985 и др. // СПС «КонсультантПлюс»). Договор между Российской Федерацией о взаимной правовой помощи по уголовным делам и с Канадой от 20.10.1997 (аналогичные положения в договоре РФ и Федеративной Республикой Бразилией о выдаче от 14.01.2002, с Алжирской народной демократической республикой, Республикой Иран, Китайской народной республикой и др. // СПС «КонсультантПлюс»). Договор между РФ и Иракской Республикой от 6.12.1985 (аналогичные положения в договорах с Республикой Кипр, Корейской народно-демократической Республикой и в большинстве двусторонних договорах о правовой помощи // Сборник международных договоров о взаимной правовой помощи по гражданскими уголовным делам / под ред. Б.В. Кравцова. М, 1988. С. 13, 74.

[2] По данным Интерпола, Европола, МВД России, преступные доходы составили следующие размеры: от производства и распространения контрафактной продукции 521,6 млрд. долл., от незаконного оборота наркотиков – 321,6 млрд. долл., от торговли природными ресурсами – 55,7 млрд. долл., от торговли людьми и незаконной миграции – 43,8 млрд. долл., от контрабанды – 37,5 млрд. долл., от незаконного оборота оружия и ядерных материалов – 10,1 млрд. долл // Предисловие / XI Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Бангкок, 18-25.04.2005): сб. документов / сост. А.Н. Сухаренко. М., 2008. С. 8-9.

[3] Муратов К.Д. Сущность, значение и правовые последствия выемки по уголовным делам: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2011. С. 15.

или на основе принципа взаимности, если это не противоречит законодательству и международным обязательствам Российской Федерации. В литературе отмечается, что в то время как национальные и международные правоохранительные органы действуют в рамках бюрократических и иерархических процедур (что лишает их мобильности), лидеры преступного мира и транснациональные формирования организуют свои криминальные и террористические структуры на базе гибких, подвижных, быстро возникающих и исчезающих связей[1]. Понятия «преступления против международного правопорядка», «международные преступления», «преступления международного характера»[2] дают возможность выстроить и механизмы борьбы с транснациональной преступностью. X11 Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (г. Сальвадор, с 12 по 19.04.2010), тема которого была «Комплексные стратегии для ответа на глобальные вызовы: системы предупреждения преступности и уголовного правосудия и их развитие в изменяющемся мире». Отмечалось три глобальных проблемы: стабильная система уголовного правосудия – основной элемент структуры верховенства права; международное сотрудничество в борьбе с преступностью; выявление новых форм преступности, представляющих угрозу для общества во всем мире, и изучение путей предупреждения таких форм преступности и борьбы с ними (контрабанда мигрантов и торговля людьми; отмывание денег; киберпреступность; насилие в отношении мигрантов и их семей)[3].

В связи с этим предлагается: 1) дополнить ст. 5 УПК РФ понятиями «международное следственное действие», «международная следственная группа», «производство международного следственного действия»; 2) внести в ст. 164 УПК РФ «Общие правила производства следственных действий» часть девятую следующего содержания: «Производство следственного действия в соответствии с запросом о правовой помощи производится в порядке, указанном в части пятой настоящего Кодекса»; 3) внести в ст. 164 УПК РФ часть десятую следующего содержания «При исполнении запроса о производстве

---

[1] Дамирчиев Э.И. Сотрудничество Европейского союза и России в сфере уголовного судопроизводства // Библиотека криминалиста: научный журнал, 2011. № 1. С. 201-202.

[2] Додонов В.Н. О концепции преступлений против международного правопорядка (сравнительно-правовое исследование) // Библиотека криминалиста: научный журнал. 2011. № 1. С. 155-156.

[3] Двенадцатый Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию (Салвадор, 12-19.04.2010): сб. документов / сост.: А.Г. Волеводз, С.М. Тарасенко, В.А. Ализаде. В 2 т. Т. 1. М., 2011. С. 5-8.

следственных действий применяются аналогичные процессуальные нормы законодательства иностранного государства в соответствии с международными договорами Российской Федерации, международными соглашениями или на основе принципа взаимности, если это не противоречит законодательству и международным обязательствам Российской Федерации»[1].

Вторая проблема – наличие многочисленных правовых последствий современной выемки. Правовыми последствиями выемки являются: изъятие и признание предметов и документов вещественными доказательствами, соблюдение процедуры их хранения, уничтожения, реализации или возвращения законным владельцам; наложение ареста на имущество и денежные средства в судебном порядке; конфискация имущества по обвинительному приговору суда; передача предметов и документов в порядке международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства[2]. Кроме того, проблема защиты прав потерпевших в уголовном судопроизводстве и возмещения им вреда приближает выемку к наиболее оптимальному следственному действию, посредством которого можно вернуть похищенные предметы, документы, имущество, денежные средства. Председатель Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин неоднократно отмечал необходимость своевременного возмещения вреда потерпевшим по уголовным делам и создания Национального компен-сационного фонда[3]. Последствия производства выемки предметов и документов в виде изъятия электронных носителей информации или финансово-хозяйственной документации, наложения ареста на имущество, а также необходимость изменения формулировок федеральных законов неоднократно были предметом дискуссий ученых и практических работников на конференциях и научных форумах[4]. В связи с этим проблема изъятых электронных носителей информации была решена

---

[1] Муратов К.Д. Процессуальная модель применения норм уголовно-процессуального законодательства иностранного государства // Преступность в Западной Сибири: актуальные проболемы профилактики и расследования преступлений: сб. статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции (28.02-1.03.2013). Тюмень, 2013. С. 401-406.

[2] См. подробно: Муратов К.Д. Сущность, значение и правовые последствия выемки по уголовным делам: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2011. С. 3-6.

[3] Российская газета. 2010. 26 августа; Российская газета. 2010. 10 февраля; Российская газета. 2010. 26 января.

[4] Материалы парламентского «Круглого стола» (г. Москва, 8.02.2007); научно-практическая конференция (г. Нижний Новгород, 23.06.2011); «Круглый стол» (видео-конференцсвязь) по проблемам выемки (г. Казань–Н.Новгород–Саратов, 17.08.2011).

на законодательном уровне Федеральным законом от 29.11.2013, который внес существенные изменения в ст. 82 УПК РФ «Хранение вещественных доказательств», гарантирующие сохранность и информации и электронных носителей информации.

Третья проблема – отсутствие правового регулирования новых видов выемки. Анализ ряда решений Конституционно Суда РФ, федеральных законов и складывающейся практики можно констатировать формирование правоприменительных видов выемки: документов, содержащих аудиторскую тайну; выемка документов, содержащих адвокатскую тайну; выемка медицинских документов; выемка электронных носителей информации; выемка биологического материала и обработка геномной информации. Так, например, Федеральный закон от 11.07.2011 № 191-ФЗ «О внесении изменения в ст. 13 ФЗ «О федеральной службе безопасности» был внесен п. «я» следующего содержания: «получать биологический материал и осуществлять обработку геномной информации по преступлениям, дознание и предварительное следствие по которым отнесено законодательством РФ к ведению федеральной службы безопасности»[1]. Возникает проблема процессуальной формы получения биологического материала и работы с геномной информацией (кровь, слюна, пот, сперма, волосы, запаховые следы)[2]. Федеральный закон РФ от 3.12.2008 «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» в п. 4 ч. 1 ст. 1 определяет «получение (сбор)», а ч. 4 ст. 10 устанавливает, что правила получения, учета, хранения, использования, передачи и уничтожения биологического материала и обработки геномной информации устанавливаются в порядке, определяемом Правительством Российской Федерации. В данном законе достаточно четко определяется два вида обязательного получения биологического материала в ходе предварительного расследования – у неустановленных лиц (п. 1 ч. 1 ст. 7 и у неопознанных трупов (ч. 2 ст. 7). Актуальность изложенных проблем подтверждают и проведенным анализом результатов анкетирования практических работников. На вопрос «Считаете ли вы, что при производстве любых видов выемки могут быть нарушены законные интересы физических и юридических

[1] Российская газета. 2011. 15 июля.

[2] Семенов А.Ю. Возможности метода ДНК-анализа в раскрытии и расследовании преступлений // Предварительное следствие. 2009. Вып. 4(6). С. 78-91. Так, в частности, автор обращается к опыту других стран: в Великобритании процент раскрытия преступлений без использования метода ДНК-анализа составлял 13%, с использование ДНК-анализа – 31%, а с использование ДНК-анализа и базы данных ДНК – 60%.

лиц?» – «да» ответили 74% судей; на вопрос «Необходимо ли предусмотреть в законе необходимость судебного решения о разрешении принудительной выемки (в порядке ч. 5 ст. 183 УПК РФ)?» – «да» ответили 56% судей; на вопрос «Необходимо ли предусмотреть в законе решение суда на производство выемки человеческого биологического материала живых лиц?» – «да» ответили 50% судей; на вопрос «Считаете ли, что выемка оригиналов документов может нарушить деятельность юридических лиц?» – «да» ответили 70% судей. Представляется, что в связи с этим можно предложить следующее – распространить судебный контроль и дополнить ч. 2 ст. 29 УПК РФ пунктом 14 следующего содержания «о получении (сборе) биологического материала и обработке геномной информации и уничтожении этих объектов».

Н.Г. Муратова

Повторные следственные действия и их эффективность при раскрытии преступлений прошлых лет[1]

Активные современные законодательные изменения процессуальных институтов предполагают их анализ и обоснование. Повторное производство по делу (дополнительное расследование как традиционный термин) в современных условиях приобретает и социальное и процессуальное значение. Легитимность терминов «повторный», «дополнительный», «новый» не вызывает особых сомнений и не только потому, что они существует в УПК РФ. Так, закон использует данные термины применительно к производству повторной экспертизы (ч. 2 ст. 207 УПК РФ), запрет на проведение повторного предъявления для опознания (ч. 3 ст. 193 УПК РФ), к повторному допросу обвиняемого (ч. 4 ст. 173 УПК РФ), к повторному ходатайству в суд о заключении под стражу (ч. 9 ст. 108 УПК РФ), к дополнительным процессуальным срокам предварительного следствия (ч. 6 ст. 162 УПК РФ) и дознания (чч. 3-5 ст. 223 и п. 2 ч. 1 ст. 226 УПК

[1] Фрагмент научного исследования, результаты которого были изложены на межвузовском семинаре по проблемам нераскрытых преступлений прошлых лет в Академии управления МВД России в 2008 г. (Муратова Н.Г., Бахарев Н.В. Эффективность и целесообразность повторных следственных действий по делам о нераскрытых преступлениях // Проблемы нераскрытых преступлений прошлых лет: сб. матер. межвуз. семинара. М., 2008. С. 109-114. Уголовно-процессуальные и криминалистические средства противодействия преступности: сб. научных трудов, посвященных памяти Н.В. Бахарева / под ред. М.Е.Клюковой, С.Ю.Якушина. Казань, 2010. С. 6-14.

РФ).

Кроме того, допускается такая терминология и при характеристике содержания той или иной процессуальной процедуры: при возвращении дела следователю прокурором (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ), при возвращении дела дознавателю прокурором (п. 2 ч. 1 ст. 226 УПК РФ), при возвращении дела дознавателю прокурором при проведении дознания в сокращенной форме (п. 2 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ), при возвращении дела прокурору судом (ст. 237 УПК РФ), при расследовании новых обстоятельств могут производиться следственные и иные процессуальные действия (ч. 4 ст. 415 УПК РФ), при восстановлении утраченного уголовного дела (ч. 2 ст. 158.1 УПК РФ). Повернуть, повторить – В.И. Даль толкует как идти обратно, свернуть с пути[1]. Так, в 2007 г. повторно поступило в производство областных судов общей юрисдикции 470 дел, т.е. 11,2%[2]. По мнению Л.Д. Калинкиной критериями повторного производства, например, являются или недостатки (дефекты) той или иной процессуальной процедуры или существенные нарушений закона[3].

Проблема раскрытия преступлений прошлых лет активно изучалась и озвучивалась Председателем СК РФ А.И. Бастрыкиным с момента создания следственного комитета. Так, по Приволжскому федеральному округу в 2007/2008 гг. за время работы Следственного Комитета при прокуратуре РФ раскрыты 196 преступлений прошлых лет[4]. Следует поддержать мнение о том, что в УПК РФ отсутствует должное правовое регулирование взаимодействия следователя с органами дознания по приостановленным делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет[5].

---

[1] Даль В.И. Толковый словарь русского языка: современная версия. М., 2002. С. 400, 487.

[2] Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2007 г. (рассмотрение уголовных дел). Российская юстиция. 2008. № 8. С. 61.

[3] Калинкина Л.Д. Процессуальные средства исключения повторного судебного производства в уголовном судопроизводстве // Ученые записки: сб. научных трудов юридического факультета Оренбургского государственного университета. Вып. 5. Оренбург, 2007. С. 182.

[4] Материалы к совещанию руководителей следственных органов Следственного комитета при прокуратуре РФ по субъектам РФ, входящим в Приволжский федеральный округ. Казань, 17-18.04.2008. Приложения.

[5] Бондарева И.Ю., Кулеева И.Ю. Проблемы совершенствования правового регулирования взаимодействия следователя и органа дознания по делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет // Ученые-криминалисты и их роль в совершенствовании научных основ уголовного судопроизводства. Ч. 1: материалы вузовской юбилейной научно-практической конференции (25-26.10.2007). М., 2007. С. 410-416.

Представляется генезис повторных следственных и процессуальных действий восходит к ряду проблем. Во-первых, проблема законодательного регулирования возможности заново начать любую уголовно-процессуальную процедуру. В соответствии с Федеральным законом от 4.03.2013 № 23-ФЗ был существенно изменен порядок рассмотрения сообщения о преступлении. Так, при проведении доследственной проверки до возбуждения уголовного дела можно производить ряд следственных (неотложных) и процессуальных действий: получать объяснения, получать образцы для сравнительного исследования, истребовать изымать документы и предметы, назначать судебную экспертизу и получать заключение эксперта (в разумный срок), привлекать специалистов.

И здесь закон впервые регулирует правоотношения между сторонами в правовом споре о качестве одного из следственных действий: если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной или повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению (ч. 1.2. ст. 144 УПК РФ).

Кроме того, федеральным законом от 26.04.2013 № 64-ФЗ внесены существенные изменения в УПК РФ, которые возобновят дискуссию о дополнительном расследовании как полноценной необходимой процессуальной процедуре предварительного расследования[1]. В соответствии с ч. 1.2. ст. 237 УПК РФ судья по ходатайству стороны возвращает уголовное дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом в случаях, если: 1) после направления уголовного дела в суд наступили новые общественно опасные последствия инкриминируемого обвиняемому деяния, являющиеся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления; 2) ранее вынесенные по уголовному делу приговор, определение или постановление суда отменены в порядке возобновления производства по уголовному делу (гл. 49 УПК РФ), а послужившие основанием для их отмены новые обстоятельства являются в свою очередь основанием для предъявления обвиняемому

[1] Существенное значение для совершенствования уголовно-процессуального законодательства в данной сфере явилась правовая позиция Конституционного суда РФ, высказанная в Постановлении от 16.03.2007 № 6-П в соответствии с которой положения ст. 237 УПК РФ во взаимосвязи с положения п. 2 ч. 2 и ч. 3 ст. 413 УПК РФ были признаны не соответствующими Конституции РФ её ст. 18, ст. 19 (ч.1), 46 (ч. 1 и ч. 2) и ст. 52. в той части, в какой они позволяют отказывать в возобновлении производства по делу при возникновении новых обстоятельств, свидетельствующих о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления. URL: http://ksrf.ru.

обвинения в совершении более тяжкого преступления. Эти законодательные формулировки меняют и процедуру возобновления производства по уголовному делу ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств: а) отредактированы основания новых обстоятельств – новые фактические обстоятельства могут быть основанием для предъявление обвинения в совершении более тяжкого преступления (п. 2 ч. 2 ст. 413 УПК РФ), б) дополнены новые обстоятельства – наступление новых общественно опасных последствий, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления в период рассмотрения уголовного дела судом или после вынесения судебного решения (п. 2.1 ч. 4 ст. 413 УПК РФ).

Таким образом, представляется, что законодательную модель повторных следственных и процессуальных действий можно представить следующим терминологическим рядом: а) «проверочные», б) «фактические», в) «восстанавливающие».

Во-первых, проблема неоднократно принимаемых решений о возвращении прокурором или судом одного и того же уголовного дела для производства дополнительного следствия или дополнительного дознания (п. 2 ч. 1ст. 221 и п. 2 ч. 1 ст. 226 УПК РФ) и каков, в связи с этим, статус дополнительных и повторных следственных действий которые будут проводится уже и не второй раз, а третий, и т.д.?

Правовой статус повторной и дополнительной судебной экспертизы достаточно четко определен (сомнения в обоснованности заключения эксперта, или недостаточная ясность или полнота заключения – ст. 207 УПК РФ). В свидетельских показаниях могут содержаться как сведения о явлениях объективной действительности, которые воспринимались непосредственно данным лицом, так и сведения о фактах, которые известны от других людей или из документов (так называемый «повторный уровень» доказательств – прим. Н.Г. Муратовой и Н.В. Бахарева).

Кроме того, в литературе обращается внимание на производство новых следственных действий, что в целях повышения расследования преступлений в современных условиях необходима не только дальнейшая разработка тактики этих действий, но и глубокое изучение их генезиса и места в системе традиционных следственных действий[1].

С.А. Шейфер отмечал, что эффективность следственного действия может быть повышена с учетом ориентирующей оперативно-розыскной информации, получаемой от оперативного работника

[1] Меркулова М.В. Некоторые проблемы тактики новых следственных действий // Современные тенденции управления расследованием преступлений: сб. научных трудов. Ч. 1. М., 2007. С. 149.

(оперативное сопровождение следственного действия)[1]. В литературе описывается, например, необычный новый подход к осмотру места происшествия, применяя процедуру повторности следственного действия («многовариантный» – термин предложен автором). Так, осмотр отсеков атомохода «Курск» производился неоднократно, но с участием разных специалистов. В осмотре участвовали специалисты-медики, специалисты по устройству корабля, специалисты по снаряжению, которые тут же в ходе производства следственного действия давали пояснения. Тяжелейшие условия самого следственного действия: следователи и другие участники осмотра находились в противогазах, и надо было осмотреть и описать каждую кубрик или отсек в условиях, когда все завалено искореженными конструкциями, трубами, проводами. Таким образом, трижды повторно осматривались помещения атомохода с целью выявления необходимых обстоятельств по факту гибели подводной лодки и моряков-подводников[2]. Повторный осмотр достаточно часто фигурирует при описании в литературе раскрытия преступлений прошлых дел[3]. Организация раскрытия преступления по «горячим следам»[4], и организация раскрытия преступлений прошлых лет должны отличаться спецификой применения процессуальных криминалистических средств при расследовании подобного рода преступлений.

Н.В. Бахарев и В.Н. Жадан предприняли подробное исследования обстоятельств, обусловливающие и исключающие возможность производства повторных следственных действий[5]. Объективные обстоятельства, обусловливающие целесообразность проведения следственных действий повторно:

1) появление в деле новых данных (сведений), относящихся к предмету ранее проведенного следственного действия;

---

[1] Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. М., 2004. С. 28.

[2] Кузнецов Б.А. Она утонула. Правда о «Курске», которую скрыл генпрокурор Устинов (записки адвоката). М., 2005. С .9-10.

[3] Андреева Ю. Черный бриллиант. Документальный детектив. Казань, 2008. С. 42.

[4] Захарова В.О. Организация дежурной частью органа внутренних дел раскрытия преступления по «горячим следам»: автореф. дис. … канд. юрид. наук. 2007. С. 4-5.

[5] Бахарев Н.В., Жадан В.Н. Обстоятельств, обусловливающие и исключающие возможность производства повторных следственных действий // Проблемы эффективности уголовного судопроизводства и защиты прав граждан: сб. научных трудов. Казань, 2005. С. 67-73.

2) неблагоприятные метеорологические условия, отрицательно влияющие на качество первичных следственных действий;

3) иные условия, затрудняющие возможность собирания, исследования и оценки доказательств при проведении первичных следственных действий (ухудшающаяся видимость, быстротечность протекания события, кратковременность его наблюдения и т.п.);

4) противодействие расследованию преступлений со стороны заинтересованных лиц (уничтожение обстановки, следов, предметов, документов; создание различного вида инсценировок; умышленное искажение допрашиваемыми показаний и т.п.);

5) отсутствие соответствующих специалистов, научно обоснованных средств, приемов и методов выявления, фиксации, изъятия, исследования криминалистической значимой информации;

6) несовершенство существующих научно-технических средств, приемов и методов, не позволивших обнаружить, зафиксировать, исследовать следы преступления при проведении первичных следственных действий;

7) применение в ходе первичных следственных действий научно не обоснованных, ошибочных средств, приемов и методов работы со следами.

Субъективными обстоятельствами, способными обусловить возможность проведения повторных следственных действий являются:

1) существенные нарушения уголовно-процессуального закона, допущенные при проведении первичных следственных действий. Мы разделяем позицию В.В. Рябоконя и В.И. Шиканова в том, что неправильное применение следователем уголовно-процессуального закона является не просто ошибкой, а именно браком в работе[1];

2) необходимость личного восприятия следователем объектов познания, ранее исследованных другим субъектом расследования;

3) обоснованные ходатайства;

4) указания руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания или прокурора;

5) организационные ошибки, допущенные при осуществлении подготовительных мероприятий к проведению первичных следственных действий;

6) тактические ошибки, имевшие место в ходе производства первичных следственных действий.

Существуют и обстоятельства, которые исключают возможность производства по уголовным делам следственных действий повторно. К

[1] Рябоконь В.В., Шиканов В.И. Организация и тактика повторных следственных действий. Иркутск, 1985. С. 10.

таким обстоятельствам относятся: смерть ранее допрошенного по уголовному делу свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого или эксперта; уничтоженная, полностью измененная и не могущая быть восстановленной обстановка места происшествия; расстройство психики или иное тяжелое заболевание допрошенного ранее по делу лица (подтвержденное справкой лечащего врача); отказ допрошенного лица от участия в проведении повторного следственного действия (допроса, проверки показаний на месте, следственного эксперимента и т.д.); отсутствие просьбы обвиняемого о проведении с ним по тому же обвинению повторного допроса в случае его отказа от дачи показаний на первом допросе (ч. 4 ст. 173 УПК); существующий запрет проведения повторного опознания лица или предмета тем же опознающим и по тем же признакам (ч. 3 ст. 193 УПК); в ходе первичной экспертизы уничтожен объект исследования; запрет на проведение повторной экспертизы по делу тем же экспертом, который проводил первичную экспертизу (ст. 207 УПК).

Вопросы эффективности повторных следственных действий также были предметом исследования Н.В. Бахарева и В.Н. Жадан, которые применили четырехуровневую школу эффективности исследования правовой нормы, предложенную проф. Ф.И. Фаткуллиным и Л.Д. Чулюкиным[1]. Был проведен анкетный опрос 365 следователей органов

[1] Фаткуллин Ф.Н., Чулюкин Л.Д. Социальная ценность и эффективность правовой нормы. Казань, 1977. С. 106; Бахарев Н.В., Жадан В.Н. О некоторых итогах изучения эффективности повторных следственных действий // Проблемы эффективности уголовного судопроизводства и защиты прав граждан: сб. научных трудов. Казань, 2005. С. 79-84. Перед следователями был также поставлен вопрос о степени эффективности повторных следственных действий и предложено определить ее по четырехуровневой шкале. Повторные следственные действия 168 следователей (или 46,0%) оценили как высокоэффективные средства собирания и проверки доказательств, 151 (или 41,4%) среднеэффективные, 37 (или 10,1%) – малоэффективные, 9 (или 2,5%) – неэффективные. В порядке снижения эффективности повторные следственные действия следователи расположили так: повторный допрос (51,8%), повторная проверка показаний на месте (47,4%), повторное назначение и производство экспертизы (36,2%), повторный осмотр (29,9%), повторный следственный эксперимент (21,6%), повторный обыск (20,5%), повторная очная ставка (10,1%), повторная выемка (9,6%), повторное освидетельствование (7,1%) и повторное предъявление для опознания (0,3%). Еще больший интерес представляют суждения следователей на предмет определения степени эффективности отдельных повторных следственных действий. Уклонились от ответа на этот вопрос 107 следователей (29,3 %). Остальные 258 следователей эффективность отдельных повторных следственных действий оценили следующим образом: 1. Повторный допрос – высокоэффективное (40,3%),

внутренних дел Волго-Вятского региона по проблемам эффективности повторных следственных действий показал следующее. На вопрос о том целесообразно ли производство повторных следственных действий при расследовании преступлений 322 следователя (или 88,2%) ответили утвердительно, 34 (или 9,3 %) заявили – не всегда и 9 (или 2,5%) – дали отрицательный ответ.

Кроме анкетного опроса следователей, по вопросам оценки эффективности повторных следственных действий Н.В.Бахаревым и В.Н. Жадан были также проанализированы 70 архивных уголовных дел в Набережночелнинском городском и Елабужском районном судах Республики Татарстан. По 50 архивным делам, расследование которых проводилось следователями органов внутренних дел Республики Татарстан было проведено 6257 следственных действий, в том числе 985 (15,7%) повторно[1].

среднеэффективное (47,7%), малоэффективное (10,1%) и неэффективное (1,9%) следственное действие; 2. Повторное назначение и производство экспертизы – высокоэффективное (39,1%), среднеэффективное (31,4%), малоэффективное (27,2%) и неэффективное (2,3%) процессуальное действие; 3. Повторная проверка показаний на месте – высокоэффективное (37,2%), среднеэффективное (24,8%), малоэффективное (34,5%), неэффективное (3,5%) следственное действие; 4. Повторный осмотр – высокоэффективное (26,7%), среднеэффективное (37,5%), малоэффективное (33,7%) и неэффективное (3,9%) средство собирания доказательств; 5. Повторная выемка – высокоэффективное (23,6%), среднеэффектиное (37,6%), малоэффективное (35,7%) и неэффективное (3,1%) следственное действие; 6. Повторный обыск – высокоэффективное (19,8%), среднеэффективное (32,2%), малоэффективное (40,6%)и неэффективное (7,4%) средство обнаружения и изъятия искомого; 7. Повторное освидетельствование – высокоэффективное (16,7%), среднеэффективное (31,0%), малоэффективное (46,9%) и неэффективное (5,4%) следственное действие; 8. Повторная очная ставка – высокоэффективное (13,6%), среднеэффективное (34,9%), малоэффективное (43,8%) и неэффективное (7,7%) средство установления истины по существенным спорным обстоятельствам; 9. Повторный следственный эксперимент – высокоэффективное (8,2%), среднеэффективное (33,3%), малоэффективное (55,0%) и неэффективное (3,5%) средство проверки следственных версий и имеющихся в деле доказательств; 10. Повторное предъявление для опознания – высокоэффективное (2,7%), среднеэффективное (27,5%), малоэффективное (57,8%) и неэффективное (3,5%) следственное действие.

[1] Бахарев Н.В., Жадан В.Н. Указ. соч. С.81-82. Повторный допрос – 88,5%, повторный следственный осмотр – 5,2%, повторное назначение экспертизы – 2,7%, повторный обыск – 0,9%, повторная очная ставка – 0,8%, повторная выемка – 0,6%, повторная проверка показаний на месте – 0,5%, повторное освидетельствование – 0,4%, повторный следственный эксперимент – 0,3%,

Таким образом, модель допуска термина «повторный» достаточно четко прослеживается. Во-первых, определен законодательный перечень следственных и процессуальных действий, процедур и решений, осуществляющиеся повторно. Во-вторых, установлены правила допустимости повторности конкретных процессуальных и следственных действий. Пути совершенствования исследования и правового регулирования повторных следственных действий: первое – необходима научная классификация оснований проведения повторных следственных действий, второе – необходимо законодательно определить статус и условия проведения повторных следственных действий, третье – необходимы масштабные научно обоснованные мониторинговые исследования эффективности повторных следственных действий.

А.А. Мухитдинов
О.А. Косимов

Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств

Одной из острых проблем современной правоприменительной практики оперативных аппаратов за последние несколько лет являются порядок представления и использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе. Порядок использования материалов, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности регламентирован ст. 84 УПК Республики Таджикистан. Из содержания названной статьи вытекает, что материалы, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности, могут быть признаны доказательствами при условии, если они получены в соответствии с Законом РТ «Об оперативно-розыскной деятельности[1], проверены всесторонне, объективно и оценены следователем, дознавателем,

---

повторное предъявление для опознания для опознания – 0,1%. По изученным 20 уголовным делам, проведено 2874 следственных действия, из них 511 (17,8%) повторно. Повторный допрос, по отношению к общему числу повторных следственных действий составил 83,6%, повторный следственный осмотр – 8,6%, повторная экспертизы – 2,9%, повторная очная ставка – 1,4%, повторный обыск – 1,2%, повторная проверка показаний на месте – 0,8%, повторное освидетельствование – 0,6%, повторная выемка – 0,4%, повторный следственный эксперимент – 0,4% и повторное предъявление для опознания – 0,2%. (следователи прокуратуры г. Набережные Челны).

[1] Постановление Мвджлиси намояндагон МО РТ от 2.03.2011 года // Конун ва чомеа. МВД РТ. Душанбе, 2011. № 3. С. 4.

прокурором, судом с точки зрения относимости, допустимости и достоверности в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства.

Комментируемая статья запрещает использовать в процессе доказывания результаты ОРД, если они не отвечают требованиям, предъявляемым уголовно-процессуальным законом к доказательствам – порядок собирания (ст. 86 УПК РТ), проверки (ст. 87 УПК РТ) и оценки (ст. 88 УПК РТ) доказательств.

Для законного и обоснованного использования в доказывании результатов ОРД кроме положений ст. 84 УПК необходимо учитывать требования ст. 11 Закона об ОРД[1], а также ведомственные инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю, прокурору или в суд[2].

В соответствии п. 2 ст. 11 Закона РТ «Об оперативно-розыскной деятельности» результаты оперативно-розыскной деятельности могут служить в качестве повода и основания для возбуждения уголовного дела[3]. Абзац 6 ч. 1 ст. 140 УПК РТ указывает, что поводом к возбуждению уголовного дела может служить непосредственное обнаружение органом дознания признаков преступления, в том числе полученное из иных источников. К таковым относятся и сведения, полученные в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности.

Представляемые материалы должна сопровождать информация о времени, месте и обстоятельствах изъятия в ходе оперативно-розыскной деятельности предметов и документов, получения видео и аудиозаписей, кино и фотоматериалов, копий слепков, а также должно быть приведено описание индивидуальных признаков указанных предметов и документов. При подготовке и оформлении для передачи органу дознания, следователю, прокурору или в суд результатов ОРД должны быть приняты необходимые меры по сохранности и

---

[1] В связи с тем, что со дня принятия Закона «Об ОРД» прошло более 10-лет и принятием в 2009 г. УПК РТ новой редакции, законом РТ от 25.03.2011 № 687 принят новый проект Закона РТ «Об оперативно-розыскной деятельности», который вступил в силу с 2.04.2011 // Жумхурият. Душанбе, 2011. № 44-45. С. 2-3.

[2] Об утверждении Инструкции о порядке представления в органах внутренних дел результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, следователю, прокурору или в суд: приказ МВД РТ от 12.07.2010 № 16 // Информационный бюллетень СУ МВД РТ. Душанбе, 2010. № 3(4). С. 16.

[3] Рахимов Р.Х. Фаъолияти оперативи-чустучуи. Китоби дарси. Душанбе, 2012. С. 286.

целостности, представляемых материалов при их пересылке (защита от деформации, размагничивания, обесцвечивания, стирания и т. п.).

Изучая и оценивая представленные материалы (результаты ОРД), следователь должен установить: достаточно ли данных, указывающих на признаки преступления и какого именно; насколько полно выяснены и задокументированы отдельные факты и эпизоды преступной деятельности; все ли лица, причастные к преступлению, выявлены и какова роль каждого из них; достаточно ли хорошо проверены подлежащие использованию данные, наличие и причины имеющихся между ними расхождений; имеется ли реальная возможность использовать результаты оперативно-розыскной деятельности для получения изобличающих доказательств в начальный период расследования; какое необходимо оперативное обеспечение предварительного следствия и наличие оперативных возможностей для этого. Только такая комплексная оценка результатов оперативно-розыскной деятельности может обеспечить принятие правильных решений о возбуждении уголовного дела и эффективность дальнейшего расследования.

Результаты ОРД относятся к категории информационной, представляемые оперативными подразделениями органов дознания следователю, прокурору, суду. Термин «Информация» пришел к нам из латинского языка (information) и уже в буквальном переводе («представление», «понятие», «изложение», «сведения», «сообщение»)[1]. Нормативные акты, регламентирующие уголовно-процессуальную и оперативно-розыскную деятельности, термин «информация» традиционно избегают. В тех случаях, когда речь идет об информационных процессах, составляющих суть и самых доказательств и процесса доказывания, оперируют термином «сведения». Использование законодателем простых и понятных всем речевых оборотов и конструкций можно только приветствовать.

Результаты ОРД могут содержать сведения о фактах и обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела. Однако это не означает, что они представляют собой доказательства в уголовном процессе. Сведения об одних и тех же имеющих значение для уголовного дела обстоятельствах и фактах, исходящие от одного и того же человека, являвшегося агентом, а в последующем ставшего свидетелем, – это разные по своей правовой природе данные. Они формируются в разное время, в разных местах, в различных условиях и разном порядке. Поэтому различно назначение этих данных.

[1] Пулатов Ю.С., Джумаев К.Т. Проблемы процессуального оформления оперативно-розыскных материалов. Ташкент, 2009. С. 48.

Совпадение их содержания, поскольку они могут отражать одни и те же факты и обстоятельства, не дает оснований для их отождествления и тем более подмены доказательств результатами ОРД.

Результаты ОРД отражаются в оперативно-служебных документах (рапортах, справках, сводках, отчетах и т.п.). К оперативно-служебным документам могут прилагаться предметы и документы, полученные при проведении оперативно-технических мероприятий. Результаты ОРД могут быть также зафиксированы на материальных (физических) носителях информации (фонограммах, видеограммах, кинолентах, фотопленках, фотоснимках, магнитных, лазерных дисках, слепках и т.п.). Представляемые материалы должна сопровождать информация о времени, месте и обстоятельствах изъятия в ходе ОРД предметов и документов, получения видео- и аудиозаписей, кино- и фотоматериалов, копий и слепков. При этом должно быть приведено описание индивидуальных признаков указанных предметов и документов.

Результаты ОРД представляются в уголовный процесс по инициативе органов, осуществляющих ОРД, либо при выполнении поручения следователя, указания прокурора или определения суда по уголовным делам, находящимся в их производстве. Как правильно отмечает Кривенко А.И., результаты оперативно-розыскной деятельности могут представляться следователю как по инициативе органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, так и по просьбе следователя[1].

В уголовно-процессуальной литературе является дискуссионным вопрос, касающийся объема предоставляемой следователю оперативной информации[2]. В соответствии Закона РТ «ОРД» допустимо представлять результаты ОРД в виде обобщенного официального сообщения (справки-меморандума) или в виде

---

[1] Кривенко А.И. Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. М., 2006. С. 126.

[2] Базаров Р.А. Современные тенденции преступности и некоторые проблемы взаимодействия следственных и оперативных подразделений органов внутренних дел в раскрытии преступлений: мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. Челябинск, 1998. С.10-11; Протопопов А.Л. Взаимодействие следователя и органов внутренних дел при осуществлении оперативно-розыскных действий // Вестн. СПБ. гос. ун-та. СПб, 1995. Вып.3. С. 111-114.; Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М., 1991. С. 96; Долгинов С.Д. Некоторые проблемы взаимодействия следствия и оперативных подразделений при раскрытии и расследовании преступлений, совершенных организованными преступными группами // Актуальные проблемы теории и практики взаимодействия подразделений органов внутренних дел в борьбе с преступностью: мат-лы межвуз. науч.-практ. конф. Челябинск, 1998. С. 110.

подлинников соответствующих оперативно-служебных документов. Мы поддерживаем мнение В.И. Зажицкого о том, что представление результатов оперативно-розыскной деятельности в виде справки-меморандума взамен подлинников (или копий) оперативно-служебных документов недопустимо[1]. В справке-меморандуме отражаются производные оперативные сведения и обобщения, сделанные оперативным сотрудником на основании имеющихся в деле оперативного учета оперативно-служебных материалов. В случаях представления результатов оперативно-розыскной деятельности участникам уголовного процесса в виде справки-меморандума в постановлении о производстве следственных действий пришлось бы указывать на то, что фактические данные, служащие основаниями для принятия таких решений, вытекают из этого обобщенного документа, либо на то, что они содержатся в оперативно-служебных материалах. Однако с точки зрения уголовно-процессуального закона такие постановления считались бы необоснованными. Решения органов предварительного расследования, принимаемые по находящимся в их производстве уголовным делам, должны быть основаны только на фактических данных, содержащихся в материалах уголовных дел, что в значительной мере обеспечивает режим законности в стадии предварительного расследования.

В законе не оговаривается, в какой форме должна передаваться информация: письменно или устно. Представляется, что использоваться могут различные способы передачи информации, однако следует отметить, что при устной передаче информации между участниками взаимодействия устанавливается более тесный контакт, возникает непосредственное общение, информация эмоционально окрашивается передающим ее лицом. Кроме того, во время устной передачи информации возникает возможность постоянной корректировки мысли на основе использования обратной связи. В связи с этим, как верно предложил И.Ф. Герасимов, информацию, которой обмениваются следователь и оперативный работник в ходе совместной деятельности, можно условно разделить на две части; основную и вспомогательную[2].

Основная информация включает сведения о содержании, целях и задачах намечаемых действий и мер. Сюда же входит информация о результатах следственных действий или оперативно-розыскных мер. К

---

[1] Зажицкий В.И. Научные основы использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2002. С. 185-187.

[2] Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975. С. 130.

вспомогательной информации относятся сведения о каких-то особенностях исследуемых объектов или лиц, ориентирующие данные, предположения, суждения, случайные сообщения, слухи, данные об оперативной обстановке, психологической атмосфере и т.д. Основным отличием вспомогательной информации от основной может быть, на наш взгляд, отсутствие ее связи с расследуемыми фактами в данный момент, а также предположительный ее характер.

При использовании в доказывании результатов ОРД следует учитывать, что сами по себе результаты ОРД доказательствами в уголовно-процессуальном смысле не являются. Их нужно рассматривать только в качестве основы, на которой в уголовном процессе могут быть сформированы доказательства.

Результаты непосредственного восприятия в условиях проведенного оперативно-розыскного мероприятия обстоятельств и фактов, входящих в предмет доказывания по уголовному делу, лицом, оказывавшим конфиденциальное содействие органам, осуществляющим ОРД, могут послужить основой, на которой будет сформировано доказательство. Такое лицо при определенных обстоятельствах может быть допрошено в качестве свидетеля (см. ст. 73 УПК).

Основой для формирования доказательств в уголовном процессе могут послужить и предметы, полученные в ходе осуществления ОРД. В частности, произведенная в рамках негласного оперативно-розыскного мероприятия видео- и аудиозапись, на которой запечатлен момент получения взятки должностным лицом, в установленном порядке представленная следователю, является лишь предметом, а не вещественным доказательством. На основе данной видео- и аудиозаписи в уголовном процессе может быть сформировано вещественное доказательство. В этих целях видео- и аудиозапись должна быть осмотрена следователем с участием понятых и применением соответствующих технических средств. После осмотра должно быть принято решение о признании пленки вещественным доказательством и ее приобщении к делу в качестве такового. Этим решением завершается формирование вещественного доказательства в процессуальных рамках.

Орган, представивший результаты ОРД, использование которых в уголовном процессе сопряжено с возможностью возникновения реальной угрозы для безопасности участников ОРД, обязан предусмотреть меры по их защите. При необходимости указанные меры согласовываются с органом дознания, следователем, прокурором или судом, которым представляются данные результаты.

В представлении результатов ОРД органу дознания, следователю, прокурору или в суд может быть отказано в случаях:

- если невозможно обеспечить безопасность субъектов (участников) ОРД в связи с представлением и использованием данных результатов в уголовном процессе;

- если их использование в уголовном процессе создает реальную возможность расшифровки (разглашения) сведений об используемых или использованных при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий силах, средствах, источниках и других сведений, отнесенных законом к государственной тайне.

Решение о непредставлении результатов ОРД оформляется постановлением руководителя органа, осуществляющего ОРД, и приобщается к материалам дела оперативного учета или соответствующего номенклатурного дела. О принятом решении уведомляется инициатор запроса.

Таким образом, собирание, проверка и оценка доказательств, сформированных на основе результатов ОРД, осуществляется по общим правилам с учетом особенностей соответствующих видов доказательств и конкретных обстоятельств уголовного дела. При этом от оперативного подразделения органом, в производстве которого находится уголовное дело, могут быть запрошены находящиеся в их распоряжении данные, необходимые для правильной проверки и оценки доказательств, сформированных на основе результатов ОРД.

И.А. Никифорова

Организационно-тактические особенности производства осмотра и выемки документов и материальных ценностей при расследовании нецелевого расходования бюджетных средств

В целях получения материально-фиксированной информации в процессе доказывания по делам о нецелевом расходовании бюджетных средств необходимым является проведение, в большинстве случаев, таких процессуальных действий, как осмотр и выемка.

Осмотр – это следственное действие, заключающееся в изучении обстановки в целях собирания доказательств путем наблюдения и процессуальной фиксации его результатов. Можно выделить несколько типичных ситуаций осмотра по делам о нецелевом расходовании бюджетных средств:

- осмотр документов;

- осмотр предметов – материальных ценностей, являющихся результатом неправомерного расходования бюджетных ассигнований;

- осмотр служебных помещений.

Так, в ходе осмотра документов, в частности, представляется возможность проверить компетенцию должностного лица, санкционирующего расчетно-платежную операцию, соблюдение формы данного документа, наличие необходимых реквизитов; даты выдачи, печати, подписи должностного лица, соответствие содержания копии документа подлиннику. При осмотре тщательно изучается основной текст документа, а также имеющиеся в нем надписи, пометки и резолюции. Далее обращается внимание на наличие и содержание реквизитов и подписей, необходимых для данного вида документов, на соответствие формы и содержания документов, правильность их оформления.

Существенное значение имеет вопрос о привлечении к осмотру документов подозреваемых – руководителя и/или главного бухгалтера. С одной стороны, они обладают информацией об осматриваемом объекте, которая может быть использована в процессе проведения следственного действия, в то же время нельзя исключать вероятность их противодействия следствию, в связи с чем целесообразность данного участия должна определяться в каждом конкретном случае на основе комплексной характеристики их личности.

В целях повышения эффективности осмотра документов целесообразно привлечение к данному следственному действию специалистов, обладающих знаниями бюджетного учета – ревизоров и инспекторов контрольно-надзорных органов, консультантов.

Осмотр должен проводиться в соответствии с общими тактическими рекомендациями, разработанными в криминалистике, к которым относят неотложность; объективность, полноту и всесторонность; активность; целеустремленность и плановость; использование специальных познаний, соблюдение криминалистических правил обращения с исследуемыми объектами; единое руководство его проведением[1]. В качестве одного из действенных тактических приемов может выступить рекомендация проводить осмотр неожиданно для противоборствующих лиц и во время, неудобное для них, в возможно короткий промежуток времени[2].

В процессе отдельных видов осмотра в ходе расследования нецелевого расходования бюджетных средств возможно выделить два основных вида задач:

- обнаружение, фиксация, изъятие и исследование объектов

[1] Белкин Р.С. Курс криминалистики в 3-х т. Т. 1. М., 1997; Жбанков В.А. Тактика следственного осмотра. М., 1982.

[2] Белкин Р.С. Фактор внезапности в процессе расследования / Криминалистика. М., 1999. С. 178-202.

материально-фиксированной информации, указывающих на совершение непосредственно нецелевого расходования бюджетных средств, а также утаивание, уничтожение и фальсификацию информации о совершенном преступлении;

- обнаружение, фиксация, изъятие и исследование следов, свидетельствующих о связи соответствующих лиц с объектом осмотра и лишающих их возможности в дальнейшем отрицать это.

Зачастую противодействие следствию позволяет уличить подозреваемых во лжи. Как справедливо утверждали Е.М. Лившиц и Р.С. Белкин, негативные обстоятельства обладают большой доказательственной силой, поэтому их выявление при осмотре имеет существенное значение для установления истины[1].

Производство осмотра по делам о нецелевом расходовании бюджетных средств направлено на обнаружение и выявление материально-фиксированной информации, в то же время во время осмотра имеющие отношение к данному уголовному делу сведения должны быть получены и закреплены, в том числе путем изъятия.

Необходимо отметить, что в процессе осмотра принимаются меры к обнаружению следов преступления и их последующей фиксации в протоколе следственного действия, в то же время данная деятельность не может сопровождаться принуждением, даже в случае противодействиях подозреваемых лиц. Главным правилом является то, что любая информация, на обнаружение которой направлен осмотр при расследовании нецелевого расходования бюджетных средств, должна иметь значение для дела, т.е. следы преступления и другие обстоятельства, для обнаружения и выяснения которых проводится осмотр, все без исключения должны быть хоть каким-то образом связаны с исследуемым в противоправным деянием. В связи с данным обстоятельством в ходе осмотра, который, как уже было сказано, целесообразно проводить с участием специалиста, устанавливаются:

- вид документа
- кем и когда изготовлен или подписан;
- внешний вид;
- содержание, указывающее на факты и обстоятельства, важные для исследования;
- признаки внесенных в документ изменений.

В ходе осмотра предметов в ряде случаев может иметь значение и осмотр помещений, поскольку расчетно-платежные операции, отраженные или не отраженные в документах бюджетного учета организации, как правило, связаны с получением и хранением

[1] Лившиц Е.М., Белкин Р.С. Тактика следственных действий. М., 1997. С. 55.

материальных ценностей. В этих случаях объектом осмотра являются кабинеты руководителей, бухгалтерии, складские и иные помещения. В этих помещениях возможно обнаружение неучтенных товаров и их следов.

Выемка – следственное действие, состоящее в изъятии индивидуально-определенных предметов и документов, имеющих значение для дела, если точно известно, где и у кого они находятся[1], без предварительного поиска. Подлежащие изъятию путем выемки предметы или документы должны быть не только сами по себе известны следователю, но и находиться в известном месте, во владении или ведении установленного лица или группы лиц[2].

Типичными для дел о нецелевом расходовании бюджетных средств объектами выемки являются следующие носители доказательственной информации: финансовая документация, локальные организационные акты, документы, характеризующие исполнение договорных обязательств, в т.ч. товарораспорядительные документы, материальные ценности и т.п. Соответственно, типичными местами производства выемки, в данном случае, являются преимущественно помещения организации-бюджетополучателя.

В соответствии с ч. 5 ст. 183 УПК РФ, выемка может происходить как добровольно, так и принудительно – в случае отказа лица выдать указанные в постановлении предметы и документы. Под принудительным производством выемки понимается возможность применения различных мер, связанных с преодолением сопротивления лица, препятствующего изъятию интересующих следствие предметов и документов[3], заключающиеся, в основном, в изъятии интересующих следствие предметов или документов, вопреки несогласию лица, имеющего их в своем распоряжении.

Необходимым условием является закрепление в протоколе следственного действия места нахождения предмета или документа для предупреждения в дальнейшем вопросов о месте его извлечения. В протокол включаются только те сведения, которые непосредственно

---

[1] Шевчук А.Н. Основания и порядок производства выемки. Комментарий к ст. 183 УПК РФ / Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Новая редакция. М., 2002. С. 333.

[2] Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: психология, тактика, технология: учебное пособие. М., 2007. С. 83; Луценко О.А. Проведение обыска и выемки. Процессуальный порядок, тактика и доказательственное значение. Ростов-на-Дону, 2005. С. 53-54.

[3] Коротков А.П., Тимофеев А.В. 900 ответов на вопросы прокурорско-следственных работников по применению УПК РФ: Комментарий. М., 2004. С. 297.

наблюдались производящим выемку лицом, без каких-либо показаний и умозаключения присутствующих при выемке лиц.

Как правило, по делам о нецелевом расходовании бюджетных средств основное значение имеет выемка первичных документов, учетных регистров, бюджетной отчетности, проводимая в помещениях финансовых служб. В дальнейшем изъятые объекты упаковываются, опечатываются и удостоверяются подписями следователя, должностных лиц, у которых произведена выемка, и понятых. Законодатель не требует на месте выемки каждую вещь упаковывать и опечатывать отдельно. В одну упаковку, снабженную удостоверительной надписью и подписями, может быть помещено сразу несколько предметов (документов). Тем не менее, в ходе выемки финансовой документации целесообразно составление описи изъятых или передаваемых на особое хранение предметов (документов), с указанием количества или индивидуальных признаков.

Если изымаются недооформленные тома документов (не подшитые, не пронумерованные и т.д.), то с разрешения и в присутствии представителей органов, производящих изъятие, соответствующие должностные лица предприятия, учреждения могут дооформить эти тома (сделать опись, пронумеровать листы, прошнуровать, опечатать, заверить своей подписью, печатью)[1].

Таким образом, в целях получения материально-фиксированной доказательственной информации по делам о нецелевом расходовании бюджетных средств путем выемки необходимо осуществление следующих действий:

1) принятие решения о производстве выемки конкретных документов и материальных ценностей и оформление данного решения мотивированным постановлением следователя (в т.ч. если производится выемка предметов и (или) документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну);

2) подготовка необходимых технических средств фиксации – фото-, видеоаппаратура и т.п.;

3) решение организационных вопросов – присутствие понятых, специалистов-ревизоров, должностных лиц организации-бюджетополучателя (руководителя и главного бухгалтера);

4) выполнение требований относительно разъяснения прав и обязанностей участникам выемки и порядка осуществления данного следственного действия;

---

[1] Положение о документах и документообороте в бухгалтерском учете, утверждено Министерством финансов СССР 29.07.1983 // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. 1984. № 4.

5) надлежащее оформление результатов выемки.

И.А. Павленко

Проблемы взаимодействия с кредитными организациями при раскрытии и расследовании хищений денежных средств с использованием банковских пластиковых карт

Банковскую сферу, как верно замечает А. Емелин, часто справедливо называют самой зарегулированной отраслью экономической деятельности. Это можно объяснить как содержательной сложностью правоотношений с участием банков, так и огромным числом граждан и организаций, которые ежедневно участвуют в этих правоотношениях[1]. По состоянию на 1.07.2011, то есть полгода назад, в России уже было выпущено около 157 млн. банковских карт, из них четверть приходится на жителей Московского региона. Большая часть карт была использована для совершения операций, а общий оборот денежных средств за первую половину 2011г. через банковские пластиковые карты составил 7,2 трлн. руб.[2] По данным ЦБ РФ объем операций по картам сейчас равняется 11,2 трлн. руб. в год, из них 9,8 трлн. руб. (86%) приходится на снятие наличных[3].

Однако, при всех возможных регуляторах, данная сфера постоянно подвергается различным преступным воздействиям, в том числе хищениям, совершаемым с использованием банковских карт, их реквизитов и электронных счетов.

С развитием как такового безналичного «карточного» расчета и дистанционного банковского обслуживания (далее – ДБО) важнейшее значение приобретают вопросы, связанные с безопасностью их использования с учетом появления новых видов банковских рисков. Хищения денежных средств через системы ДБО стали острой проблемой для большинства банков и их клиентов. Поэтому раскрытие и расследование преступлений рассматриваемого вида, а так же их предупреждение, невозможно без своевременного информационного взаимодействия между кредитными организациями с правоохранительными органами.

Инициация каждой процессуальной проверки, в том числе и по

---

[1] Емелин А. Законодательные вопросы для борьбы с мошенничеством в ДБО // Банковское обозрение. 2012. № 4. С. 20.

[2] Интернет-эквайринг – самый безопасный способ платежа банковской картой URL: http://www.uniteller.ru/News/ru.

[3] Наличные деньги уходят в историю // Московский комсомолец. 2012. № 25960. С. 6.

происшествиям, связанным с банковскими картами, начинается с фиксации информации в соответствующем правоохранительном органе. Согласно данным, полученным нами в результате изучения уголовных дел указанной категории, на долю заявлений держателей карт приходится около 57,3%, а уведомления правоохранительных органов банками и процессинговыми компаниями составляют 35,6% от общего числа.

Для правоохранительных органов, и следственных в частности, важен не столько источник информации, сколько своевременность ее поступления, ведь результаты расследования хищений денежных средств, совершенных с использованием банковских карт, во многом зависят от того, насколько быстро после совершения общественно опасного деяния начато предварительное следствие. Любые промедления в сборе первоначального материала могут привести к утрате необходимой информации и в конечном итоге, к потере доказательств по уголовному делу, если, конечно, достаточные данные будут указывать на наличие в деянии признаков состава преступления. Для подтверждения вышесказанного приведем конкретный пример из практической деятельности следственных аппаратов МВД РФ.

Так, 18.11.2009 неустановленное следствием лицо, находясь в помещении филиала банка ЗАО «ВТБ» Тракторозаводского района г. Волгограда, воспользовавшись случайным сбоем в работе банкомата (аппарат не своевременно выдал запрашиваемую сумму с банковской пластиковой карты) и отсутствием на месте владельца банковской карты К., который, забрав свою карту, вышел из помещения филиала, тайно похитил денежные средства в размере 30000 руб., принадлежащие К. В тот же день пострадавший К. обратился в банк «ВТБ» с письменной претензией по данному факту, которая была принята и рассмотрена в течение одного месяца. Только после получения ответа из банка о том, что сбоев в работе банкомата не обнаружено и транзакция прошла успешно, возмущенный К. обратился с заявлением в милицию, хотя мог бы сделать это одновременно с подачей претензии, не теряя драгоценного для правоохранительных органов времени. По окончанию проведения процессуальной проверки в порядке ст.ст. 143-144 УПК РФ, 18.12.2009 (спустя месяц с момента происшествия) по факту хищения денежных средств, принадлежащих К., в следственном отделе Тракторозаводского района г. Волгограда было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ[1].

[1] Уголовное дело № 074753 // Архив следственного отдела ОП № 1 СУ УМВД по г. Волгограду.

Одним из главных доказательств, которое помогло бы установить личность преступника по вышеуказанному делу, являлась видеозапись с камеры АТМ-станции (банкомата), откуда тот похитил денежные средства. Однако, ни в рамках процессуальной проверки, ни на стадии предварительного следствия, данную запись изъять не удалось, так как к моменту возбуждения уголовного дела необходимой видеозаписи уже не существовало. Следственным органам стало известно, что согласно внутренним нормативным актам банка «ВТБ» видеозаписи в цифровом формате хранятся в архивах службы безопасности в течение месяца от даты записи, после чего автоматически удаляются из памяти компьютера-сервера. Таким образом, доказательства были безвозвратно утеряны, а производство предварительного следствия по данному уголовному делу приостановлено по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, то есть в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве подозреваемого (обвиняемого).

Возвращаясь к вопросу об АТМ-станциях, хотелось бы отметить, что во многих банках (54,5% опрошенных)[1] информация с видеорегистраторов действительно храниться около 30 суток и предоставлять ее большая часть сотрудников служб безопасности (63,2% опрошенных)[2] готова только после получения официального письменного запроса в рамках проводимой правоохранительными органами процессуальной проверки или уже возбужденного уголовного дела.

В соответствии с ч. 1 ст. 857 Гражданского кодекса РФ банк гарантирует тайну банковского счета и банковского вклада, операций по счету и сведений о клиенте. В. Стрельников, в данном случае, верно указывает, что понятие «информация» включает в себя сведения, содержащиеся в справках по операциям и счетам физических и юридических лиц, так же данные о взаимоотношениях с другими кредитными организациями (в том числе за рубежом), органами государственной власти, местного самоуправления и внутриорганизационных отношениях[3]. Следовательно, любые сведения о клиенте (например, о переводах денежных средств без открытия счета в банке), даже не связанные с осуществлением безналичных расчетов (в рамках договора банковского счета) или операций со средствами во вкладе, – банковская тайна, подлежащая разглашению на основании прямого указания закона. В том числе и на «текущий счет» физического лица (его электронный счет его пластиковой карты,

[1] По результатам анкетирования сотрудников некоторых банков РФ.
[2] Там же.
[3] Стрельников В. Прокурорский надзор и банковская тайна // ЭЖ-Юрист. 2011. № 40. С. 2.

в частности) в соответствии с Положением Центрального Банка Росси (далее – ЦБР) от 01.04.2003 № 222-П «О порядке осуществления безналичных расчетов физическими лицами в РФ» и п. 1.12 Положения ЦБР от 24.12.2004 № 266-П «Об эмиссии банковских карт и об операциях, совершаемых с использованием платежных карт» действие банковской тайны будет распространяться. Как нам известно, при совершении хищений с помощью банковских карт, сведения о состоянии электронного счета клиента, а так же совершенных транзакциях будут запрашиваться правоохранительными органами практически в каждом случае.

Проблема состоит в том, что при рассмотрении сообщения о преступлении ч. 1 ст. 144 УПК РФ позволяет лишь «требовать производства документальных проверок», но не допускает выемку до возбуждения уголовного дела. Из ч. 2 ст. 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 (в ред. 29.06.2012 № 97) «О банках и банковской деятельности» следует, что заверенные копии банковских карточек относятся к «сведениям о клиенте» (владельце счета), составляющим банковскую тайну, а не к «справкам по операциям и счетам клиента». Поэтому на запросы у банка (под видом подобных справок) подлинников (копий) документов клиента, подтверждающих проведение финансовых операций или полномочия распорядителей счета, от банков будет поступать отказ, со ссылкой на допустимость истребования документов при производстве выемки (ст. 165, ч. 3 ст. 183 УПК РФ). Причем выемка документов из сформированного при открытии счета юридического дела клиента-организации допускается, только по судебному решению.

Следуя букве закона, при отсутствии факта возбуждения уголовного дела, кредитной организации надлежит отказывать в запросе сведений. В свою очередь правоохранительные органы будут терять драгоценное время и, возможно, вещественные доказательства.

Немного шире полномочия подразделений по расследованию налоговых преступлений, которым по смыслу ч. 3 ст. 26 Закона «О банках и банковской деятельности» сведения представляются независимо от факта возбуждения уголовного дела в объеме, установленном для налоговых органов (п. 2 ст. 86 НК РФ). Из этого следует, что органы внутренних дел могут получить лишь справки по операциям и счетам и то только в случае выявления и пресечения преступлений в сфере налогообложения. Получается, что положения указанной нормы ограничивают возможности органов внутренних дел по выявлению и пресечению экономических преступлений, в том числе хищений с помощью банковских карт.

На основании вышеизложенного хотим отметить, что существует

необходимость в разработке и нормативном закреплении методических рекомендаций о порядке обращения в правоохранительные органы в связи с совершением хищений в системах ДБО. Несмотря на то, что многие из проинтервьюированных сотрудников банковских организаций (88,9%)[1] кардинально не согласны, ссылаясь на «банковскую тайну», мы все таки считаем целесообразным нормативно обязать банки-эмитенты и процессинговые центры, в кратчайшие сроки (не позднее трех суток) сообщать в правоохранительные органы обо всех претензиях граждан-держателей карт, содержащих информацию, которую необходимо проверить на предмет возможного правонарушения или преступления. Это позволит сотрудникам правоохранительным органов своевременно и на процессуальных основаниях истребовать всю необходимую информацию, в том числе и видеозаписи, срок хранения которых, во многих банках предельно ограничен, а так же принимать обоснованные решения.

Кроме того, предложенные нами уведомления от банков и процессинговых центров могут положительно сказаться на регистрации рассматриваемой группы преступлений. Насколько нам известно, незначительное согласно статистике число таких преступлений и их небольшой удельный вес среди иных противоправных деяний в кредитно-финансовой сфере[2] не отражает реального положения дел, потому что хищения с использованием пластиковых карт характеризуются высокой латентностью.

Пока на деле складывается такая ситуация, в которой специалист по работе с проблемными клиентами, получив претензию от держателя карты, содержащую информацию о несанкционированном изменении остатка его счета, лишь посоветует лицу параллельно обратиться в полицию, не дожидаясь заключения по претензии от банка. Однако в большинстве случаев держатели карт игнорируют советы специалистов, наивно полагаясь на возвращение денежных средств после рассмотрения банком их претензий.

Таким образом, эффективная борьба с преступлениями на пластиковом рынке возможна лишь при тесном взаимодействии профессионалов служб безопасности, специалистов банков и процессинговых компаний с правоохранительными органами[3]. Тем

[1] По результатам анкетирования сотрудников некоторых банков РФ, в рамках проводимого соискателем диссертационного исследования.

[2] В статистических данных ГИАЦ МВД России преступления, совершенные с использованием банковских пластиковых карт не выделяются в отдельную категорию.

[3] Ревенков П.В., Пивоваров Д.А. Расчеты пластиковыми картами: как предотвратить мошенничество // Расчеты и операционная работа в

боле, что в соответствии со «Стратегией развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 года» при сотрудничестве организациями должны активно использоваться достижения современных информационных технологий, составляющих основу модернизации банковской деятельности[1].

Т.А. Паутова

Взаимодействие следователей с другими службами и подразделениями при расследовании дорожно-транспортных преступлений

Мировая цивилизация не может обходиться без современного постоянно функционирующего и развивающегося дорожного движения. Резкий скачок увеличения количества автомобилей привел как к значительному улучшению жизнедеятельности общества, так и к негативному явлению – дорожно-транспортной аварийности. За последние годы гибель людей от автотранспорта занимает третье место после раковых и сердечнососудистых заболеваний, и Россия здесь не является исключением. По данным статистики и судебной практики в России ежегодно совершаются от 20 до 24 тыс. таких происшествий; в них погибают в среднем от 30 до 35 тыс. человек и получают ранения более 250 тыс. человек[2].

Раскрытие и расследование дорожно-транспортных преступлений является одним из важнейших направлений борьбы государства с нарушениями в сфере безопасности дорожного движения. На качество расследования указанных преступлений влияет множество факторов, к которым можно отнести несовершенство уголовно-процессуальных норм, недостатки в использовании специальных знаний при проведении отдельных следственных действий и т.д.

Сложность механизма транспортных происшествий во многом обусловлена динамичностью этих событий. Нередко простота обстановки транспортного происшествия лишь кажущаяся. Первоначальное ознакомление с нею не всегда дает возможность четко представить то, что произошло.

При расследовании дорожно-транспортных преступлений (далее

коммерческом банке. 2011. № 5. С. 96.

[1] «О Стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 года»: приложение к заявлению Правительства РФ № 1472п-П13, ЦБ РФ № 01-001/1280 от 05.04.2011 г. // СПС «КонсультантПлюс».

[2] По информации Департамента обеспечения безопасности дорожного движения. URL: http: // www.gibdd.ru.

ДТП) большое значение имеет взаимодействие между различными службами. Тесное сотрудничество лиц, осуществляющих предварительное расследование, с сотрудниками других служб и подразделений обусловлено тем, что в условиях борьбы с преступностью следователь не может в одиночку раскрывать преступления.

Осмотр места происшествия – это одно из первых процессуальных действий, проводимых по делам о ДТП. Во многих случаях при расследовании ДТП обстановка места происшествия, зафиксированная в протоколе осмотра, является единственным источником сведений, на которых до определенного момента основывается проведение других следственных действий.

Для каждого вида ДТП характерны свои следы. Так, при наезде на пешехода на проезжей части могут быть обнаружены: труп, следы крови, части одежды, предметы, ранее принадлежавшие потерпевшему; следы шин транспортного средства, в том числе от торможения; части деталей и детали транспортного средства; различные вещества. На транспортном средстве, как правило, остаются повреждения на кузове в виде вмятин, разбитых фар, стекол; иногда – отсутствие отдельных деталей кузова; наличие следов наслоения как непосредственно на кузове в месте столкновения, так и на ходовой части и днище транспортного средства. Поэтому к участию в осмотре места происшествия следователю целесообразно привлекать специалистов: автотехника, криминалиста, судебного медика и др. Организацию дорожного движения на месте ДТП, его охрану необходимо поручить сотрудникам ДПС ГИБДД. Сотрудники оперативных подразделений, в свою очередь, устанавливают очевидцев и свидетелей ДТП, проводят опрос граждан, при необходимости отрабатывают жилой сектор.

Анализ практики привлечения специалистов к осмотру дорожно-транспортных происшествий показал, что при этом допускается немало ошибок. В частности, не всегда, когда это оптимально с тактической точки зрения, используется помощь специалистов-криминалистов. Роль специалистов-автотехников нередко выполняют сотрудники ГИБДД, которые составляют и административные документы. Сотрудник ГИБДД по своему служебному положению отвечает за безопасность движения на данном дорожном участке и привлечение его в качестве специалиста-автотехника будет малоэффективным, поскольку лишь опытный специалист-автотехник может дать ценные советы об использовании выявленных следов, в частности, для розыска транспорта и водителя, скрывшегося с места

дорожно-транспортного происшествия[1].

В ходе осмотра места дорожно-транспортного происшествия каждый из специалистов может оказать помощь в собирании данных, которые понадобятся для назначения автотехнической, трасологической, судебно-медицинской и других экспертиз. Кроме того, участвующие в осмотре специалисты помогают следователю собрать криминалистически значимую информацию, которая может оказаться полезной для раскрытия и расследования ДТП.

Так, специалист-криминалист может оказать помощь в применении фото- и видеосъемки, в обнаружении, изъятии, предварительном исследовании, сохранении и упаковке следов транспортных средств. Его помощь может также потребоваться при осмотре транспортного средства, обнаружении оставшихся на нем следов дорожно-транспортного преступления, и при осмотре трупа. Автотехник может оказать помощь при описании в протоколе дорожной обстановки, дорожных условий, транспортного средства, его узлов и деталей; в составлении схемы места дорожно-транспортного происшествия.

По данным, установленным в ходе осмотра места ДТП различными специалистами, следователь может сформулировать версии о происшествии в целом и о возможных его вариантах. Данные, полученные при осмотре, во многих случаях являются также основой для проведения в дальнейшем экспертных исследований расчетов, проведения экспериментов и других следственных действий. Неквалифицированный осмотр места ДТП крайне негативно влияет на получение исходных данных для судебных экспертиз и в конечном итоге – на весь ход и результаты расследования.

Исходя из вышесказанного, считаем необходимым закрепить на законодательном уровне обязательное привлечение специалиста-автотехника, специалиста-криминалиста для осмотра места происшествия по делам о ДТП во всех случаях, когда причинены тяжкий вред здоровью, либо смерть потерпевшего.

Помимо осмотра места происшествия, при расследовании дорожно-транспортных происшествий взаимодействие следователя с другими службами необходимо и при производстве других следственных действий. Следственные действия, как известно, являются основным способом собирания доказательств по уголовному делу. От качества их выполнения зависят результаты расследования и разрешения дела в суде.

---

[1] Демидова Т.В. Взаимодействие следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений при расследовании дорожно-транспортных преступлений. М., 2010.

Полагаем, что при подготовке к проведению следственных действий следователю совместно с сотрудниками других служб, участвующих в их проведении, необходимо придерживаться следующего порядка:

- совместно составить план следственного действия, определить задачи участвующих в его производстве лиц;
- решить вопрос о том, какие научно-технические средства могут потребоваться при производстве следственного действия;
- непосредственно произвести следственное действие, в процессе которого каждая из взаимодействующих сторон будет действовать в соответствии с ранее составленным планом в пределах своей компетенции;
- зафиксировать ход и результаты следственного действия в протоколе с помощью научно-технических средств;
- совместно обсудить полученные результаты.

Как известно, при расследовании ДТП одним из основных следственных действий является допрос. Допросы по делам о ДТП имеют свою специфику, обусловленную тем, что следователь нередко слабо знаком с устройством узлов и агрегатов современных автотранспортных средств, правилами их обслуживания и эксплуатации. Эти трудности усугубляются при допросе обвиняемых, не заинтересованных в установлении истины по делу[1]. Водитель, причастный к автопроисшествию, зачастую дает показания в наиболее выгодном ракурсе, с целью избежать ответственности или ее смягчить. Участие специалиста при допросе значительно затрудняет использование такой тактики.

Специалист, участвующий в допросе, помогает следователю уяснить обстоятельства дела, правильно оценить полученные показания. Поэтому считаем необходимым рекомендовать следователю обращаться за помощью к специалистам при подготовке и проведению допросов по делам о дорожно-транспортных происшествиях.

Кроме того, при расследовании дорожно-транспортных происшествий могут возникать различные обстоятельства, которые требуют экспериментальной проверки. Чаще всего они связаны с реконструкцией отдельных элементов ДТП, исследованием действий участников события, установлением возможности наблюдения и восприятия отдельных его обстоятельств. В этих случаях проводится

[1] Ищенко П.П. Использование помощи специалистов при допросах // Использование специальных знаний на первоначальном этапе расследования. Волгоград, 1983.

следственный эксперимент, без которого в большинстве случаев невозможно установить механизм дорожно-транспортного происшествия.

Главная особенность следственных экспериментов по данной категории дел состоит в том, что в подавляющем большинстве случаев они проводятся с использованием транспортных средств – источников повышенной опасности – на проезжих частях дорог, движение по которым нежелательно закрывать на длительное время. Все это требует от следователя привлечения к участию в эксперименте сотрудников других служб для оказания содействия и обеспечения безопасности проведения данного следственного действия[1].

Так, эффективное проведение следственного эксперимента по делам о ДТП во многих случаях невозможно без привлечения к участию в его производстве специалиста-автотехника. В тактическом плане задачи специалиста могут заключаться в оказании следователю помощи в реконструкции обстановки происшествия, в подборе необходимых для экспериментальных действий материальных и технических средств, в создании необходимых условий, в определении количества опытов, а также в оценке результатов произведенных опытов.

По делам указанной категории нередко также проводятся эксперименты по установлению возможности увидеть препятствие в ночных условиях, при ослеплении водителя встречным транспортом, при ограниченной видимости. Содержание деятельности специалиста в таких случаях заключается в проведении расчета сближения контактировавших систем и разметке дорожного полотна, что обеспечивает получение исходных данных для последующей судебно-автотехнической экспертизы[2]. Для производства следственного эксперимента следователю также целесообразно привлекать сотрудников ДПС ГИБДД для обеспечения безопасности его проведения; сотрудников оперативных подразделений для оказания содействия, а также проведения указанного следственного действия в наиболее сжатый промежуток времени. Все это достигается предварительной подготовкой и совместным планированием.

Подводя итог, следует отметить, что в организации раскрытия и расследования дорожно-транспортных происшествий важную роль играет взаимодействие между различными службами и

---

[1] Евтюхов С.А., Васильев Я.В. Расследование и экспертиза дорожно-транспортных происшествий. СПб., 2004.

[2] Еленюк Г.А., Ищенко П.П., Ярослав Ю.Ю. Использование специальных познаний при расследовании дорожно-транспортных происшествий. Караганда, 1987.

подразделениями. Принципиальное значение оно имеет при проведении некоторых следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий: осмотра места происшествия; установления, розыска и задержания скрывшегося водителя и его транспортного средства; выявления и установления очевидцев происшедшего; выезда следователя совместно с сотрудниками других служб на место ДТП; совместного планирования и взаимного информирования в процессе расследования.

И.О. Перепечина
Д.В. Смирнова
Е.И. Кочнев

Актуальность и проблемы расследования преступлений медицинских работников против жизни и здоровья

В последнее время отмечается четкая тенденция к росту частоты выявления дефектов оказания медицинской помощи. В литературе высказывается мысль, что истинные масштабы потерь для здоровья от ятрогенных заболеваний не осознаны. А осознание их должно побудить внести новые элементы в стратегию и тактику оказания медицинской помощи населению[1].

О существовании проблем, связанных с оказанием медицинской помощи, свидетельствует огромное, в абсолютном исчислении, количество обращений граждан в территориальные фонды обязательного медицинского страхования (ТФОМС) и страховые медицинские организации (СМО), а также динамика роста этих обращений, характеризующаяся постепенным возрастанием числа обращений с резким подъемом в последние 5-6 лет. Так, из сведений, представленных в 2012 г. Центральным научно-исследовательским институтом организации и информатизации здравоохранения Минздравсоцразвития России на основе данных Фонда обязательного медицинского страхования (ФОМС)[2], видно, что если в 1996-1998 гг. число обращений не достигало 1 млн. (37 тыс., 135 тыс. и 336 тыс., соответственно, в 1996, 1997 и 1998 гг.), в 1999 г. это число превысило 1 млн. и держалось до 2005 г. на уровне 1,2-1,5 млн. в год. Однако с

[1] Голубева А.В., Дмитриева О.А. Оценка ятрогенных повреждений в судебной медицине. Актуальные проблемы судебно-медицинской экспертизы: сборник тезисов научно-практич. конферен. с международным участием (17-18.05.2012). М., 2012. С. 276-277.

[2] Сон И.М. Национальная система управления качеством медицинской помощи в Российской Федерации. Роль аккредитации. URL: http://www.mednet.ru.

2005 г. по 2011 г. это количество стало прогрессивно увеличиваться - с 1 384 000 в 2005 г. до 27 372 000 в 2011 г., т.е. почти в 20 раз за 6 лет. За 15 же лет, с 1996 г. до 2011 г., число обращений увеличилось в 740 раз! Указанная динамика свидетельствует о все возрастающей активности граждан в сфере защиты своих интересов в области охраны собственного здоровья и здоровья их близких, хотя, разумеется, далеко не все эти обращения содержат жалобы на качество медицинской помощи, число таковых составляет от 5 до 9 тыс. в год.

О том, что претензии граждан к медикам не беспочвенны, говорит тот факт, что примерно половина жалоб (от 46 до 59%) признается обоснованной. Так, в 2011 г. в системе ОМС была рассмотрена 5341 жалоба на качество медицинской помощи, из которых обоснованными было признано 2728 жалоб (51%). Весьма высок и процент исков, удовлетворенных с возмещением ущерба. Например, в 2011 г. в судебном порядке было рассмотрено 584 случаев, 309 из которых было удовлетворено с возмещением ущерба, – 53%. Об обоснованности претензий могут свидетельствовать и общие суммы возмещения ущерба в ходе досудебной и судебной защиты. Так, при разрешении спорных вопросов в досудебном порядке сумма возмещения ущерба за период 1996-2011 гг. составила в общей сложности 352,7 млн. руб.; по искам, удовлетворенным в судебном порядке, – 133,4 млн. руб.[1]

На этом фоне уголовная статистика по преступлениям медицинских работников смотрится несколько неожиданно. Оценка ее, правда, не столь проста, поскольку в формах отчетности Судебного департамента при Верховном Суде РФ и Главного информационного центра (ГИАЦ) МВД России[2] нет специальных позиций, касающихся медицинских работников как субъекта преступлений против жизни и здоровья. И если в формах отчетности о состоянии судимости данные, по крайней мере, структурированы по разным составам в пределах статьи Уголовного кодекса, то в статистике ГИАЦ МВД о состоянии преступности приводятся лишь данные по всей статье в целом. Тем не менее, ряд выводов по этим сведениям сделать можно.

Наиболее определенные данные возможны в отношении ч. 2 ст. 122 и ст. 124 УК РФ, непосредственно касающихся медицинских работников. Число осужденных по ст. 124 за 1997-2011 гг. в России

[1] Сон И.М. Национальная система управления качеством медицинской помощи в Российской Федерации. Роль аккредитации.

[2] Данные о состоянии судимости взяты с официального сайта Судебного департамента при Верховном Суде РФ http://www.cdep.ru, а также из книги: Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий, судебная практика, статистика / под ред. В.М. Лебедева. М., 2009. Данные о состоянии преступности предоставлены по запросу в ГИАЦ МВД России.

составило в общей сложности 140 человек, в разные годы осуждалось от 2 до 15 человек. По ч. 4 ст. 122 за 15 лет осуждено 4 человека. По ч. 2 ст. 109 УК в стране в разные годы осуждалось от 83 до 153 человек в год, по ч. 2 ст. 118 УК – от 34 до 118 человек, однако эти данные охватывают деяния не только медицинских работников, но и других профессиональных групп.

Противоречие между количеством претензий в отношении качества медицинской помощи и судебной уголовной статистикой особенно отчетливо показывают данные по г. Москве, которые доступны за последние три года. Согласно данным Управления Судебного департамента в г. Москве за 2010-2012 гг.[1], по ч. 4 ст. 122 и ст. 124 в не был осужден никто; по ч. 2 ст. 109 было осуждено в общей сложности 15 человек, по ч. 2 ст. 118 – 3 человека (повторимся, что число медработников среди этих лиц неизвестно).

Таким образом, видно, что в рамках уголовного судопроизводства разрешается лишь весьма небольшая часть конфликтов, возникающих в сфере оказания медицинской помощи. И здесь важно понять, за счет чего складывается такая ситуация. С одной стороны, следует признать, что, по целому ряду причин, гражданские иски, а также досудебное урегулирование споров, во многих случаях предпочтительнее уголовных дел. Преимущества гражданского судопроизводства по сравнению с уголовным обусловлено преобладанием коллективных технологий медицинской помощи, а также более высокой активностью сторон в гражданском процессе[2]. В силу выраженной состязательности, гражданский процесс имеет преимущества перед уголовным с точки зрения полноты исследования обстоятельств медицинского происшествия[3]. Как было показано выше, в последнее время наибольший удельный вес имеют досудебные способы урегулирования споров. Все большую роль в этом, видимо, будет играть медиация, которой уделяется сейчас большое внимание[4].

---

[1] URL: http://usd.msk.sudrf.ru.

[2] Ерофеев С.В. Неблагоприятный исход медицинской помощи: изучение проблемы в судебно-медицинской практике // Международный конгресс по здравоохранительному праву стран СНГ и Восточной Европы (7-9.11.2012): сб. тезисов докладов. М., 2012. С. 70-72.

[3] Сергеев Ю.Д., Ерофеев С.В. Неблагоприятный исход медицинской помощи: оценка причин и условий инцидента // Актуальные вопросы судебной медицины и экспертной практики на современном этапе: материалы Всерос. научно-практич. конферен. с международным участием, посвященной 75-летию Российского центра суд.-мед. экспертизы. М., 2006. С. 301-302.

[4] Вирченко Ю.А. Урегулирование конфликтных ситуаций между учреждениями здравоохранения и гражданами посредством медиативных

С другой стороны, крайне актуален вопрос о том, всегда ли уголовные дела возбуждаются при наличии для этого оснований и всегда ли расследование проводится эффективно.

Нет сомнений в том, что в проблеме правовой оценки неблагоприятных исходов оказания медицинской помощи есть серьезная криминалистическая составляющая, требующая проведения углубленных исследований. Отметим, что, несмотря на обширность литературы, посвященной проблемам правонарушений медицинских работников, имеется лишь сравнительно небольшое количество работ криминалистического профиля[1], подавляющее же большинство исследований выполнено в области судебной медицины и уголовного права. Ситуация здесь вообще парадоксальна: при том, что на практике расследование преступлений медицинских работников проводится, как таковая методика расследования преступлений медицинских работников до настоящего времени в криминалистике отсутствует.

В указанной методике, наряду с криминалистической характеристикой, типовыми следственными ситуациями, тактикой следственных действий, должны найти отражение и другие важные для расследования аспекты. К их числу следует, в первую очередь, отнести особенности методов собирания криминалистически значимой информации при расследовании преступлений данной группы, учитывая существование проблемы обеспечения достоверности и полноты медицинских данных, на основе которых строится доказательственная база. Без решения этого вопроса невозможно объективное расследование. При современных технологиях задача фиксации первичных данных таким образом, чтобы исключить возможность их последующего изменения или уничтожения, принципиально осуществима. Этой цели может служить электронная история болезни, при условии, что ее программное обеспечение сможет реально гарантировать сохранность данных в первоначальном виде. Для установления относимости данных (например, результатов анализов) к конкретному случаю перспективны штрихкоды. Все это,

---

процедур Международный конгресс по здравоохранительному праву стран СНГ и Восточной Европы (7-9.11.2012): сб. тезисов докладов. М., 2012. С. 49-50; Колпакова Д.А. Сущность медиации как технологии преодоления правового конфликта в сфере оказания медицинских услуг // Там же. С. 90-91.

[1] Пристансков В.Д. Теоретические и методологические проблемы расследования ятрогенных преступлений: дис. … канд. юрид. наук. СПб, 2000; Сухарникова Л.В. Особенности расследования неосторожного причинения вреда жизни и здоровью граждан медицинскими работниками в процессе профессиональной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2006.

конечно, потребует изменить всю систему медицинского документооборота, но это, безусловно, оправдано. Такие меры необходимы для защиты не только пациентов, но и врачей[1].

Большое значение имеет также изучение способов противодействия расследованию при данном виде преступлений и разработка путей его преодоления. Следователи, расследующие преступления данной группы, хорошо знают, насколько важен данный аспект на практике. Обратимся к данным ГИАЦ МВД России. Так, в 2011 г. по ст. 124 было зарегистрировано 63 преступления, при общем количестве уголовных дел и материалов, находившихся в производстве в указанном году, – 96. Из всего этого массива предварительное расследование было проведено в отношении всего лишь 9 преступлений, из них по 7 уголовные дела были направлены в суд с обвинительным заключением или обвинительным актом. 62 уголовных дела было приостановлено по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК – за неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Как это объяснить, учитывая, что в процесс оказания помощи больному, если это имеет место в медицинском учреждении, вовлечены вполне определенные лица, и все они могут быть установлены? А если речь идет о неоказании помощи больному вне медицинского учреждения, то по каким основаниям вообще возбуждалось уголовное дело, если не было установлено лицо, которое должно было оказать медицинскую помощь? Понятно, что каждый случай нуждается в отдельном изучении, поскольку есть основания сомневаться в законности и обоснованности принятых процессуальных решений о приостановлении предварительного следствия.

Вопрос о том, что надо делать, чтобы ответственность за совершение преступления медицинских работников была реальной, и, в то же время, наступала строго по справедливости, весьма многогранен. Помимо тех аспектов, которые уже были отмечены, следует уделить большое внимание также разработке и реализации системы подготовки кадров, расследующих данную группу преступлений; более тесному взаимодействию с судебно-медицинской службой, участие которой в расследовании этих дел нецелесообразно ограничивать лишь рамками производства судебно-медицинских

[1] Например, бывает так, что всю ответственность за проведение экстренной операции, прошедшей с осложнениями, возлагают на лечащего или дежурного врача, который, по сути, решение не принимал, его принимали руководители – зав. отделением, главврач. Но в нужный момент в истории болезни можно не найти записи о проведенном консилиуме, консультации, и на этого врача ложится все бремя ответственности. Он, кстати, мог даже сам и не участвовать в операции, либо только ассистировать.

экспертиз, как это обычно имеет место на практике в настоящее время. Ряд мер может быть целесообразен также в части организации расследования. Проблема расследования преступлений медицинских работников против жизни и здоровья исключительно сложна и требует тщательного изучения.

А.Н. Петрухина

Соблюдение прав участников уголовного процесса при назначении и производстве судебной экспертизы

Важным свойством заключения эксперта как доказательства и по своей значимости, и по своему объему содержания является допустимость. От его правильного определения зависит надлежащее обеспечение прав и свобод участвующих в деле лиц, обеспечение гарантий и соблюдение принципов уголовного судопроизводства, достижение достоверного знания по уголовному делу[1].

Одним из условий допустимости заключения эксперта как доказательства по уголовным делам является соблюдение процессуального порядка назначения и производства экспертизы. Процессуальный порядок получения экспертного заключения подробно регламентирован в главе 27 УПК РФ, нарушение которого может повлечь за собой признание заключения эксперта недопустимым.

Согласно ч. 3 ст. 195 УПК РФ следователь (дознаватель) знакомит с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого, его защитника и разъясняет им их права, предусмотренные ст. 198 УПК РФ. Потерпевший и свидетель вправе знакомиться с заключением эксперта только в случае, если в отношении них проводилась судебная экспертиза. Потерпевший пользуется также правами, предусмотренными п. 1 и 2 ч. ст. 198 УПК – знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы, заявлять отвод эксперту или ходатайствовать о производстве экспертизы в другом экспертном учреждении. Необходимо отметить, что чч. 1 ст. 198, 205, 206 УПК РФ ставят обвиняемого (подозреваемого) в более привилегированное положение по сравнению с потерпевшим, его представителем, которые наделяются указанными в этих статьях правами вне зависимости оттого, проводится ли судебная экспертиза в отношении них или нет. Проблема необходимости уравнивания в правах указанных участников процесса, а также

[1] Костенко Р.В. Понятие и признаки уголовно-процессуальных доказательств. М., 2006. С. 70.

предоставления соответствующих прав гражданскому истцу и ответчику при получении экспертного заключения неоднократно являлась предметом обсуждения Конституционного Суда РФ[1]. На необходимость наделения вышеуказанными правами потерпевшего, свидетеля, при условии назначения и производства судебной экспертизы в отношении его самого, указывает в своем постановлении Пленум Верховного Суда РФ[2]. В юридической литературе также высказаны достаточно конструктивные предложения по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства в направлении расширения состязательных начал при назначении и производстве экспертизы[3].

Вместе с тем, необходимо четко предусмотреть именно обязанность (а не как сейчас «знакомит») следователя ознакомить указанных участников с данными об эксперте, прежде всего, с данными о его личности, квалификации, опыте до направления постановления о назначении судебной экспертизы в экспертное учреждение или частному эксперту.

В этих целях предлагаем изложить ч. 3 ст. 195 УПК РФ в следующей редакции: «До направления постановления о назначении судебной экспертизы для исполнения следователь обязан ознакомить с ним подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, а также гражданского истца, ответчика, их представителей при производстве экспертизы, относящейся к предмету заявленного иска, свидетеля, при условии назначения и производства судебной экспертизы в отношении него, и разъясняет им права, предусмотренные статьей 198 настоящего Кодекса. Об этом составляется протокол, подписываемый следователем и лицами, которые ознакомлены с постановлением».

Также необходимо установить срок ознакомления участников процесса с

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 04.11.2004 № 430-О «По жалобе гражданки Старовойтовой Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 42, частью восьмой статьи 162 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 2; Определение Конституционного Суда РФ от 11.07.2006 № 300-О «По жалобе гражданина Андреева Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктами 1, 5, 11, 12 и 20 части второй статьи 42, частью второй статьи 163, частью восьмой статьи 172 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 20.11.2006. № 47. ст. 4940.

[2] Пункт 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам. URL: http://www.vsrf.ru.

[3] Лазарева В.А. Проблема обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве при применении специальных знаний в свете правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Российский судья. 2009. № 3.

указанными данными. В противном случае, будет трудно определить, нарушены ли права участников процесса при производстве экспертизы. Кроме того, все правила допустимости должны быть максимальным образом формализованы. Оптимальным представляется срок в 5 суток, он наиболее часто встречается в УПК РФ (ч. 6 ст. 6.1, ч.3 ст. 118, ч. 3 ст. 125, ч. 2 ст.134, чч. 3-5 ст. 215, ч. 7 ст. 259, ст. 312 и др.).

Считаем также рациональным предложение Е.А. Зайцевой об указании в законе на срок подачи ходатайств участниками процесса по вопросам экспертизы после их ознакомления с заключением эксперта, что «приведет к активизации позиции сторон, создаст гарантии соблюдения их интересов в процессе, повысит внимание следователей к оценке заключения эксперта…»[1]. Применительно к срокам подачи замечаний предлагаем закрепить срок в 3 суток, поскольку в УПК РФ он неоднократно упоминается относительно сроков подачи ходатайств и замечаний (ст. 121, ч. 7 ст. 259, ч. 1 ст. 260, ч. 3 ст. 317.1, ч. 3 ст. 321).

Интересно отметить, что в ст. 167 УПК Франции содержится требование, обязывающее следственного судью после получения заключения экспертов вызвать заинтересованные стороны, сообщить им о заключении экспертов, ознакомить их с выводами по экспертизе и назначить срок для подачи ходатайств[2]. УПК Армении в п. 8 ч. 1 ст. 247 определяет конкретный период, в течение которого следователь обязан ознакомить подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего с заключением эксперта (в течение 10 суток со дня получения его заключения следователем)[3]. Представляется, что положительный зарубежный опыт можно использовать и в отечественной правоприменительной практике.

В этих целях представляется целесообразным изложить ч. 1 ст. 206 УПК РФ в следующей редакции:

«Заключение эксперта или его сообщение о невозможности дать заключение, а также протокол допроса эксперта предъявляются следователем не позднее 5 суток с момента их получения указанным в ч. 3 ст. 195 настоящего Кодекса участникам процесса, которым разъясняются их право подать ходатайства, связанные с вопросами судебной экспертизы. Время ознакомления с указанными данными устанавливается следователем, однако оно не может быть менее 5 суток с момента начала ознакомления».

Часть 2 ст. 206 изложить в следующей редакции: «2. О выполнении

---

[1] Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства: дис. … докт. юрид. наук М., 2008. С. 380.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Франции. М., 1997.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1.09.1998 № 3Р-248 (по сост. на 16.12.2006) // База данных «Законодательство стран СНГ».

этого действия составляется протокол в соответствии с требованиями статей 166 и 167 настоящего Кодекса, куда заносятся устные ходатайства ознакомившихся с заключением эксперта лиц. Сроки подачи письменных ходатайств сторон по вопросам экспертизы определяет следователь, однако они не могут быть менее 3 суток со дня ознакомления с заключением эксперта».

Указанные законодательные изменения позволят своевременно обеспечить права сторон и избежать необоснованного затягивания сроков предварительного расследования и рассмотрения уголовного дела, что также согласуется с требованием ст. 6.1 УПК РФ «Разумный срок уголовного судопроизводства».

О.А. Петрухина

Специфика осмотра места происшествия по делам об экологических преступлениях

Особенностью всех экологических преступлений является возможное быстрое изменение обстановки, что определяет необходимость и важность проведения следователем (дознавателем) комплекса следственных действий, обеспечивающих фиксацию следов, могущих безвозвратно исчезнуть. Центральное место в этом комплексе занимает осмотр места происшествия, являющийся самостоятельным следственным действием, и состоящий в непосредственном восприятии и анализе следователем (дознавателем) обстановки происшествия (местности, жилища), а также иных обстоятельств, имеющих значение для дела в целях обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов преступления.

В соответствии со ст. 157 УПК РФ осмотр места происшествия является первоначальным и неотложным следственным действием, которое должно быть проведено незамедлительно, сразу же после выявления факта преступления. Незамедлительность проведения осмотра места происшествия по экологическим преступлениям имеет наиважнейшее значение, так как, во-первых, вследствие непрерывного воздействия окружающей среды состав и свойства отбираемых образцов подвергаются изменению, что может привести к непригодности их для исследования и последующего использования в качестве доказательств, а, во-вторых, заинтересованные лица могут принять соответствующие противоправные меры с целью сокрытия преступного деяния.

В тоже время некачественно, поспешно проведенный осмотр места происшествия чаще всего приводит к утрате значительной части

доказательств. Осмотр места происшествия является одним из немногих следственных действий, недостатки и упущения, при производстве которых, нельзя восполнить в дальнейшем.

В связи с чем, по делам об экологических преступлениях наиважнейшее значение приобретает реализация комплекса подготовительных действий к проведению осмотра места происшествия, включающего:

1) принятие мер по обеспечению охраны места происшествия и предотвращению, ликвидации или уменьшению вредных последствий для окружающей среды. По делам о загрязнении, отравлении окружающей среды до начала процедуры осмотра принимаются меры к пресечению дальнейшего выброса вредных веществ (если известен источник загрязнения) и локализации загрязненного участка местности;

2) ознакомление с инструкциями, приказами, устанавливающими правила эксплуатации очистных сооружений, мест захоронения экологически опасных веществ и отходов, иных сельскохозяйственных, промышленных, научных объектов;

3) определение специальности и квалификации того специалиста, которого целесообразно пригласить для участия в осмотре. При этом, учитывая многообразие последствий экологических преступлений, к осмотру необходимо привлекать специалиста, обладающего знаниями в конкретной сфере: при повреждении лесов, растительности – агрономов; в случае радиоактивного заражения – дозиметристов; для осмотра животных и рыб – ветеринаров, ихтиологов; при обнаружении загрязнений почвы, воды, воздуха – химиков и т.п. Учитывая обширность территорий и разнообразие объектов, подлежащих осмотру по делам об экологических преступлениях, иногда целесообразно привлекать нескольких специалистов.

Исходя из обстоятельств происшедшего, следователь (дознаватель) должен заранее сообщить привлекаемому специалисту о характере происшедшего, что позволит ему правильно подобрать необходимые технические и криминалистические средства, в том числе средства, предназначенные для осуществления экспресс-анализа и забора проб воздуха, воды, грунта, хранения отдельных экземпляров погибших животных (зверей, птиц, рыб, насекомых) и растительности, которые будут наиболее эффективны[1].

Стандартный набор специального оборудования и измерительных

[1] Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов: практич. пособие / под ред. Т.В. Аверьяновой, В.Ф. Статкуса. М., 2011. С. 229.

средств, используемых специалистом включает мерную ленту (рулетку), лопату, цифровой фотоаппарат, GPS-навигатор, почвенный нож, компас. В ходе осмотра места происшествия важнейшее значение имеет использование поисковых криминалистических приборов: ультрафиолетовых осветителей, электронно-оптических биноклей, металлоискателей. Такие приборы позволят обнаружить различные микрообъекты;

4) правильный подбор иных участников данного следственного действия. По фактам о нарушении правил охраны окружающей среды (ст. 246-249, 253, 255, 257, 262 УК РФ) целесообразно привлечь сотрудника службы экологического контроля и санитарно-эпидемиологического надзора, биолога, инженера, проектировщика и др. При осмотре места происшествия по делам о браконьерстве желательно обеспечить присутствие инспектора рыбоохраны, охотнадхора, егеря, которые, как правило, хорошо знают данную территорию и возможные способы незаконного промысла и его сокрытия.[1] К примеру, егерь может определить состояние деревьев, предварительно установить объем незаконно заготовленной древесины по породам. В случае необходимости нужно использовать помощь специалиста лицензионно-разрешительной системы, сотрудников дорожно-патрульной службы и военнослужащих-пограничников (при переходе государственной границы РФ);

5) по преступлениям, связанным с браконьерством – включение в состав следственно-оперативной группы вооруженных автоматическим оружием сотрудников полиции для обеспечения безопасности и возможности задержания преступников «по горячим следам»;

6) дачу поручения органу дознания по выявлению очевидцев, наблюдавших развитие и наступление последствий экологического происшествия. Очевидцы, которые сообщают криминалистически важные для следствия данные, затем допрашиваются в качестве свидетелей;

7) в случае необходимости подготовку:

- крупномасштабных карт или схем осматриваемой территории. Осмотр, проведенный с использованием карт и планов местности, приобретает методически упорядоченный и системный характер;

- различных транспортных (вертолеты, автомобили, вездеходы, лодки, катера и т.д.) средств, в некоторых случаях – повышенной проходимости;

[1] Щуров Е.А. Выявление и первоначальный этап расследования незаконной добычи рыбы: по материалам Азово-Черноморского водного бассейна: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С.182.

8) сбор необходимых процессуальных бланков, бланков для опечатывания, упаковочного материала.

Учитывая специфику осмотра места происшествия, определяемую особенностями экологических преступлений, до выезда на место, следователь (дознаватель) должен выработать программу, включающую технологический процесс (порядок осмотра, наиболее значимые узловые объекты, приемы и методы) и последовательность производимых действий.[1] Желательно, чтобы в выработке программы активное участие принимал специалист.

В том случае, если территория подлежащая осмотру достаточно обширная, в данном следственном действии должны участвовать несколько следственно-оперативных групп. Следователь – руководитель осмотра должен до выезда на место происшествия собрать всех участников предстоящего осмотра и обсудить задачу данного мероприятия, порядок действий, и по топографическим картам распределить участки для работы каждой группы. При этом число участников осмотра (понятые, специалисты, обслуживающий персонал), количество транспортных, технических и криминалистических средств увеличивается соответственно числу работающих следственно-оперативных групп, о чем следователь (дознаватель) должен позаботиться заранее.

В заключение подготовительного этапа следователь (дознаватель) должен решить вопрос о привлечении понятых к производству осмотра места происшествия. Процессуальные правила, закрепленные в ст. 170, 177 УПК РФ позволяют производить осмотр места происшествия без участия понятых, но с обязательным применением технических средств фиксации хода и результатов данного следственного действия.

Особая роль в проведении осмотра места происшествия принадлежит специалисту. Качество полученных результатов осмотра зависит от слаженности тандема следователя (дознавателя) и специалиста.

Однако, практика свидетельствует, что в некоторых случаях проведения осмотра места происшествия по экологическим преступлениям, ни следователь (дознаватель), ни специалисты не были подготовлены к данному следственному действию. Неподготовленность можно объяснить низким уровнем технико-криминалистических знаний относительно методов выявления, закрепления, изъятия следов преступления, неопытностью участников

[1] Вольчак А.Ю. Новые подходы к организации осмотра места происшествия // Организация деятельности органов предварительного следствия и дознания в системе МВД России: управленческие и криминалистические проблемы: сб. матер. всерос. науч.-практ. конф.: в 2-х ч. М., 2012. Ч. 2. С. 169.

осмотра, а также отсутствием четкого взаимодействия между субъектом расследования, специалистом, присутствующими на осмотре представителями природоохранных органов, и их совместной ответственности за конечный результат.

Таким образом, осмотр места происшествия по экологическим преступлениям представляет собой сложное и трудоемкое действие. Сохранить обстановку в условиях постоянного изменения погоды, производственной деятельности предприятий практически невозможно, поэтому успех выявления и закрепления доказательств во многом зависит, во-первых, от кропотливой подготовки данного следственного действия, а, во-вторых, от самого следователя (дознавателя), который должен обладать соответствующими знаниями специфики и навыками по тактике проведения осмотра места происшествия по экологическим преступлениям[1]. При этом мы полностью поддерживаем мнение В.Н. Апоревич о том, что «особое значение при производстве осмотра имеет лицо, производящее данное следственное действие, которое уже неоднократно занималось расследованием уголовных дел определенной категории, так как большое значение в данном следственном действии играет такая форма суждения, как умозаключение по аналогии»[2].

С.А. Пичугин

Современные проблемы криминалистического исследования признаков внешности человека

Актуальность рассмотрения проблем криминалистического исследования внешнего облика человека для целей установления личности объясняется важностью материализации соответствующих сведений (уголовно-процессуального и криминалистического характера), имеющих как ориентирующее, так и доказательственное значение, и той важной ролью, которая отводится процессу фиксации данных о внешности человека на современном этапе, стимулируя развитие, совершенствование криминалистических средств и методов.

Несомненно, преступление как общественно опасное деяние и внешний облик личности, которое его совершило взаимосвязано, взаимообусловлено и отображается в виде материальных и

[1] Маслов И.В. Криминалистические проблемы осмотра места происшествия // Современная криминалистика: проблемы, тенденции, имена: сб. матер. 53-х крим. чтений: в 3-х ч. М., 2012. Ч.2. С. 119.

[2] Апоревич В.Н. Расследование преступных нарушений правил безопасности в строительстве: монография. Хабаровск, 2009. С. 105.

«идеальных» следов. По этой причине необходимо изучение, связанных с подобным явлением закономерностей, которые будут способствовать максимальной объективизации процесса формирования модели внешнего облика личности, причастной к совершению преступления.

Любое исследование основано на применении научно обоснованных методов, позволяющих сформировать научную концепцию для объяснения природы и свойств окружающей действительности. Основная цель научных исследований – обнаружение, интерпретация и развитие методов и систем по совершенствованию научных знаний в определенных сферах и направлениях.

Применительно к проведению криминалистического исследования существуют определенные «традиционные» стадии: уяснение исследовательской проблемы, формулировка целей и задач, разработка концепции (программы); отработка методик собирания информации; непосредственное собирание информации («полевая» стадия); подготовка информации к обработке и анализу; обработка и анализ информации; изложение результатов исследования. Однако подобные стадии представляют собой только лишь общий принцип алгоритмизации исследовательских действий, а не их строгую последовательность. В некоторых случаях порядок следования этапов может меняться, исследователь может возвращаться к пройденным этапам, не завершив или даже не приступив к исполнению последующих, отдельные этапы могут выполняться частично, а некоторые даже выпадать.

Применительно к исследованию внешнего облика личности преступника стадии криминалистического исследования непременно должны располагаться в преломлении определенной системы современных габитоскопических научных направлений. Также как и по аналогии с получением любых доказательственных данных о личности разыскиваемого человека, в том числе и результатов проведенного криминалистического исследования внешнего облика, В.Я. Колдин справедливо указывает: «Получение доказательств и установление юридических фактов, имеют сквозной характер, и проходят через деятельность оперативно-розыскных органов, органов дознания, предварительного расследования и суда, а также обслуживающих деятельность этих органов информационных, регистрационных и экспертных систем»[1].

[1] Колдин В.Я. Судебная идентификация. М., 2002. С. 36.

В рамках криминалистического исследования признаков внешности человека выделяются: оперативно-розыскное, следственное и экспертное направление деятельности.

В рамках оперативно-розыскного направления криминалистическое исследование внешности осуществляется при розыске трех категорий лиц: известных, но скрывающихся от следствия, суда или исправительного учреждения; неизвестных, скрывшихся с места происшествия; лиц пропавших без вести.

В ходе оперативного отождествления в качестве средства достижения положительных результатов установления личности используются объективные и субъективные отображения.

В рамках следственного направления, криминалистическое исследование внешнего облика осуществляется в ходе проведения следственных действий, таких как, например, проведение осмотра, предъявления для опознания.

Наиболее широко в следственной деятельности применяется предъявление для опознания лица в натуре или по его фото-, видеоизображениям. Результативность предъявления для опознания зависит от содержания такого специфического носителя информации о признаках внешности, каким является мысленный образ, сформировавшийся в памяти очевидца в результате восприятия внешнего облика человека.

Экспертное направление криминалистического исследования внешности является особой формой применения специальных познаний. Носителями информации о признаках внешности в данном направлении ее использования, являются фотоснимки и видеокадры. Специфическим носителем информации о внешнем облике являются останки человека, прежде всего череп, поскольку предполагается использование специальных методов выявления и анализа признаков внешности умершего (погибшего) человека.

При проведении экспертного исследования внешнего облика наибольшую трудность вызывают ситуации исследования объектов – носителей информации, на которых признаки внешности отображены частично, либо изменены в сравнении с отображением признаков на идентификационном объекте.

На современном этапе наиболее сложные криминалистические исследования внешнего облика проводятся по фотоснимкам (видеокадрам), изготовленным со значительным разрывом во времени, либо по фотоснимкам (видеокадрам), на которых человек запечатлен в различных ракурсах.

Положительный результат криминалистического исследования по признакам внешности определяется тем объемом, полнотой,

достоверностью, которые зависят, в свою очередь, от результативности процесса собирания информации, методов и средств ее фиксации, а также эффективности их практического использования в целях установления личности.

Охарактеризуем несколько более подробно состояние и перспективы использования субъективных и объективных отображений при проведении криминалистического исследования внешности.

Методика изготовления словесного портрета не претерпела существенных изменений со времен А. Бертильона и Р.-А. Рейса. Совершенствованию подвергалась лишь система признаков внешности, лежащая в основе этой методики[1]. Причем претерпевало изменения в основном количество фиксируемых элементов и признаков, терминология, используемая для их характеристики.

В результате практический инструментарий для фиксации информации о признаках внешности, казалось бы, требующий строгого единообразия и четкости, в научной литературе по криминалистике, методических и справочных пособиях дается по-разному, авторы неодинаково трактуют методику и системное построение словесного портрета, используют различную терминологию. Дискуссионный характер применения единой терминологии учеными в рамках исследования внешнего облика создает многочисленные трудности субъекту правоохранительных органов, задействованному в этом процессе.

Следует заметить, что такое дискуссионное положение обусловлено также еще и тем, что методика словесного портрета, первоначально предназначенная для регистрации признаков внешности лица в натуре, стала применяться во всех ситуациях идентификации человека по признакам внешности. Если использование методики словесного портрета специалистом при проведении портретной экспертизы позволяет успешно решать задачу фиксации анализируемых признаков внешности, то следователь и, тем более, оперативный работник испытывают явные затруднения в ее использовании, особенно в ситуациях, резко отличающихся по своим условиям от регистрационного и экспертного анализа информации о признаках внешности.

---

[1] См., например: Терзиев Н.В. Криминалистическое отождествление личности по признакам внешности. М., 1956; Гусев А.А. Установление личности по признакам внешности. М., 1955; Самошина З.Г. Криминалистическое отождествление личности по признакам внешности. М., 1963; Кирсанов З.И., Лавров Ю.И. Словесный портрет. М., 1999.

Использование данных о внешнем облике человека в оперативных ситуациях характеризуется затрудненным восприятием информации, необходимостью ее быстрой оценки, анализа и формулирования идентификационного вывода. Традиционная система словесного портрета, требующая длительного изучения внешнего облика человека, оказывается мало эффективной. В результате ориентировки о розыске скрывшихся преступников практически не содержат развернутой информации об их признаках внешности.

В связи с этим нуждается в разработке система признаков внешности для применения в ситуациях оперативного поиска в ходе личного сыска и т.п. Ее основу может составить следующая группировка признаков внешности для целей розыска:

- ориентирующие (заметные издали), позволяющие выделить человека в массе людей;
- доминирующие (опорные), наиболее характерные для внешности данного человека;
- индивидуализирующие особенности строения элементов внешности, совокупность которых достаточна для установления личности[1].

Анализ современного состояния криминалистического исследования признаков внешности человека позволяет остановиться на ключевых проблемных моментах, а именно:

- разработки системы классификации признаков внешности человека, ориентируемой на оперативно-розыскные ситуации собирания, анализа и использования данных о внешнем облике человека;
- методическом сопровождение внедрения современных систем учета по признакам внешности с использованием автоматизированного поиска и анализа изображений;
- разработки требований к фиксации данных о внешнем облике человека с учетом средств современных цифровых технологий и последующей компьютерной обработки изображений, полученных на их основе;
- разработки программных комплексов для изготовления субъективных портретов, включающих в качестве баз данных совокупность изображений элементов внешности, характеризующих их типовые варианты для той или иной антропологической (расовой) группы;

[1] Снетков В.А., Винниченко И.Ф. Житников В.С. Зинин А.М. Овсянникова М.Н. Криминалистическое описание внешности человека: учебное пособие / под ред. В.А. Снеткова. М., 1984. С. 22.

- модернизации методики и совершенствование тактики изготовления субъективных портретов с учетом необходимости использования данных о типологических признаках внешности и оценки достоверности сообщаемой очевидцем информации;

- целенаправленной подготовки специалистов для работы по изготовлению субъективных портретов;

- разработки комплексной методики проведения портретных исследований изображений, полученных с использованием новых инновационных технологий фиксации признаков внешности человека.

В.А. Расчётов

Некоторые аспекты установления следователем психологического контакта с допрашиваемыми

Допрос с точки зрения криминалистической тактики можно определить как следственное действие, заключающееся в получении и фиксации в установленном законом порядке показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, экспертов или специалистов об известных им фактах, имеющих значение для расследуемого уголовного дела[1].

Тяжкие и особо тяжкие преступления против личности отечественным законодательством караются весьма жёстко. Поэтому лица, умышленно их совершающие, в полной мере представляют ожидающие их последствия в случае доказанности их причастности к преступлениям этой категории.

Их естественное желание – избежать неблагоприятных последствий своей преступной деятельности, и ради этого они готовы на различные ухищрения. Практика показывает, что самым распространённымиз них является дача показаний, не соответствующих действительности. Это в равной степени относится как к подозреваемым и обвиняемым, так и к свидетелям, состоящим с ними в дружеских или родственных отношениях. В отдельных случаях это может относиться и к потерпевшим, запуганным виновными лицами или их подручными.

Очевидно, что допрос лиц, обладающих указанным выше процессуальным статусом, будет проходить, чаще всего, в конфликтной ситуации. Особое значение при таких обстоятельствах приобретает установление с ними психологического контакта.

Установление психологического контакта – это создание благоприятной психологической атмосферы следственного

[1] Криминалистика: учебник / под ред. А.Г. Филиппова. М., 2010. С. 356.

действия, при которой допрашиваемый внутренне, психологически настроен участвовать в диалоге, слушать допрашивающего, воспринимать его доводы, аргументы и предъявляемые доказательства даже в условиях конфликтной ситуации, когда намерен скрыть правду, дать ложные показания, помешать следователю установить истину[1].

Отечественной криминалистикой и юридической психологией данная проблема разработана основательно. Но хотелось бы остановиться на некоторых аспектах воздействия на сознание допрашиваемого, умышленно или неосознанно оставляемом вне поля зрения как криминалистов, так и следователей, необходимость обращения к которому очевидна.

Это – совесть допрашиваемого.

Если допрашиваемое лицо в ходе предваряющей допрос беседы явно даёт понять, что не собирается сотрудничать со следствием, а попытки установить психологический контакт через обычно применяемые тактические приёмы эмоционального воздействия (вовлечение в беседу по теме, представляющей взаимный интерес; снятие психологической напряженности лица, вызванного на допрос; создание благоприятной обстановки допроса; обращение к положительным качествам личности собеседника, к его заслугам, знакам общественного признания и уважения и т.д.) не приводят к желаемому результату, представляется целесообразным выяснить отношение допрашиваемого к религии, её основополагающим постулатам гуманитарного характера.

Как показывает следственная практика, наиболее контактны в этой области люди, выросшие в сельской местности и воспитанные на патриархальных традициях, впервые оказавшиеся на допросе в любом качестве, совершившие или намеревающиеся совершить (дать заведомо ложные показания) противоправное деяние. Установление с такими лицами психологического контакта в ходе допроса наиболее вероятно.

С людьми, выросшими в городской среде, и ставшими участниками уголовного судопроизводства из-за причастности или осведомлённости о совершённом преступлении, установление психологического контакта изложенным выше способом является, в основном, проблематичным в силу привитого им средой обитания отрицания гуманистических начал в сфере человеческих отношений, но и с ними возможно и нужно работать в этом направлении.

В одном из телевизионных интервью со следователем Генеральной

[1] Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. М., 2007. С. 489.

прокуратуры СССР И.М. Костоевым, возглавлявшим следственную группу по уголовному делу в отношении Чикатило, Иса Магометович сообщил следующее. Во время беседы с Чикатило, предшествующей допросу, он различными тактическими приёмами пытался установить с ним психологический контакт, который в дальнейшем необходимо было укрепить и использовать для установления истины по делу. Он, уже теряя надежду на положительный результат беседы и допроса в целом, задал допрашиваемому вопрос, не характерный для советского периода времени: что же ты не по-христиански бросил трупы своих жертв на съедение диким животным? Чикатило, прошедший воспитание в атеистическом духе, неожиданно отреагировал на этот вопрос-упрёк, заявив, что свои жертвы он предал земле и начал затем давать показания о местах сокрытия трупов и способах умерщвления своих жертв.

Этот приём – воздействие на совесть допрашиваемого через религиозное сознание дал неожиданный и такой необходимый результат, способствовавший раскрытию неизвестных ранее следствию фактов преступной деятельности «человека-чудовища» и расследованию уголовного дела в целом.

Автор настоящей статьи периодически использовал этот приём в практической деятельности при недостатке доказательств виновности или преступной осведомлённости допрашиваемого лица, когда иные тактические приёмы не давали положительного результата. Признаться, не каждый раз он давал ожидаемый эффект, но даже несколько успешных фактов его применения экономили время, силы и средства для доказывания.

В настоящее время идёт поступательная клерикализация российского общества. Активно восстанавливаются и строятся вновь места для отправления религиозных нужд граждан основных конфессий России – церкви, мечети, дацаны, синагоги и т.д. Проводимая религиозная пропаганда и религиозное воспитание не могут не воздействовать на сознание и совесть людей, в том числе ведущих или помышляющих о противоправном образе жизни. Это обстоятельство необходимо научиться правильно и аккуратно использовать в следственных целях, не оскорбляя при этом религиозных чувств верующих.

И христианство, и ислам, и буддизм выработали нормы-законы добропорядочного поведения, за неисполнение которых предписывается наказание в земной жизни и предрекается кара в загробной.

«Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего»[1], – таковым было одно из Божественных указаний Моисею на горе Синай для выведенного им из Египта народа.

«…закон добр, если кто законно употребляет его, зная, что закон положен не для праведника, но для беззаконных и непокоривых, нечестивых и грешников, развратных и осквернённых, для оскорбителей отца и матери, для человекоубийц, для блудников, мужеложников, человекохищников, (клеветников, скотоложников,) лжецов, клятвопреступников, и для всего, что противно здравому учению, по славному благовестию блаженного Бога…»[2], – христианская составляющая законопослушного поведения человека.

Ислам также призывает мусульман к честности перед Всевышним, самим собой и окружающими людьми. «Проклятие Аллаха на нём, если он лжец»[3] – гласит Сура 24 Корана.

«И не облекайте истину ложью, чтобы скрыть истину, в то время как вы знаете!»[4].

Буддизм также определяет ложь как порок (грех): «…уничтожение жизни – это порок, а также кража, прелюбодеяние, и ложь»[5].

Приведённые выше примеры высказываний основных религиозных конфессий о порочности и греховной природе лжи, в целом, и соответственно ложных показаний, в частности, далеко не полны и могут быть дополнены для практического применения заинтересовавшимися следственными работниками.

Данный приём, безусловно, не должен применяться работниками, не владеющими азами религиозного мировоззрения. В противном случае при такой попытке с их стороны возможна последующая полная закрытость допрашиваемого лица – как знак открытого неуважения или даже презрения к человеку, не имеющему понятия о религии и посягнувшему на самое святое, что осталось у последнего за душой.

Для успешного воздействия на религиозное сознание и через него на совесть допрашиваемого необходимо неформально ознакомиться с основными религиозными источниками – Ветхим и Новым Заветами, Кораном, а также с основными концепциями буддизма, дабы самому следователю уверенно ориентироваться в этих вопросах и суметь ответить на возможный встречный вопрос допрашиваемого по этой тематике, заданный с целью проверить глубину познаний

[1] Ветхий Завет. Бытие. Исход. 20 стих

[2] Новый Завет, первое послание к Тимофею Святого апостола Павла, стих 1.

[3] Коран. Сура 24. Свет. Аят 7

[4] Коран. Сура 2. Корова. Аят 39 (42).

[5] Сигаловада сутта. Беседа с Сигалой. Кодекс дисциплины для мирянина. URL: http://www.oum.ru.

допрашивающего в вопросах религии и его искренность.

Если христианство и буддизм допускает трактовку своих религиозных постулатов на языке народов, их исповедующих, то для ислама перевод Корана на любой иной, кроме арабского, язык не есть сам Коран, а лишь его толкование. На случай, если допрашиваемым окажется человек, сведущим в этом вопросе, и ему будет недостаточно озвучивание текста на русском языке, он может дать понять, что не верит этому переводу и попросить предъявить ему соответствующие религиозно-этические положения в письменном виде. Следователю, решившему в ходе допроса прибегнуть к помощи исламских традиций, необходимо иметь на этот случай выписку на арабском языке из того фрагмента Учения, на который он собирается сослаться при установлении психологического контакта, или сам Коран, также на арабском языке, для последующей демонстрации его положений.

Приведённые выше предложения по установлению психологического контакта с допрашиваемым подобным образом могут быть применены на практике лишь после самостоятельного усвоения основных положений мировых религий следственным работником. Более успешное их освоение может быть достигнуто при обращении следователя (дознавателя) за содействием к представителю соответствующего религиозного культа в разъяснении отдельных религиозных положений, знание которых представляется особо значимым, а также по поиску новых, не установленных при самостоятельном изучении религиозных источников, положений, способных оказать на верующего допрашиваемого наиболее сильное эмоциональное и психологическое воздействие.

Данная статья затрагивает интимную сторону человеческого бытия, заключающегося в религиозном сознании и совести людей, и эту сферу следователь в случае принятия решения об использовании этого способа установления психологического контакта с допрашиваемыми должен методично и с должным уважением к чувствам верующих осваивать.

Ещё раз хочется напомнить, что допрос – это одна из вершин следственного мастерства, что по многим делам он становится настоящим сражением умов и воли его участников. Закон ориентирует следователя на победу в таких сражениях, но для этого ему необходимы, помимо узко профессиональных знаний, развитый интеллект, знание психологии, выдержка, воля, наблюдательность, а также высокая нравственность и человеколюбие[1].

[1] Питерцев С.К., Степанов А.А. Тактические приемы допроса: учебное пособие. СПб., 2006. С. 43.

А.В. Резепин

Целевая направленность в информационных материалах экстремистского содержания

В современной социально-политической ситуации в Российской Федерации существует реальная проблема правовой оценки преступлений экстремистской направленности, которая заключается, прежде всего, как в ее объективности, обоснованности, так и в выявлении признаков экстремистской деятельности в конкретных случаях. Практика показывает, что определение социально-психологической направленности текста, изображения, видеофильма и доказывание умысла автора на разжигание национальной, религиозной розни становится особенно сложным, когда пропагандируемые идеи и представления внедряются в общественное сознание изощренными приемами манипулирования информацией, специальными языковыми, изобразительными и иными средствами[1], маскирующими реальные цели автора. При этом нельзя исключать возможность непреднамеренного со стороны авторов проникновения в их публикации (тексты) неосторожных, невежественных и ошибочных суждений, обусловленных их низкой профессиональной квалификацией, недостаточной общей эрудицией.

Существующая проблема правильной квалификации и оценки судом противоправных деяний, связанных с возбуждением национальной, расовой или религиозной вражды, требует проведения комплексных экспертиз с привлечением к экспертной оценке специалистов разных областей знания, прежде всего психологии и лингвистики для установления целевой направленности деятельности автора (авторов). «К производству экспертизы могут привлекаться, помимо лингвистов, и специалисты соответствующей области знаний (психологи, историки, религиоведы, антропологи, философы, политологи и др.)»[2]. Постановление Верховного Суда РФ указывает также на необходимость лингвистической экспертизы для определения целевой направленности информационных материалов в судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности.

Эксперты, исследующие материал на предмет наличия в нем признаков экстремизма, сталкиваются с проблемой четкого

[1] Методические рекомендации Генеральной прокуратуры РФ «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды»

[2] Пункт 23 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 28.06.2011 № 11.

определения понятия целевая направленность применительно к деятельности человека, выразившейся в тексте, высказывании, создании видеофильма, изображении и т.п. Существует также методологическая проблема выявления и исследования целевой направленности по результатам деятельности, соотношения этого понятия с понятием цели деятельности. При этом необходимо учесть, что цель деятельности в свою очередь характеризуется мотивами человека как осознанными, так и неосознаваемыми, как знаемыми, так и реально действующими. Выделение целевой направленности деятельности не снимает вопрос об умышленности или осознанности мотивов экстремистской деятельности, прежде всего волнующий юристов. Более того, с позиции юридической квалификации деяния значимость приобретает определение публичности действий, условий в которых реализованы информационные материалы экстремистской направленности.

С точки зрения социально-психологического подхода к исследованию коммуникативной ситуации реализации информации, в том числе и экстремистского содержания, значение приобретает не число лиц, которым адресовано сообщение, высказывание, среди которых пропагандируются экстремистские идей, а условие (форма) доведения пропагандируемых идей. Такой подход позволяет вне зависимости от числа участвующих в коммуникации выделить характеристики коммуникативной ситуации, которые позволяют довести экстремистские идей до сведения неопределённого числа лиц с возможностью последующего ознакомление с ними других лиц. Таким образом, социально-психологические характеристики коммуникативной ситуации выступают основанием для определения публичности деятельности и ее последующей юридической оценки.

Если же исходить из того, что законодательство четко определяет понятие экстремизма[1] как деятельность, направленную на ряд перечисленных законодателем целей (ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ), то очевидно, что объективным и необходимым условием оценки преступлений экстремистской направленности должно быть определение наличие этих самых целей.

Материал имеет признаки экстремизма в случаях, когда содержание текста, публикаций, содержание интернет ресурсов, изображений, видеофильмов будет содержать или направлено на[2]:

---

[1] О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ.

[2] Методические рекомендации Генеральной прокуратуры РФ «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды»

- формирование и подкрепление негативного этнического стереотипа, отрицательного образа нации, расы, религии;

- перенос различного рода негативных характеристик и пороков отдельных представителей на всю этническую или религиозную группу;

- приписывание всем представителям этнической или религиозной группы стремления следовать тем древним обычаям, верованиям, традициям, которые негативно оцениваются современной культурой;

- утверждения о природном превосходстве одной нации, расы, религии и неполноценности или порочности других;

- приписывание враждебных действий и опасных намерений одной нации, расе, религии по отношению к другим;

- возложение вины и ответственности за деяния отдельных представителей на всю этническую, расовую, религиозную группу;

- утверждения об изначальной враждебности определенной нации, расы по отношению к другим;

- утверждения о полярной противоположности и несовместимости интересов одной этнической или религиозной группы с интересами других;

- утверждения о наличии тайных планов, заговоров одной национальной или религиозной группы против других;

- объяснение бедствий и неблагополучия в прошлом, настоящем, будущем существованием и целенаправленной деятельностью определенных этнических, расовых, религиозных групп;

- побуждение к действиям против какой-либо нации, расы, религии;

- поощрение, оправдание геноцида, депортаций, репрессий в отношении представителей какой-либо нации, расы, религии;

- требования вытеснения из различных сфер деятельности лиц определенной национальности, расы, конфессиональной принадлежности;

- требования ограничить права и свободы граждан или создать привилегии по национальному, расовому, религиозному признаку;

- угрозы и подстрекательства к насильственным действиям в отношении лиц определенной национальности, расы или по признаку религиозной принадлежности.

Таким образом, экспертная оценка специалистов разных областей знания, должна основываться на результатах сравнительного анализа содержания информации, выявленных целей автора, целевой направленности его деятельности с вышеперечисленными признаками экстремистской деятельности.

Анализ содержания информации средствами лингвистического исследования достаточно понятен и научно разработан, но при этом не

может быть универсальным и достаточным в выделении ее смысловой, а тем более целевой направленности. Смысл высказывания, речи, текста кроется не в значении использованных автором слов, а в контексте коммуникативной ситуации, в изображении или звуковом сопровождении, иллюстрирующем высказывание, в используемых автором экстралингвистических, паралингвистических[1], невербальных средствах передачи информации.

Будем исходить из того, что автор всегда преследует определенные цели, которые впоследствии оказывают определенное воздействие на читателя, зрителя, публику. Эти цели, так или иначе, отражаются в содержании текста, видеофильма, изображении, комментариях. При этом воздействие (влияние) передается от субъекта к субъекту посредством как открытых форм управления (убеждения, принуждения), так и скрытых (внушения). Это означает, что цели могут транслироваться посредствам скрытого управления[2] за счет техник скрытого воздействия, что всегда находит отражение в содержании анализируемых материалов.

Исходя из вышеописанного, первым ориентиром в поиске и выделении целевой направленности будет разделение задач исследования, то есть анализ материалов в двух направлениях:

1) психолингвистический анализ высказываний, речи, коммуникативной ситуации с выделением основных тем информации, главных и ключевых смыслов, контекста информации, используемых автором специальных языковых, изобразительных и иных средств;

2) психолингвистический анализ высказываний, речи, коммуникативной ситуации с выделением основных приемов, методов психологического воздействия на собеседника, потенциального читателя или зрителя, группу людей, в том числе и скрытых, основанных на внушении, форм управления.

Если речь идет об исследовании, зафиксированных на видеозаписи разговоров, общения, диалога людей, то целесообразно установить характер, вид коммуникативной ситуации, в котором происходит

---

[1] Паралингвистическая и экстралингвистическая системы знаков представляют собой также «добавки» к вербальной коммуникации. Паралингвистическая система – это система вокализации, т.е. качество голоса, его диапазон, тональность. Экстралингвистическая система – включение в речь пауз, других вкраплений, например покашливания, плача, смеха, наконец, сам темп речи. Все эти дополнения увеличивают семантически значимую информацию, но не посредством дополнительных речевых включений, а «околоречевыми» приемами // Андреева Г.М. Социальная психология. М., 2001.

[2] В.П. Шейнов Скрытое управление человеком Серия: Психология манипулирования М., 2006.

общение. В этом случае под содержанием разговоров, общения экспертом понимается коммуникация как «процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями совместной деятельности, включающий в себя обмен информацией, обладающий взаимным восприятием и попытками влияния друг на друга».[1] При этом необходимо учесть, что «вне общения невозможна человеческая деятельность»[2], а совместная деятельность (взаимодействие) подразумевает общение и влияние одного субъекта, участвующего в деятельности на другого. Поэтому для определения условий (формы) доведения пропагандируемых идей, в качестве характеристик целевой направленности содержания деятельности субъекта, необходимо исследовать не только мотивы субъектов, участвующих в общении, но и следующие качественные особенности социального взаимодействия субъектов, а именно:

- общие характеристики и вид (непосредственного или опосредованного) воздействия субъектов друг на друга;
- цикличность связи между субъектами и причины этой зависимости, системность взаимодействия между субъектами;
- основания общественной солидарности субъектов, признаки взаимосогласованости, регулярности взаимодействия субъектов;
- содержание обмениваемой информации, знаний, материальных ценностей и установленные правила обмена;
- собственные цели взаимодействующих субъектов;
- признаки зависимости одного субъекта от другого и возможность одного субъекта непосредственно навязать определенный способ поведения другому;
- характеристики влияния одного субъекта на другого, в том числе и психофизиологических изменений вследствие этого влияния;
- систематически устойчивые действия субъекта, которые направлены на партнера для того, чтобы вызвать определенную (ожидаемую) ответную реакцию с его стороны;
- основные социальные статусы взаимодействующих субъектов и социальных групп, к которым они принадлежат, а также их ранг в этой группе;
- характеристики социальной роли субъектов взаимодействия;
- наличие признаков педагогического взаимодействия, процесса обучения (публичной деятельности).

[1] Леонтьев А.А. Деятельность общения как объект научного исследования // Психология общения. М., 1999.
[2] Там же.

На том основании, что «цель выступает как регулятор деятельности и формируется на основе мотивов деятельности»[1] определение целевой направленности разговоров (высказывания) в большей мере основывается на учете и выявлении мотивов субъектов коммуникативной ситуации. В тоже время, термин «целевая направленность» относится к информации (или иному средству материализации «мотив-цель» в деятельности). Поэтому целевая направленность информации и, как следствие, характер мотива деятельности сосредотачивается в:

- смысловом содержании передаваемой информации;
- средствах формирования или поддержания интереса к этому содержанию;
- средствах управления вниманием воспринимающего;
- средствах распространения информации.

Таким образом, под целевой направленностью понимается коммуникативное намерение (мотив) активного субъекта (воздействующего на собеседника), как основного транслятора содержания[2], а задачами исследования становятся:

- определение вида и характеристика коммуникативной ситуации, в которой реализован разговор лиц, зафиксированных на видеозаписях;
- определение социально-психологических ролей, в которых выступают субъекты общения, зафиксированных на видео- аудио-записях;
- определение мотивов воздействия субъектов общения друг на друга;
- определение наличия техник как прямого, так и скрытого психологического воздействия.

Материалы, содержащие пропаганду экстремистских идеи, могут иметь сложную визуально-аудиальную структуру. К примеру, видеофильм может иметь визуальный ряд, содержащий как динамичные, так и статичные картинки (изображение), аудиальный ряд, содержащий как музыкальное сопровождение, так и человеческую речь (речь диктора). При этом к используемым визуальным средствам передачи информации добавляется фоновое изображение и фокусировка изображения на отдельных деталях, что способно с одной стороны, перегружать сознание зрителя, а с другой – манипулировать его вниманием и внушать необходимые смыслы. В качестве

[1] Душков Б.А., Королев А.В., Смирнов Б.А. Энциклопедический словарь: Психология труда, управления, инженерная психология и эргономика. М., 2005 г.

[2] Большой психологический словарь / сост. Б. Мещеряков, В. Зинченко. М., 2004.

аудиальных средств может использоваться четкий ритм, работающий на внушение сопутствующей информации, изменение темпа и тембра музыки, что акцентирует внимание зрителя на главных внушаемых смыслах и изменяет психоэмоциональное состояние зрителя в определенных целях. В таком случае предметом исследования для эксперта становятся:

1) содержание человеческой речи;

2) содержание визуальных статических и динамических картинок;

3) содержание музыкального сопровождения.

Особое значение для исследования такого рода материала имеет определение его логической структуры, образующей единое смысловое целое, указывающее на четкую целевую направленность материала.

Предмет исследования чаще всего представляет собой социо-психо-лингвистическое явление, поэтому методы его исследования определяются на границе психологии, лингвистики, истории, политологии и социологии и т.п. Получить обоснованные выводы и валидные результаты в таком случае можно путем использования нескольких психолингвистических методов, к примеру, используя психосемантический[1] анализ, интент-анализ[2] и контент-анализ[3].

Методология исследования объектов, имеющих сложную структуру, должна быть основана, прежде всего, на системном методе оценки объекта исследования (рассмотрение объекта исследования и как единого целого, взаимодействующего со средой, и как состоящего из элементов, имеющих свою роль и значение). За основу должно браться единство речевых и визуальных образов в процессе передачи и восприятия информации, при ведущей роли визуальных в плане воздействия на человека и усвоении им смыслов.

Методология исследования может быть основана на выделении

---

[1] Психосемантический анализ – метод, в результате которого происходит выявление факторов и индикаторов (на основании содержания прямой речи – интервью, комментариев, синхронов и т.д.), на основе которых человек осуществляет выбор чего-либо.

[2] Интент-анализ – исследование речи, позволяющие: реконструировать желание, план, цель, задачу или убеждение, которые ориентируют говорящего на некоторую цель, некоторое конечное состояние говорящего по его речи, раскрыть скрытый подтекст выступлений, недоступный при других формах анализа.

[3] Контент-анализ – метод исследования в области общественных наук, предметом анализа которой является содержание текстовых массивов и продуктов коммуникативной корреспонденции. Философский смысл контент-анализа, как исследовательского метода, состоит в восхождении от многообразия текстового материала к абстрактной модели содержания материала.

фрагментов, указывающих на целевую направленность видеоматериала путем оценки, допущенных автором неточностей, ошибок и существующих противоречий в содержании материала, а также анализа используемых средств психологического воздействия, используемых автором для достижения поставленных целей.

Признаки целевой направленности информации видеофильма могут содержаться в следующих областях:

- в семантическом значении высказываний, сопровождающих видеоряд;
- в семантическом значении изображений, сопровождающих текст диктора;
- в семантическом значении видеофрагментов, как единого целого, где взаимосвязаны изображения, текст и звуковое сопровождение;
- в названии и стилистике оформления видеофрагмента;
- в средствах и способах привлечения внимания зрителя, формирования или поддержание интереса к содержанию исследуемого видеоматериала;
- в методах воздействия на зрителя.

Судебная практика акцентирует внимание экспертов на причинах и механизмах целенаправленного поведения человека в момент совершения преступления. Только целенаправленность поведения человека при совершении преступления однозначно указывает на его мотивы и на осознннность, спланированность (умышленность) его деяний. Выделение целенаправленности поведения подразумевает определение не одного, а нескольких признаков деятельности указывающих на цели и мотивы субъекта. Именно поэтому термин целевая направленность используется в постановлении Верховного суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»[1], где для определения «целевой направленности информационных материалов» предлагается назначение и производство лингвистической и комплексной экспертизы.

Действительно, если анализировать содержание высказываний без учета мотивов, целей автора и характеристик коммуникативной ситуации, в которой реализовано высказывание, то определить его смысловое значение однозначно не представляется возможным. Смысл высказывания будут определять множество факторов, в том числе: контекст и условия коммуникативной ситуации, повод, общая тема, эмоциональное состояние автора, его цели, потребности, мотивы, установки. И все это необходимо учитывать в определении целевой

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ 28.06.2011 № 11.

направленности деятельности.

Между публикацией информации, возбуждающей вражду, и публикацией информации констатирующей факты, направленной на критику лиц или группы должностных лиц, в плане квалификации и оценки судом имеется существенная разница. Но по содержанию при этом оба материала могут содержать крайние взгляды и обоснование крайних мер, что формально соответствует понятию экстремизм. Объективно оценить действие автора можно только установив его мотивы и выявив целевую направленность публикуемой информации.

Таким образом, целевая направленность является ключевым понятием в определении мотива преступлений экстремистской направленности как обязательного или квалифицирующего признака состава преступления[1]. Определение целевой направленности результатов деятельности может и должно выступать универсальным средством правильной оценки и объективного определения признаков, характеризующих возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды с точки зрения общественной опасности. Данное обстоятельство требует в свою очередь четкого определения содержания термина целевая направленность и методологию ее определения в конкретных случаях исследования материалов на предмет наличия или отсутствия признаков экстремизма.

Д.А. Романюк

Оптимизация эффективности изучения личности преступника – путь повышения раскрываемости преступлений прошлых лет

После установления лица подозреваемого в совершении ранее нераскрытого преступления важное место в следственной работе занимает изучение личности преступника. При возобновлении производства по ранее приостановленному уголовному делу в распоряжении следователя часто лишь один месяц срока следствия. За этот короткий срок следователю необходимо доказать вину (либо установить непричастность) лица в инкриминируемом деянии. Для этого требуется проведение многочисленных следственных действий, судебных экспертиз и оперативно-розыскных мероприятий. Кроме того, следователь принимает меры по возмещению причиненного преступными действиями вреда. Но, не стоит забывать про необходимость отработать указанное лицо на причастность к совершению других оставшихся нераскрытыми преступлений. Это

[1] Большой юридический словарь. URL: http://jurisprudence.academic.ru.

особенно актуально в нынешних условиях, когда в Следственном комитета Республики Беларусь отсутствуют специализированные подразделения по расследованию преступлений прошлых лет, а лишь созданы постоянно действующие межведомственные рабочие группы по изучению уголовных дел о преступлениях прошлых лет. Данная работа должна проводиться в тесном взаимодействии с органами дознания, в основном с сотрудниками уголовного розыска. Но встречаются многочисленные факты, когда следователь ограничивается направлением соответствующего поручения и истребованием ответа на него. Исполнение подобных поручений нередко носит формальных характер. Ничем иным, как принижением значения работы следователя по раскрытию преступлений, в особенности прошлых лет, эту ситуацию назвать нельзя.

Изучение следователем личности подозреваемого (обвиняемого) процесс сложный и многогранный. Раскрыв положительные и отрицательные стороны данного участника уголовного процесса, следователь в первую очередь решает задачи расследования по находящемуся в производстве уголовному делу. А также имеет возможность установить факты преступной деятельности конкретного лица в прошлом, оставшиеся нераскрытыми, в том числе латентными. В большей мере этому способствует установленный психологический контакт. Но велика роль вспомогательных источников информации об изучаемой личности, к которым можно отнести:

- характеристики с места жительства, работы, учебы, отбывания наказания и др.;
- показания родственников, знакомых, соседей, коллег по работе, сослуживцев и др.;
- приговоры судов по уголовным делам о ранее совершенных преступлениях, а также сами материалы данных дел.

Приведенные примеры источников не являются исчерпывающими, а относятся к наиболее распространенным. Важное место среди них занимают материалы архивных уголовных дел. Результаты проведенного исследования Парамонова А.А. показали, что в архивных уголовных делах и других архивных материалах содержится информация, которая может быть использована в новом расследовании: о лицах, совершивших преступление (об этом имелись данные в 70,8% изученных архивных дел и материалов); связях лиц, проходящих по расследуемому делу (44,8%); других фактах преступной деятельности обвиняемого (подозреваемого) (11,6%); о местонахождении скрывающегося известного преступника (64,4%); о местонахождении похищенного, нажитого преступным путем или скрываемого от наложения ареста с целью конфискации имущества

(50%); об исходных данных: а) для определения тактики отдельных следственных действий (33,6%); б) изучения личности обвиняемого (подозреваемого) (в среднем – 70,8%), потерпевшего (22%), в) установления личности убитого (7,6%), а также материалы, необходимые для проведения судебных экспертиз (47%) и др.1 Игнорировать такой объем информации при расследовании преступлений прошлых лет просто неразумно.

Анализ практики свидетельствует, что наиболее распространенным основанием приостановления предварительного следствия является не установление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Отсутствие информации о лице, совершившем преступление можно считать основной причиной увеличения массива нераскрытых преступлений прошлых лет. Исходя из сведений Информационного центра МВД Республики Беларусь в 2011 г. по оконченным производством уголовным делам установлено 66315 лиц, совершивших преступление, из которых 26.911 имели судимость. В 2012 г. этот показатель составил 22526 лиц, имевших судимость, из 52981 лиц, установленных по оконченным производством уголовным делам. Следовательно, практически в 50% случаев информация о лицах, совершивших преступление, содержалась в материалах архивных уголовных дел, приговорах судов.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о сроках хранения уголовных дел в архивах судов. Согласно положениям Постановления Министерства юстиции Республики Беларусь от 13.12.2006 №76 «Об утверждении перечня документов Министерства юстиции Республики Беларусь, организаций системы Министерства юстиции Республики Беларусь, судов и адвокатуры с указанием сроков хранения» диапазон сроков хранения архивных уголовных дел варьируется исходя из уголовно-правовой квалификации и может составлять от 3-х до 25-ти лет. Исключением являются уголовные дела о преступлениях против мира, безопасности человечества и военных преступлениях, а также на осужденных к смертной казни или пожизненному заключению, которые подлежат постоянному хранению.

Столь существенные различия в сроках хранения архивных уголовных дел, могут обосновываться необходимостью обеспечения решения уголовно-процессуальных или гражданско-правовых вопросов. Но если рассматривать материалы архивных уголовных дел как источник криминалистически значимой информации,

[1] Парамонов А.А. Архивные уголовные дела и другие архивные материалы как элемент информационного обеспечения деятельности по раскрытию и расследованию преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2004. С. 13

составляющей информационное обеспечение расследования преступлений, то 3-х, 5-ти и даже 8-ми летние сроки являются недостаточными, а разбежка в них неоправданной. Установленные сроки хранения архивных дел не должны градироваться исходя из тяжести расследованного преступления. В основу должна быть положена значимость материалов архивного уголовного дела для последующего расследования других уголовных дел, в первую очередь о преступлениях прошлых лет.

На ряду с материалами архивных уголовных дел, действенным вспомогательным инструментом для оперативного получения сведений о личности подозреваемого (обвиняемого) является существующий Единый государственный банк данных о преступлениях и правонарушениях, в котором содержится информация о привлечении граждан к административной и уголовной ответственности. С помощью банка данных можно незамедлительно, с рабочего места сотрудника получить информацию о преступном прошлом интересуемого лица. Такая информация позволяет сложить первоначальное мнение о конкретном лице и спланировать действия по дальнейшему изучению его личности. Но не у каждого следователя есть возможность своевременно получить эту информацию.

В современных условиях значение информатизации существенно возрастает, и большая роль отводится информационному обеспечению расследования преступлений. Но, не смотря на предпринимаемые усилия по информатизации деятельности правоохранительных органов, совершенствованию технического (компьютерного) оснащения и программного обеспечения, информатизация процесса расследования преступлений, в частности прошлых лет, и установления лиц, их совершивших, далека от совершенства. Отсутствие полноценной системы связи и передачи данных значительно снижает эффективность использования автоматизированных банков и баз данных, отрицательно отражается на решении задач расследования по установлению и изучению личности преступника. До сих пор не удается преодолеть информационную обособленность различных государственных правоохранительных органов и создать единое информационное пространство. Эта проблема является предметом дискуссий уже давно[1] и как никогда актуальна сегодня. Негативным примером тому служит отсутствие в ряде районов страны доступа следователей к учетам и базам (банкам)

[1] Дяблова Ю.Л. Информационные технологии моделирования личности неустановленного преступника при расследовании неочевидных преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 3-4.

данных, которые ведутся в органах внутренних дел. Это препятствует расследованию, в частности своевременному изучению личности преступника.

Если вопрос о доступе следователей к указанным базам и банкам данных требует организационно-управленческого решения, то ситуация с приговорами судов обстоит сложнее. В случаях, когда лицо, личность которого изучается, ранее судимо в местности, в которой проводится расследование, не возникает особых проблем с истребованием копий приговоров. А в ситуациях, когда лицо неоднократно судимо в различных регионах страны, процедура усложняется. Следователь изначально истребует сведения о судимости интересуемого лица, что занимает около двух недель. Располагая полученными сведениями о судимости, следователь направляет запросы в соответствующие суды для получения копий судебных решений. Ответ на подобные запросы, также поступает не раньше чем через две недели. Соответственно, для всестороннего изучения личности преступника упускается фактически месяц срока следствия. В таких условиях значительно снижается эффективность использования информационных технологий в расследовании преступлений. Переломить сложившуюся ситуацию поможет создание Единого банка данных приговоров и иных решений общих судов Республики Беларусь по уголовным делам. Наличие возможности в любом регионе страны по запросу в местный суд истребовать копии всех приговоров в отношении конкретного лица, независимо от суда, принявшего решение, положительно повлияет на процесс расследования. Это значительно снизит сроки получения информации, ускорит процесс изучения личности преступника, тем самым положительно отразится на изобличении лиц, совершивших преступления прошлых лет.

Важно отметить, что давно возникла необходимость отмены «палочной» системы оценки работы следователя, когда основным критерием результативности является количество уголовных дел оконченных производством. При этом уголовные дела, соединенные в одном производстве, по отчету проходят как одно уголовное дело независимо от числа соединенных дел. Также следует изменить отношение к продлению срока предварительного следствия как к нарушению, особенно в тех случаях, когда для этого есть объективные причины. Это позволит преодолеть ситуацию, в которой следователю не выгодно увеличение количества эпизодов преступной деятельности в рамках одного уголовного дела в отношении лица или группы лиц. Ведь это часто влечет за собой продление срока следствия и сокращение общего числа дел направленных в суд конкретным

следователем. Необходимо считать общее количество уголовных дел, находившихся в производстве следователя, включая соединенные, учитывать показатель раскрытия преступлений непосредственно следователем. Тогда следователь будет наиболее заинтересован в раскрытии преступлений следственным путем, в первую очередь преступлений прошлых лет.

Изложенные факты вскрывают ряд негативных сторон. Необходимо преодолеть сложившиеся тенденции в работе по столь важному и сложному направлению следственной деятельности. Это потребует пересмотра методологических основ деятельности по раскрытию и расследованию преступлений прошлых лет. Одним из основных элементов рассматриваемой деятельности является изучение личности преступника по расследуемым уголовным делам в целях раскрытия преступлений прошлых лет. В первую очередь для оптимизации работы следователя по изучению личности преступника необходимо:

1) обеспечить во всех регионах страны прямой доступ следователей к базам (банкам) данных и учетам, ведущимся в органах внутренних дел, с целью незамедлительного получения и проверки информации характеризующей лиц, проходящих по уголовному делу;

2) создать Единый банк данных приговоров и других решений общих судов Республики Беларусь по уголовным делам, для возможности своевременного получения копий судебных решений по уголовным делам о преступлениях совершенных изучаемым лицом в прошлом. Что позволит в ходе расследования в короткие сроки определить эффективную тактику допроса и, по возможности, установить психологический контакт с подозреваемым (обвиняемым), а также спланировать действия по проверке его на причастность к нераскрытым преступлениям прошлых лет;

3) пересмотреть сроки хранения архивных уголовных дел в судах в сторону их увеличения, с позиций значимости содержащихся в них материалов для раскрытия и расследования других преступлений, в первую очередь, преступлений прошлых лет. Что послужит результативному использованию архивных материалов при изучении личности преступника;

4) учитывать при оценке работы следователя количество раскрытых следственным путем преступлений прошлых лет. Выявлять следователей склонных к глубокому анализу материалов уголовных дел и изучению личности преступника. В показателях работы принимать во внимание общее количество эпизодов, по уголовным делам, оконченным производством. Что создаст благоприятные условия для реализации личностных качеств следователя в достижении целей расследования.

А.М. Сажаев

Осмотр места происшествия как источник получения информации о личности преступника

Значение исследования обстановки места преступления, материальных следов определяется прежде всего сложностью и многогранностью задач, решаемых на основе данных следственного осмотра, объемом «заложенной» в ней разнообразной информации, и наконец, необходимостью решения целого комплекса организационных, оперативных и иных мероприятий с целью ее использования следователем в интересах предстоящего расследования[1].

Одной из типичных ошибок, которую допускают начинающие следователи, организуя и проводя осмотр места происшествия – это «зацикливание» на ограниченном круге задач, которые необходимо решать в ходе проведения данного следственного действия. В основном вся работа сводится к решению двух основных задач – обнаружение, фиксация и изъятие материальных следов преступления и фиксация обстановки. Данные материальные объекты рассматриваются следователем в большинстве своем только как будущие вещественные доказательства, а не как источник информации о личности подозреваемого (например, обнаруженный, зафиксированный и изъятый след обуви рассматривается только как объект, который в будущем будет можно использовать при идентификации самой обуви). Поэтому задача, связанная с получением информации о личности преступника (составление «информационной модели подозреваемого») и ее непосредственное использование, например, для раскрытия «по горячим следам» либо вообще отсутствует у следователя, либо занимает далеко не первое место.

Каждый объект материального мира обладает определенной совокупностью качеств, состояний и признаков. Личность неизвестного преступника также обладает определенной совокупностью внешних и внутренних свойств, которые отражаются в окружающем мире и имеют криминалистическое значение. Их выявление и анализ играют важную роль как в познании преступного события, так и личности виновного. При этом необходимо учитывать, что характер получаемой информации можно реализовать двояко: в информационном и доказательственном аспекте. Информационный характер выражается в том, что нередко при совершении преступления

[1] Осмотр места происшествия: справочник следователя. М., 1982. С. 3.

виновные лица совершают те или иные действия, которые непосредственно не являются реализацией преступного замысла, а происходят как бы попутно, образуя своеобразный «информационный фон», индивидуализирующий конкретный преступный акт[1]. Это относится, например, к остаткам пищи, которые употреблял преступник, или к оставленным инструментам.

Доказательственный характер информации позволяет идентифицировать конкретную личность, установить пространственные, временные и иные связи между данной обстановкой и конкретной личностью.

Исследование обстановки места происшествия является комплексным мероприятием, в ходе которого следователь активно использует умения и знания других членов следственно-оперативной группы. Особая роль в ней принадлежит специалисту-криминалисту. Именно он позволяет следователю уточнить способ совершения преступления, его механизм, выявить и уточнить качество следов преступления, дать предварительное заключение по обнаруженным следам. Используя свои профессиональные знания, специалист-криминалист помогает следователю в определении источников информации о личности преступника, ее получении и дальнейшем использовании[2].

Наиболее распространенными элементами, используемыми на практике при формировании облика неизвестного преступника являются внешние признаки – физиологические, статические и функциональные. Поэтому в ходе осмотра места происшествия необходимо искать в первую очередь источники информации о данных элементах[3].

По нашему мнению, информацию о личности подозреваемого можно получить из следующих источников:

1) материальных следов преступления, обнаруженных на месте осмотра;

2) способа и механизма совершения преступления;

3) обстановки совершения преступления.

Наиболее значимы с информационной точки зрения материальные следы преступления. Чем больше их обнаружено и исследовано во время осмотра, тем значима будет информация о подозреваемом.

---

[1] Бегалиев К., Попов В. Теоретические вопросы осмотра места происшествия // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1983. Вып. 39. С. 60.

[2] Ищенко Е.П. Специалист-криминалист в следственных действиях: уголовно-процессуальные, и криминалистические аспекты. М., 1990. С. 8.

[3] Глазырин Ф.В. Изучение личности обвиняемого и тактика следственных действий. Свердловск, 1973. С. 47.

Особую ценность в этом направлении представляют следы рук, поскольку руки принимают самое активное участие в деятельности преступника. Поэтому при благоприятных условиях по ним возможно установить, например, не только количество лиц, участвовавших в преступлении, давность следов, но конкретные сведения о личности: возраст, рос, пол, физические особенности.

Специалист-криминалист по следам обуви может выдать информацию о ее размере, определить примерный рост предполагаемого преступника (используя определенную формулу), особенности походки и т.п.

По следам зубов, которые могут быть оставлены на продуктах питания, возможно определить примерный возраст подозреваемого.

По личным вещам преступника, которые могут быть обнаружены на месте происшествия (например, несовершеннолетние, совершая имущественные преступления, нередко переодеваются в похищенное, бросая свою одежду), можно получить информацию о возрасте, половой принадлежности, пристрастиях, вкусе подозреваемого.

Обнаружение и предварительное исследование на месте происшествия микрообъектов (микрочастиц), которые преступники оставляют в процессе реализации своего преступного замысла позволяет получить информацию об его одежде, орудиях и инструментах, которые могут находится при нем.

Важную роль в моделировании личности преступника играют следы биологического происхождения, по которым можно установить:

- групповую принадлежность и индивидуальные тождества (следы крови, слюны, иных выделений человеческого организма);
- характеристику состояния биологического объекта, особенности повреждений;
- о наличии в выделениях организма определенных компонентов;
- наличие того или иного заболевания, дефекта;
- половые, возрастные особенности.

В ходе осмотра места происшествия может быть получена информация о личностных качества подозреваемого. О привычках (пристрастие к курению, к употреблению спиртных напитков, наркотиков) можно судить по оставленным на месте происшествия окуркам, посуды из-под вино - водочной продукции, по похищенным напиткам. В следах преступления (особенно убийства, изнасилования, хулиганства) проявляются и такие личностные качества подозреваемого, как цинизм, жестокость, садизм, дерзость.

Исследуя вопросы способа и механизма совершения преступления, следователь также может получить информацию о личности предполагаемого преступника. Так, обнаружение на месте осмотра

профессиональных действий преступника (например, взлома) свидетельствует о его профессиональном, образовательном уровне. Установление факта применения значительной силы (например, перемещения тяжелых, габаритных предметов) говорит о его физическом развитии. Сам способ, например, проникновения в квартиру через форточку может подсказать о габаритах подозреваемого.

Исследуя в целом обстановку совершенного преступления, происшедшие в ней изменения могут свидетельствовать о личности подозреваемого как о лице, например, умеющего ориентироваться, принимать нестандартные решения, имеющего опыт преступной деятельности.

Таким образом, процесс моделирования личности преступника находится в прямой зависимости от характера источников материальной и идеальной информации, пополнение которой способствует формированию системы, адекватно отражающей реальное событие и характер деятельности виновных лиц.

Выявление источников информации о личности преступника трудно переоценить, особенно если на первоначальном этапе расследования отсутствуют достаточно конкретные данные о подозреваемом. Следственная практика убеждает, что практически всегда лицо, совершившее преступление, так или иначе связано с обстановкой, в которой оно действует, испытывает ее влияние на себе. Данная связь может носить явный характер либо сокрытый различными второстепенными факторами. Иногда даже общий осмотр может указать на конкретное лицо, а иногда данная связь может проявиться лишь при анализе механизма совершения преступления, отдельных его элементов.

С.С. Самищенко
А.С. Самищенко

Синдром игнорирования криминалистики при расследовании убийств

Возможности современного следствия весьма обогатились за счет научно-технических достижений конца двадцатого столетия. Однако нынешняя практика страдает многими недугами, которые в большинстве своем обусловлены человеческим фактором. Одним из наиболее тяжких из этих недугов, по своим социальным последствиям, является обвинение человека в преступлении, которое он не совершал.

Большое значение для законности обвинения человека в

совершении преступления имеет четкое соблюдение процессуальных норм. Процессуальные нормы это правила, по которым обязаны «играть» все участники уголовного процесса, это как правила в любой игре – футболе, шахматах и др.

Но что бы выиграть, то есть достичь цели «игры», мало только выполнять правила, необходимо хорошо играть в саму игру.

Рассмотрим представленную выше позицию на примере расследования убийств.

Если уголовный процесс это правила игры в расследовании преступлений, в нашем случае убийств, то суть этой игры формируется комплексом наук, ключевыми из которых являются: криминалистика, судебная медицина, психология и некоторые другие в зависимости от обстоятельств убийства.

Цель расследования убийства – установление лица, совершившего преступление и доказывание его вины путем отыскания, сбора и анализа доказательств. Основные действующие лица – следователь, оперативный работник и эксперт (специалист).

Исходные следственные ситуации могут быть самыми разными от полного отсутствия информации об объективной стороне убийства и убийце, до состояния полной информированности, как это бывает в случаях расследования убийств, совершенных в условиях очевидности.

Нами проанализированы материалы нескольких уголовных дел, возбужденных по фактам убийств, закончившихся судебными приговорами, оценивая которые, достаточно однозначно можно было увидеть огромную разницу в системе доказательств вины осужденных.

В части случаев доказательства, с позиций криминалистики и судебных экспертиз, были многообразны и всесторонни. Они охватывали все ключевые моменты объективной и субъективной сторон преступления. Личность преступника однозначно устанавливалась проведенными идентификационными экспертизами. Прижизненные и посмертные характеристики жертвы убийства полностью соответствовали субъективной стороне преступления и всем объективным обстоятельствам, отразившимся в комплексе следовой информации. Такие дела мы условно обозначили термином – дела с обоснованным обвинением (О).

Другая группа изученных дел представляла собой полную противоположность делам, описанным выше. Доказательства были косвенными, сомнительного происхождения, по ним не возможно было оценить механизм совершения преступления. Эту группу дел обозначили как дела с необоснованным обвинением (Н).

Мы подвергли их всестороннему анализу с использование законов и закономерностей криминалистической науки, а так же законов и

закономерностей судебно-медицинских и криминалистических экспертиз.

В криминалистке нет законов и закономерностей, которые могли бы быть одинаково применены во всех случаях. Тактика и методика действий следователя на различных этапах предварительного следствия логически обусловлена следственной ситуацией, которая сложилась на момент принятия очередного процессуального решения.

Опустим техническую сторону анализа материалов указанных выше категорий дел и представим его результаты в виде сравнительной таблицы некоторых элементов расследования. Под элементами расследования мы понимаем, в контексте данной работы, различные факты, обстоятельства и результаты действия следствия, оперативных работников и лиц, обладающих специальными знаниями.

По аналогии с медицинским подходом к исследованию заболеваний и их диагностике отдельные характеристики процесса расследования можно называть симптомами, а комплекс симптомов, характерных для того или иного заболевания, называется синдромом. Поэтому в название мы и вынесли достаточно необычное для криминалистики словосочетание «синдром игнорирования криминалистики».

Табл. 1. Сравнение некоторых элементов расследования по делам с обоснованным и необоснованным обвинением в убийстве, в случаях, когда обвиняемое лицо согласилось дать признательные показания

№	Обоснованное обвинение	Необоснованное обвинение
1	Лицо, обвиняемое в совершении убийства, попало под подозрение в результате оперативно-розыскных мероприятий. Установлено по горячим следам.	Лицо, обвиняемое в совершении убийства, попало под подозрение в результате оперативно-розыскных мероприятий. Установлено по горячим следам.
2	Во всех исследованных случаях обвиняемый молодой человек до 22 лет.	Во всех случаях обвиняемый молодой человек до 22 лет, без криминального опыта.
3	Лицо задерживается в качестве подозреваемого, так как имеются весомые основания для задержания.	Лицо вызывается в качестве свидетеля. Весомые основания для задержания отсутствуют.
4	Практически сразу начинает давать признательные показания.	Признательные показания соглашается давать через некоторое время, часто поле проведенной в отделении (полиции\милиции) ночи.

5	Признательные показания оформляются протоколом допроса подозреваемого лица.	Часто оформляется явка с повинной.
6	Обстоятельства совершения преступления описываются подозреваемым в свободной манере, полностью во всех возможных деталях, языком (литературные свойства) доступным подозреваемому.	Обстоятельства совершения преступления описываются предельно кратко, в выражениях свойственных профессиональному языку следователей и оперативных работников, а так же с употреблением словосочетаний из уголовного и уголовно-процессуального кодекса.
7	Подозреваемый описывает множество деталей, неизвестных следствию, как объективных, так и субъективных.	Никогда не описывает деталей совершения преступления неизвестных следствию, описывает кратко только то, что известно следствию.
8	После дачи подозреваемым подробных показаний следствие выполняет неотложные действия, направленные на то, что бы не утратить важные вещественные доказательства и не упустить из виду важных свидетелей.	После дачи подозреваемым предельно кратких показаний организуется выход на место происшествия, где он показывает и рассказывает о том, как он совершал преступление строго в рамках того, что известно следствию.
9	Как правило, обнаруживается орудие преступления в том месте, где его оставил подозреваемый, сразу же после того как об этом сказал подозреваемый.	Как правило, орудие преступления или не обнаружено или обнаруживается спустя несколько дней после данных показаний.
10	На орудии преступления обнаруживаются биологические следы, происходящие от жертвы.	На орудии преступления биологических следов происходящих от жертвы не обнаруживается.
11	На орудии преступления, как правило, обнаруживаются следы преступника: следы рук, запаховые следы, потожировое	На орудии следов преступника не обнаруживается.

	вещество и др.	
12	На одежде преступника и на нем самом обнаруживаются следы наложения, происходящие от жертвы и ее одежды.	На одежде преступника и на нем самом, как правило, не обнаруживаются следы, происходящие от жертвы. Могут быть обнаружены следы, имеющие групповое значение.
13	На месте происшествия и на теле жертвы обнаруживаются разного рода следы, происходящие от преступника, связанные с событием преступления.	На месте происшествия и на теле жертвы не обнаруживаются следы, происходящие от преступника. Иногда следы обнаруживаются, однако они достоверно не относятся к событию преступления.
14	Как правило, все вещественные и иные доказательства логически связаны с механизмом преступления.	Вещественные доказательства носят разрозненный характер и зачастую противоречат механизму совершения преступления.
15	Как правило, у преступника имеется четко сформулированный мотив, связанный с обстоятельствами взаимоотношений жертвы и преступника.	Мотив преступления сформулирован юридическим языком в общих чертах. Чаще всего встречается «на почве личных неприязненных отношений».
16	По результатам проведения судебно-медицинских экспертиз, в первую очередь экспертизы трупа, могут возникать новые детали механизма преступления, которые подозреваемый способен объяснить. Например, какие-то необычные повреждения и т.п.	По результатам проведения судебно-медицинских экспертиз, в первую очередь экспертизы трупа, как правило, возникают новые детали механизма преступления, которые подозреваемый, да и следствие объяснить не могут.
17	По результатам судебно-медицинских экспертиз орудие преступления идентифицируется.	Орудие преступления полностью или частично не подходит под характер имеющихся повреждений.

В зависимости от обстоятельств совершения преступления в материалах следствия можно обнаружить различные другие детали, которые дополнят комплекс признаков, свидетельствующий о ложном обвинении человека в совершении преступления.

В чем же суть «синдрома игнорирования криминалистики», который еще можно назвать «синдромом ложного обвинения»? Суть в том, что обвиняют в совершении преступления человека, который преступление это не совершал и соответственно не знает обстоятельств совершения указанного преступления.

Следователи и оперативные работники так же не обладают полным объемом детализированной информации о преступлении особенно той, которая вытекает из судебно-медицинских, экспертно-криминалистических и иных специальных источников. Поэтому в показаниях подозреваемого, который по тем или иным причинам оговаривает себя, нет многих важных деталей совершения преступления их заменяют словосочетания их уголовного и уголовно-процессуального кодекса.

В большинстве случаев с таким невиновным обвиняемым работают оперативные работники, умеющие вести жесткие допросы. Они, в свою очередь, тоже плохо знают детали механизма совершенного преступления, только в общих чертах. Отсюда и краткость изложения обстоятельств в явке с повинной или в первых признательных показаниях. Но если даже допрашивающее лицо и знакомо с большинством обстоятельств, известных на момент допроса, то все равно часть информации остается неизвестной до получения результатов судебно-медицинской экспертизы трупа и результатов других судебно-медицинских, криминалистических и иных экспертиз и исследований.

Поэтому всегда, при ложных обвинениях лица, которое якобы согласилось признать свою вину, будет разница в объективных данных, полученных от него в ходе первых допросов и полученных в последующим из экспертных источников.

Грубые нарушения методических канонов криминалистики таких как: отсутствие детализации в явке с повинной и первоначальных признательных показаниях; поспешный (в день признательных показаний или на следующий день) выход на место происшествия для проверки показаний на месте без предварительного детализирующего допроса и другие, так же являются следствием недостатка истинной информации по делу и стремлением закрепить первоначальные «пустые» показания якобы объективными данными проверки показаний на месте происшествия.

В результате отсутствия к моменту проведения проверки показаний

на месте полной следовой картины (включая повреждения на трупе), ложно обвиняемый демонстрирует только то, что можно было установить путем простого осмотра места происшествия. Поэтому во всех изученных нами случаях ложного обвинения демонстрируемый механизм причинения повреждений и демонстрируемый способ совершения преступления в целом имели значительные расхождения с реальной следовой информацией. Однако несовпадение таких деталей следствие, как правило, не смущало.

Анализ дел с необоснованным обвинением показывает, что со стадии возбуждения дела и до вынесения судебного решения, как правило, все нормы процессуального права соблюдаются достаточно скрупулезно, а вот законы и требования криминалистики грубо попираются.

Эти законы, к сожалению, игнорируются целой группой юристов начиная от оперативных работников и следователя и заканчивая надзирающими прокурорами и судьями.

А.А. Светличный

Проблемы организации взаимодействия следователя и специалиста при расследовании убийств по найму

Анализ характерных особенностей уголовно-правовой и криминалистической характеристик убийств по найму позволяет говорить об особом характере не только подготовки к ним, но и непосредственно самом процессе их совершения, действий по сокрытию, особого контингента исполнителей, профессионалов в своей области, применяющих для достижения преступной цели самые современные технические средства и приспособления, что, в свою очередь, крайне негативно сказывается на процессе следообразования и тем самым существенно затрудняет поиск доказательственной информации, обусловливает необходимость обязательного использования специальных знаний для успешного их расследования и раскрытия.

По замечанию И.Н. Подволоцкого, лица, ведущие расследование, зачастую слабо информированы о новых средствах и приспособлениях[1], позволяющих не только отыскать и зафиксировать следы с места преступления, но и изъять их для дальнейшего

[1] Подволоцкий И.Н. Теоретические и практические основы использования специальных знаний при осмотре и предварительном исследовании документов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 83

исследования, в том числе и в рамках экспертной деятельности. Вместе с тем, как справедливо полагают некоторые исследователи, собрать необходимую информацию о преступлении и преступниках без эффективного использования разнообразных технических средств в наши дни практически невозможно[1].

Данные обстоятельства диктуют необходимость не только более детального и подробного рассмотрения специфики использования специальных знаний на всех этапах расследования, но и выработки современных методических рекомендаций, отражающих последние достижения науки и техники, по их применению.

Именно поэтому мы полностью солидарны с мнением ряда специалистов, отмечающих тенденцию постоянного возрастания значимости использования специальных знаний[2] для формирования полноценной криминалистической характеристики конкретного преступления.

В качестве субъектов уголовного судопроизводства, которым свойственно особое качество – обладание специальными знаниями, УПК РФ называет эксперта и специалиста.

Учитывая, что деятельность эксперта проявляется в производстве экспертиз, назначаемых в большинстве случаев на последующих этапах расследования, и даче по ним заключения, на первоначальном этапе расследования убийств по найму особое значение для оказания содействия следствию посредством использования специальных знаний приобретает роль специалиста.

Отметим, что впервые в литературе предложение о необходимости участия специалистов при расследовании и раскрытии преступлений, кроме врача, переводчика и педагога, было обосновано в трудах Л.Е. Ароцкера, Э.Б. Мельниковой и Б.М. Комаринца[3].

---

[1] Толстухина Т.В. Автоматизированное решение задач судебной автотехнической экспертизы: монография. Тула, 1998. С. 3; Мамошин М.А. Использование специалистом научно-технических средств в расследовании преступлений // Российский следователь. 2012. № 10. С. 4

[2] Толстухина Т.В. К вопросу о законодательном регулировании назначения и производства комплексной экспертизы // Криминалистика и судебная экспертиза. СПб., 2012. С. 432-437; Иванов Л.Н. Современные проблемы исследования личности и уголовно-процессуальное регулирование участия специалиста в уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2007. № 5.

[3] Ароцкер Л.Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. М., 1964. С. 117; Мельникова Э.Б. Участие специалиста в следственных действиях. М., 1964. С. 37; Комаринец Б.М. Участие экспертов-криминалистов в проведении следственных действий по особо опасным преступлениям против личности // Теория и практика судебной

Выполнение процессуальных функций специалиста, по замечанию Т.В. Аверьяновой, является одной из основных профессиональных (служебных) обязанностей сотрудника ЭКП[1].

По-нашему мнению, одним из важнейших условий наиболее эффективного использования специальных знаний при раскрытии и расследовании убийств по найму является правильная организация взаимодействия следователя со специалистом.

Так как действующее законодательство не дает определения понятию взаимодействия, данный термин разрабатывается в теоретической сфере. Так, например, И.Н. Сорокотягин под взаимодействием следователя и сведущих лиц (экспертов, специалистов) понимает основанную на законе или подзаконных актах согласованную деятельность процессуально независимых участников предварительного следствия путем наиболее целесообразного сочетания делового сотрудничества и личностных отношений[2].

Однако наиболее верным и полным нам представляется определение взаимодействия, предложенное Р.С. Белкиным, понимавшим под таковым основанное на законе сотрудничество следователя с иными участниками уголовного процесса, согласованное по целям, месту и времени, осуществляемое в пределах их компетенции в целях быстрого и полного раскрытия, расследования и предупреждения преступлений[3].

В современной криминалистической литературе имеется множество исследований, касающихся вопросов взаимодействия следователя с иными участниками раскрытия и расследования преступлений[4], и, в частности, специалистом-криминалистом в ходе их совместной поисково-познавательной деятельности[5].

экспертизы. Вып. 1 (Н). М., 1964. С. 54-64.

[1] Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов: науч.-практ. пособие / под ред. Т.В. Аверьяновой, В.С. Статкуса. М., 2011. С. 31.

[2] Сорокотягин И.Н. Криминалистические проблемы использования специальных познаний в расследовании преступлений: дис. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург, 1992. С. 120.

[3] Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М., 2000. С. 31.

[4] Например, Бекетов М.Ю. Следователь органов внутренних дел и милиция: взаимодействие при расследовании преступлений. М., 2004; Нечаев В. Организационно-правовые основы взаимодействия органов предварительного следствия и органов дознания. М., 2007.

[5] Исаева Л.М. Специальные познания в уголовном судопроизводстве. М., 2003; Пархоменко В.И. Взаимодействие следователей, оперативных работников и специалистов при расследовании уголовных дел о незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ. М., 2006.

Вместе с тем, по справедливому замечанию Т.В. Демидовой, современные условия расследования преступлений требуют разработки новых подходов к рассмотрению этапов взаимодействия следователя со специалистами, принципов и форм его осуществления, новых рекомендаций, способствующих повышению его эффективности[1].

Традиционно совместная деятельность следователя и специалиста проявляется в постановке задач следователем и применении специалистом адекватных этим задачам знаний, методов и средств[2]. Выбор формы взаимодействия остается за следователем, так как процессуальный статус последнего определяется руководящей ролью и ответственностью за принимаемые решения и результаты расследования.

В свою очередь, по мнению С.А. Данильян и А.В. Гусева, ключевым моментом в выборе порядка взаимодействия, должен стать факт наличия у следователя достаточных для самостоятельного эффективного применения технико-криминалистических умений и навыков[3].

Так, если следователь ими обладает, то он должен не только определять порядок работы специалиста, принимающего участие в следственных действиях, но и применять вместе с ним технико-криминалистические средства и методы. В тех же случаях, когда следователь не обладает данными умениями и навыками, порядок применения специалистом средств и методов должен определяться самим специалистом, после постановки ему следователем задачи по технико-криминалистическому обеспечению производства следственного действия[4].

По замечанию А.В. Гусева, на сегодняшний день на практике сложилась такая ситуация, когда на специалиста-криминалиста следователем возлагаются практически все обязанности по применению технико-криминалистических средств и методов, что происходит, в первую очередь, из-за отсутствия у большинства следователей практических навыков работы с этими средствами[5], что, в

---

[1] Демидова Т.В. Взаимодействие следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений при расследовании дорожно-транспортных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 5.

[2] Зимин А.М. Криминалист в следственных действиях. М., 2004. С. 27.

[3] Данильян С.А., Гусев А.В. О значении технико-криминалистической подготовки следователя // Теория и практика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений: сб. матер. 50-х Криминалистических чтений: В 2-х ч. М., 2009. С. 44.

[4] Кокорев Р.А. МВД весна С. 175.

[5] Гусев А.В. Тактический аспект эффективного взаимодействия следователя и

свою очередь, может оказывать негативное влияние на формирование решения следователя об использовании им лично технико-криминалистических средств в ходе следственного действия[1].

Сложившаяся на практике и обусловленная законодательно ситуация перераспределения функций по технико-криминалистическому обеспечению следственного действия специалистом-криминалистом произошла потому, что большинству следователей более понятны тактические приемы следственного действия, а специалисту-криминалисту – технические приемы. Однако, по-нашему мнению, следователь, как основной субъект взаимодействия, должен самостоятельно планировать данный процесс с учетом конкретных задач следственного действия и возможностей его технико-криминалистического обеспечения. Так, например, определяя круг тактических приемов, практическая реализация которых необходима в планируемом следственном действии, следователь устанавливает только стратегические направления работы специалиста-криминалиста, о чем должен сообщить ему перед началом производства следственного действия. Дальнейшее взаимодействие следователя и специалиста-криминалиста в рамках проводимого следственного действия должно происходить таким образом, чтобы реализация тактических приемов не создавала угрозы эффективной реализации технических приемов, и наоборот.

Исходя из этого, согласимся с позицией А.В. Гусева и Т.Л. Ценовой, что залогом эффективности и качества совместной поисково-познавательной деятельности при расследовании преступлений будет выступать только одновременная, четко скоординированная работа специалиста-криминалиста и следователя, в ходе которой специалист-криминалист осуществляет обнаружение, криминалистическую фиксацию, изъятие и предварительное исследование материальных следов, а следователь производит фиксацию этого процесса в протоколе следственного действия[2].

Мы полагаем, что разработанный таким образом процесс взаимодействия следователя со специалистом поможет последнему

специалиста-криминалиста // Общество и право. 2011. № 1. С. 188.

[1] Быков В.М. Психологические аспекты применения технико-криминалистических средств при расследовании преступлений // Теория и практика собирания доказательственной информации техническими средствами на предварительном следствии: сб. науч. тр. Киев, 1980. С. 26-30.

[2] Гусев А.В., Ценова Т.Л. Использование типовых информационно-следовых моделей места происшествия в целях эффективной организации взаимодействия субъектов поисково-познавательной деятельности. URL: http://justicemaker.ru.

использовать свои специальные знания наиболее эффективным образом при планировании и проведении многих следственных действий в процессе расследований убийств по найму, в особенности при осмотре места происшествия, проверке показаний на месте, следственном эксперименте, обыске, предъявлении для опознания, допросе, очной ставке и др.

А.В. Скобелина

Следователь или журналист: «ловушка» в общественном сознании

Функция по расследованию преступлений в любом развитом государстве возложена на специализированный орган. В соответствии со ст. 150 УПК РФ, предварительное расследование по совершенным преступлениям производится в форме предварительного следствия либо в форме дознания. Именно в этих целях, а также в целях повышения объективности и качества следствия 28.12.2010 был принят Федеральный закон № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» и тем самым создан, а точнее сказать, воссоздан такой специализированный орган.

В тоже время, гарантированная ч. 5 ст. 29 Конституцией РФ полная либерализация массовой информации при одновременном запрете цензуры и повышенном интересе общества к различного рода чрезвычайным происшествиям, катастрофам, в том числе произошедшим по вине конкретных людей, привели к тому, что в средствах массовой информации (далее – СМИ) все чаще стали публиковаться или выходить в эфир материалы, посвященные расследованиям различного рода преступлений.

Журналисты стали поэтапно, в отдельных сюжетах и серийных материалах проводить собственные «расследования» наиболее резонансных происшествий. При этом, в условиях состязательности со своими конкурентами из других СМИ, в погоне за «горячими» фактами, они берут на себя несвойственные им функции следователей, пользуясь схожими приемами и методами работы: сбор, анализ информации, построение версий, наблюдение, в том числе и включенное, опрос граждан, эксперимент, анализ документов, запрос различных материалов, имеющих значения для дела и др.

Поскольку работа журналиста публична и результаты журналистских расследований сразу становятся известны огромной аудитории, в массовом сознании происходит смещение функциональных обязанностей журналистики и собственно правоохранительных органов. Это приводит к тому, что граждане

зачастую со своими проблемами обращаются в СМИ, а не в правоохранительные органы, ошибочно наделяя журналистов большими возможностями в решении собственных проблем.

Рядовые граждане ошибочно воспринимают журналистов, как тех субъектов, которые способны найти истину, защитить их, разрешить проблемы, не осознавая, что эти цели не являются приоритетными для профессии журналиста, а каждое СМИ имеет «хозяина», который может преследовать как экономические, так и политические цели. Общеизвестно также, что СМИ довольно часто доводят до обывателя информацию, не соответствующую действительности, опережают следователя и препятствуют объективному и эффективному расследованию преступления.

Этот перекос отразился и в восприятии этих профессий и двух общественных институтов в обществе. Опросы общественного мнения свидетельствуют, что СМИ граждане доверяют намного больше, чем правоохранительным органам. Так, на вопрос о том, в какой мере заслуживают доверия сегодняшняя печать, радио, телевидение 26% граждан ответили – вполне заслуживают, 50% граждан ответили – заслуживают доверия, но не в полной мере, 16% граждан считают, что совсем не заслуживают, и 7% - затруднились ответить.

Подобный вопрос, связанный с доверием граждан по отношению к сотрудникам правоохранительных органов (следователям), дает следующие результаты: 5% – доверяют правоохранительным органам, 26% – скорее доверяют правоохранительным органам, 48% – относятся к правоохранительным органам с опасением, 15% – не доверяют, 7% – затруднились ответить[1].

Таким образом, с актуальностью встает проблема разграничения функций профессий следователя и журналиста в массовом сознании и преодолении перекоса, который сформировался в восприятии рядовых граждан.

Необходимо отметить, что, несмотря на общность приемов в работе следователя и журналиста, существенна разница, в первую очередь, в целевых установках данных субъектов, их правовом статусе и средствах, используемых в работе исходя из тех целей и задач, которые на них возложены и, наконец, в целом, специфике профессиональной деятельности, которая, впрочем, часто не осознается обществом.

Во-первых, следователь в отличие от журналиста при сборе информации имеет ресурс государственного принуждения: может провести следственные действия вопреки желанию гражданина, избрать меру пресечения или применить к подозреваемому или

[1] Общественное мнение. 2012. М., 2012. С. 121, 153.

обвиняемому меру процессуального принуждения и т.д.. Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний следователю в определенных случаях влечет уголовную ответственность, в то время как журналист не может принудить их дать информацию против своей воли, но имеет возможность материального поощрения источников информации, на что в некоторых редакциях выделяются средства отдельной строкой.

Во-вторых, различен подход у следователя и журналиста к той информации, которая используется в качестве доказательств. Если первый может использовать только допустимые доказательства (вещественные и невещественные, обвинительные и оправдательные, первоначальные и производные), истинность которых тщательно проверена, и, наоборот, не может использовать в соответствии со ст. 75 УПК РФ показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности (то есть уголовно-процессуальный закон России предъявляет жесткие требования как к форме, так и к содержанию доказательств), то журналист не ограничен такими рамками и в качестве доказательств часто прибегает к анонимным источникам, непроверенным данным, личным наблюдениям. Кроме того, следователь при сборе информации может использовать только официальные источники, тогда как журналист может пользоваться неофициальными источниками, не разглашая их общественности и даже следователю. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 144 УПК РФ, по сообщению о преступлении, распространенному в СМИ, проверку может проводить по поручению руководителя следственного органа следователь. Редакция, главный редактор соответствующего средства массовой информации обязаны передать по требованию прокурора, следователя или органа дознания имеющиеся в распоряжении соответствующего средства массовой информации документы и материалы, подтверждающие сообщение о преступлении, а также данные о лице, предоставившем указанную информацию, за исключением случаев, когда это лицо поставило условие о сохранении в тайне источника информации.

В-третьих, существенно то, что у следователя и журналиста различны принципы: у первого – тайность следствия и письменность, у другого публичность и внимание к неординарным случаям, ведь цель представителя СМИ – ошеломить, удивить свою аудиторию, привлечь ее тем самым к выбору данного СМИ, у следователя, как было отмечено – найти истину, доказать или опровергнуть вину подозреваемого, передать дело в суд для определения характера и степени общественной опасности содеянного и постановления

справедливого приговора.

И, наконец, последнее, наиболее важное различие заключается в результативности работы следователя и журналиста. К сожалению, несмотря на активную работу «акул пера», частое установление фигурантов дел, схем и способов преступлений, как правило, после публикаций ставится точка, то есть информация, являющаяся согласно ст.140 УПК РФ поводом возбуждения уголовного дела проверяется, но для возбуждения уголовного дела оснований, то есть наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, не усматривается, в то время как более половины всех преступлений, выявленных и зарегистрированных правоохранительными органами и в том числе следователями, раскрываются и дела имеют судебную перспективу[1].

Таким образом, сближение профессии следователя и журналиста, и перекос в доверии по отношению к журналистам в массовом сознании ведет к негативным социальным эффектам. Во-первых, граждане, потерпевшие в преступлении, обращаются за помощью не к профессионалам – сотрудникам правоохранительных органов и, в частности, в Следственный комитет России, а к журналистам, эффективность расследований которых в достижении целей правосудия практически равна нулю. Во-вторых, поскольку журналисты с легкостью «раскрывают» преступления, пишут о них, проводят расследования, сама работа следователя представляется рядовым гражданам, не требующей специальных знаний и навыков, а образ сотрудника дискредитируется. В этих условиях очевидна необходимость «пропаганды» (в хорошем смысле этого слова) специфики и результатов деятельности специалистов-следователей, а также специально созданного в этих целях в стране органа – Следственного комитета Российской Федерации, более широком позитивном освещении общественной значимости их деятельности. Ведь деятельность эта универсальна, кропотлива и очень трудозатрата. Следователь помимо профессиональных знаний юриспруденции, должен обладать аналитическим мышлением, организаторскими способностями, твердой психикой и волей, способной к любому противодействию расследования, которого, к сожалению, становится всё больше.

[1] URL: http://mvd.ru.

Е.А. Соломатина
А.В. Трощанович

Новые методики автотехнических исследований, используемых при расследований дорожно-транспортных преступлений.

Следственная практика показывает, что при решении вопроса о виновности или невиновности лица, ставшего участником дорожно-транспортного происшествия, следователь, при наличии необходимых исходных данных, прибегает к проведению различных автотехнических исследований и экспертиз. Помимо распространенных и многократно апробированных методов автотехнических исследований, достижения современной автотехнической экспертизы, ее непрерывное развитие, применение современных технических средств позволяют проводить новые виды исследований, к которым относится компьютерное моделирование движения транспортных средств в момент ДТП.

Реконструируя дорожно-транспортное происшествие в ходе следственного эксперимента, расширяются возможности получения данных о механизме ДТП, установлении недостающих данных, имеющих значение для принятия решения по делу. Если при применении традиционных методов исследования среди исходных данных, как правило, фигурируют только время, расстояние, скорость, причем средние их значения, то экспериментальные программы значительно расширяют перечень учитываемых параметров и позволяют вводить дополнительно курсовой, направляющий угол, угловую скорость поворота транспортного средства, моделировать повреждения транспортного средства, влияющие на характер их перемещения после столкновения. Обычно применяемый при проведении следственных экспериментов комплект средств измерения и оборудования включает в себя: измеритель параметров движения; лайт-барьер с двумя стойками-отражателями; датчик педали тормоза; видеорегистратор; измерительные рулетки; цифровой фотоаппарат; лазерный дальномер; переносные радиостанции; складную лестницу, конусы ограждения. Для привязки траектории движения к неподвижным объектам участка ДТП и отметки достижения ТС определенных положений (места столкновения или наезда) на проезжей части устанавливаются отражатели лайт-барьера на стойках, расположение которых заносится в протокол. Результаты эксперимента загружаются в программу моделирования ДТП (PC-Crash 9.1, Carat 3). Траектория движения автомобиля вносится в программу в виде файла в формате BMP и с последующей масштабной корректировкой

наносится на масштабную схему ДТП. Привязка траектории к схеме ДТП производится по точкам расположения отражателей лайт-барьеров. Параметры движения вводятся в качестве исходных данных при моделировании движения в кинематическом режиме. Управляющие воздействия, различные события могут вводиться в программу либо привязанными к траектории движения, либо по времени их проявления относительно фаз движения автомобиля. Таким образом, применение комплекса позволяет с высокой точностью зафиксировать и загрузить в программу моделирования ДТП полученный в ходе эксперимента комплекс исходных данных для воспроизведения движения транспортного средства при реконструкции механизма ДТП[1].

В настоящее время, с развитием цифровых технологий и широким внедрением систем видеонаблюдения появились возможности проведения новых автотехнических исследований для установления обстоятельств дорожно-транспортных происшествий, в частности, определения скоростных параметров движения транспортных средств и пешеходов с использованием видеозаписей, полученных как со стационарных, так и с мобильных видеокамер.

На практике данная информация, как правило, носит лишь визуальный характер и как объект экспертного исследования при расследовании преступлений в сфере дорожно-транспортных происшествий не используется.

Вместе с тем, применение описанного ниже метода позволяет более рационально использовать видеозаписи при решении вопроса:

Какова средняя скорость движения, объекта на участке (участках) перемещения указанного объекта, запечатленного на представленной видеозаписи?

В данном методе исследования используются следующие термины и понятия:

Видеозапись – запись видеосигналов (последовательный массив (видеоряд) сигналов, несущих информацию об изображении, (видеокадров). Может происходить в аналоговой и цифровой формах.

Видеокамера – оптико-электронное устройство для видеосъемки с формированием видеозаписи. Состоит из следующих функциональных блоков: объектива, оптико-электронного преобразователя, блока записи электронного сигнала (регистратора). Видеокамеры подразделяются на профессиональные, любительские и специальные

[1] Хоменко С.Е. Материалывсероссийской научно-практической конференции сотрудников МВД России по теме «Совершенствование деятельности по расследованию дорожно-транспортных преступлений» // Тюмень, 2012.

(для систем видеонаблюдения, и др.), и могут устанавливаться как неподвижно (стационарно), например, в системах дорожного видеонаблюдения, охранных системах банков, учреждений, магазинов и т.д., так и мобильно (например, так называемые «видеорегистраторы» транспортных средств).

Видеокадр – единичный элемент видеоряда, отдельное изображение объекта(ов) съемки.

Ключевой видеокадр – видеокадр с наличием какого-либо изменения изображения по отношению к предыдущему в видеоряде.

Стоп-кадр – видеокадр без какого-либо изменения изображения по отношению к предыдущему в видеоряде.

Частота кадров – число кадров изображения (видеокадров), передаваемых в единицу времени (секунду).

Временной код (временно-числовой маркер) – цифровая информация в часах, минутах, секундах и кадрах, дополнительно записываемая на носителе регистрирующим устройством видеокамеры.

Фотосовмещение (наложение) – технический прием сравнения. Используется для сравнения двух фотоизображений, выполненных в одном масштабе, из которых одно или оба прозрачны.

Общеизвестно, что скорость – это количественная характеристика процесса перемещения объекта, обусловленная величиной его перемещения в пространстве за единицу времени. Движение с постоянной по модулю и направлению скоростью называется равномерным прямолинейным движением. При равномерном прямолинейном движении объект движется по прямой и за любые равные промежутки времени проходит одинаковые пути.

Движение любого объекта в реальных условиях никогда не бывает строго равномерным и прямолинейным. При неравномерном поступательном движении скорость объекта изменяется с течением времени. Процесс изменения скорости объекта характеризуется ускорением (при условии увеличения скорости движения объекта) либо замедлением (при условии уменьшения скорости его движения). Таким образом, из этого следует, что ускорение (замедление) – это количественная характеристика процесса изменения скорости движения объекта в сторону увеличения (уменьшения). Предлагаемый метод исследования позволяет определять скоростные параметры объекта:

1. При видеозаписи с неподвижной видеокамеры.

Суть предлагаемого метода заключается в осуществлении приведения (наложения) процесса движения интересуемого объекта, зафиксированного на представленной на исследование видеозаписи, к

известной (определенной) системе координат, позволяющей установить в количественном выражении его перемещение на месте съемки в момент его видеофиксации.

Как правило, для определения скорости движения объекта достаточно системы координат с направлением оси отсчета по линии движения измеряемого объекта. Для определения скорости движения транспортного средства ось отсчета необходимо ориентировать по направлению его движения (параллельно продольной оси проезжей части), при определении скорости движения пешехода – по направлению его движения.

Для определения вышеописанной системы координат следователю необходимо после изъятия видеозаписи произвести экспериментальную видеосъемку места происшествия с той же стационарной видеокамеры с нанесенной и (или) заведомо известной разметкой. Процессуально данное действие оформляется протоколом дополнительного осмотра места происшествия запечатленного на представленной видеозаписи.

Прежде всего, перед началом проведения дополнительного осмотра, необходимо установить наличие стационарной видеокамеры, на которую производилась представленная на исследование видеозапись, и убедиться, что она находится в том же пространственном положении, что и в момент фиксации исследуемой видеозаписи. Затем, на мониторе, на который выводится видеосигнал, получаемый с данной видеокамеры, следует убедиться, что «кадровые окна» (поле зрения видеокамеры) совпадают. Это означает, что положение и фокусное расстояние видеокамеры на момент фиксации представленной видеозаписи и на момент проведения дополнительного осмотра совпадают (идентичны). Только убедившись в этом целесообразно проводить непосредственно разметку по траектории движения объекта.

Разметка может производиться, как горизонтальная (нанесение на плоскость движения объекта поперек его траектории движения линий разметки), так и вертикальная (установка по траектории движения объекта разметочных вех). Основным условием «качества» нанесения разметки является ее четкая видимость в поле зрения видеокамеры. В рамках описываемого действия необходимо привязать разметку к какому-либо неподвижному объекту вещной обстановки, присутствующему на схеме к протоколу осмотра места происшествия. В протоколе дополнительного осмотра места происшествия следует указать расстояния между линиями разметки (разметочными вехами), а также расстояние от какой-либо из них до объекта привязки. Далее, следует записать на цифровой носитель информации (компакт диск,

флеш-карту и др.) фрагмент видеоизображения, полученного со стационарной видеокамеры, на которую производилась представленная на исследование видеозапись, с присутствующей на нем разметкой. Для удобства восприятия полученной информации рекомендуется составить схему дополнительного осмотра места происшествия с фиксацией нанесенной разметки. По выполнению всех вышеописанных действий следует представить все материалы, полученные в результате дополнительного осмотра, в распоряжение эксперта (специалиста).

Следует отметить, что полученное значение скорости движения является лишь средним значением скорости движения объекта на выбранном участке, и может отличаться от его действительной скорости движения в ту или иную сторону.

2. При видеозаписи с подвижной видеокамеры.

Суть предлагаемого метода заключается в определении перемещения исследуемого объекта в момент его видеофиксации относительно присутствующих на видеоизображении элементов, размеры которых и расстояния между которыми известны или могут быть определены следствием (дознанием) путем проведения дополнительного осмотра. В данном случае описанный выше метод совмещения (наложения) не работает, поскольку видеокамера находится в движении, и обстановка, фиксируемая ей, постоянно меняется.

Поэтому, для определения скорости движения объекта используется уже существующая (присутствующая на видеозаписи) система координат. Она складывается из линейных размеров, проецируемых на направление движения исследуемого объекта.

Если размерные параметры элементов, образующих существующую систему координат, не определены (неизвестны), следствию необходимо произвести дополнительные замеры элементов данной системы и расстояний между ними. Например, измеряются размеры (длина) линий горизонтальной разметки и расстояний между ними на участке, по которому движется объект.

В рамках описываемого действия необходимо привязать полученные расстояния и размеры к какому-либо неподвижному объекту вещной обстановки, присутствующему на схеме к протоколу осмотра места происшествия. Для удобства восприятия полученной информации рекомендуется составить схему дополнительного осмотра места происшествия с фиксацией на ней измеренных расстояний и определенных размеров. После выполнения всех вышеперечисленных условий и действий эксперт может приступать непосредственно к решению поставленной задачи по определению скоростных

параметров движения объекта, оснащенного видеокамерой и определению скоростных параметров движения объекта, попавшего в поле зрения видеокамеры, расположенной на другом движущемся объекте[1].

И.А. Суровенко
Н.С. Быстрова

Актуальные проблемы возбуждения уголовных дел сопряженных с криминальными банкротствами

Институт банкротства в России возник в период становления рыночной экономики, одновременно с эволюционной ролью экономического регулятора, он обзавелся и криминальным близнецом, с помощью которого наносится серьезный ущерб государству и другим законопослушным участникам рынка, однако правоприменительная практика регуляции криминальных банкротсв с помощью уголовно-процессуального законодательства скудна и не отражает реального положения в данной сфере.

Современный институт банкротства, призван обеспечивать интересы организации – должника, поскольку при недостатке у него имущества, не удовлетворенные им требования кредиторов погашаются, а минимальные гарантии имущественных интересов кредиторов обеспечиваются, в установленном порядке, за счет имущества должника. При этом банкротство может быть использовано и как способ уклонения от уплаты обязательных платежей, хищения средств кредиторов или сокрытия факта хищения с последующей легализации незаконно присвоенного имущества и средств организации. В случаях, когда такие криминогенные признаки нарушают нормальное течение гражданско-правовых отношений в сфере банкротства, регуляторами становятся уголовно-правовые инструменты.

УК РФ в сфере банкротства, предусмотрена ответственность по трем статьям: ст. 195 «Неправомерные действия при банкротстве»[2], ст. 196 «Преднамеренное банкротство»[3], ст. 197 «Фиктивное

[1] Определение размеров различных объектов и расстояний между ними на исследуемых фрагментах видеозаписи сделанной камерами наружного наблюдения: рекомендации ЭКЦ МВД России. М., 2008.
[2] Уголовный кодекс Российской Федерации: в ред. Федеральных законов от 27.12.2009 № 377-ФЗ, от 7.03; от 7.12.2011 № 420-ФЗ.
[3] Статья в ред. ФЗ от 19.12.2005 № 161-ФЗ.

банкротство»[1].

До настоящего времени, практика разрешающая вопросы проведения доследственной проверки по сообщениям и заявлениям и достаточности ее результатов для возбуждения уголовных дел в сфере банкротства не наработана, законодательным образом не регламентирована. Анализ данных в указанной сфере, полученных из следственных подразделений МВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области свидетельствует, что вышеуказанные нормы уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве, преднамеренном и фиктивном банкротстве применяются на практике крайне не эффективно. Соотношение количества материалов доследственной проверки и возбужденных уголовных дел указанной категории имеет большой разрыв. Так за период с 2011 г. по 2012 г. по данным УЭБ и ПК ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, проведена проверка по 89 материалам, районными следственными подразделениями МВД возбуждено 15 уголовных дел указанной категории, обвинительный приговор вынесен по одному уголовному делу[2]. Таким образом большая часть, возможно совершенных противоправных действий при банкротстве при проведении доследственной проверки не находят своего подтверждения и по результатам их рассмотрения должностными лицами, принимаются решения об отказе в возбуждении уголовного дела.

Причины столь неэффективного применения норм уголовного закона в сфере банкротства, имеют как объективный, так и субъективный характер. К объективным причинам относится несистемность и несогласованность понятийного инструмента Уголовного закона с Законом о несостоятельности, отсутствие разработанного механизма проведения проверки по указанному виду преступлений, а также согласованного между оперативными и следственными подразделениями результата, полученного в ходе проведения доследственной проверки, объем и содержание, которого был бы достаточен для принятия процессуального решения о наличии в действиях признаков преступлений, предусмотренных уголовным законом, обобщенной судебной практики по этим статьям также не имеется.

К субъективным причинам можно отнести: сложности, которые возникают из-за отсутствия профессиональных навыков у

[1] Статья в ред. ФЗ от 08.12.2003 № 162-ФЗ.

[2] Данные ИЦ ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области за период с 1.01.2011 г. по 31.01.2012 г.

должностных лиц при анализе норм гражданского законодательства, оценке представленных арбитражным управляющим сведений, данных, материалов и заключений о ведении финансово-хозяйственной деятельности организации-должника, труднодоступность или отсутствие документов необходимых для проведения исследования. Для решения выявленных проблем, на наш взгляд, первоочередной задачей является разработка программ проведения доследственных проверок и регламентация достаточности сведений, количество и качество, которых необходимо для принятия решения. В таких программах помимо перечня обязательных оперативно-розыскных мероприятий и документов, немаловажным является – определение объема проведения доследственной проверки, а также критерия оценки полученных результатов. Целью разработки таких программ, является оптимальный результат, с помощью которого правоприменитель, может различить допущенные в ходе предпринимательской деятельности экономические риски или действия по минимизации обязательных платежей от уголовно-наказуемых деяний.

Как показало изучение оснований для проведения доследственных проверок, не менее 68% проверок инициированы по обращениям арбитражных управляющих, в распоряжении которых имеются значительные полномочия, по выявлению признаков преднамеренных и фиктивных банкротств[1].

Вторым по значимости основанием является информация, полученная в результате деятельности оперативно-розыскных служб органов внутренних дел, а также заявлений служб безопасности банков, граждан и коммерческих структур – кредиторов.

Каким же образом могут быть использованы сведения, материалы, документы и заключения, представленные арбитражным управляющим в рамкам проведения доследственной проверки?

Поскольку, исключать факты некомпетенции арбитражного управляющего или его личной заинтересованности, нельзя, полученные данные должны быть использованы, только как информативный источник. Нельзя рассматривать заключение о ведении финансово-хозяйственной деятельности организации-должника, в котором арбитражным управляющим выявлены признаки фиктивного или преднамеренного банкротства, в качестве оснований для принятия процессуального решения. Исследование на основании, которого может быть принято процессуальное решение, должно

[1] Об утверждении временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства: Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 855 // Собрание законодательства РФ. 2004. № 52 (ч. 2). Ст. 5519.

поступать из компетентных источников. Интересен опыт оперативных сотрудников УЭБ и ПК ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области в привлечение к проведению исследования специалистов Торгово-промышленной палаты Санкт-Петербурга, которые обладают необходимыми познаниями и не заинтересованы в результатах исследования, в дальнейшем обличая в процессуальную форму, полученные в ходе исследования результаты, возможно использовать в качестве иного источника доказательств.

При рассмотрении уголовно-правовой характеристики неправомерных действий при банкротстве, прежде всего, обращает на себя внимание альтернативный характер деяний и обстановки их совершения, так в диспозиции ст. 195 УК РФ законом, допускаются многочисленные формы совершения неправомерных деяний в сфере банкротства, в обстановке наличия признаков банкротства (часть первая) и в случае, когда функции руководителя юридического лица, возложены соответственно либо на арбитражного управляющего, либо руководителя временной администрации кредитной или финансовой организации (часть третья). При этом порядок проецирования правовых дефиниций перечисленных деяний и условий их совершения, которые раскрываются в Законе о несостоятельности, на уголовный закон на практике, не определен и имеет существенную почву для разногласий, которые в дальнейшем, при рассмотрении уголовного дела в суде, несомненно, будут продиктованы в пользу стороны защиты.

Частью второй указанной статьи предусмотрены иные противоправные действия должника, заключающиеся в неправомерном удовлетворении имущественных требований отдельных кредиторов либо в принятии такого удовлетворения кредитором, знающим о том, что ему делается предпочтения в ущерб других кредиторов в период от момента предвидения банкротства до завершения производства в представленном виде[1], настоящая норма практически бездейственна.

Действия, совершенные при преднамеренном банкротстве (ст. 196 УК РФ) в отличие от неправомерных действий при банкротстве (ст. 195 УК РФ), совершаются при отсутствии признаков несостоятельности (банкротства), путем создания или увеличения неплатежеспособности организации, с целью доведения и официального объявления должника банкротом.

Одной из главных особенностей обстановки совершения преднамеренного банкротства следует считать стремление должника

[1] Статьи 97-119 Закона РФ от 26.10.2002 № 127-ФЗ (в ред. от 30.12.2008) «О несостоятельности банкротстве» //http://www.consultant.ru.

вывести активы предприятия из состава конкурсной массы, это достигается путем заключения заведомо невыгодных (подозрительных) сделок, либо использования имущества предприятия на нужды, не связанные с производственной деятельностью, например, выплата чрезмерного вознаграждения руководству предприятия-должника, участие в сделках несвойственных направлению деятельности организации, поручительство при взаиморасчетах организаций, зарегистрированных в оффшорных зонах экономического регулирования. До изменений, внесенных в УК РФ в декабре 2005 г.[1], диспозиция ст. 196 УК РФ содержала в себе существенные недостатки, которые позволяли создать целую отрасль ухода от уголовной ответственности при совершении криминального банкротства, однако внесенные изменения не стали панацеей и спроецировали на сложившуюся ситуацию новые проблемы, разрешение которых, в условиях настоящего времени, вызывает определенные трудности у следователей в ходе предварительного расследования[2].

Четкое определение способа совершения преступления по анализируемой категории уголовных дел позволяет обеспечить доказательственную базу и дать правильную уголовно-правовую квалификацию содеянного. Анализ судебной практики позволяет выделить следующие группы правонарушений[3]: банкротство как способ уклонения от уплаты долгов; банкротство как способ получения долга; банкротство как способ «подавления» конкурента; банкротство как способ «захвата» предприятия; банкротство как средство обогащения для руководителей, арбитражных управляющих и иных лиц.

Состав преступлений в сфере криминальных банкротств, сформулирован как материально-правовой, то есть для того, чтобы лицо было привлечено к уголовной ответственности необходимо установить одновременно наличие трех условий: противоправный характер его действий, определить общественно опасные последствия его деяния, размер и характер причиненного ущерба, а также причинно-следственную связь между деянием лица и наступившими последствиями.

---

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и кодекс Российской Федерации об административных нарушениях»: федеральный Закон РФ от 19.12.2005 № 161-ФЗ.

[2] Василенко С., Журавлева Е. Нормы об ответственности за банкротства: новая редакция – новые проблемы // Уголовное право. 2006. № 5.

[3] Оренбургский областной суд – обобщение судебной практики по уголовным делам о неправомерных действиях в сфере банкротства (ст.ст. 195-197 УК РФ) // ГАС «Правосудие».

Способом разрешения создавшейся негативной практики и увеличения эффективных показателей применения норм уголовного кодекса, диспозиции ст. 195-197 УК РФ, необходимо привести в соответствие с новым законодательством о банкротстве, определить их квалифицирующие признаки. Для правоприменителя, также всегда остается актуальным разъяснение в Пленуме Верховного Суда Российской Федерации вопросов, возникающих при применении норм закона по уголовным делам о неправомерных действиях в сфере банкротства (ст. ст. 195-197 УК РФ).

Е.В. Суховерхова

Основания назначения судебно-психиатрической экспертизы

Уголовно-процессуальный закон требует обязательного назначения и производства судебной экспертизы для установления психического состояния подозреваемого (обвиняемого), когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве (ст. 196 УПК РФ). Без проведения соответствующей экспертизы невозможно в полной мере установить психическое состояние подозреваемого (обвиняемого), а, следовательно, принять законное решение о начале производства о применении принудительных мер медицинского характера. «Согласие подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, лица, в отношении которого рассматривается вопрос о применении принудительных мер медицинского характера, на проведение в отношении его судебной экспертизы не требуется»[1].

Одним из наиболее важных этапов является подготовка и назначение экспертизы, так как от качества данного этапа в последующем зависит и деятельность экспертов-психиатров, и следователя, и суда. Несмотря на всю существенность этапа подготовки и назначения судебно-психиатрической экспертизы, субъектами данного следственного действия допускается большое количество ошибок при его проведении, которые влияют на качество и сроки предварительного следствия.

Момент, когда необходимо назначить судебно-психиатрическую экспертизу на практике вызывает определённые сложности, в связи с тем, что законом он определён следующим образом: «…когда

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» // Российская газета. 2010. 30 декабря.

возникает сомнение…». А.В. Ленский и Ю.К. Якимович в своих исследованиях подчёркивают, что судебно-психиатрическая экспертиза должна быть назначена сразу же после того, как появились сомнения в психическом состоянии лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера[1].

При возникновении сомнений у следователя и суда в психической полноценности лица во время совершения запрещённого уголовным законом деяния или после его совершения в обязательном порядке должная быть назначена и проведена судебно-психиатрическая экспертиза. В противном случае можно говорить о нарушении прав и законных интересов подозреваемого обвиняемого, что недопустимо, так как ставит под вопрос законность всего уголовного судопроизводства. Еще В.П. Сербский отмечал: «Обязательное испытание подсудимых, относительно которых возникает сомнение в их психическом здоровье, внесло бы то однообразие, которое так желательно при обсуждении вопроса о невменяемости и которое только одно может дать прочную уверенность, что правосудие употребляет все находящиеся в его распоряжении средства для возможно полного раскрытия истины»[2].

Однако одних лишь сомнений следователя недостаточно для назначения и проведения судебно-психиатрической экспертизы, они должны быть подкреплены определёнными фактическими данными, не основанными на догадках. «Вопрос об основаниях судебно-психиатрической экспертизы в процессе расследования и судебного разбирательства дел приобретает большое практическое значение»[3] в связи с необходимостью с одной стороны не допустить необоснованного назначения судебно-психиатрической экспертизы, что влечёт за собой затягивание процессуальных сроков, нарушая права и законные интересы участников уголовного судопроизводства. С другой же стороны неправомерный и беспочвенный отказ в назначении проведения судебно-психиатрической экспертизы может привести не только к нарушению прав лица, страдающего психическим расстройством, но и к незаконному осуждению невиновного.

---

[1] Ленский А.В. Якимович Ю.К. Производство по применению принудительных мер медицинского характера. М., 1999. С. 31.

[2] Сербский В.П. О судебно-психиатрической экспертизе. Приват-доцента Московского университета В.П. Сербского / Труды V Съезда Общества русских врачей в память Н.И. Пирогова (Санкт-Петербург, 4.03.1984). С. 10.

[3] Боброва И., Метелица Ю., Шишков С. Основания для назначения судебно-психиатрической экспертизы по уголовным делам // Соц. Законность. 1986. № 2. С. 48.

В 55% изученных уголовных дел сроки предварительного расследования продлевались в связи с необходимостью производства судебно-психиатрической экспертизы, при этом по каждому второму делу с момента появления оснований для назначения экспертизы прошло более 10 дней, а по каждому пятому – более двадцати.

На наш взгляд, вызвать у следователя сомнения в психической полноценности лица и стать поводом для проведения дальнейшей работы по установлению наличия или отсутствия у лица психического расстройства, могут послужить следующие факторы:

1) материалы уголовного дела, указывающие на возможность или наличие психического заболевания у лица (справки из психоневрологических диспансеров о нахождении лица на учёте или обращении за помощью, сообщение близкими родственниками, защитником о получении лицом черепно-мозговых травм, перенесённых мозговых заболеваниях в прошлом, задержках в развитии, фактах обращения за психиатрической помощью в диспансеры или специализированные частные клиники, данные трудовой и военно-психиатрической экспертизы об инвалидности или негодности к военной службе по состоянию психического здоровья и др.);

2) материалы уголовного дела и поведение лица, свидетельствующие о странностях в его поведении как до совершения общественно опасного деяния, во время его совершения, так и при производстве по уголовному делу (протоколы следственных действий с участием подозреваемого (обвиняемого), показания свидетелей совершённого деяния, показания родственников и друзей о необычном поведении лица и т.д.);

3) внешний вид и одежда лица;

4) необычный безмотивный характер совершённого лицом деяния или его тяжесть (убийство с особой жестокостью, серия безмотивных убийств, убийство с расчленением трупа или удалением каких-либо органов, насильственные преступления);

6) место совершения запрещённого уголовным законом деяния (парк, оживлённая улица, магазин и другие места большого скопления людей);

7) сведения об обучении во вспомогательной школе, высокой частоте психических заболеваний среди родственников, о странностях поведения в семье, быту, на производстве, попытках самоубийства.

Данные, свидетельствующие о возможном психическом расстройстве лица, в юридической литературе предлагают классифицировать на сведения, носящие определённый и

неопределённый характер[1]. К сведениям, носящим определённый характер относительно психического расстройства лица, совершившего общественно опасное деяние, относят заявления родственников лица о наличии у него психических заболеваний, о прохождении лечения в психиатрическом стационаре, наблюдении у районного психиатра, справки из медицинских учреждений. Неопределённый характер, по мнению данных авторов, носят сведения, основывающиеся на отрывочных фактах странного поведения обвиняемого при тех или иных жизненных обстоятельствах. Подобную классификацию предлагает С.Н. Шишков, разделяя основания на условные и безусловные[2].

Основания для назначения судебно-психиатрической экспертизы можно также классифицировать на процессуальные и материальные (фактические). При этом, рассмотренные нами выше основания будут являться материальными (фактическими). На вопрос о том, какие основания нужно считать процессуальными существуют различные точки зрения.

Так, В.Н. Махов предлагает процессуальным основанием для назначения судебной экспертизы считать потребность следователя в привлечении знаний незаинтересованных в исходе уголовного дела сведущих лиц для исследования и оценки вещественных доказательств, предметов, документов, а также живых лиц в целях получения ответов на поставленные в постановлении о назначении экспертизы вопросы[3]. По мнению А.С. Захарова процессуальным основанием для назначения судебно-психиатрической экспертизы является тождество между имеющимися материальными (фактическими) основаниями и основанием для обязательного назначения судебно-психиатрической экспертизы, содержащимся в п. 3 ст. 196 УПК РФ, установленное лицом, в производстве которого находится уголовное дело[4]. Другие авторы фактическим основанием считают потребность в психических знаниях, а юридическим – процессуальный документ (постановление,

---

[1] Тетерин Б.С., Трошкин Е.З. Возбуждение и расследование уголовных дел. Мн., 2001. С. 209.

[2] Шишков С.Н. Доказывание психических расстройств в советском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1984. С. 6.

[3] Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» / под ред. В.П. Кашепова. М., 2003. С. 70.

[4] Захаров А.С. Производство предварительного следствия по уголовным делам об общественно опасных деяниях невменяемых: дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. С. 173.

определение)[1].

На наш взгляд, процессуальным основанием назначения судебно-психиатрической экспертизы можно считать вывод лица, осуществляющего производство по уголовному делу, о необходимости привлечения знаний экспертов-психиатров, после оценки собранных по уголовному делу сведений, свидетельствующих о наличии психического расстройства у подозреваемого (обвиняемого).

Результаты судебно-психиатрической экспертизы во многом зависят от полноты и качества, собранных следователем материалов, как уголовного дела, так и медицинской документации. Поэтому судебно-психиатрическая экспертиза должна быть тщательно подготовлена следователем. При направлении подозреваемого (обвиняемого) на экспертизу в распоряжение экспертов должны быть предоставлены материалы уголовного дела, содержащие показания самого подэкспертного, его родственников, друзей, знакомых, соседей, свидетелей и очевидцев совершённого им запрещённого уголовным законом деяния, амбулаторные и стационарные истории болезней как с места жительства, из психоневрологических диспансеров, так и с мест прохождения лечения, характеризующий материал, заключения ранее проводившихся военно-врачебных, врачебно-трудовых и судебно-психиатрических экспертиз и др. Только совокупность всех документов и материалов уголовного дела подтверждают обоснованность назначения экспертизы, а также дают возможность экспертам-психиатрам правильно и объективно оценить все обстоятельства произошедшего и прийти к достоверным выводам.

Большинство следователей правильно понимают свои задачи и в распоряжение экспертов-психиатров представляют материалы, необходимые и достаточные для дачи заключения. Некоторые же следователи собирают материалы не в полном объёме, что зачастую приводит к отсрочке проведения экспертизы и затягиванию процессуальных сроков. Об этом свидетельствуют и данные проведенного нами анкетирования экспертов-психиатров. Так 22 из 27 опрошенных указали, что их не удовлетворяет полнота представленных для исследования материалов.

Далеко не всеми органами следствия выясняется сколько раз, в каких психиатрических больницах находился на лечении подозреваемый (обвиняемый), каков характер оказываемого лечения (принудительное или на общих основаниях), когда и как он был оттуда выписан (по инициативе органов здравоохранения или по требованию

[1] Руководство по судебной психиатрии / под ред. А.А. Ткаченко. М., 2012. С. 54-59.

больного, его родственников). В 15% заключений такие сведения экспертами были получены от подэкспертного.

В 25% изученных дел, несмотря на наличие справки из психиатрического диспансера, медицинских документов о заболеваниях лица, совершившего общественно опасное деяние, для производства экспертизы предоставлено не было. В 5% случаях в делах имелись справки из медицинских учреждений, однако сведений о том, как они там оказались не было.

В отношении 95% лиц, не установлено имеются ли у них родственники, страдающие или страдавшие душевными болезнями. Между тем, эти данные имеют не последнее значение для достоверного заключения экспертов.

В 93% случаев для проведения судебно-психиатрической экспертизы не предоставляются истории болезни МСЧ СИЗО.

Только по 55% дел следователями было выяснено посещали ли подозреваемые (обвиняемые) диспансер добровольно и лечились ли амбулаторным путём, хотя данное обстоятельство имеет важное значение при решении вопроса о том, следует ли помещать лицо, в отношении которого ведётся производство о применении принудительных мер медицинского характера, на принудительное стационарное лечение.

В некоторых случаях (5% уголовных дел) родные и близкие не допрашивались о поведении лица до совершения им общественно опасного деяния.

Встречались уголовные дела, в которых сведения, послужившие основанием для сомнения в психической полноценности лица, совершившего общественно опасное деяние, указывались только в постановлении о назначении судебно-психиатрической экспертизы.

Выбирая момент для назначения судебно-психиатрической экспертизы, следователь всегда должен знать, имеются ли налицо все материалы, необходимые эксперту для ответа на вопросы, по которым ему предстоит дать заключение. Следует помнить, что достоверность и обоснованность заключения судебно-психиатрической экспертизы зависит не только от квалификации экспертов, её проводящих, но и от полноты и качества материалов, предоставленных в их распоряжение.

А. В. Сучков

Проблемы методики расследования профессиональных преступлений медицинских работников при исполнении ими своих профессиональных (должностных) обязанностей

С появлением профессии врача и становлением медицины как отдельной отрасли деятельности возникла проблема взаимоотношения врача и пациента, которая на протяжении веков не теряла своей актуальности.

Начиная с 90-х гг. XX века в России формируется сфера платной, то есть основанной на договорных отношениях, медицины. В связи с чем, проблема взаимоотношения медицинских работников и пациентов еще больше обострилась.

В свою очередь это привело к тому, что на сегодняшний день в современной России остро стоит вопрос правового регулирования взаимоотношений, возникающих между медицинскими работниками и пациентами.

Несмотря на сложную ситуацию, сложившуюся в российском законодательстве относительно уголовно-правовой оценки преступных действий медицинских работников при осуществлении ими профессиональной деятельности теоретические и практические продвижения в этом направлении благодаря деятельности Ю.Д. Сергеева налицо.

Так, в современной российской уголовно-правовой науке данная проблема официально была поднята именно Ю.Д. Сергеевым и С.В. Ерофеев еще в 1998 г.[1]

К сожалению, Прокуратура РФ, как государственный орган, надзирающий за исполнением закона, обратила на эту проблему свое внимание слишком поздно[2].

В ходе проведенного автором исследования, основные положения и

---

[1] Сергеев Ю.Д., Ерофеев С.В. Ятрогенная паталогия – актуальная судебно-медицинская проблема // Судебно-медицинская экспертиза. 1998. № 1. С. 5.

[2] Так, в своей статье «Защита прав граждан на медицинскую помощь» сотрудница НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ Ф. Шерегова обоснованно указала, что «при проверках прокуроры устанавливают неединичные факты смерти пациентов по вине медицинских работников в результате оказания некачественной медицинской помощи. Зафиксированы факты поборов с пациентов за оказание бесплатной медицинской помощи» / Шерегова Ф. Защита прав граждан на медицинскую помощь // Законность, 2009. № 2. С. 57-59.

выводы которого нашли свое отражение в 19 научных публикациях[1], был получен ответ на вопрос: «Почему уголовные дела в отношении медицинских работников, совершивших профессиональные преступления при исполнении своих трудовых функций, в основной своей массе не возбуждаются, а возбужденные уголовные дела в большинстве своем не имеют «судебной перспективы?». Причины, на наш взгляд, в следующем:

1) в российском материальном праве отсутствует законодательно определенное понятие профессионального преступления, совершенного медицинскими работниками при исполнении трудовой функции. Это приводит к тому, что в российской уголовно-процессуальной науке отсутствует четко сформулированный предмет доказывания по данной категории уголовных дел;

2) отсутствуют общеобязательные, имеющие императивный характер стандарты (правила) диагностирования и лечения отдельных заболеваний;

3) в российской криминалистической науке отсутствие положений, указанных в пп. 1, 2 привело к тому, что до настоящего времени отсутствовала методика расследования профессиональных преступлений, совершенных медицинскими работниками;

4) при расследовании указанной категории уголовных дел, с целью

[1] Сучков А.В. Правовые проблемы взаимоотношения медицинских работников и пациентов при совершении медиками профессиональных правонарушений // Вятский медицинский вестник. 2008. № 3-4. С. 77-80; Он же. Проблемы доказывания профессиональных преступлений, совершенных медицинскими работниками // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2009. № 5. С. 125-129; Он же. Проблемы назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз, при расследовании профессиональных преступлений, совершенных медицинскими работниками // Медицинское право. 2010. № 3(31). С. 39-43; Он же. Анализ дефиниций понятия «врачебная ошибка» с целью формулирования определения «профессиональные преступления медицинских работников» // Медицинское право. 2010. № 5 (33). С. 45-49; Он же. Анализ дефиниций понятия «ятрогения», как цель формулирования определения «профессиональные преступления медицинских работников» и установления обстоятельств, подлежащих доказыванию // Медицинское право. 2010. № 6(34). С. 45-47; Он же. О предмете доказывания по профессиональным преступлениям, совершенным медицинскими работниками // Медицинское право. 2011. № 3(37). С. 31-35; Он же. Анализ постановлений следователей и определений судей о назначении судебно-медицинских экспертиз по уголовным делам, возбужденным в отношении медицинских работников за совершение ими профессиональных преступлений (по архивным материалам БСМЭ Кировской области и Ленинского районного суда г. Кирова) // Медицинское право. 2012. № 3(43). С. 38-43.

объективного установления обстоятельств происшедшего, и получением достаточной доказательственной базы о виновности или невиновности медицинского работника, необходимо возбуждать уголовные дела при наличии повода или (и) основания для возбуждения уголовного дела без проведения доследственной проверки, предусмотренной законодателем в порядке ст. 144 УПК РФ в том объеме, в котором она проводится в современных условиях и представляет собой «непроцессуальную форму расследования»[1], ведущую к безвозвратной утрате доказательственной базы уже на стадии возбуждения уголовного дела;

5) заключения эксперта (комиссии экспертов) СМЭ, данные по итогам проведенного исследования относительно установления причинно-следственной связи между деянием медицинского работника и вредным результатом, не может иметь силу «главного» доказательства, в связи с чем целесообразно более широко использовать для производства исследований и дачи заключений заключения и показания специалистов (врачей), не являющихся врачами-экспертами БСМЭ;

6) необходимо внести изменения в действующий УПК РФ, с целью установления возможности назначения судебной экспертизы по данной категории дел на стадии возбуждения уголовного дела;

7) необходимо внести изменения в действующий УПК РФ с целью определения порядка назначения и производства исследования специалистом узкой специализации.

Решению проблемы расследования профессиональных преступлений медицинских работников при исполнении ими своих профессиональных (должностных) обязанностей, по мнению автора, будет способствовать повсеместное использование на практике разработанной частной методики расследования уголовных дел данной категории и внедренной как в учебный процесс Волго-Вятского института (филиала) университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), так и в практическую деятельность УМВД России по Архангельской области[2].

---

[1] Маслов И., Новиков А. Нерешенные проблемы стадии возбуждения уголовного дела при рассмотрении сообщений о налоговых преступлениях // Уголовное право. 2011. № 5. С. 85-90.

[2] Сучков А.В. Методика рассмотрения сообщений и расследования уголовных дел о совершении медицинскими работниками профессиональных преступлений, совершенных при осуществлении ими профессиональных (должностных) обязанностей: практическое пособие. Киров, 2012.

П.Г. Сычёв

Дифференцированный порядок судопроизводства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности – за и против

В статье «О наших экономических задачах», опубликованной 30.01.2012 в газете «Ведомости», В.В. Путин, на тот момент кандидат на должность Президента Российской Федерации, указал следующее: «Исключить из уголовного законодательства все рудименты советского правосознания, все зацепки, которые позволяют делать из хозяйственного спора уголовное дело на одного из участников».

Нет сомнений, что слова Президента относятся к весьма специфичной и крайне политизированной сфере процессуальной деятельности – досудебному производству по уголовным делам об экономических преступлениях. И, во-вторых, эти слова подчёркиваю необходимость совершенствования данной сферы деятельности, а именно – искоренения из неё так называемого коррупционного компонента.

Начиная с 2009 г., российский законодатель неустанно трудится над этой проблемой. Принято как минимум пять законодательных актов (они приведены ниже) в области уголовного и уголовно-процессуального права, регулирующих расследование преступлений данной категории. Круто снижены санкции за совершение преступлений в сфере экономической деятельности, введён категорический запрет на заключение под стражу субъектов предпринимательской деятельности (за определённым исключением, которое, увы, постепенно превращается в общее правило – но об этом позже), и даже адаптирован к российскому законодательству такой зарубежный институт как «процессуальная трансакция», то есть внесение в национальный бюджет кратной суммы причиненного ущерба или незаконно извлечённого дохода в обмен на прекращение уголовного преследования.

Но, «воз и поныне там». Не прекращается, а точнее увеличивается поток жалоб со стороны предпринимателей, подвергшихся необоснованным процессуальным репрессиям, основная из которых – необоснованное возбуждение уголовного дела. Не цель настоящей публикации – отделение зёрен от плевел. Но, тем не менее, очевидно, что никогда в истории человечества усиление наказания не влекло снижения роста преступности, равно как и смягчение наказания не обуславливало снижение числа «несправедливо обиженных». В этой ситуации нельзя не вспомнить слова молодого Ленина, сказанные в

ответ на казнь старшего брата, бросившего бомбу в царя, о необходимости идти другим путём.

Цель публикации совершенно другая. Дело в том, что либерализуя законодательство в сфере экономики, законодатель (сам, очевидно, того не желая) принял такое количество специальных процессуальных норм, что фактически создал дифференцированный порядок производства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности.

Справедливости ради, следует признать, что дифференциация уголовного судопроизводства – объективный, неизбежный и имеющий мировую тенденцию процесс. Наличие дифференцированных порядков судопроизводства – признак юрисдикции, отвечающей требованиям или, как сейчас говорят, вызовам времени, обладающей полным набором инструментария, который позволяет наиболее оптимально, экономно и оперативно (в разумные сроки) решать задачи уголовного процесса.

С.С. Цыганенко утверждает: «Дифференциация – одно из направлений развития уголовно-процессуального права, представляющего собой специфический метод правового выражения в уголовно-процессуальной форме материально-правовых и процессуальных условий деятельности его субъектов. Её применение ведёт к структуризации процессуальных отношений в виде комплекса различающихся свойствами и положением процессуальных порядков (производств по уголовному делу)»[1].

При этом любой дифференцированный порядок следует рассматривать в неразрывной связи с отличающимся сравнительной стабильностью общим и единым для всех правоохранительных и судебных органов порядком судопроизводства. Д.П. Великий полагает: «Дифференциацию уголовно-процессуальной формы следует понимать как возможность в рамках единой судебной системы, единого уголовно-процессуального законодательства, основываясь на единых принципах, решать единые задачи различными способами»[2].

Анализируя внесение в ст. 140 УПК ч. 1.1, определяющей материалы налоговой инспекции как исключительный повод к возбуждению уголовного дела о налоговом преступлении, профессор М.Т. Аширбекова и А.С. Омарова указывают: «Его регламентация суть дальнейшее продвижение уголовной политики в сфере контроля

[1] Цыганенко С.С. Общий и дифференцированный порядки уголовного судопроизводства: автореф. дис. … докт. юрид. наук. СПб., 2004. С. 7.

[2] Великий Д.П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: История, современность, перспективы: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. С. 9.

экономических преступлений и одна из ступеней формирования специального процессуального режима для рассматриваемого вида «беловоротничковых» преступлений. … Видится тенденция к углублению дифференциации видов процессуальных производств в зависимости от вида совершённого преступления, качественных характеристик субъекта преступления, аналогично производству по уголовным делам в отношении несовершеннолетних (гл. 50 УПК РФ), производству о применении принудительных мер медицинского характера (гл. 51 УПК РФ), в отношении отдельных категорий лиц (гл. 52 УПК РФ)»[1].

С данной точкой зрения нельзя не согласиться.

Анализируя предпосылки обособления порядка уголовного судопроизводства по делам рассматриваемой нами категории в сфере «de lege lata» отметим, что они появились ещё в УПК РСФСР. Так, Федеральным законом от 21.12.1996 № 160-ФЗ в него была внесена ст. 27.1, согласно которой привлечение к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного главой 23 УК РФ, причинившего вред исключительно коммерческой или иной организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, могло осуществляться только по заявлению или с согласия её руководителя.

В УПК, принятом в 2002 г., данная норма трансформировалась в ст. 23, согласно которой в зависимость от наличия заявлении или согласия руководителя коммерческой организации поставлен уже процессуальный акт возбуждения уголовного дела.

Была сделана попытка придать уголовным делам по статьям данной главы частно-публичный характер, несмотря на то, что они и не вошли в часть третью статьи 20 УПК о видах уголовного преследования. Это подтверждает А.А. Орлова, указывая, что «фактически относя данную категорию уголовных дел к делам публичного обвинения, законодатель, тем не менее, связал начало уголовного судопроизводства с волеизъявлением соответствующих должностных лиц»[2].

Процесс обособления продолжился 4.07.2003, когда Федеральным законом № 92-ФЗ ч. 1 ст. 144 УПК была дополнена предложением: «При проверке сообщения о преступлении орган дознания, дознаватель, следователь и прокурор вправе требовать производства документальных проверок, ревизий и привлекать к их участию

[1] Аширбекова М.Т., Омарова А.С. О новом «налоговом» поводе к озбуждению уголовного дела // Российская юстиция. 2012. № 3. С. 41-43.

[2] Орлова А.А. Уголовное преследование по заявлению коммерческой организации // Уголовное право. 2003. № 10. С. 8.

специалистов». Часть третья указанной статьи, регламентирующая срок проведения проверки, была дополнена словами «а при необходимости проведения документальных проверок или ревизий прокурор вправе по ходатайству следователя или дознавателя продлить этот срок до 30 суток».

Вполне очевидно, что ревизии и документальные проверки – суть экономические явления. В подтверждение этого В.В. Шадрин, К.В. Шадрин и Э.Ф. Мусин пишут: «Ревизия является способом контроля, предусматривающим наиболее глубокое и полное изучение финансово-хозяйственной деятельности, в процессе которого устанавливается законность, достоверность и экономическая целесообразность совершаемых хозяйственных операций, а также ведения бухгалтерского учёта в нескольких или всех направлениях хозяйственной деятельности субъекта хозяйствования»[1].

Такое решение законодателя было весьма позитивным для сотрудников органов дознания, проводящих проверки по сообщениям о преступлениях в сфере экономической деятельности. Уложиться даже в отведённые в порядке исключения ч. 3 ст. 144 УПК десять суток было невозможно, хотя и сейчас провести проверку сообщения о сложном финансовом преступлений, совершённом с участием банков, депозитариев, брокерских компаний, использованием фирм-«однодневок» (в настоящее время согласно ст. 173.1 и 173.2 УК они носят наименование «незаконно образованные (созданные, реорганизованные) юридические лица»), перечислением денежных средств за границ, в том числе в оффшорные юрисдикции, тоже непростая задача.

Увеличением сроков проверки сообщения о преступлении при необходимости проведения ревизии или документальной проверки законодатель признал ещё одну особенность производства по уголовным делам экономической направленности – длительность и объёмность.

Как мы уже ранее заметили, в 2009-2012 гг. уголовное и уголовно-процессуальное законодательство в части производства по уголовным делам об экономических преступлениях претерпело ряд изменений, направленных на его либерализацию. Следует заметить, что первыми либеральные нововведения коснулись налоговых преступлений. Роль «ледокола» либерализации и по сей день остаются за этим видом общественно опасных деяний экономического характера.

Первым в ряду таких законодательных актов был Федеральный

[1] Шадрин В.В. и др. Ревизия по требования правоохранительных органов при расследовании уголовных дел. М., 2004. С. 6.

закон РФ от 29.12.2009 № 383-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», касавшийся исключительно налоговых преступлений.

В УПК РФ была внесена ст. 28.1, предусмотревшая прекращение уголовного преследования по налоговому преступлению при условии возмещения ущерба (недоимки, пени и штрафов), причиненного в результате преступления бюджетной системе РФ.

Тем же законом ст. 108 УПК дополнена ч. 1.1, которая предусмотрела особый порядок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу для лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении налоговых преступлений. Данная норма гласила, что заключение под стражу в качестве меры пресечения не может быть применена в отношении указанных лиц, за исключением случаев, когда они не имеют постоянного места жительства на территории Российской Федерации, их личность не установлена, ими нарушена ранее избранная мера пресечения или они скрылись от органов предварительного расследования или от суда.

Последующими законодательными актами такой порядок был экстраполирован на большинство преступлений в сфере экономической деятельности.

7.04.2010 принят Федеральный закон № 60-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты», который позиционируется отдельными законодателями-юристами, как «коренной поворот» государственной политики в сторону либерализации уголовного законодательства об экономических преступлениях. Путём повышения порговых значений сумм незаконно полученного дохода, причинённого ущерба или иных аналогичных параметров значительный объём преступлений в сфере экономической деятельности декриминализован. Статья 173 «Лжепредпринимательство» исключена из УК РФ[1].

Тот самый упомянутый нами порядок заключения под стражу, ранее касавшийся только лиц, которые подозреваются или обвиняются в налоговых преступлениях, стал также применяется к подозреваемым или обвиняемым в совершении преступлений, предусмотренных ст. 159, 160, 165, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, и ст. 171-174, 174.1, 176-178, 180-183, 185-185.4, 198-199.2 УК РФ.

[1] Не прошло и 4-х месяцев, как Президентом РФ было дано поручение о разработке нормы об уголовной ответственности за создание и участие в деятельности фиктивных юридических лиц, чему и была, по сути, посвящена ст. 173 УК. Сейчас приняты ст. 173.1 и 173.2 УК.

Данный шаг законодателя, безусловно, продиктован стремлением избавить российский бизнес от излишнего давления правоохранительных органов, предотвратить бегство капитала из России, повысить её инвестиционную привлекательность и т.д. Такое стремление можно было бы только приветствовать, однако не совсем удачные формулировки закона в отдельных случаях свели на нет политическую волю законодателя.

К.В. Пронин указывает: «Следует констатировать, что осуществление судом своих правомочий по проверке законности и обоснованности избрания меры пресечения в качестве заключения под стражу сопряжено с необходимостью преодолевать сильнейшую правовую неопределённость, вызванную чрезвычайно абстрактным характером содержания правовых норм, регламентирующих данный процесс»[1].

Так, 22.04.2010 Тверской районный суд г. Москвы, продлевая срок содержания под стражей К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК, выразившегося в хищении у оффшорной компании акций крупнейших российских эмитентов ОАО «Г» и ОАО «Р», указал, что вменяемое К. преступление никак не связано с предпринимательской деятельностью и не может быть отнесено к категории преступлений, совершенных в сфере предпринимательства, в связи с чем Федеральный закон от 7.04.2010 № 60-ФЗ к данному деянию не применим.

При этом следует заметить, что согласно указанию Генеральной прокуратуры РФ и МВД России «О введении в действие Перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчётности» от 28.12.2010 № 450/85/3 хищение ценных бумаг, в котором обвинялся К., отнесено к категории преступлений экономической направленности. После двух лет применения ч. 1.1. ст. 108 УПК аналогичных примеров накопилось достаточно для того, чтобы сделать вывод о неэффективности данной нормы в силу неопределённости формулировки «преступление, совершённое в сфере предпринимательской деятельности».

Федеральным законом от 6.12.2011 № 407-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» введён особый и исключительный повод возбуждения уголовного дела о налоговом преступлении, который помещён в ч. 1.1 ст. 140 УПК и который выше уже упоминался. В ч. 7

[1] Пронин К.В. Проблемы осуществления судебного контроля в порядке ст. 125 УПК // Информационный бюллетень Следственного департамента МВД России. 2012. № 3.

ст. 241 УПК внесено дополнение о том, что в случае рассмотрения уголовного дела о преступлении в сфере экономической деятельности могут оглашаться только вводная или резолютивная части приговора. Специфика судопроизводства по уголовным делам об экономических преступлениях, выражающаяся в чрезмерных объёмах их материалов, подтверждена законодателем и применительно к судебным стадиям.

7.12.2011, когда был принят Федеральный закон № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». В УК появилась ст. 76.1, в соответствии с которой от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности (перечень приводится) освобождается лицо, впервые его совершившее, если оно возместило ущерб, причиненный гражданину, организации или государству в результате совершения преступления, и перечислило в федеральный бюджет денежное возмещение в размере пятикратной суммы причиненного ущерба либо перечислило в федеральный бюджет доход, полученный в результате совершения преступления, и денежное возмещение в размере пятикратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления.

Этой норме корреспондируется ст. 28.1 УПК «Прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности», из которой следует, что суд, а также следователь с согласия руководителя следственного органа или дознаватель с согласия прокурора прекращает уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении налогового преступления в случае, если до назначения судебного заседания ущерб, причиненный бюджетной системе РФ в результате преступления, возмещен в полном объеме.

И наконец, 29.11.2012 Федеральным законом № 207-ФЗ, который упомянут мной в самом начале публикации, уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 159-159.6, 160, 165 УК, если они совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности, отнесены к делам частно-публичного обвинения. Комментариев к данной статье нет ввиду непродолжительного периода её существования.

В свете вышеперечисленных изменений есть основания говорить о том, что в российском уголовном процессе на сегодняшний день возник новый, дифференцированный порядок уголовного судопроизводства по делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности.

В отличие от иных дифференцированных порядков (например, производств по уголовным делам в отношении несовершеннолетних или о применении принудительных мер медицинского характера) его статьи не сосредоточены в отдельной главе, а разбросаны по УПК, что придаёт ему эклектичность, а в ряде случае – рассогласованность правовых норм. Достаточно только коснуться предмета регулирования каждой из перечисленных выше вновь принятых статей УПК – перечень преступных деяний, на которые распространяются их требования, в каждом случае свой. Представляется, что нормы УК всякий раз подбирались исходя каких-то различных соображений.

Безусловно, говорить о наличии какого бы то ни было системного законодательного подхода просто преждевременно.

Как минимум, следовало бы задуматься об объединении всех перечисленных норм в одной главе с систематизацией их отбора, с тем, чтобы не оказалось, что одни предприниматели (то есть совершившие одни преступления) находятся в привилегированном положении, а другие (то есть, совершившие другие преступления) – таких привилегий лишены.

Разумеется, не стоит ограничиваться только механическим соединением в одной главе УПК существующих норм.

Имеется множество пробелов в регулировании участия в уголовного судопроизводстве юридического лица[1]. Права, обязанности и иные параметры участия не только самого юридического лица, но и его участников (учредителей), а также «усечённого» хозяйствующего субъекта – индивидуального предпринимателя (уже не просто гражданина, но ещё не юридического лица) должны быть урегулированы нормами данной главы с учётом всех концептуальных положений гражданского права, что не в полной мере существует сейчас.

Одной из самых наболевших проблем российской экономики является существование такого криминального явления как фирмы-«однодневки», то есть юридические лица, зарегистрированные на граждан, не осведомлённых о характере их финансово-хозяйственной

[1] Сычёв П.Г. Особенности участия и гарантии прав организаций (юридических лиц) на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008; Он же. Юридическое лицо в уголовном процессе // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 2006. № 4. С. 97-104.

деятельности, либо не желающих быть осведомлёнными по ряду известных причин. Через такие юридические лица незаконно перекачиваются миллиарды рублей, «отмывающиеся», «обналичилающиеся», уходящие за границу и т.д. С целью противодействия такому явлению в УК внесены ст. 173.1 и 173.2, однако механизма совершения следственных и процессуальных действий с фирмами-«однодневками» не существует. В настоящее время в Следственном департаменте МВД России разработан законопроект о признании незаконно образованных юридических лиц орудием преступления, с последующей конфискацией их имущества и исключением их из Единого государственного реестра юридических лиц по приговору суда уголовной юрисдикции.

Считаем, что данный законопроект должен быть инкорпорирован в предлагаемую нами главу, посвящённую особому порядку судопроизводства по делам об экономических преступлениях.

Необходимо реформировать стадию рассмотрения сообщений о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности и разрешить производство до возбуждения уголовного дела отдельных следственных действий, которые будут иметь силу доказательств и после возбуждения уголовного дела, как-то: допросы свидетелей и потерпевшего, выемки и обыски, не требующие решения суда (а, возможно, и требующие). Первый шаг, разрешающий производство экспертиз при проверке сообщения о преступлении, в этом направлении уже сделан.

Предлагаемая модель стадии возбуждения уголовного дела о преступлении в сфере экономической и предпринимательской деятельности неизбежно сблизит момент возбуждения уголовного дела с моментом предъявления обвинения. И от законодателя потребуется только один решительный шаг – соединить эти процессуальные действия. То есть, возбуждение уголовного дела должно стать необходимым и возможным только тогда, когда собраны достаточные доказательства для предъявления обвинения или уведомления о подозрении в совершении экономического преступления и когда возникла необходимость в применении мер процессуального принуждения.

Множество передовых идей, как отечественных, так и зарубежных, касающихся расследования экономических преступлений, требуют не столько законодательного воплощения, сколько анализа. Внесение их в уголовно-процессуальное законодательство представляется целесообразным только тогда, когда они будут способствовать оптимизации процесса. Необходимо, наконец, решить проблему эффективной защиты предпринимателей от незаконного уголовного

преследования. В то же время эти нормы, направленные в конечном итоге на либерализацию законодательства, не должны быть препятствием для защиты интересов других хозяйствующих субъектов, ставших жертвами преступных посягательств, а также экономической безопасности общества и государства.

Только таким образом, путём системного решения имеющихся проблем, можно будет выполнить поручение, данное Президентом Российской Федерации, о котором мы упомянули в самом начале публикации.

И.В. Тертычная

Особенности расследования дорожно-транспортных преступлений, совершаемых в темное время суток

В основе любого расследования лежит точное применение уголовного законодательства. Положительным результатом расследования уголовных дел в сфере дорожно-транспортных преступлений (ДТП) является составление и вынесение процессуально грамотного постановления о привлечении конкретного лица в качестве обвиняемого (подозреваемого), а по окончании расследования вынесение обвинительного заключения или постановления о прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством. Эти задачи решаются с момента получения информации о ДТП и до окончания производства по уголовному делу. На практике, при расследовании ДТП необходимо помнить о сложности каждого ДТП, любое дорожно-транспортное происшествие является индивидуальным. Индивидуальность каждого ДТП заключается не только в характере самого происшествия, но и в комплексе причин способствующих его наступлению, в совокупности всех обстоятельств происшествия, а также в причинной связи между действием и наступившими последствиями. Основная задача следователя заключается в правильной юридической квалификации ДТП с учетом всех сложившихся обстоятельств, факторов и причин, способствовавших наступлению вредных последствий, а так же с учетом действий водителя и потерпевшего и технического состояния транспортного средства.

При расследовании отдельных видов ДТП можно выделить особенности проведения отдельных следственных действий. Эти особенности условно можно разделить на две группы общие и индивидуальные. Так, общие присущи всем ДТП, а индивидуальные – это особенности присущие отдельным видам ДТП (столкновение,

наезд, опрокидывание и т.д.). К общим особенностям можно отнести: поиск, сбор и фиксацию вещественных доказательств; технические познания следователя; знание и правильное применение Правил дорожного движения.

Полнота поиска, сбора и фиксации вещественных доказательств зависит от того на сколько точно следователь определит границы осмотра. Сам поиск и обнаружение вещественных доказательств заключается в своевременном обнаружении следов, которые могут быть оставлены не только на проезжей части, но и за ее пределами, на придорожных объектах. Их обнаружение может быть затруднено из-за большого радиуса разброса. Для того, что бы установить истинные причины ДТП и весь механизм происшествия, необходимо обращать внимание на повреждения имеющиеся на транспортном средстве. Так же следует сопоставлять данные повреждения с повреждениями и следами на других объектах на месте происшествия. Все эти повреждения и следы, оставленные на автомобиле и на дороге, составляют полную картину ДТП. Особо следует обращать внимание на индивидуальные особенности происшествия. Они помогают следователю дать ответы на ряд вопросов, а именно: где произошло событие, его точное расположение на проезжей части; что стало причиной происшествия; какие обстоятельства повлияли на действия участников происшествия; скорость движения автомобиля и пешехода. Все обнаруженные объекты и следы в ходе осмотра места происшествия должны быть правильно привязаны к выбранному неподвижному объекту, зафиксированы как в ходе составления протокола осмотра места происшествия, так и в ходе фотосъемки, а в случае необходимости правильно изъяты и упакованы.

Следователь в процессе осмотра места происшествия должен обнаружить и зафиксировать все следы причастные к происшествию, избежать, как может показаться на первый взгляд, малозначительных деталей. Это в дальнейшем поможет более точно и объективно восстановить весь механизм ДТП.

Расследуя уголовные дела данной категории, следователь должен обладать техническими познаниями, то есть должен иметь представление не только о моделях автомобилей, но и их техническом оснащении. Наиболее часто встречаются такие неисправности как, неисправности тормозов; поломка деталей рулевого механизма и привода; повреждения шин. Очень часто для их обнаружения привлекается специалист автотехник. Все неисправности, выявленные при осмотре, должным образом должны быть зафиксированы в протоколе осмотра.

Следователь должен знать и правильно применять к конкретному ДТП Правил дорожного движения (ПДД). Всестороннее знание ПДД позволяют установить взаимосвязь между нарушениями правил безопасности движения и наступлением тех или иных вредных последствий. Если в ходе расследования будет установлено, что между нарушением ПДД и наступившими последствиями отсутствует причинная связь, то данный факт исключает наступление уголовной ответственности лица, совершившего ДТП. Расследуя, дорожно-транспортные преступления одним из наиболее сложных моментов является установление причинной связи между нарушениями Правил дорожного движения и их последствиями. Важно выяснить все обстоятельства, которые предшествовали ДТП – действия водителя, пешехода, дорожную обстановку, состояние дорожного покрытия, освещенность места происшествия, знаки, дорожную разметку и т.д. Так, по статистики больше всего происшествий происходит по вине водителя или пешехода, на втором месте неудовлетворительное состояние дорожного покрытия и, на конец, на третьем месте техническая неисправность автомобиля.

Хотелось бы остановиться на особенностях расследования дорожно-транспортных происшествий, совершаемых в темное время суток. Данные происшествия характеризуются, как правило, большей степени тяжестью последствий. На практике при расследовании данного вида происшествий, в первую очередь следует обратить внимание на следующие обстоятельства:

- осмотр транспортного средства и следов на дороге и других прилегающих объектах, а так же осмотр трупа затруднен из-за плохой видимости;
- очень часто на месте происшествия практически нет очевидцев и свидетелей;
- ограничены возможности по поиску и фиксации следов ТС и вещественных доказательств;
- применение специальных средств, то же затруднено.

Ввиду указанных специфических особенностей следователю приходится уделять больше времени осмотру места происшествия, ТС, поиску и сбору вещественных доказательств и изучению дорожной обстановки, связанной с ограниченной видимостью и отсутствием дополнительного освещения.

При осмотре места происшествия следователю необходимо выяснить:

- дорожную обстановку;
- как действовал водитель в сложившейся обстановке, соблюдал ли ПДД;

- на какой сигнал светофора (если он был) двигался водитель;

- освещенность данного участка дороги;

- видимость с места водителя;

- были ли включены ближний или дальний свет фар,

- расстояние видимости при включенном ближнем и дальнем свете фар;

- были ли исправны осветительные приборы, и не было ли дополнительного источника света, который мог бы создавать помеху для водителя;

- при осмотре салона транспортного средства обратить внимание в каком положении находились осветительные приборы;

- не было ли ослепления светом фар встречного транспортного средства;

- не было ли препятствий на дороге, которые затрудняли видимость водителя;

- у очевидцев или свидетелей (если они были) выяснить скорость движения транспортного средства;

- при наезде на пешехода так же следует выяснить, с какой скоростью двигался пешеход, траекторию его движения, переходил ли он дорогу в положенном месте;

- на каком расстоянии до места наезда его заметил водитель;

- какие действия предпринял водитель, чтобы предотвратить столкновение ли наезд.

Эти обстоятельств во многом помогут следователю установить:

1) хорошо ли водитель видел дорогу и прилегающую территорию;

2) своевременно ли водитель заметил препятствие на дороге;

3) действия водителя и пешехода в сложившейся ситуации;

4) какие водитель предпринял действия для предотвращения ДТП.

В ходе расследования следователю следует учитывать наиболее часто встречающиеся причины ДТП, совершаемые в темное время суток:

- физиологическая особенность водителей, а именно повышенная утомляемость ночью (с 2 до 5 часов человек наиболее слаб физически), это влияет на эффективность зрительного восприятия. В ночное время суток у человека снижается реакция, внимание, память, мышление и т.д.

- полное отсутствие освещения или низкое качество освещения;

- дорожные знаки без светоотражающих покрытий.

Эти причины препятствуют возможности водителя принять своевременные меры для снижения скорости, предотвращения ДТП и избегания тяжких последствий.

Таким образом, полнота и объективность расследования

преступлений, совершаемых в темное время суток полностью зависит от того, насколько правильно и полно в протоколе осмотра места происшествия отражены обстоятельства и причины ДТП, зафиксирована обстановка происшествия по которым следователю предстоит определить весь механизм ДТП и установить виновность лица совершившего ДТП.

С.А. Тишков

Тактико-криминалистические особенности производства следственного осмотра по фактам безвестного исчезновения несовершеннолетнего

Преступления, связанные с безвестным исчезновением несовершенных, являются реальной угрозой правовому порядку российского общества. За 9 мес. 2012 г. зарегистрировано 11 тыс. без вести пропавших детей, при этом по состоянию на 1 октября в розыске находилось 1395 детей[1].

При расследовании преступлений данной категории особое значение приобретают поиск и исследование материальных источников информации. К основным средствам такой деятельности на стадии возбуждения уголовного дела, первоначальном и последующем этапах расследования относится следственный осмотр.

Например, в ходе расследования уголовного дела, возбужденного по факту безвестного исчезновения в г. Дятьково ученицы 5-го класса Валерии Устименко, было проведено более 30 осмотров и 20 обысков в местах возможного нахождения пропавшей девочки, изъятые предметы направлены для проведения биологических и генетических экспертиз.

По объекту исследования можно выделить осмотр места проживания (жилища) потерпевшего или места его временного пребывания, а также последнего места нахождения, где его видели очевидцы; осмотр предметов и документов; осмотр транспортных средств; осмотр места происшествия (в случае обнаружения трупа пропавшего несовершеннолетнего), а также освидетельствование обнаруженного живым потерпевшего или подозреваемого.

Задачами следственного осмотра являются обнаружение, фиксация и изъятие следов нахождения несовершеннолетнего в определенном месте или следов, свидетельствующих о возможном совершении или

[1] Материалы официального сайта Следственного комитета Российской Федерации. URL: http://sledcom.ru/news.

сокрытии преступления в отношении несовершеннолетнего. В ситуациях, когда о пропаже несовершеннолетнего сообщает его родитель или близкий родственник, в ходе следственного осмотра возможно проверить полученные от заявителя сведения, а также получить данные об условиях проживания несовершеннолетнего.

Несомненно, первоначальное значение имеет осмотр места проживания (пребывания) несовершеннолетнего. По нашему мнению данный вид осмотра должен проводиться во всех случаях, независимо от обстоятельств и времени, прошедшего после окончания предполагаемого события.

На подготовительном этапе проведения осмотра места проживания пропавшего несовершеннолетнего целесообразно точно уяснить к какой возрастной группе относится потерпевший (младенческий – до 1 года, детский – от 1 до 3 лет, подростковый – от 7 до 15 лет, юношеский – от 15 до 17 лет). Знание возраста и этапа развития подростка позволит направить поиск на важные детали, позволяющие определить привычки и круг общения несовершеннолетнего.

При осмотре жилого помещения, занимаемого несовершеннолетним и членами его семьи, следует исследовать и зафиксировать обстановку во всем жилище, включая состояние и расположение предметов мебели и иных предметов домашнего обихода, санитарное состояние в целом и в отдельных комнатам, включая ванную комнату и туалет.

Особое внимание следует обратить на комнату или место, отведенное для отдыха и занятий несовершеннолетних детей, на наличие (отсутствие) игрушек, письменных принадлежностей, учебников и тетрадей, на состояние постельных принадлежностей. Целесообразно осмотреть личные вещи потерпевшего: одежду, книги, предметы, характеризующие его увлечения, компьютер, рукописные записи и т.п. Их исследование позволяет получить более полное представление о свойствах личности пропавшего, его психическом состоянии, а также выявить следы возможных фактов насилия.

Аналогичным образом фиксируется обстановка при осмотре помещений образовательных, воспитательных и лечебных учреждений по месту учебы, проживания либо лечения несовершеннолетнего. При этом следует иметь в виду, что осмотр помещения организации, согласно ст. 177 УПК РФ, производится в присутствии представителя администрации соответствующей организации[1].

[1] Мусеибов А.Г. Особенности расследования преступлений, предусмотренных статьей 156 Уголовного кодекса Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».

Поскольку дети младенческого, дошкольного и младшего школьного возраста нередко становятся жертвами семейного насилия, их трупы зачастую могут быть обнаружены по месту жительства или неподалеку от него. При этом близкие родственники в ряде случаев отрицают свою причастность к преступлению, заявляют, что им неизвестны обстоятельства происшествия или выдвигают версию о несчастном случае. Нередко, убив близкого человека и приняв меры к уничтожению или сокрытию трупа, преступники придумывает какое-либо ложное объяснение пропажи потерпевшего.

Поэтому при отработке версии об исчезновении с целью сокрытия возможного убийства необходимо искать: труп, его части и следы уничтожения (осколки костей, кусочки мышечных тканей и др.); следы крови на предметах вещной обстановки, одежде, обуви, головном уборе, других вещах исчезнувшего.

В условиях сельской местности необходимо осмотреть прилегающую территорию и хозяйственные постройки (сараи, бани). В условиях города труп (или его части) может быть сокрыт в пределах двора, выброшен в выгребную яму, мусорный бак, канализационный колодец.

Важной задачей осмотра является отыскание следов крови. Как правило, они бывают уже замыты или затерты. Поэтому необходимо обращать внимание на все подозрительные пятна, обследовать всю мебель, одежду, пол, плинтуса, щели в полу между кафельными плитками, возле плинтусов, нижние поверхности стульев и т.п. С использование технико-криминалистических средств необходимо осмотреть одежду исчезнувшего и одежду проживающих с ним лиц в целях обнаружения следов крови, волокон одежды потерпевшего и т.п.

Значительную пользу могут принести обнаруженные следы рук исчезнувшего несовершеннолетнего, которые могут подтвердить факт нахождения потерпевшего в осматриваемом помещении или быть использованы для отождествления его личности в случае обнаружения обезображенного трупа. В целях организации розыска и дальнейшего отождествления личности потерпевшего необходимо изъять фотографии, максимально соответствующие возрасту и внешнему виду несовершеннолетнего перед безвестным исчезновением, а также объекты содержащие данные о его ДНК (расчески, зубные щетки, шапки и т.п.).

Особое значение имеет обнаружение вещей исчезнувшего, которые должны были находиться при нем. Наличие по месту жительства пропавшего несовершеннолетнего подросткового или юношеского возраста личных документов, вещей (например, одежда, сотовый телефон, часы, очки, кольца, сумочка и пр.), без которых он обычно не

отлучался из дома, и денежных средств, без которых он не может обойтись в случае длительного отсутствия, может свидетельствовать о возможном совершении преступления.

Отсутствие указанных предметов, принадлежащих потерпевшему, в месте осмотра может свидетельствовать самовольном уходе несовершеннолетнего из дома.

Наряду с поиском материальных следов пребывания несовершеннолетнего в определенном месте в ходе осмотра возможно установить особенности его предкриминального поведения, контакты жертвы с предполагаемым преступником, выполнения последним действий, образующих объективную сторону преступления.

В современных условиях существенный интерес представляет и переписка, которую вел потерпевший, в том числе и в социальных сетях, с родственниками, знакомыми и друзьями, из которой можно получить разнообразные сведения о возможном преступлении. Поэтому необходимо провести осмотр документов (дневников, личных записей) и осмотр предметов (системного блока компьютера, сотового телефона). В дальнейшем данные объекты целесообразно направить на судебные экспертизы соответствующего рода (вида).

При осмотре также могут быть обнаружены следы других преступлений, совершавшихся до обнаружения расследуемого деяния.

Осмотр транспортных средств как разновидность следственного осмотра предметов позволяет установить факт нахождения ребенка в транспортном средстве или транспортировки трупа потерпевшего. В зависимости от следственной ситуации необходимо осмотреть транспортные средства, принадлежащие родителям (опекунам) пропавшего несовершеннолетнего, а также принадлежащие подозреваемым. Осмотр целесообразно проводить по зонам (узлам), уделяя особое внимание салону и багажнику, при этом последовательность осмотра может изменяться в соответствии с поставленными задачами.

В целях обнаружения несовершеннолетнего или его трупа необходимо организовать осмотр участков местности в местах возможного нахождения потерпевшего. Для осмотра и прочесывания больших по площади участков местности возможно привлечение волонтеров, дружинников и студентов юридических ВУЗов.

При обнаружении трупа несовершеннолетнего, в условиях дефицита информации об обстоятельствах, причине смерти, важное значение имеет осмотр места происшествия и наружный осмотр трупа потерпевшего. В соответствии с УПК РФ в осмотре должны участвовать специалисты в области судебной медицины, специалисты-криминалисты. Данные виды осмотра необходимо проводить в

соответствии с общими криминалистическими рекомендациями. Изъятые вещественные доказательства позволят определить способ совершения преступления, включая подготовку, совершение преступного деяния и сокрытие его следов, роль возможных участников преступления.

Например, при расследовании уголовного дела, возбужденного факту убийства 9-летней Ани Прокопенко в г. Пятигорске, в ходе осмотре места происшествия были изъяты предметы для назначения и производства комплекса сложных судебных экспертиз. Полученные результаты подтвердили версию следствия о том, что на одежде девочки обнаружены следы подозреваемого Амбарцумова[1].

При обнаружении пропавшего несовершеннолетнего живым проверке заявления, одновременно с осмотром места происшествия или даже до его начала целесообразно освидетельствование потерпевшего. К целям его проведения следует относить обнаружение не только признаков физического насилия в виде телесных повреждений, которые представляют собой обнаруживаемые при визуальном осмотре изменения на теле человека, возникшие в результате внешнего воздействия и причинившие страдания потерпевшему, но и иных следов предполагаемого преступления. В ходе этого следственного действия необходимо обеспечить участие специалистов в области судебной медицины. В случае если на одежде несовершеннолетнего обнаружены следы преступления, она подлежит осмотру и изъятию.

При задержании подозреваемого необходимо провести его освидетельствование на предмет выявления следов преступления и иных признаков, имеющих значение для расследования, в соответствии со ст. 179 УПК РФ.

Таким образом, при расследовании преступлений, связанных с безвестным исчезновением несовершеннолетнего, следственный осмотр является одним из наиболее применимых и эффективных следственных действий, позволяющих получить важную в криминалистическом плане информацию.

[1] Материалы официального сайта Следственного комитета Российской Федерации. URL: http://sledcom.ru/actual.

В.Ю. Толстолуцкий
А.М. Шувалова

Выдвижение версий с помощью компьютерной программы «ФОРВЕР»

Раскрытие преступлений до настоящего времени остается острой проблемой, стоящей как перед практиками, так и перед учеными-криминалистами. Не случайно в первом пункте приказа Следственного комитета Российской Федерации от 15.01.2011 № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» указывается, что усилия следственных органов должны быть направлены на раскрытие каждого преступления, а так же полное, всестороннее и объективное его расследование, выявление и устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Отметим п. 1.32 этого же приказа, в котором подчеркивается необходимость более широкого внедрения компьютерных программ в следственную деятельность: «Организовать использование следователями современных компьютерных учетных и аналитических программ, в том числе специальных программно-технических комплексов («АРМ следователя»). Вносить предложения по их совершенствованию». К числу таких программ можно отнести программу формирование версий («ФОРВЕР»), созданную для раскрытия убийств и других преступлений, с помощью которой возможно осуществлять выдвижение обоснованных версий.

В основе программы «ФОРВЕР» лежит новое криминалистическое понятие – электронная криминалистическая характеристика преступлений (далее КХП). Под электронной КХП понимается, используя терминологию «компьютерщиков» - специалистов по базам данных, классификатор данных, позволяющий описывать в виде криминалистически значимых признаков отдельный вид или группу преступлений, а так же набранную по этому классификатору базу реальных уголовных дел. В результате набора базы данных раскрытых уголовных дел одного вида, создается однородная статистическая совокупность.

Важно отметить, что электронная криминалистическая характеристика состоит из двух уровней: признака и его значений. Например, признак пол, имеет два значения: мужской и женский. Полный перечень значений признака может достигать 22, в случае характеристики отношения преступника к жертве по степени родства и знакомства. Такой подход приводит к тому, что версия «преступник мужчина, муж потерпевшей» представляет собой только одну из 44

версий.

Другим компонентом программы является модуль обработки набранной базы данных. В созданном в 2008 г. руководстве для следователей, был приведен самый простой способ использования «ФОРВЕР». Он сводится к методу аналогии, то есть поиску аналогичного убийства в компьютерной базе данных. Этот метод весьма близок к мыслительному процессу опытного следователя. Когда число раскрытых конкретным следователем убийств переваливает за определенную величину, то его «опытность» выражается в обнаружении повторяемости во вновь расследуемых преступлениях некоторых сторон, ранее уже наблюдавшихся им в преступлениях.

Обращение к программе при таком подходе позволяет просмотреть всю базу уголовных дел и найти подобные преступления, а при необходимости поднять их из архива[1].

Кроме поиска аналогичного дела, программа предлагает следователю и другой путь выдвижения версий по субъекту преступления. С помощью программы можно рассчитать условную вероятность признаков лица, совершившего преступление. Этот метод выдвижения версий основан на использовании понятия условной вероятности.

Без программы подсчитать вероятности практически невозможно. Однако это не значит, что следователь не использует мысленно данный метод. Следователи, используя образное мышление и метод аналогии (собственный прошлый опыт) подменяют вероятность версии субъективной оценкой искомой вероятности и утверждают, что могут достичь результата быстрее и проще, чем используя программу «ФОРВЕР». Надо сказать объективно, что субъективная вероятность первых двух наиболее вероятных версий опытных следователей как правило действительно очень близка к вероятности, вычисленной по программе.

Научное направление в криминалистике, в котором используются вероятностные методы, следует связать с работами нашего земляка Л.Г. Видонова. При совместной работе с ним, кафедрой уголовного процесса и криминалистики ННГУ им. Н. И. Лобачевского в 2006 г. была предпринята попытка компьютеризации руководства Л.Г. Видонова (2002 г.) в виде программы «КРИМРАСС» – криминалистика: расследование преступлений.

---

[1] Толстолуцкий В.Ю. Использование компьютерной программы «ФОРВЕР» в раскрытии и расследовании убийств. Руководство для следователей. Следственное управление Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по Нижегородской области. Отдел криминалистики. Н. Новгород, 2008. С. 6.

В конце 2012 г. создана версия «ФОРВЕР-Следователь», с помощью которой был проведен анализ составляемых следователем-криминалистом документов, называемых «Справка по нераскрытому уголовному делу». В справках излагаются следственные версии, в которых приводится портрет предполагаемого преступника. Одним из характерных примеров таких версий являются версии, выдвинутые по убийству женщины в возрасте около 75 лет, найденной в своей квартире.

По делу были выдвинуты следующие версии.

Версия № 1. Убийство Д. совершено ранее знакомыми ей лицами в ходе ссоры или по какой-то иной причине.

Версия № 2. Убийство Д. совершено ранее ей незнакомыми людьми на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений.

Версия № 3. Убийство Д. совершено ранее ей незнакомыми людьми, с целью хищения имущества.

Анализ приведенной системы версий позволяет обнаружить в ней ряд недостатков. Основными из них являются:

1. Не перечислены все возможные версии.

2. Мало признаков, которые характеризуют неустановленное лицо.

Несмотря на кажущуюся объемность системы выдвинутых версий, на самом деле в версионной системе использованы только 2 признака: отношение к жертве и мотив. При этом крайне мало число учтенных значений первого признака (их два): знакомые и незнакомые; а так же второго признака (четыре значения): ссора, внезапно возникшие личные неприязненные отношения, корыстный мотив, иная причина.

Версии, которые представлены в деле, по существу есть перебор вариантов разных значений двух признаков. Следуя этой логике, общее число версий у следователя должно быть 8, а не три. Получается, 5 версий следователем не приняты во внимание, например следующая версия: «Убийство совершено знакомыми, по корыстному мотиву».

Поскольку отработка выдвинутых версий не дала положительного результата, через 2,5 месяца были дополнительно выдвинуты следующие версии.

Версия № 4. Убийство Д. совершено ранее не знакомыми ей лицами с целью хищения денежных средств и ценностей, хранящихся в ее квартире.

Версия № 5. Убийство Д. совершено ее родственниками с целью завладения ее квартирой.

Как видим, расширение числа версий проведено только за счет расширения числа значений уже использованных признаков. В версии № 4 для признака «отношение к жертве» дополнительно учтено значение «совершено ранее не знакомыми ей лицами», а для признака «мотив», учтено значение: «с целью хищения денежных средств и ценностей,

хранящихся в ее квартире». В версии № 5 к этим же признакам добавлены значения: «родственники» и «завладение квартирой».

Таким образом, в новой версионной системе число признаков не изменилось. Увеличилось лишь число их значений: для первого признака до 4-х, для второго до 6-ти. Общее число вариантов возросло до 24-х, однако из них рассматривается только 5 версий.

Программа «ФОРВЕР-Следователь» сразу выдвигает 44 версии и анализирует их по степени вероятности. Тем самым исключаются указанные выше недостатки версионной системы.

С нашей точки зрения, недостатком субъективного восприятия следователем картины совершенного преступления и выдвинутых в последующем версий следует считать то, что версии не оцениваются по степени их приоритетности (вероятности) и поэтому рассматриваются не все, а лишь ограниченный круг. Кроме того, предполагается, что система выдвинутых версий обязательно включает в себя верную версию. Фактически проверка версионной системы проводится последовательным исключением отрабатываемых версий.

Поскольку правильной является только одна версия, то вероятность подтверждения каждой из версий составляет 1/5.

Программа же позволяет расположить версии по степени их вероятности, поставив наиболее вероятные на первое место.

В программе «ФОРВЕР – Следователь» реализован подсчет условных вероятностей версий. Причем, эти вероятности пересчитываются по пополняемой базе данных, состоящей из раскрытых уголовных дел.

Использование программы по данному делу позволяет учесть следующие условия: пол и возраст (женщина, старше 50 лет); квартира потерпевшей; способ: 1 колото-резанная рана; 5 рубленых ран; время 19-24. В результате, из 44 версий по полу преступника и его отношению к жертве, наиболее вероятной (с вероятностью 34,20%), становится версия «преступление совершено женщиной, знакомой потерпевшей». Вторая по вероятности версия - «мужчина, сожитель» имеет вероятность 14,48%, то есть практически в 3 раза менее правдоподобна.

Программа позволяет убрать версии, которые невозможны для данного случая: нет мужа, нет сожителя, нет сына. После их исключения наиболее вероятная версия «преступление совершено женщиной, знакомой потерпевшей» повышается в своей вероятности до 70,13%. Вторая по вероятности версия – «мужчина; знакомый», имеет вероятность 8,74%, что в 8 раз менее правдоподобно по отношению к первой версии.

Возвращаясь к версионной системе реального уголовного дела отметим, что в ней не указывается пол преступника. По той простой причине, что считается само собой разумеющимся, – преступник

мужского пола.

Тогда как программа позволяет получить, значение «соседка» с вероятность 88,10%.

В заключение отметим, что уголовное судопроизводство и криминалистика – неразрывно связанные сферы деятельности, объединенные единой целью установления признаков преступлений, выявления и изобличения совершивших их лиц, получения достаточных правовых оснований для их привлечения к ответственности.[1] Доказывание – основное содержание уголовного судопроизводства. Выдвижение версий, их проверка, создание возможностей для осуществления доказывания, – основное содержание криминалистической деятельности. Разработанные криминалистикой методические рекомендации, приемы являются средствами повышения эффективности деятельности следователя. Учитывая интенсивное внедрение перспективных информационных технологий во все сферы жизни, современные научно-технические средства должны найти свое место и в работе следственных органов.

И.С. Трубчик

Особенности проведения освидетельствования

Освидетельствование – представляет собой следственное действие подобное осмотру, отличием от него является то, что предметом освидетельствования выступает не вещь, а живой человек.

Применительно к методике расследования преступлений, связанным с убийствами, изнасилованием, насильственными действиями сексуального характера и другими преступлениями против личности следователем чаще всего принимается решение о проведении освидетельствования.

В большинстве случаев успех расследования конкретного преступления достигается благодаря своевременному проведению освидетельствования, которое проводится с целью обнаружения следов, особых примет, телесных повреждений на теле живого лица с последующим использованием их как доказательства.

В уголовно-процессуальном законодательстве нашли отражение особенности проведения освидетельствования, на которые следует обращать внимание следователю, они состоят в следующем:

- невозможность присутствия следователя при непосредственном

[1] Исаенко В.Н. Криминалистическая подготовка прокурорских работников, участвующих в уголовном судопроизводстве // СПС «Консультант плюс».

изучении тела освидетельствуемого лица другого, чем следователь, пола;

- присутствие понятых одного пола с освидетельствуемым лицом, если оно сопровождается обнажением последнего (в тех ситуациях, когда понятые по усмотрению следователя участвуют в освидетельствовании);

- недопустимость действий, унижающих честь и достоинство освидетельствуемого лица или опасных для его здоровья при проведении освидетельствования;

- в определенных случаях освидетельствования допустимо проводить в принудительном порядке.

При проведении освидетельствования следователи зачастую проводят одновременно осмотр тела и одежды при этом отражают полученные результаты в одном протоколе освидетельствования. Необходимо отметить, что совмещение двух разных следственных действий, недопустимо при проведении освидетельствования.

Освидетельствования и осмотр одежды сходны, по сути, и направлены на обнаружение следов и других вещественных доказательств, возникновение которых связано с совершением преступления.

Следователю необходимо выполнить два следственных действия – освидетельствование и осмотр одежды

Законодатель не выделяет в самостоятельное следственное действие осмотр одежды, а предусматривает в ст. 176 УПК РФ «осмотр предметов».

В случаях несвоевременного осмотра одежды или его промедлениях приводит к потере важных доказательств против подозреваемого, для получения которых впоследствии приходится назначать дополнительные следственные или экспертные действия, что снижает качество расследования.

Задача освидетельствования может состоять только в установлении на теле человека особых примет, в этом случаи необходимость одновременного осмотра одежды отпадает вообще. В этом случае следователь, должен исходить из конечной цели проводимого освидетельствования и фактических данных послуживших основанием для назначения указанного процессуального действия.

Как показывает следственная практика при освидетельствовании, одновременно проводится и личный обыск, объектом которого также является тело и одежда обыскиваемого. Эти следственные действия имеют аналогичные процессуальные черты. Они, как правило, производятся при задержании подозреваемого лица, с участием понятых того же пола; их производство возможно в принудительном

порядке, но без применения действий, унижающих достоинство или опасных для здоровья человека.

При проведении личного обыска следователю необходимо обратить внимание на то, что данное следственное действие отличается от освидетельствования целенаправленностью, и заключается в поиске орудий преступления, предметов, ценностей и документов, скрываемых при себе лицом (ст. 93 и ст. 184 УПК РФ)

При освидетельствовании объектом является живое тело человека, а при личном обыске объектом выступают предметы, находящееся у обыскиваемого лица (папки, поясные сумки, зонты и пр.). Цель личного обыска заключается в обнаружении и изъятии скрываемых предметов, денег и т.п. При освидетельствовании обнаруженные особые приметы и следы преступления изучаются, сопоставляются, при необходимости измеряются и описываются в протоколе следственного действия.

При освидетельствовании главным является обнаружение на теле человека особых примет. К телу человека может относиться любая его часть: голова, туловище, ноги, руки, включая естественные и иные отверстия в теле человека и его частях.

В качестве особых примет могут быть аномалии (укороченность или искривление конечностей либо их отсутствие, хромота, операционные шрамы, дефекты речи заикание и т.п.)

Особые приметы бывают врожденными и приобретенными. К врожденным приметам относятся: родимые пятна, шрамы, рубцы, пигментация и др., а к приобретенным накожные приметы: татуировки, татуажи, которые помогают не только установить и опознать личность и распознать круг интересов человека, отношение к жизни и другие обстоятельства. По некоторым приметам и местам их расположения можно судить и о профессии человека. Об этом свидетельствуют и специфические запахи, исходящие от тела освидетельствуемого либо его одежды (например, рабочий кондитерской фабрики, водитель бензовоза)

Результативность проведения освидетельствования во многом определяется не только соблюдением процессуальных требований при его проведении и применением тактических приемов, но и характером следственных ситуаций, возникающих в процессе расследования, личностью освидетельствуемого, психологическими особенностями его поведения, а также опытом следователя, его умением и навыками.

Процессуальный закон позволяет в рамках освидетельствования не только обнаруживать следы, особые приметы, телесные повреждения на теле освидетельствуемого, но и выявлять некоторые состояния его организма, в частности опьянение, иные свойства и признаки,

имеющие значение для дела (ст. 179 УПК РФ). Это обстоятельство находит отражение в ряде иных законодательных актов.

При проведении освидетельствования не допускается действий, унижающих достоинство освидетельствуемого лица или опасных для его здоровья. В частности, осуществляя принудительное освидетельствование особенно важно, чтобы действия следователя не носили оскорбительного характера и не причиняли физические и нравственные страдания освидетельствуемому лицу.

В соответствии с ч. 5 ст. 179 УПК РФ фотографирование, видеозапись и киносъемка в случае обнажения освидетельствуемого лица осуществляется с его согласия. При обнажении тела освидетельствуемого лица, где могут располагаться телесные повреждения, особые приметы или татуировки этично не фотографировать лицо освидетельствуемого. Но об этом обязательно должно быть зафиксировано в протоколе и надлежащим образом удостоверено.

В соответствии со ст. 179 УПК РФ, принудительное освидетельствование может быть осуществлено в отношении как обвиняемого и подозреваемого, так и потерпевшего и, в порядке исключения, свидетеля.

Принудительное освидетельствование следователю следует осуществлять в самых крайних ситуациях, когда исчерпаны все возможности убеждения, при этом разъяснения необходимость освидетельствования как средства отыскания истины по уголовному делу. В этом случае необходимо учитывать, что другие обстоятельства не могут быть установлены с помощью иных средств доказывания. По возможности следователь должен поручить непосредственное изучение тела освидетельствуемого лица врачу, что может снять негативные эмоции у освидетельствуемого. Необходимо отметить, что при освидетельствовании врач использует свои медицинские знания в целях обнаружения, фиксации и изъятия, особых примет, следов преступления, телесных повреждений, имеющих значение для дела. Врач может дать характеристику имеющихся на теле повреждений (ссадин, кровоподтеков); помогает правильно описать обнаруженные повреждения, точно указав их локализацию, а также о возможном расположении потерпевшего и преступника в момент образования на теле освидетельствуемого лица тех или иных повреждений.

До начала проведения освидетельствования следователь выносит постановление.

Процессуальное закрепление результатов освидетельствования осуществляется посредством составления протокола данного следственного действия, как в процессе его проведения, так и после его

завершения.

Протокол освидетельствования традиционно, состоит из вводной, описательной и заключительной частей.

Вводная часть протокола включает в себя: основание назначения освидетельствования, место, время и условия его проведения, лицо, осуществляющее непосредственное обследование тела освидетельствуемого, состав участников освидетельствования с указанием фамилий и инициалов, адресов понятых (если они участвовали в освидетельствовании), ознакомление освидетельствуемого лица с постановлением о производстве освидетельствования, ознакомление освидетельствуемого лица с его правами и обязанностями, и обязательностью проведения освидетельствования.

Проводя освидетельствование, следователь разъясняет о недопустимости осуществления действий, унижающих достоинство освидетельствуемого лица или представляющих опасность для его здоровья.

Врач, а также иные специалисты, участвующие в проведении следственного действия, предупреждаются об ответственности за отказ или уклонение от выполнения своих обязанностей. Участники освидетельствования удостоверяют своими подписями разъяснение следователем их прав и обязанностей.

Описательная часть протокола содержит подробное изложение хода освидетельствования описывается процесс установления личности освидетельствуемого лица, указывается способ преодоления сопротивления в случаи воспрепятствования проведению следственного действия; перечисляются технические средства и приемы их использования. Описание полученных результатов осуществляется по ходу их установления.

Особое внимание следует обращать на описание следов преступления и особых примет, которые устанавливаются при освидетельствовании.

В процессе описания следов преступления целесообразно придерживаться следующей последовательности и указывать: конкретное место их обнаружения (предплечье левой руки, грудь, спина, левый висок и т.п.), вид следов в соответствии с принятой классификацией, их количество, взаимное расположение и расположение относительно данных частей тела, форма, размер, цвет, наличие выраженных особенностей.

В протоколе при описании особых примет следует указывать: наименование, характер, местонахождение, форму, размер, цвет, наличие поверхностных наложений.

Применительно к татуировкам должно быть указано: расположение, форма, размеры (рисунка, символа), цвет, содержание текста, цифры.

Заключительная часть протокола содержит следующие сведения о применении фотосъемки или видеозаписи, замечания, поступившие от участников следственного действия (если их не было, то об этом также делается соответствующая запись).

Г.В. Хабарова

Некоторые аспекты, касающиеся средств установления оснований для возбуждения уголовного дела

Для дефиниции понятия и содержания «Средства установления оснований для возбуждения уголовного дела» необходимо установить смысловое содержание определяемого термина «средство». Итак, это способ или инструмент, орудие, устройство, приспособление и т.п. или совокупность их, необходимые для выполнения какой-либо работы или достижения какой-либо цели.

Для понимания содержания средства установления оснований для возбуждения уголовного дела необходимо рассматривать это определение в двух аспектах: с точки зрения криминалистики и уголовного процесса.

С точки зрения криминалистики, средства установления оснований находятся в одном из разделов данной науки - криминалистической технике. Существует множество понятий отрасли, однако, наиболее приемлемо (на мой взгляд) криминалистическую технику употребить в смысле особых средств и приемов собирания, исследования и использования судебных доказательств уголовном процессе. Все частные теории и учения представляют собой крупные блоки научного знания, которые включают в себя интересующий нас предмет изучения. Криминалистика выделяет следующие отрасли[1]:

1. Криминалистическая фотосъемка, киносъемка, магнитная видео- и звукозапись;
2. Криминалистическая трасология;
3. Криминалистическое исследование документов;
4. Криминалистическая габитоскопия;
5. Криминалистические учеты
6. и другие отрасли.

Криминологическая фотосъемка, киносъемка, магнитная видео- и

[1] Баев О.Я. Основы криминалистики: курс лекций. М. 2009. С. 158.

звукозапись включает в себя такие средства установления основания для возбуждения уголовного дела, как: фотоаппараты, кинокамеры, видеокамеры, диктофоны[1].

Криминалистическая трасология – это криминалистическое учение о следах. Является одним из центральных разделов криминалистической техники, в котором изучаются теоретические основы и закономерности возникновения следов, отражающих механизм совершения преступления; разрабатываются рекомендации по применению методов и средств обнаружения, изъятия и исследования следов в целях выяснения обстоятельств, значимых для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений[2]. В данном разделе средствами установления основания для возбуждения уголовного дела являются: слепки следов ног, рук и других частей тела, магнитный порошок, дактилоскопическая пленка[3].

Криминалистическая габитоскопия – это отрасль криминалистической техники, изучающая закономерности запечатления внешнего облика человека в различных отображениях и разрабатывающая технико-криминалистические средства и методы собирания, исследования и использования данных о внешнем облике в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Здесь средством является фоторобот злодея или другого лица имеющего отношение к преступлению[4].

Криминалистическое исследование документов включает в себя технико-криминалистическое исследование документов, криминалистическое почерковедение, криминалистическое автороведение. Средствами установления оснований для возбуждения уголовного дела в этом случае будут являться: электронно-оптические и увеличительные приборы, измерительные инструменты, приборы с ультрафиолетом и инфракрасными лучами, прибор для снятия фонограммы, специальные лампы, компьютеры[5].

Криминалистический учет – это своеобразное средство борьбы с преступностью. Он представляет собой особую информационную систему правоохранительных органов, состоящей из регистрации, сосредоточения и систематизации сведений, имеющих уголовно-правовое и розыскное значение для раскрытия, расследования и

---

[1] Вагурина М.В. Криминалистическая фотография, киносъемка и видеозапись: учебное пособие. М., 2005. С.13

[2] Аверьянова Т.В., Белкин, Р.С. Криминалистика. М., 2000. С. 990

[3] Майлис Н.П. Трасология: учебник. М., 2011. С. 256.

[4] Зимина А.М. Габитоскопия: учебное пособие. М., 2006. С. 120.

[5] Проткин А.А. Криминалистическое исследование документов: учебное пособие. М., 2011. С. 130.

предупреждения преступления. Основными криминалистическими учетами являются: ГИЦ МВД, ЗИЦ, ИЦ МВД ГУВД УВД; ГУ ЭКЦ МВД России, ЭКУ, ЭКО МВД, ГУВД, УВД.[1]

Но это все было рассмотрено с точки зрения криминалистики, а теперь рассмотрим понятие «средства установления оснований для возбуждения уголовного дела» с точки зрения уголовного процесса.

Предоставление гражданином информации устно оформляется объяснением. Вместе с тем перед истребованием объяснения лицо не предупреждается об ответственности за отказ от дачи показания и дачу заведомо ложных показаний. При получении объяснений от несовершеннолетних лиц к участию в проверочном мероприятии следует приглашать педагога и законного представителя.[2]

Документы, отражающие требования правоприменителя, составляются в произвольном виде, но в официальном стиле, с указанием всех реквизитов, присущих деловым письмам.

Получение объяснения в ходе предварительной проверки формально противоречит УПК РФ. Однако, в законе имеется общая норма (ч. 4 ст. 21 УПК РФ), обязывающая предоставить по требованию, запросу следователя, органа дознания и дознавателя необходимые сведения любому учреждению, предприятию, организации, должностному лицу или гражданину. Устное требование органа предварительного расследования позволяет получать объяснения у лиц, участвующих в предварительной проверке. Кроме того, истребовать объяснения можно, руководствуясь нормами федеральных законов, регламентирующих деятельность правоохранительных органов, должностные лица которых осуществляют предварительную проверку (например, ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре РФ», ст. 11 Федерального закона «Об ОРД» и т.д.).

Сведения о наличие преступления могут быть получены и другими средствами, регламентированными и иными федеральными законами, а так же ведомственными актами, в частности путем назначения и производства судебно-медицинских обследований (исследований), при проведении исследовании веществ и объектов, исследований изъятого вещества для установления принадлежности к наркотическим средствам и психотропным веществам.

В следственной практике для решения вопроса о медико-юридической оценки степени тяжести вреда, причинённого здоровью человека, назначается производство экспертного обследования

[1] Возгрин И.А. Криминалистика. Т. 1. СПб., 2008. С. 400.
[2] Божьев В.П. Уголовный процесс: учебник. М., 2011. С. 196.

потерпевшего, обвиняемого или другого лица. Согласно закону «следователь вправе произвести освидетельствование обвиняемого, подозреваемого, свидетеля или потерпевшего для установления на теле следов преступления или наличия особых примет, если при этом не требуется судебно-медицинской экспертизы» (см. ст. 179 УПК РФ). В таком следственном действии может принять участие врач любой специальности или специалист в естественных дисциплинах. Экспертное обследование, не требующее участия клинициста и производства специальных методов исследования (обследования), осуществляет единолично врач судебно-медицинский эксперт. В случае необходимости решения вопросов требующих разносторонних специальных знаний в медицине либо некоторых естественных науках, экспертизу производят комиссионно.

Экспертное обследование потерпевшего только по медицинским документам (карта стационарного либо амбулаторного больного, рентгенограммы, заключения консультантов – врачей-специалистов и др.) допускается при невозможности проведения обследования потерпевшего. В таких случаях комплект подлинных медицинских документов должен содержать исчерпывающие данные о характере повреждений, их клиническом течении и иные сведения, необходимые для установления вида, характера, давности нанесения, механизма образования, конструкции орудия травмы, вреда здоровью причиненного повреждением (повреждениями) и сведения об определившемся исходе. Документы должны быть заверены подписью лечащего врача, заведующего медицинским учреждением и скреплены печатью учреждения. Если медицинские документы эксперту не предоставлены, он заявляет лицу или органу, назначившему экспертизу, ходатайство о предоставлении соответствующих материалов.

В необходимых случаях, помимо непосредственного обследования потерпевших, судебно-медицинский эксперт обязан после согласования между начальником бюро судебно-медицинской экспертизы или его заместителем по экспертной работе и должностным лицом, назначившим экспертизу, произвести в указанное время в бюро или лечебном учреждении комиссионную медицинскую судебную экспертизу; врач-клиницист, будучи ознакомлен с правами и обязанностями и предупрежден об уголовной ответственности за заведомо ложное заключение, становится членом комиссии медицинских судебных экспертов[1].

Вещества и материалы как источники информации о способе

[1] Балашов Д.Н. Криминалистика: учебное пособие. М., 2010. С. 129.

совершения и сокрытия преступления, преступнике, обстоятельствах преступного события используются очень давно. При совершении преступления субъект невольно или намеренно изменяет внешнее строение, состав или структуру этих объектов, которые могут являться следами-предметами или следами-веществами. Интеграция в эту сферу достижений естественных и технических наук позволяет исследовать вещества и материалы, взятые как в макро-, так и в микроколичествах и получать ценную розыскную и доказательственную информацию.

В рамках криминалистического исследования веществ и материалов изучаются те из них, которые наиболее распространены в следственной практике:

- наркотические вещества и лекарственные средства;
- лакокрасочные покрытия и материалы;
- металлы и сплавы;
- волокнистые материалы;
- нефтепродукты и горюче-смазочные материалы;
- стекло, фарфор, фаянс, керамика;
- полимерные вещества и материалы;
- парфюмерные и косметические средства и некоторые иные.

Способом установления основания для возбуждения уголовного дела являются как инструменты, приспособления, жидкости, которые способствуют исследованию веществ и предметов, имеющих оперативный интерес, так и следственные действия: опросы, получения объяснений, исследование предметов.

Г.В. Хабарова
Е.В. Иванова

Некоторые способы получения вещественных доказательств

Важнейшей составной частью деятельности следователя при расследовании преступлений является доказывание. А для осуществления успешной борьбы с преступностью необходимо, чтобы по каждому уголовному делу были установлены фактические обстоятельства происшедшего с точностью до последней детали. Доказательства, помогут установить такие фактические обстоятельства. А точность и детализация зависит от качества обнаружения, получения и дальнейшего их хранения. Лишь при этом условии представляется возможным правильно разрешить в ходе уголовного судопроизводства вопрос о наличии состава преступления, о виновности конкретного лица в совершении преступления и применить к нему справедливое наказание.

Истребование как способ получения вещественных доказательств складывается из нескольких последовательных действий: составление и направление письменного требования лицу или органу, в распоряжении которого находится искомый объект; доставление истребованного объекта адресату, отражение указанного факта и индивидуальных признаков объекта в материалах уголовного дела; приобщение предмета или документа к делу. Следует, что самое первое требование, которое предъявляется к данному процессуальному действию – это письменная форма. Этим не только предотвращается получение ненадлежащего объекта, но и обеспечивается интересы предприятий и организаций, так как представление предмета или документа по устному запросу не оставило бы следов в делопроизводстве предприятия. Необходимость составления письменного запроса послужит препятствием и для неправомерного истребования предметов и документов, в том числе и в случаях, когда фактически произведенная выемка маскируется так называемой «добровольной выдачей». Также наличие в деле письменного требования или запроса объясняет пути появления доказательства в деле.

Исходя из применяемой законодателем терминологии в ч. 4 ст. 21 УПК РФ, искомый документ должен именоваться требованием или запросом об истребовании документов. В нем должны отражаться данные об адресате, материалах, подлежащих истребованию, и указываться, в связи с чем возникла необходимость в заявлении такого требования, куда, кому и в какой период перечисленные объекты должны быть представлены, а также статья УПК РФ в порядке исполнения которой производится данное указание. Требование должно содержать отметку о наличии приложений, подпись должностного лица. Истребимый объект должен представляться с сопроводительным письмом, в котором указывается факт придачи предмета (документа) от адресата (отправителя) получателю, его индивидуальные признаки.

Таким образом, истребование предметов и документов – процессуальное действие, предназначенное для собирания доказательств и осуществляемое следователем путем предъявления (направления) письменного требования к гражданам (в том числе участникам уголовного процесса), должностным лицам органов государственной власти и местного самоуправления, предприятиям, организациям, учреждениям о представлении предметов и документов имеющих значение для уголовного дела. Данное процессуальное действие является комплексным. Доказательствами, полученными в результате его осуществления, будут иные документы (ст. 74, 84 УПК

РФ) или вещественные доказательства (ст. 74, 81 УПК РФ).

По мнению Р.С. Белкина и А.Р. Белкина, вещественные доказательства могут быть получены при проведении следственного эксперимента. В подтверждение этого тезиса они приводят следующий пример. У жильцов комнаты общежития была совершена кража вещей. В ней подозревалась «С.», у которой при задержании изъяли связку ключей. Следователь предположил, что кража могла быть совершена с их применением. Для проверки версии был проведет следственный эксперимент. Оказалось, что один из ключей открывает комнату, из которой украли вещи. Это позволило ответить на вопрос, как С. Удалось проникнуть на место преступления. По мнению вышеназванных авторов, приведенный пример особенно нагляден, так как в нем путем следственного эксперимента было установлено доказательственное значение ключа, то есть фактически получено новое вещественные доказательство. Но как следует из описания дела, ключ, открывающий комнату, был изъят ранее, скорее всего при личном обыске. Происхождение его к моменту проведения следственного эксперимента было известно, но только после него ключ ста претендовать на статус вещественного доказательства. Отсюда следует, что поскольку криминалистическая сущность следственного эксперимента состоит в проведении опытных действий, вещественные доказательства при его осуществлении все-таки не обнаруживаются. Данное следственное действие просто способствует переводу ранее обнаруженного предмета в статус вещественного доказательства[1].

Существует мнение, что вещественные доказательства могут быть получены путем рассекречивания результатов оперативно-розыскной деятельности, однако Н.А. Попова в своей диссертации категорически отвергает данное положение и аргументирует следующим образом: предметы и документы, отражающие результаты оперативно-розыскных мероприятий, могут быть истребованы от органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, однако результаты оперативно-розыскной деятельности не могут являться вещественными доказательствами, поскольку интересуют нас с точки зрения своего содержания[2]. Противоположным мнением обладает Б.А. Таранин, который в своей статье, посвящённой проблемам формирования вещественных доказательств на основе результатов оперативно розыскной деятельности, говорит о том, что сложившаяся

[1] Егоров Н.Н. О собирании вещественных доказательств при производстве следственных действий // Российский следователь. 2004. № 6. С. 2.

[2] Попова А.Н. Проблемы собирания вещественных доказательств в досудебных стадиях российского уголовного процесса: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. С. 11.

практика показывает тот факт, что на основе полученных оперативным путем данных могут формироваться такие виды доказательств как […] и вещественные доказательства[1]. Автор приводит пример, когда материалы полученные в результате ОРД и представляющие собой аудио-, видео- и кинозаписи, фотографии, могут быть введены в уголовный процесс в качестве вещественных доказательств. С целью аргументирования данной точки зрения, можно перечислит следующие аргументы: во-первых, данные материалы являются оригинальными и незаменимыми, повторное документирование уже невыполнимо, так как провести аналогичное действие в отношении аудио- и видеозаписей невозможно; во-вторых, они отражают события сами по себе, без утверждения кем-либо, отсутствует документальный порядок их изготовления; в-третьих, отраженные ими события не преломлен через призму сознания, восприятия, зафиксированная ими информация не является следствием воспроизведения из памяти.

Порядок представления результатов оперативно-розыскной деятельности, имеющих значение для уголовно-процессуальной деятельности, регламентирован положениями ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»[2]. Основанием для рассекречивания результатов оперативно-розыскной деятельности является изменение объективных обстоятельств, вследствие которых дальнейшая защита сведений, составляющих государственную тайну, является нецелесообразной[3]. Указанное основание возникает, по мнению М.В. Молдавского, когда:

1) процесс оперативного документирования завершен, цели документирования полностью достигнуты;

2) процесс оперативного документирования не завершен, цели документирования достигнуты не в полном объеме, но дальнейшее документирование признано по тактическим соображениям нецелесообразным;

3) процесс оперативно-розыскного документирования не завершен, однако полученные результаты признаны достаточными для изобличения проверяемого лица, а дальнейшее промедление может

---

[1] Таранин Б.А. К проблеме формирования вещественных доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе // Сборник трудов. Проблемы предварительного следствия и дознания. 2006. С. 139

[2] Федеральный закон РФ от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Российская газета. 1995. 18 августа.

[3] О государственной тайне: закон РФ от 21.07.1993 № 5485-1 // Российские вести. 1993. 30 сентября.

привести к необратимым последствиям[1].

Представление результатов ОРД включает: во-первых вынесение руководителем органа, осуществляющего ОРД, постановления о предоставлении результатов ОРД следователю; во-вторых, оформление сопроводительных документов и фактическую передачу материалов.

В одной из работ, посвященных использованию вещественных доказательств автор указывает на статистику, которая отражает в ходе каких следственных и процессуальных действий были получены вещественный доказательства. Так проведенное Д.А. Лопаткиным исследование, показало: 61,7% следователей показали, что предметы, признанные вещественными доказательствами, были обнаружены ими в ходе осмотра места происшествия; 23,3% – в ходе обыска. Сами объекты изымаются в 8 раз чаще, чем их копии (оттиски и др.), при этом среди всех вещественных доказательств орудия преступления составляют 30%, следы преступления – 45%, предметы преступного посягательства – 23,3%. Осмотр предметов, которые в дальнейшем были признаны вещественными доказательствами, проводится в ходе их обнаружения и изъятия в 26,7% случаев; в ходе следственного осмотра предметов (документов) – в 83,3%[2].

Г.В. Хабарова
Е.Н. Макарова

Международный опыт регламентации и организации расследования следственной группой

События в современном мире сопровождаются появлением и развитием различных вызовов и угроз, к числу которых относятся: интернационализация преступности, расширение территориальных масштабов незаконной деятельности, вовлечение в преступные схемы граждан различных государств. Для их нейтрализации требуется создание действенных межгосударственных механизмов.

Проблема противодействия международной преступности имеет комплексный, всеобъемлющий характер: она непосредственно связана как с новым поколением вызовов в виде международного терроризма, так и с классическими их разновидностями, включая незаконную торговлю наркотиками, оружием, сексуальную эксплуатацию женщин

[1] Молдавский М.В. Представление результатов ОРД и их реализация в уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2003. С. 86-87.
[2] Лопаткин Д.А. Уголовно-процессуальное законодательство об использовании вещественных доказательств при расследовании преступлений // Следственная практика. 2003. № 1 (158). С. 209.

и детей, а также с социальными факторами – бедностью, деградацией общественных институтов в некоторых странах. Очевидно, что в одиночку государства не могут справиться с проблемой противодействия транснациональной преступности. Борьба с ней должна вестись комплексно, во взаимосвязи с другими угрозами и в тесном сотрудничестве различных государств. Результатом реализации таких разработок явилось, в частности, создание в 1998 г. Европейского полицейского ведомства, призванного координировать усилия государств – членов Европейского союза в вопросах противодействия различным видам преступности[1]. Эффективность деятельности Европола была неоднократно подтверждена результатами операций, проводившихся под его эгидой.

Основной задачей Евросоюза в правоохранительной сфере является создание единой правовой базы, в частности по совместным расследованиям и операциям. Эта задача осложняется тем, что в ряде государств, в силу различия национального законодательства, в этом направлении требуется проведение большой работы.

Во многом сложившееся положение обусловлено новизной и общим характером международно-правовых норм о совместных расследованиях, а также отсутствием знаний об уже имеющемся в мире опыте правового регулирования совместных расследований и деятельности совместных следственных групп. Сотрудничество различных государств и их правоохранительных органов в области борьбы с преступностью регламентируется, в основном, международными договорами, которые можно подразделить на многосторонние и двусторонние. К наиболее важным многосторонним международным договорам в области борьбы с организованной преступностью можно отнести:

1) Декларацию тысячелетия ООН, утвержденной резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи ООН 08.09.2000;

2) Конвенцию против транснациональной организованной преступности, принятую 15.11.2000 резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН;

3) Конвенцию об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности ЕТБ № 141 (г. Страсбург, 08.11.1990)[2];

---

[1] Решение Совета от 6.04.2009 о создании Европейского полицейского ведомства (Европол) // Journal officiel de l'Union europeenne L 121 du 15.5.2009. P. 37. Перевод и предисловие А.О. Четверикова.

[2] О ратификации Конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности: федеральный закон РФ от 28.05.2001 № 62-ФЗ // СПС «Гарант».

4) Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (г. Кишинев, 07.10.2002)[1];

5) Договор о порядке пребывания и взаимодействия сотрудников правоохранительных органов на территориях государств – участников СНГ (г. Минск, 04.06.1999).

Нельзя не упомянуть также, что Российская Федерация, согласно Указа Президента РФ от 30.07.1996 № 1113, является участницей Международной организации уголовной полиции (Интерпол).

Кроме этого РФ заключено около 40 двусторонних международных договоров о правовой помощи, в том числе по уголовным делам, вне рамок СНГ, 4 договора со странами СНГ: Республикой Грузия, Республикой Молдова, Республикой Кыргызстан, Азербайджанской Республикой, а также договоры со всеми странами Балтии – Литовской Республикой, Латвийской Республикой и Эстонской Республикой.

Согласно 4.1 ст. 63 Конвенции совместные следственно-оперативные группы могут создаваться в целях быстрого и всестороннего расследования преступлений, совершенных одним или несколькими лицами на территориях двух и более договаривающихся сторон либо затрагивающих их интересы. Создание такой группы оформляется согласно ст. 60 Конвенции, т.е. по правилам оформления поручения об оказании правовой помощи по уголовному делу, с той лишь разницей, что на принятие решения об этом отводится строго определенный срок – 15 суток с момента получения предложения о создании группы. В случае согласия на создание группы запрашиваемая Сторона со своей стороны предоставляет списки должностных лиц, включаемых ей в данную группу. После создания совместной следственно-оперативной группы взаимодействие её членов между собой происходит уже непосредственно, они согласовывают основные направления расследования, проведение следственных действий, розыскных или оперативно-розыскных мероприятий, обмениваются полученной информацией (ч. 4 ст. 63 Конвенции). Следственные действия, розыскные или оперативно-розыскные мероприятия осуществляются членами совместной следственно-оперативной группы той договаривающейся стороны, на территории которой они проводятся (ч. 5 ст. 63 Конвенции). К несколько спорным можно отнести следующие положения ст. 63 Конвенции: 1) группа имеет лишь координатора её деятельности, но не руководителя (ч. 4 ст. 63 Конвенции); 2) члены совместной

[1] О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам: федеральный закон РФ от 04.08.1994 № 16-ФЗ // СПС «Гарант».

следственно-оперативной группы одной договаривающейся стороны могут с согласия учреждения юстиции другой договаривающейся стороны лишь участвовать в проведении следственных действий, розыскных и оперативно-розыскных мероприятий на территории другой договаривающейся стороны или присутствовать при его производстве.

Совместные следственные группы представляют большой интерес ввиду того, что у Европейского союза и Европола в частности накопился значительный опыт в разрешении опасных ситуаций и достаточно большой опыт взаимодействия с различными полицейскими организациями именно в форме совместных расследований и операций.

В мае 2000 г. Советом ЕС принята Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам государств – членов Европейского союза (далее – Конвенция 2000 г.). Согласно п. 1 ст. 13 этой Конвенции компетентные органы ее сторон на основе взаимного соглашения могут создать совместные следственные группы (далее – ССГ) для расследования преступлений на территории одного или нескольких государств – членов ЕС[1].

Статья 13 Конвенции 2000 г. в качестве возможных, но неисчерпывающих оснований для создания ССГ допускает случаи:

- когда расследование преступления, осуществляемого в государстве – члене ЕС, требует проведения сложных и необходимых следственных действий, связанных с другим государством – членом ЕС;

- когда несколько государств – членов ЕС осуществляют расследование уголовных дел о преступлениях, обстоятельства которых требуют скоординированных совместных действий на территориях вовлеченных государств – членов ЕС.

Вместе с тем Конвенция не ограничивает круг расследований, которые могут проводиться такими группами, оставляя за правоохранительными и иными органами право в каждом конкретном случае решать вопрос о необходимости осуществления совместных действий.

Согласно п. 1 ст. 13 Конвенции 2000 г. ССГ могут создаваться только по взаимному соглашению (договору), заключенному компетентными органами двух или более государств, входящих в Евросоюз. Необходимо отметить тот факт, что сторонами подобных соглашений (договоров) являются именно компетентные органы государств (например, Европол и Евроюст), а не сами государства. Это

[1] URL: http://www.eurasialegal.info.

значительно повышает потенциальную эффективность использования данного правового института в силу возможности быстрого принятия согласованных решений. Такое соглашение (договор) должно определять условия организации и деятельности совместной следственной группы, ее состав и особенности деятельности.

В состав совместной следственной группы входят[1]: руководитель ССГ; члены группы; прикомандированные члены совместной следственной группы.

В соответствии со ст. 5 решения Совета ЕС от 6.04.2009 «Об учреждении Европейского полицейского ведомства (Европол)» одной из его функций является обращение к компетентным органам соответствующих государств, входящих в ЕС, с запросами о возбуждении, проведении и координации расследований и выдвижение предложений об учреждении ССГ. Правовой основой этого, кроме упомянутых документов, является Рекомендация государствам-членам от 30.11.2000 о поддержке Европолом совместных следственных групп.

Рекомендация от 8.05.2003 определила типовое соглашение, посредством которого создаются «совместные следственные группы»[2]. Данное типовое соглашение не является обязательным и может, помимо указания на цели, состав участников следственной группы, ее руководителей, бюджет, быть дополнено другими положениями, специально предусмотренными для того или иного дела.

Совместное расследование и деятельность ССГ не являются широко распространенной практикой. Но в случаях совершения преступлений против интересов ЕС в целом или нескольких государств-членов деятельность ССГ весьма эффективна.

Совместные следственные группы создавались компетентными органами Великобритании, Нидерландов, Франции и Испании – для расследования уголовного дела о незаконном обороте наркотиков, а правоохранительные органы Франции и Испании совместно расследовали дело о терроризме.

Практика деятельности последних лет свидетельствует о том, что и правоохранительные органы стран – участников СНГ начинают постепенно использовать ССГ при расследовании преступлений, затрагивающих интересы более одного государства[3].

---

[1] Гурбанов Р.А. Субъекты сотрудничества судебных органов государств – членов ЕС в сфере уголовного правосудия // Право и политика. 2011. № 9. С. 1500-1508.

[2] Recomm. 8 mai 2003, Journal Officiel de l'union europeenne, 23 Mai 2003.

[3] Литвишко П.А. Создание и деятельность совместных следственно-оперативных групп в СНГ: текущий этап нормотворчества // Российский

Однако более широкому распространению такой практики даже в необходимых случаях препятствует отсутствие достаточной правовой базы, позволяющей правоохранительным органам разных стран формировать совместные следственные группы и проводить совместные расследования.

Функционирование следственных групп является довольно дорогостоящим, что ограничивает сферу применения данного рода сотрудничества, которое касается довольно сложных уголовных дел, в рамках которых расследуются особо опасные преступления, имеющие межгосударственный характер.

А.Н. Халиков

Профилактические возможности и способы предупреждения должностных преступлений в процессе расследования уголовных дел

Установление в процессе расследования уголовных дел обстоятельств, способствовавших совершению должностных преступлений, предполагает последующее их аналитическое рассмотрение и подготовку мер для полного или частичного устранения выявленных обстоятельств, своевременную реализацию этих мер и последующий контроль за их действенностью и эффективностью. И если работа по установлению причин совершения преступлений проводится в ходе всего предварительного расследования, то перечисленные последующие действия, как правило, выполняются на конечном этапе расследования, когда собраны все необходимые доказательства об обстоятельствах, перечисляемых в ст. 73 УПК РФ. Тем самым, работа по предупреждению преступлений отталкивается от совокупности всех собранных по уголовному делу доказательств – реальных данных, указывающих на недостатки и нарушения в деятельности государственных и муниципальных органов, которые привели, приводят или могут вновь привести к совершению противоправных деяний.

В то же время, принятие предупредительных мер в процессе предварительного следствия не всегда предполагает их осуществление на окончательном этапе расследования уголовного дела или при завершении следствия с составлением обвинительного заключения. Могут возникать и иные ситуации:

1) меры по устранению обстоятельств, способствующих

следователь. 2010. № 4. С. 34-38.

совершению преступлений, принимаются не на завершающих стадиях следствия, а при достаточности собранных данных и необходимости немедленного реагирования реализуются в начале или на последующих стадиях предварительного следствия. Применение предупредительных мер задолго до завершения расследования может быть обусловлено множеством эпизодов по делу, долговременным ведением следствия, когда причины и условия, способствовавшие преступлению, продолжают существовать и развиваться, что требует срочного процессуального вмешательства в деятельность органов власти;

2) по уголовному делу может быть принято решение о его прекращении или о приостановлении по процессуальным основаниям, что вовсе не исключает возможности при установлении нарушений соответствующих законов или иных нормативных положений представителями органов власти принятия профилактических мер по устранению этих нарушений.

Система конкретных мер по предупреждению должностных преступлений в ее процессуальной реализации в ходе предварительного расследования включает в себя следующие виды следственной деятельности, по мере возможности и необходимости выполняемые в процессе всего расследования:

1) общепрофилактическая роль расследования преступлений, когда сам факт выявления, раскрытия, пресечения и расследования преступлений выступает как вид жесткого государственного реагирования на противоправное поведение отдельных лиц, что оказывает весьма эффективное предупредительное влияние на определенно локализующуюся должностную среду, надлежащим образом информированную о процессе расследования уголовного дела;

2) специальное реагирование на выявленные обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений, в результате чего следователь проводит отдельные мероприятия и выносит решение об устранении обнаруженных обстоятельств по отношению к объекту, где было совершено криминальное деяние;

3) предоставление информации другим специальным ведомственным и межведомственным, контролирующим и надзирающим органам для принятия административных мер по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступлений;

4) возможности индивидуальной профилактики в отношении должностных лиц по устранению отдельных недостатков в сфере совершенных преступлений при проведении некоторых следственных действий и иных мероприятий, которые следователь вправе проводить

при расследовании преступлений;

5) участие в специальных профилактических мероприятиях по противодействию коррупционным и должностным преступлениям, проводимых оперативно-розыскными органами и (или) органами прокуратуры;

6) выступление следователя или публикация им либо по его информации сведений о результатах (процессе) расследования уголовного дела в средствах массовой информации.

Как видим, в отличие от разрабатываемых криминологией экономических, политических, воспитательных мер, направленных на профилактику преступлений, на этапе предварительного следствия могут применяться только правовые меры, то есть допустимые законом в пределах компетенции следователя. Данные меры, разумеется, могут способствовать снижению или устранению причин должностных преступлений в сферах политической, экономической, административной или судебно-правоохранительной деятельности, однако рычаги воздействия будут носить исключительно юридический характер, определяемый уголовно-процессуальным законом.

Возможность и необходимость применения каждой из перечисленных мер следственной профилактики должностных преступлений определяется объективными данными об обстоятельствах, способствующих их совершению, прогнозируемой реакции объекта профилактического воздействия, а также набором средств предупреждения, имеющихся у следователя. Разумеется, необходимость профилактических мероприятий по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступлений, является доминирующим фактором перед возможностями профилактических мер. Такие, например, причины, как загруженность следователя делами, высокопоставленность органа власти, в отношении которого следует принимать меры воздействия, незнание следователем специфических правовых механизмов устранения факторов, способствующих совершению преступлений, и другие подобные, в основном субъективные, причины, не могут приниматься во внимание при определении возможностей профилактического воздействия.

Вместе с тем может сложиться ситуация, когда при проведении, допустим, оперативно-розыскных разработок в отношении какого-либо учреждения или органа власти, где было совершено преступление, появляется оперативная информация о дальнейших преступных действиях, совершаемых другими должностными лицами, криминальную деятельность которых следует раскрыть. Оперативным работникам в этом случае не выгодна излишняя активность контролирующих или вышестоящих организаций, поскольку

преступник может приостановить и замаскировать преступные действия. В этом случае следователю рекомендуется ограничить профилактические мероприятия, допустим, только вынесением представления. В исключительных случаях следователь вообще может отказаться от активных мер профилактики, если они могут отрицательно сказаться на выявлении и раскрытии других преступлений.

Каждый из названных шести видов профилактических мер в процессе предварительного следствия, в свою очередь, можно классифицировать в зависимости от направления функционального воздействия:

- по объему применяемых предупредительных мер, исходя из единиц воздействия: процессов или отдельных явлений, отдельных или общих ситуаций, в отношении одного лица или группы лиц[1];

- по территориальному масштабу меры предупреждения могут охватывать: всю страну (например, отдельный орган власти, отрасль промышленности), отдельный субъект РФ, город, район, микрорайон и т.п.;

- по механизму воздействия: воспитательные, административные, дисциплинарные, технические;

- по направленности воздействия применяемые меры могут ограничить проявление обстоятельств, способствующих совершению преступлений; полностью устранить такие обстоятельства; устранить прогнозируемые обстоятельства совершения преступлений[2].

Из сказанного видно, что следователь в процессе расследования должностных преступлений располагает достаточно широкими возможностями по устранению обстоятельств, способствующих их совершению. Выбор конкретных мер профилактики зависит от совокупности всех имеющихся по делу обстоятельств: глубоко укоренившейся криминальной обстановки в учреждении или случайного характера совершенного преступления; должностного положения лица, совершившего преступление, и характера выполняемых им полномочий; необходимости проведения проверочных мероприятий контролирующими органами либо ограничения применения общих воспитательных мер и т. д. Анализ имеющихся обстоятельств должен способствовать адекватному и

[1] В.Н. Кудрявцев указывает на эффективность ситуационного предупреждения преступлений по результатам анализа определенных локальных ситуаций, способствующих совершению деяний / Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2005. С. 376-329.

[2] Ларичев В.Д. Теоретические основы предупреждения преступлений в сфере экономики: монография. М., 2010. С. 102-103.

прогнозируемому реагированию, проведению следственных мероприятий по предупреждению должностных преступлений. В целом же речь в данном случае идет о важном направлении уголовно-процессуальной деятельности по устранению причин и условий совершения преступлений в государственных и муниципальных органах, которое имеет значение наравне с раскрытием и расследованием должностных противоправных деяний.

Ю.И. Холодный
А.А. Парфенов

Оценка результатов судебно-психофизиологической экспертизы с применением полиграфа

Двадцать лет назад криминалистические исследования с применением полиграфа (далее – КИПП) уверенно вошли в систему методов и средств отечественной криминалистики, используемых при раскрытии и расследовании преступлений и профилактики правонарушений.

В начале XXI в. было начато проведение КИПП в процессуальных условиях в форме судебно-психофизиологической экспертизы с применением полиграфа (далее – СПфЭ), и результаты таких экспертиз суды различных инстанций стали принимать в качестве доказательств. Производство СПфЭ явилось существенным шагом вперед в развитии использования полиграфа в России, и потребность в применении нового вида экспертизы в следственной и судебной практике неуклонно растет.

Вместе с тем, необходимо отметить, что СПфЭ переживает период становления, и накопленный за прошедшие годы опыт производства нового вида экспертиз показал наличие значительного числа серьёзных вопросов и недоработок в области теории и технологии выполнения КИПП в процессуальных условиях, которые требуют скорейшего решения.

Одним из ключевых аспектов выполнения КИПП и производства СПфЭ является количественная оценка физиологических реакций человека, которые полиграфолог регистрирует в ходе его тестирования с помощью полиграфа, и на основании которых приходит к суждению о наличие в памяти человека следов того или иного события, интересующего следствие или суд.

Для оценки физиологических реакций, графическую совокупность которых принято именовать полиграммой, современная технология КИПП использует экспертные методы (когда оценку осуществляет сам

полиграфолог вручную) и «машинные» методы (с помощью алгоритмов, предлагаемых компьютерным полиграфом), каждый из которых имеет свои достоинства и недостатки.

Экспертная оценка, являясь субъективной, бывает трех видов; это:

- качественная оценка, когда полиграфолог без каких-либо количественных измерений по своему усмотрению выносит суждение о величине реакций на тот или иной вопрос;

- балльная оценка, когда полиграфолог оценивает реакции по 2-х, 3-х или 7-балльной системе;

- метрическая оценка[1], когда, осуществив замеры реакций в каких-то единицах измерений (например, миллиметрах или пикселях), полиграфолог применяет в ходе дальнейших расчетов методы математической статистики и, тем самым, сводит субъективизм экспертной оценки к минимуму.

Экспертная оценка полиграмм требует от полиграфолога определенного времени: меньшего при качественной оценке и существенно большего – при метрической. Оценка полиграмм, реализуемая компьютерным полиграфом (далее – КП), осуществляется практически мгновенно и объективно, что является бесспорным преимуществом «машинной» обработки данных КИПП или СПфЭ. Вместе с тем, известен явный недостаток «машинной» обработки полиграмм: «фирмы производители полиграфного оборудования при разработке программного обучения используют разные научные теории, не давая возможности оценить их достоверность под предлогом «коммерческой тайны»[2].

Указанный недостаток применения компьютерных алгоритмов оценки полиграмм до сих пор не изжит и является пока непреодолимым препятствием для внедрения «машинной обработки» в технологию производства СПфЭ.

Именно этим объясняется тот факт, что по итогам экспертизы в настоящее время в подавляющем большинстве случаев полиграфолог осуществляет исключительно экспертную оценку полиграмм.

В частности, получившая значительное распространение при производстве СПфЭ «Видовой экспертной методике производства психофизиологических исследований с использованием полиграфа» лишь мельком упомянула о том, что существует некая «сравнительная

---

[1] Метрическая система оценки полиграмм была разработана в лаборатории КГБ СССР в начале 1980-х гг.

[2] Исаева Л.М. Актуальные вопросы использования полиграфных устройств в сфере уголовного судопроизводства России // Проблемы использования полиграфных устройств в деятельности органов внутренних дел: материалы науч.-практ. конференции (25-26.09.2008). М., 2008. С. 56.

оценка психофизиологических реакций обследуемого на различные предъявленные стимулы»[3]; однако, как такая «сравнительная оценка» проводится – не указано.

Также не внесло ясности пособие, которое, по утверждению его авторов, представило образцы «грамотного составления заключений эксперта»[4]. Затрагивая вопросы оценки реакций, пособие предлагало ограничиться лишь упоминанием, что «зарегистрированные в ходе психофизиологического исследования данные подвергались экспертной оценки»[5] без указания её конкретного вида.

Анализ десятков заключений экспертов, составленных по итогам производства СПфЭ[6], показал, что в подавляющем большинстве случаев полиграфологи применяли качественную оценку полиграмм и, реже, – балльную. Но, как известно, и та и другая оценка несет на себе обязательный отпечаток субъективизма полиграолога.

Таким образом, единственным методом, который позволяет выйти из сложившейся в текущий момент тупиковой ситуации, обеспечить «прозрачность» анализа физиологических реакций, зарегистрированных в ходе проведенного исследования, и дать возможность, при необходимости, осуществить проверку результатов СПфЭ, – является метрическая оценка полиграмм.

Вместе с тем, высказывались мнения, что метрическая оценка полиграмм является громоздкой в осуществлении, и её применение в практике является спорным, поскольку нет лабораторных научных исследований, демонстрирующих её эффективность в ходе КИПП. В связи с изложенным, последний довод заслуживал особого внимания.

Метрическая система оценки полиграмм, существуя более трёх десятилетий, уже продемонстрировала свою эффективность при анализе результатов КИПП, выполненных в условиях оперативно-розыскной деятельности (ОРД) и в работе с кадрами.

Однако развитие «машинных» методов оценки полиграмм, тщательно охраняемых фирмами-производителями КП, давало

---

[3] Видовая экспертная методика производства психофизиологического исследования с использованием полиграфа // Инструментальная детекция лжи: реалии и перспективы использования в борьбе с преступностью: материалы международ. научно-практич. форума. Саратов, 2006. С. 95.

[4] Варламов В.А., Варламов Г.В., Комиссарова Я.В. Составление заключений по материалам психофизиологических исследований. М., 2009. С. 2.

[5] Там же. С. 25.

[6] Изложение некоторых результатов указанного анализа представлено: Холодный Ю.И. Судебно-психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа: период становления // Вестник криминалистики. 2009. Вып. 1(29). С. 50-59.

основание предполагать, что, метрическая оценка полиграмм, являлась, хотя и количественной, но экспертной (т.е. субъективной), может уступать по своей точности объективной компьютерной обработке. Долгое время этот вопрос оставался открытым и решался умозрительно: в специальной литературе по тематике КИПП не было обнаружено работ, в которых были бы представлены результаты сравнительного анализа двух указанных выше методов оценки полиграмм.

Учитывая необходимость создания научно-обоснованной методики производства СПфЭ, было признано целесообразным осуществить специальное экспериментальное исследование и осуществить на представительном экспериментальном материале сравнение возможностей метрической и «машинной» оценок полиграмм. Для выполнения исследования среди «машинных» систем оценки полиграмм была избрана одна из наиболее распространенных, которой оснащены КП, используемые некоторыми федеральными ведомствами при производстве СПфЭ. Это – алгоритм «ChansCalc».

В основу исследования был положен часто используемый полиграфологами в ходе КИПП так наз. «тест на имя». В ходе исследования[7] с помощью КП «Диана» были зарегистрированы полиграммы 30 испытуемых (студенты 6 курса, 20 юношей и 10 девушек) в возрасте 21-23 лет. Тест предъявлялся каждому испытуемому три раза и содержал собственное имя, которое располагалось в ряду, соответственно, с иными мужскими или женскими именами, и которое испытуемый (по инструкции полиграфолога) должен быль скрыть. Иными словами, когда испытуемого спрашивали «Вас зовут …?», он отвечал «нет» на собственное имя, демонстрируя тем самым сокрытие факта, хранящегося у него в памяти. Зарегистрированные полиграммы были подвергнуты экспериментатором метрической оценке[8] и обработаны с помощью алгоритма «ChansCalc». Из-за ограниченного объёма данной статьи, отметим лишь важнейшие результаты проведенного исследования.

В частности, метрическая оценка полиграмм показала, что присутствующая в памяти каждого испытуемого информация о его

[7] Экспериментальное исследование было проведено в рамках выполнения дипломной работы.

[8] Метрической оценке подвергались традиционные для КИПП параметры регистрируемых физиологических процессов: амплитуда кожно-гальванической реакции, амплитуда и частота дыхательных циклов, амплитуда плетизмограммы (спазма сосудов) пальцев руки, регистрируемых методом фотоплетизмографии.

имени (которую он пытался скрыть, и которая сопровождалась выраженными реакциями) была обнаружена у 40 участников эксперимента: вероятность такого обнаружения у каждого из испытуемых была различной и лежала в интервале 0,81-0,94.

Обработка тех же самым полиграмм с помощью алгоритма «ChansCalc» показала, что такая «машинная» оценка оказалась результативной только для 25 участников эксперимента, и вероятность выделение значимой для них информации располагалась в интервале 0,65 – 0,99. У оставшихся 15 (из 40) участников эксперимента (т.е. в 37,5 % случаев) алгоритм «ChansCalc» не выявил скрываемое собственное имя человека: как правило, оно оказывалось вторым по значимости в исследовавшемся ряду имен либо шло в конкуренции с каким-то другим именем.

Проведенное экспериментальное исследование позволило сделать три важных с практической точки зрения вывода.

Во-первых, применение метрической оценки полиграмм экспериментатором, который овладел этим методом, но не являлся полиграфологом[9], показало высокую её результативность в лабораторных условиях. Поэтому есть основание полагать, что в руках профессионального полиграфолога, в тонкостях разбирающегося в специфике регистрируемых реакций, результативность применения метрической оценки полиграмм будет более успешной.

Во-вторых, метрическая оценка полиграмм, по-видимому, не уступает по своей результативности «машинным» методам оценки полиграмм. В частности, в условиях проведенного лабораторного эксперимента она превзошла результативность алгоритма «ChansCalc», который, по мнению его создателей, «идеально подходит для решения основной задачи прикладной психофизиологии – определения психологической значимости стимулов на основе анализа вызываемых им психофизиологических реакций»[10].

В третьих, метрическая оценка может успешно применяться в целях обработки полиграмм, зарегистрированных при производстве СПфЭ, делая выводы заключения эксперта проверяемыми и «прозрачными».

Из трёх выводов вытекает важное следствие: каждый полиграфолог, осуществляющий производство СПфЭ, обязан владеть метрической системой оценки полиграмм.

---

[9] Экспериментатором являлся студент Парфенов А.А. (6 курс; кафедра ИУ-10 МГТУ имени Н.Э. Баумана).

[10] Сошников А.П., Пеленицын А.Б. Оценка персонала: психологические и психофизиологические методы. М., 2009. С. 154.

На основании указанных трёх выводов представляется также правильным рекомендовать следователям и судьям, назначившим производство СПфЭ, требовать от экспертов, чтобы те:

1) не ограничивались качественной и/или балльной оценкой полиграмм, зарегистрированных в ходе экспертизы, и применяли при их анализе метрическую систему оценки;

2) указывали в заключении эксперта параметры физиологических реакций, которые подвергались измерению в ходе метрической оценки полиграмм, и, при необходимости, дополняли описание соответствующими иллюстрациями;

3) прилагали к заключению эксперта результаты метрической оценки полиграмм.

Наконец, завершая статью, необходимо отметить, что для производства СПфЭ предпочтительнее использовать полиграфы, программное обеспечение которых содержит режим метрической оценки полиграмм.

С.В. Чистельников

Организационно-правовые аспекты методики расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ

Полное и качественное раскрытие и расследование уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ во многом зависит от слаженной работы органов дознания и предварительного следствия. Укрепление их взаимодействия является необходимым условием повышения эффективности предварительного расследования.

При этом необходимо учитывать, что органы предварительного следствия наделены только уголовно-процессуальными полномочиями и реализуют исключительно процессуальные функции. В отличие от них, органы дознания наделены законодательством РФ административными, оперативно-розыскными и уголовно-процессуальными полномочиями, в силу которых круг их прав и обязанностей значительно шире.

На качество дознания существенное влияние оказывает то обстоятельство, что специализированные подразделения дознания полиции все шире привлекаются к работе по возбуждению уголовных дел и производству неотложных следственных действий по преступлениям, подследственным следователям, в том числе в ситуациях, когда это не вызвано необходимостью. Следователям

органов внутренних дел по подследственности передается все больше дел и материалов, находившихся в производстве органов дознания.

Не вполне отвечает требованиям закона и сложившаяся в ряде мест практика включения дознавателей в состав следственно-оперативных групп для выезда на место происшествия по преступлениям, заведомо относящимся к компетенции следователей.

При возбуждении уголовных дел и осуществлении производства неотложных следственных действий по таким преступлениям специализированные подразделения дознания выполняют значительный объем работы, выходящей за рамки их компетенции. Подразделения дознания процессуальную деятельность должны осуществлять только по преступлениям, по которым предварительное следствие не обязательно[1].

В соответствии с ч. 1 ст. 157 УПК РФ при наличии признаков преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно, орган дознания в порядке, установленном ст. 146 УПК РФ, возбуждает уголовное дело и производит неотложные следственные действия.

Орган дознания может проводить неотложные следственные действия при наличии ряда условий:

1) если сообщение о готовящемся или совершенном преступлении, по которому производство предварительного следствия обязательно, поступает непосредственно к органу дознания;

2) если эти данные выявляются в ходе оперативно-розыскных мероприятий, когда обстановка и характер преступного деяния требуют неотложного производства следственных действий, а следователь не может немедленно приступить к расследованию.

Дополнительно к этим основаниям следует отнести случаи, когда возникает необходимость в неотложном использовании комплекса сил и средств, имеющихся в распоряжении правоохранительных органов[2].

В практической деятельности органов дознания возникает вопрос и о том, должен ли быть информирован руководитель следственного органа о совершенном преступлении, если по указанному уголовному делу обязательно производство предварительного следствия. Согласно ч. 4 ст. 157 УПК РФ после направления уголовного дела руководителю следственного органа орган дознания может производить по нему следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия только по поручению следователя. В случае направления руководителю

---

[1] Кучеров И.И. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В.В. Мозякова. М., 2013. С. 165.

[2] Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практическое пособие / под ред. В.П. Верина. М., 2006. С. 176.

следственного органа уголовного дела, по которому не обнаружено лицо, совершившее преступление, орган дознания обязан принимать розыскные и оперативно-розыскные меры для установления лица, совершившего преступление, уведомляя следователя об их результатах.

Приказ МВД РФ от 26.03.2008 № 280дсп «Об утверждении положения об организации взаимодействия подразделений ОВД РФ при раскрытии и расследовании преступлений» определяет порядок реагирования дежурной части на сообщения о совершенных преступлениях, проведения неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на раскрытие преступления по «горячим следам».

Таким образом, к неотложным могут быть отнесены любые следственные действия, перечисленные в главах 24-27 УПК РФ.

Важным фактором выбора является определение первоначальных следственных действий. Тактически оправдано производство тех следственных действий, которые:

- обеспечат фиксацию следов, которые могут исчезнуть (осмотр места происшествия, освидетельствование);

- предотвратят попытки скрыть и исказить информацию (обыск, допрос).

В число первоначальных целесообразно включать и такие следственные действия, которые связаны с большими затратами времени (назначение экспертиз), либо являются необходимым условием проведения других следственных действий (допрос перед очной ставкой, опознанием, проверкой показаний на месте).

На выбор следственного действия влияют и особенности конфликтной ситуации. Противодействие, которое иногда встречает дознаватель со стороны подозреваемого и других лиц, требует применения эффективных средств его преодоления. Например, в некоторых случаях, несмотря на существенные противоречия в показаниях, нецелесообразно торопиться с проведением очной ставки между подозреваемым и уличающими его близкими родственниками, так как последние под влиянием чувства жалости могут резко изменить свою позицию и воспользоваться иммунитетом, чем еще больше затруднят получение от подозреваемого правдивых показаний. В такой ситуации лучше попытаться выяснить причины противоречий с помощью других следственных действий.

Выбор следственного действия зависит и от правильного определения дознавателем пределов доказывания. В теории доказательств под пределами доказывания понимают такой необходимый и достаточный комплекс собранных дознавателем

(следователем) доказательств, который является достаточным, т.е. обеспечивает достоверное установление фактов, необходимых для правильного разрешения дела. Следовательно, явно избыточную информацию нужно оставлять за пределами доказывания.

В соответствии с ч. 3 ст. 157 УПК РФ после производства неотложных следственных действий и не позднее 10 суток со дня возбуждения уголовного дела орган дознания направляет уголовное дело руководителю следственного органа. Данный срок является максимальным и продлению не подлежит[1].

В практической деятельности органов дознания встречаются случаи, когда передача уголовных дел руководителю следственного органа, после производства неотложных следственных действий, происходит до истечения указанного срока. В данной ситуации руководителю следственного органа в вправе передать уголовное дело от одного органа предварительного расследования другому либо поручить органу дознания производство следственных действий, которые, по его мнению, являются неотложными. В этой связи орган дознания обязан до истечения 10-ти суток выполнить указания руководителя следственного органа и повторно направить ему уголовное дело.

Необходимо отметить, что ст. 157 УПК РФ не раскрывает требований относительно формы, в которую должно быть облечено данное процессуальное решение. В тоже время, например, передача уголовного дела прокурору для направления по подследственности оформляется постановлением. В этой связи можно допустить аналогию.

После направления уголовного дела руководителю следственного органа в орган дознания может производить по нему следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия только по поручению следователя (ч. 4 ст. 157 УПК РФ). Свое поручение следователь, как правило, адресует начальнику подразделения дознания, но иногда, в зависимости от сложившихся обстоятельств, может обратиться непосредственно к исполнителю. Необходимость передавать свои поручения через начальника подразделения дознания обусловливается тем, что последний должен знать о содержании поручения следователя, чтобы обеспечить нужные условия для его качественного выполнения в указанные сроки[2].

---

[1] Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / под ред. А.В. Смирнова. СПб., 2009. С. 87.

[2] Комиссаренко Е.С. Следственные действия в уголовном процессе России. учебно-методическое пособие. Саратов, 2005. С. 13.

Перед сотрудниками органов дознания остро стоит вопрос: допустимо ли производство неотложных следственных действий после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, но до получения согласия руководителя следственного органа. УПК РФ предоставляет такую возможность (ч. 4 ст. 157), однако перечень следственных действий, которые могут быть произведены дознавателем после вынесения соответствующего постановления, нигде не оговорен.

После направления уголовного дела руководителю следственного органа орган дознания может производить по нему следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия только по поручению следователя. В случае направления руководителю следственного органа уголовного дела, по которому не обнаружено лицо, совершившее преступление, орган дознания обязан принимать розыскные и оперативно-розыскные меры для установления лица, совершившего преступление, уведомляя следователя об их результатах.

Практика показывает, что осмотр места происшествия является высокоэффективным средством раскрытия преступления и обеспечения всесторонности расследования, позволяющим получить максимальную информацию об исследуемом событии. Поэтому в большинстве случаев он является неотложным следственным действием и должен производиться незамедлительно с тем, чтобы не допустить утраты или уничтожения следов преступления.

Более того, осмотр места происшествия, документов и предметов являются неотложными следственными действиями, производство которых согласно ч. 2 ст. 176 УПК РФ возможно до возбуждения уголовного дела. В этом случае результаты их производства могут быть основаниями к принятию решения о возбуждении уголовного дела.

Исходя из этого, нельзя не отметить, что, приступая к осмотру, дознаватель должен хотя бы в общих чертах иметь представление о сущности исследуемого события. Это позволит не только определить границы осмотра, но и последовательность действий, роль каждого участника в его производстве. Анализ правоприменительной деятельности свидетельствует о том, что отрицательный исход расследования нередко является следствием несвоевременного и поверхностного проведения осмотра места происшествия[1].

[1] Цоколов И.А. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Постатейный научно-практический комментарий / под ред. В.И. Радченко, В.П. Кашепова, А.С. Михлина. М., 2013. С. 156.

Доказательственное значение осмотра состоит в том, что составленный по его результатам протокол является одним из видов доказательств, предусмотренных ч. 2 ст. 74 и ст. 83 УПК РФ.

В случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 177 УПК РФ (а именно, когда для производства осмотра требуется продолжительное время или осмотр на месте затруднен), обнаруженные в ходе его производства предметы изымаются, упаковываются, опечатываются и заверяются подписями дознавателя, понятых на месте осмотра. После этого изъятое должно быть осмотрено и признано вещественным доказательством, о чем составляются такие процессуальные документы как протокол осмотра предметов (документов) и постановление о признании и приобщении к уголовному делу вещественных доказательств.

При этом надлежит помнить о том, что в этом случае такие доказательства как протокол осмотра места происшествия и изъятые в ходе его производства вещественные доказательства находятся в тесной взаимосвязи. Это выражается в том, что отсутствие либо утрата одного из них ведет к потере доказательственного значения другого.

Таким образом, и протокол, и вещественные доказательства будут иметь доказательственное значение только при неукоснительном соблюдении процедуры осмотра, а также надлежащем изъятии и фиксации его результатов.

Т.Н. Шамонова

Работа с материальными следами на месте происшествия при расследовании убийств

Каждое преступление, в том числе и убийство, вызывает, как известно, различные изменения в материальной обстановке и в предмете посягательства. Они выражают отсутствие предметов, их повреждение, смещение и др. Такие изменения в криминалистике считают следами в широком значении, в узком – следы-отображения, изучаемые трасологией. Типичные последствия убийства – следы в их широком смысле: отображения, вещества и следы-предметы[1], оставленные субъектом, его жертвой, иногда другими лицами. При этом часто характерны следы взаимодействия элементов: убийца, жертва, орудие и место убийства, воздействующих друг на друга, образующих так называемый «крест следов», позволяя выявить на

[1] Эту классификацию следов предложил И.И. Пророков: Криминалистика. Т.1. М., 1969. С.213.

каждом из элементов следы трех остальных[1].

Источники таких следов – действия людей, использующих различные орудия, и физические, химические, биологические процессы (в т.ч. образование запаховых следов). Их выявляют, например, предварительным исследованием, фиксируют, изымают, исследуют в экспертизе. Следы, носители, значимые для следствия, приобщают к уголовному делу как вещественные доказательства.

На месте убийства помимо отображений внешнего строения одного объекта на другом (папиллярный узор, следы обуви и т.д.) обнаруживают и следы-вещества – небольшие объемы жидких, твердых (паста, порошок и др.) и газообразных субстанций, без устойчивой формы, отображающих механизм образования в подготовке, совершении и сокрытии преступлений. Более информативны отображения человека (морфологические), и его биологические объекты (субстративные). Чаще – это кровь и иные ткани (частицы эпидермиса и ногтей, волосы и др.); выделения (потожировое вещество, запаховые следы, слюна, сперма и т.д.). Продуктами жизнедеятельности организма[2] некоторые авторы называют кал и рвотные массы. Они не несут генетической информации о лице, а лишь данные о пище (исследуют при отравлении, например).

К материальным образованиям относят и следы-предметы, связывая их возникновение, перемещение, изменение с преступлением[3]. На наш взгляд, данная группа весьма условна и не имеет логичного обоснования. Так, если предметы, забытые, поврежденные, смещенные субъектом, считать следами, то на них находят следы орудий и следы этого человека. Последние по объему информации более значимы, исследовав их, можно установить это лицо. Следы могут указать на количество участников преступления; их анатомические признаки и профессиональные навыки, иногда и национальность, и др.

Отображая свойства личности, следы несомненно способствуют ее установлению. Их значение различно, наибольшее представляют те, что позволяют отождествить субъекта. Арсенал следов в связи с развитием науки все время пополняется. Кроме традиционных ольфакторные исследования в экспертизе запаховых следов[4] (до 2005 г. одорологическая), методы ДНК-анализа делают возможным

---

[1] Поль К.Д. Естественно-научная криминалистика. М., 1985. С. 290.

[2] Жбанков В.А. Человек как носитель криминалистически значимой информации. М., 1998. С. 54.

[3] Криминалистика / под ред. А.Г. Филиппова. М., 2000.

[4] Наряду с термином лат. «odor» – запах, используется термин «ольфакторный» от лат. olfactus – обоняние, для обозначения науки об обонянии.

идентификацию лиц или исключение их из круга подозреваемых по крови, иным тканям, сперме и т.д.1 Новые методы и средства криминалистики помогают отыскать следы, остававшиеся ранее без внимания: многие микрообъекты, например, и невидимые следы рук с помощью лазера.

Осматривая место происшествия и труп, следователь сталкивается с разной информацией: обстановки, признаков причины и давности смерти; позы трупа; температуры воздуха, влияющей на трупные явления и биологические следы, и др. Анализируя сведения в начале осмотра следователь должен суммировать новые данные для установления взаимной связи, взаимообусловленности разных факторов в общем анализе его результатов.

Как известно, совершение убийств сопровождают характерные следы, свидетельствуя о насильственной смерти, иных фактах. Помимо повреждений на трупе и одежде (ножевые, огнестрельные; следы инъекций и воздействия иных орудий и средств, а также огня, кислоты и др.) выявляют следы борьбы, орудия и средства убийства; волосы, текстильные волокна, различные вещества и следы пальцев рук, зубов, ногтей, обуви преступника и т.д.[2], в том числе на предметах окружающей обстановки. Как видим, наибольшая масса следов, в т.ч. биологических, сосредоточена на теле, одежде трупа.

Следы и объекты со следами можно найти и на ложе трупа, и на месте события, удаляясь от центра – трупа. При этом наблюдается сочетание следов-отпечатков и веществ, к примеру, в следах рук. Их папиллярный узор виден за счет потожирового вещества, чем больше жира, тем дольше хранятся следы. Нередко сочетание и биологических объектов: крови и волос, крови и спермы и др. Эту особенность следов нужно учитывать при их поиске и изъятии. В этом и специфика места происшествия при убийстве. Сбор, фиксацию следов надо осуществлять немедленно: сначала сведения о погибшем (если он не известен), чтобы избежать утраты идентификационных данных из-за трупных явлений.

Как показывает расследование неочевидных убийств, даже если убийца скрывал следы своих действий путем чистки, стирки одежды и, смывая кровь с обуви и с орудий; производил окраску пола, стен, заменял обои и т.д., несмотря на это возможно выявление крови и запаховых следов жертвы на этих объектах (мытье, стирка все не

[1] Пименов М.Г., Кондрашов С.А. Становление метода криминалистического ДНК-анализа (генотипоскопии) в практике ЭКП органов внутренних дел // Экспертная практика. 1999. № 47. С. 115-119.

[2] Судебно-медицинская экспертиза объектов биологического происхождения на вещественных доказательствах. Н. Новгород, 1996.

удаляют). Сокрытие следов табаком, перцем и др. бесполезны, т.к. служебная собака вновь может «взять след» этого лица.

Такие следы, как кровь, волосы, с учетом заложенной в них информации служат розыску лиц, совершивших преступления, еще в начале расследования. Но кровь под действием среды нередко меняет цвет, за нее принимают, например, ржавчину. Для выявления крови используют реагенты ГемоФАН, люминол, перекись водорода и др. Слегка смочив пластину ГемоФАН водой и приложив ее к краю подозрительного пятна, где вспенивание укажет на наличие крови. Морфологический осмотр волос под микроскопом помогает установить, произошли они от человека или животного, признаки заболевания: бифуркацию и др., и особенности: окрашивание, повреждения и т.д. Специалист-биолог (медик) предварительно исследует эти объекты, определяя их групповые свойства по системе АВО. Данные экспресс-анализа следствие использует для сужении круга лиц, среди которых возможен подозреваемый[1].

Но на месте убийства кровь преступника остается крайне редко, а волосы особенно на местности трудно найти. При наличии нужных реагентов, приборов или криминалистической лаборатории (ПКЛ) специалист может установить группу и выделений субъекта (слюна, потожировое вещество, сперма, моча). Сперму определяют в следах реагентом Фосфотест (процедура сходна с выявлением крови). Достоверный вывод основан на обнаружении сперматозоидов морфологическим методом – под микроскопом. Все выделения, как и кровь, иные ткани человека имеют одну группу системы АВО[2].

Предварительные исследования выделений на наличие слюны и спермы осуществляют и с помощью ультрафиолетовых лучей, под воздействием которых появляется характерное свечение. Хотя кровь под этими лучами не люминесцирует, но проявляется в виде коричневых как бы бархатистых пятен.

В виду особенностей убийств помощь в поиске следов должен оказывать судебный медик, иной врач. Рекомендуем привлекать и специалистов: биолога криминалиста, медика-криминалиста и др. (из криминалистических центров МВД) с учетом сложности объектов и территории осмотра. Следователь должен организовать их работу по отдельным участкам и координировать их действия.

---

[1] Шамонова Т.Н. Следы человека на месте преступления, их роль в доказывании (биологический аспект). М., 2010. С. 4, 91-103.

[2] Система АВО 4-х групп не утратила до сих пор значения дифференцирования следов крови в виду ее высокого полиморфизма, повышенной стойкости антигенов к внешней среде.

Как известно, выявление и изъятие следов преступления осуществляется в любое время суток. При необходимости используется освещение источниками «Свет-500», «Свет-1000». Эффективно применение светодиодных осветителей. Их можно закрепить на одежде или голове, чтобы не занимать руки. Они экономичны, не требуют частой замены батарей и служат дополнительным освещением при фотосъемке со вспышкой в темном помещении и в передвижении на опасных участках и работе на высоте. При детальном осмотре удобно использование луп различной кратности, в т.ч. с подсветкой, а также микроскопа типа МБС при работе с микрообъектами[1].

К средствам фиксации кроме протокола относятся фотографирование и видеозапись, копирование следов рук и ног, протектора автомобиля и др., изготовление слепков следов, а в ряде случаев возможна их зарисовка.

Упаковка и хранение следов-отображений, их копий и слепков обычно не вызывает трудностей на практике, но при упаковке биологических объектов, в их числе следы людей, необходимо соблюдать особые правила. Так, полиэтилен, иные полимерные материалы для этого не годятся, в них скапливается влага, и объекты могут заплесневеть и сгнить, что полностью исключает их экспертное исследование. Это относится не только к тканям, выделениям (и запаховым следам) человека, но и к объектам растительного и животного происхождения. Кроме того, влажные и жидкие объекты перед упаковкой нужно просушить при комнатной температуре, вдали от источников тепла и лучей солнца. Указанное относится и к биологическим образцам. Исключение – для образцов жидкой крови. Ее хранят в стеклянном сосуде не более трех суток до экспертизы в холодильнике, перевозят в емкости со льдом.

Хранить подобные объекты (их носители) следует в плотной неворсистой бумаге (конверты, коробки); носители запаховых следов, пробы – в нескольких слоях фольги (или в банках с такими же или металлическими крышками).

Известные носители следов человека: орудия, средства преступления, маски, веревки, обувь, одежда и др. Потожировое вещество (запаховые пробы), волосы, слюна и др. – объекты биологической экспертизы. Хотя преступники применяют перчатки и удаляют следы, но остается смазанный узор или обрывки линий, непригодные для установления лиц в дактилоскопии. Их не используют

[1] Шамонова Т.Н. Микрообъекты: Розыскное и доказательственное значение в расследовании преступлений // Гражданин и право. 2002. № 1. С. 20-23.

на практике, но биологи давно определяют по ним группу крови субъекта[1].

Как доказано, запаховые следы остаются всегда, но они не выявляются приборами, лишь предполагаются на объектах (если с ними относительно долго был в контакте преступник). Потом следует изымать такие их носители. Кровь как источник и консервант запаховых следов тоже служит цели раскрытия преступления: при наличии подозреваемых и образцов их крови для сравнения экспертиза позволяет сделать вывод об оставившем следы конкретном лице[2]. Источником запаха является и пот, носители его (в следах рук, ног субъекта и пр.) нужно сохранять в первую очередь, извлеченные из них запаховые пробы эксперты консервируют (в ЭКЦ МВД РФ эти пробы хранятся до 5 лет).

Еще недостаточно используют в розыске преступников и доказывании их вины следы с тела, одежды потерпевших. Их выявляют в освидетельствовании: волокна, волосы субъекта, частицы с орудий и средств. Последние – носители данных о жертве и преступнике (иногда о месте события, хранения орудий). В ходе освидетельствования можно обнаружить и взаимопереход микроследов с подозреваемого и потерпевшего (при их контакте) и с объектов места события. Участие медика необходимо для осмотра тела, если следователь иного пола с обследуемым, и при изъятии волос, спермы и др. с лобка, мазка из влагалища. Также он помогает следователю описать следы, их локализацию в протоколе.

Выявление специалистом в осмотре орудий, веревок, перчаток, масок (шапки, чулки), иных предметов крови, волос, волокон с одежды потерпевшего; потожировых (запаховых) следов, волос, слюны преступника; микрообъектов иной природы позволяет назначить комплексную экспертизу этих предметов.

Вместе с тем отмечаем: эксперты перегружены исследованием крови потерпевших, изымаемой с их одежды и с места происшествия, что не вызвано целью доказывания. Следователи объясняют это тем, что, возможно, в этой крови есть кровь подозреваемых. Указанное свидетельствует о бессистемной работе со следами, незнанием их

---

[1] Свирский М.С. К вопросу об идентификации по отпечаткам пальцев: сб.: Физико-технические методы в судебно-медицинской экспертизе. Ставрополь, 1972; Кисин М.В., Стегнова Т.В., Бронникова М.А., Сорокин В.Е. Методические рекомендации установления групп крови по потожировым следам рук. М., 1978.

[2] Шамонова Т.Н, Старовойтов В.И., Гриценко В.В., Сулимов К.Т. Использование запаховой информации при расследовании убийств и др. преступлений против личности. М., 1997.

доказательственного значения. Так, известно, что причинение ранений жертве, вызывает кровотечение из поврежденных сосудов. При этом следами являются раны и прочие повреждения тела, а кровь – это вторичные следы. Их следует лишь зафиксировать фотографированием и описать в протоколе, а не изымать. По следам крови устанавливают механизм преступных действий, а если нужны образцы крови потерпевшего, то судебный медик берет их из трупа (или живого лица). Сбор следов крови (в т.ч. из ее луж) на месте убийства как образцы или с целью отыскать в них кровь преступника, занятие безграмотное, исследование этой крови экспертом в лучшем случае определит ее групповые свойства. Поиск крови жертвы необходим, как отмечалось, на теле и одежде подозреваемого, на использованных им орудиях (выявление этих следов будет доказывать его причастность к убийству) или на месте предполагаемого убийства, каковым место происшествия не являлось. Кровь же преступника следует искать в местах его проникновения или отхода с места преступления, и где не мог оказаться раненый, но это встречается в случаях, если на месте обнаружены следы борьбы, сопротивления жертвы, что может указывать на возможность ранения самого подозреваемого.

Использование всей совокупности объектов, которыми образованы следы, обнаруженные в процессе выполнения следственных действий, исследование всех изъятых предметов-носителей разнообразной следовой информации об убийстве во взаимосвязи, с учетом других доказательств и материалов дела может гарантировать полноту и объективность расследования, доказанность вины лица, совершившего преступление.

А.К. Шеметов

Некоторые аспекты розыска скрывшегося субъекта сексуального преступления в отношении несовершеннолетнего

В целом динамика преступности против половой неприкосновенности несовершеннолетних в последние годы имеет отрицательный уклон. Однако, снижение указанных показателей не решает сложившейся ситуации. На совещании-семинаре руководителей следственных органов Следственного комитета Российской Федерации по Центральному федеральному округу, состоявшемся 17-19.10.2012, было отмечено, что треть преступлений против детей – это преступления против их половой неприкосновенности. Особая важность защиты детей была неоднократно подчеркнута как руководством страны, так и

руководством правоохранительных органов. В декабре прошлого года руководством Следственного комитета принято решение о создании в составе управления процессуального контроля за расследованием особо важных дел в федеральных округах отдела по контролю за расследованием преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних.

Ввиду того, что преступные посягательства подобного рода в большинстве своем совершаются в условиях неочевидности, следственные ситуации, формирующиеся к моменту, предшествующему возбуждению уголовного дела, характеризуются дефицитом информации об обстоятельствах события преступления и его участниках. Изучение нами уголовных дел указанной категории показало, что около 5% посягательств подобного рода на этапе сообщения о преступлении характеризуется острым дефицитом или полным отсутствием информации о личности субъекта его совершившего.

В ситуациях, когда с момента совершения преступления прошло не много времени, разумным может считаться производство традиционного поиска по «горячим следам».

Хотя развитость инфраструктуры больших городов позволяет перемещаться на значительные расстояния за довольно непродолжительное время, следует помнить о том, что субъект преступления в большинстве случаев имеет довольно ограниченное число маршрутов путей подхода и отхода с места совершения преступления. При этом он вынужден перемещаться через определенные участки местности, осуществлять проход через здания, сооружения, где необходимо вести поиск свидетелей. Среди указанных лиц могут оказаться люди, в чьи профессиональные обязанности входит обеспечение сохранности территорий, расположенных на пути перемещения разыскиваемого, обеспечение на них порядка и чистоты. В случаях наличия в распоряжении следствия признаков внешности скрывшегося субъекта им задаются вопросы о том, не наблюдали ли они лиц, чьи приметы схожи с описываемыми чертами, проявляющих повышенный интерес к несовершеннолетним или спешно удаляющихся с места происшествия.

В рамках поиска по «горячим следам» могут блокироваться близлежащие территории, через которые предполагается перемещение преступника, прочесываться местность, располагающаяся вблизи места совершения преступления. В случаях наличия информации о перемещении субъекта на автотранспорте, сотрудникам ГИБДД даются поручения о задержании лица, признаки внешности которого схожи с описываемыми свидетелями и потерпевшим, при котором

имеются предметы, ранее находившиеся у потерпевшего или на месте происшествия.

Так, слаженные и своевременные мероприятия проведенные сотрудниками правоохранительных органов города Владивосток, позволили задержать 34-летнего гражданина, который совершил развратные действия в отношении трех несовершеннолетних на перроне железнодорожного вокзала. Злоумышленник находился в настолько сильном алкогольном опьянении, что даже не предпринимал активных попыток покинуть территорию вокзала и был задержан сотрудниками транспортной полиции.

Вопрос о временном интервале поиска субъекта преступления по «горячим следам» в науке остается дискуссионным. Ряд исследователей ограничивают его 24 часами с момента совершения преступления[1]. Практика работы органов внутренних дел внесла в указанное понятие несколько иное значение, ограничив его пределами трех суток. Следует отметить, что в указанном значении данный термин используется для статистического учета времени раскрытия правонарушения. Думается, что для перечисленных выше целей названное понятие должно ограничиваться пределом времени в полтора – два часа.

Когда преступником использовались сладости, игрушки, напитки, предметы потребления, вызвавшие интерес у ребенка, анализу подлежат и возможные места их приобретения. У сотрудников торговых сетей выясняется, не приобретались ли указанные предметы в этот день, незадолго до совершения преступления и кем именно.

В случае нахождения потерпевшего во время совершения с ним преступных действий на попечении воспитательных учреждений, организаций, обеспечивающих проведение детского досуга, опросу подлежат и сотрудники указанных юридических лиц. Перед ними должны ставиться вопросы о том, не наблюдали ли они подозрительных лиц вблизи места работы, проявляющих интерес к детям, пытающихся завести диалог с несовершеннолетними вовлечь их в совместную деятельность. Указанными свидетелями могут быть замечены и неудачные попытки установления контакта с детьми.

Наиболее часто субъектами преступных действий подобного рода избирается время, когда несовершеннолетние, оставленные без присмотра родителей, проводят свободное время на детской площадке, перемещаются из воспитательного учреждения домой. В указанных

[1] Сысенко А.Р. Участие специалиста в допросах и обысках, проводимых при расследовании преступлений по горячим следам // Эксперт-криминалист. 2010. № 3. С. 30.

ситуациях следует предполагать, что скрывшийся субъект наблюдал за потерпевшим или достаточно длительное время находился вблизи указанных территорий. Поиск свидетелей должен быть организован на всем протяжении маршрута следования ребенка и в месте его контакта с субъектом посягательства.

Следует отметить, что преступник, реализуя свои намерения прежде всего исходит из того, что определяет объективную обстановку места происшествия как благоприятную для его совершения. В этой связи поиски преступника следует вести от места. Субъект посягательства в большинстве случаев не только осуществляет подбор указанных территорий, но и неоднократно посещает их до реализации своего умысла. Как показывает практика, в подавляющем большинстве случаев, место проживания указанного лица незначительно удалено от подобранного им участка местности. Поэтому положительный результат может принести подворно-поквартирный обход прилегающих зданий, домов, офисных помещений, направленный на розыск субъекта преступления.

В ряде ситуаций в ходе проверочных мероприятий может быть установлена степени ориентирования субъекта на указанной территории, его связи с ней.

Так, например, в ходе осмотра места происшествия по факту совершения развратных действий в отношении трех несовершеннолетних беспризорников (две девочки и один мальчик), было установлено, что субъект, совершивший преступление достаточно хорошо ориентируется в помещениях заброшенного здания сложной коридорной системы. Следователем была выдвинута версия о том, что лицо, совершившее преступление часто бывает на этом месте. Позже, когда преступник был установлен, им оказалось лицо, не имеющее определенного места жительства, обитающее в этом строении.

Направление поиска скрывшегося лица определяют и свойства личности субъекта преступлений подобного рода. Многими исследователями неоднократно отмечалось, что поиски указанных лиц в среде традиционного криминального контингента кажутся малоэффективными[1]. Изучение судебно-следственной практики показывает, что в 73% случаев, субъектами совершения развратных действий в отношении несовершеннолетних становятся мужчины в возрасте 35-40 лет, ведущие замкнутый, одинокий образ жизни, характеризующиеся окружающими как положительные, не

[1] Карагодин В.Н. Расследование преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних. М., 2010. С. 73.

конфликтные люди. Все без исключения фигуранты изученных нами уголовных дел по заключениям экспертиз не страдали парафилиями или отклонениями психического развития. При этом, как показывает практика, к насильственному способу совершения половых преступлений в отношении несовершеннолетних чаще всего (в 67% случаев) прибегают лица, ранее судимые за совершение аналогичных преступлений в отношении взрослых. Ненасильственные преступления сексуального характера чаще всего совершаются лицами, ранее не имевшими судимости.

Представители различных областей знаний уделяют внимание изучению личности преступников. Так, в теории криминологии принято считать, что лица, совершающие преступления в отношении несовершеннолетних, обладают психическими особенностями, определяющими патологии их полового влечения.

Некоторыми исследователями сделан вывод о том, что жертвы педофила, став взрослыми страдают аналогичными расстройствами[1].

Более того, существует мнение, утверждающее, что педофил осуществляет подбор потерпевшего исходя из возрастной категории, в которой он стал жертвой сексуального посягательства[2].

Часть подобных лиц может увлекаться видеоиграми со сценами грубого обращения с женщинами или детской порнографии. Они имеют еще одну общую характерную черту, формирующуюся под влиянием их увлечения: поскольку они проводят за компьютером или телеэкраном огромное количество времени, у них снижается зрение. Замечено, что очень многие педофилы носят очки, причем с достаточно сильными линзами.

Как правило, указанные лица почти никогда самостоятельно не готовят еду и предпочитают блюда быстрого питания. Их квартиры почти всегда бывают завалены коробками из ресторанов сети быстрого обслуживания и пустыми бутылками из-под кока-колы и содовой. Они настолько поглощены своим увлечением, что совершенно не думают о правильном питании. Многие из них страдают полнотой и избыточным весом.

Знание субъектом преступления психологии детей, их поведенческих особенностей также может стать основой для выдвижения версии об определенных навыках указанного лица, обладании им профессиональными качествами педагога, детского психолога.

---

[1] Педофилия: основные криминальные черты: монография / под ред. Ю.М. Антоняна. М., 2012. С . 204.

[2] Роберт Крукс, Карла Баур. Сексуальность. (Robert Crooks, Karla Baur "Our Sexuality", 8th ed., 2002). p. 59.

Выделенные признаки не являются обязательными атрибутами личности субъекта подобного рода, более того, ряд из них даже не имеет явной поддержки со стороны исследователей. Однако в условиях острого дефицита информации о скрывшемся лице они могут позволить сузить круг поиска интересующего индивида.

А.В. Шмонин

Следственные ситуации расследования хищений бюджетных средств

Проблематика расследования хищений бюджетных средств предполагает наличие различного рода неопределенностей, с которыми сталкивается следователей. Эти неопределенности проявляются в следственных ситуациях при расследовании данного вида преступлений.

Проведенное исследование показало, что типизировать существующие следственные ситуации расследования хищений бюджетных средств, в связи с их многообразием, не представляется возможным. Между тем имеется возможность типизировать условия, определяющие такие ситуации. При этом следует отметить, что некоторые условия носят «сквозной» характер, т.е. определяют следственные ситуации на каждом этапе расследования, другие – свойственны только некоторым этапам расследования. С учетом данного обстоятельства и выявленной в настоящем исследовании системы условий, определяющих следственные ситуации (внешние и внутренние), в том числе те, которые неизвестны для следователя, возможно рассмотреть особенности следственных ситуаций (в узком значении) расследования хищений бюджетных средств.

К внутренним условиям, определяющим следственные ситуации, нами отнесены сведения (информация), которыми(ой) располагает следователь о расследуемом событии, а также о той деятельности, которую осуществляют на данный момент расследования заинтересованные в исходе дела и иные лица.

Исследование показало, что в зависимости от информации о расследуемом деянии, которой располагает следователь, ситуации[1] можно дифференцировать по этапам расследования.

[1] В данном случае и далее в настоящем параграфе термин «следственная ситуация» будет использоваться с известным допущением. Фактически речь идет о выделении отдельных условий, определяющих следственные ситуации.

Первоначальному этапу расследования хищений бюджетных средств свойственны следующие типичные следственные ситуации:

1) в материалах дела содержится достаточно сведений о совершенном хищении и о лице(ах), совершившем(их) данное преступление;

2) в материалах дела содержится достаточно сведений о совершенном хищении, но отсутствуют сведения о лице(ах), совершившем (их) данное преступление;

3) в материалах дела содержится достаточно сведений о лице, совершившем хищение, но не установлено достаточно сведений об иных обстоятельствах его совершения (например, размер ущерба, соучастники преступления и т.п.);

4) в материалах дела содержится достаточно сведений о лице, совершившем деяния, имеющие признаки как хищения бюджетных средств, так и гражданско-правовых отношений.

Последующему этапу расследования хищений бюджетных средств свойственны следующие типичные следственные ситуации:

1) в материалах дела содержатся доказательства в отношении лица, которому предъявлено обвинение;

2) в материалах дела содержатся доказательства в отношении лица, которому предъявлено обвинение, а также иных неустановленных лиц;

Данные следственные ситуации могут дифференцироваться в зависимости от наличия в материалах дела информации о совершении обвиняемым и (или) неустановленными лицами других преступлений.

Заключительному этапу расследования хищений бюджетных средств свойственны следующие типичные следственные ситуации:

1) в материалах дела содержатся доказательства, достаточные для составления обвинительного заключения;

2) в материалах дела содержатся доказательства, недостаточные для составления обвинительного заключения.

Данные следственные ситуации на данном этапе могут дифференцироваться в зависимости от поступления следователю сведений о достаточности доказательств для составления обвинительного заключения. Например, сведений, содержащихся в ходатайстве обвиняемого, защитника, представителя потерпевшего или других участников уголовного судопроизводства, о необходимости производства дополнительных следственных действий. Сведения о недостаточности доказательств для составления обвинительного заключения могут поступить следователю в форме письменных указаний при возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования от руководителя следственного органа или прокурора.

Другим внутренним условием, определяющим следственные ситуации расследования хищений бюджетных средств, является деятельность, которую осуществляют на конкретный момент следствия заинтересованные в исходе дела и иные лица. Заметим, что такая деятельность может быть связана с противодействием расследованию или не иметь такой связи.

Например, деятельность лиц, причастных к совершению хищения бюджетных средств, может определить следующие типичные ситуации на соответствующем этапе расследования.

Первоначальному этапу расследования хищения бюджетных средств свойственны следующие типичные следственные ситуации.

1) лицо, причастное к совершению хищения, дает правдивые показания;

2) лицо, причастное к совершению хищения, дает частично ложные показания;

3) лицо, причастное к совершению хищению, дает ложные показания в полном объеме.

Первая следственная ситуация имеет разновидности в зависимости от иной деятельности лиц, причастных к совершению хищения, связанной с оказанием содействия в установлении всех обстоятельств преступления, в том числе изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, а также в розыске похищенных бюджетных средств.

Вторая и третья следственные ситуации могут дифференцироваться также в зависимости от иной деятельности лиц, причастных к совершению хищения, в том числе носить характер противодействия расследованию.

Последующему этапу расследования хищений бюджетных средств свойственны следующие типичные следственные ситуации:

1) обвиняемый полностью признает себя виновным в совершении хищения, дает правдивые показания по существу обстоятельств совершения данного преступления;

2) обвиняемый частично признает себя виновным в совершении хищения;

3) обвиняемый не признает себя виновным в совершении хищения;

4) обвиняемый отказывается от высказывания своего отношения к предъявленному обвинению и дачи показаний.

Данные следственные ситуации могут дифференцироваться в зависимости от иной деятельности обвиняемого таким же образом, как и на первоначальном этапе расследования.

Несмотря на то, что на заключительном этапе расследования по ходатайству участников производства по уголовному делу могут быть

произведены дополнительные следственные действия, в том числе допрос обвиняемого, тем не менее, в процессе настоящего исследования не выявлены ситуации, связанные с действиями обвиняемого во время допроса на данном этапе. В то же время исследование показало, что данному этапу расследования хищений бюджетных средств свойственны следующие типичные следственные ситуации:

1) обвиняемый препятствует окончанию расследования;

2) представитель потерпевшего препятствует окончанию расследования;

3) обвиняемый и представитель потерпевшего препятствуют окончанию расследования;

4) обвиняемый и представитель потерпевшего не препятствуют окончанию расследования.

Первая, вторая и третья следственные ситуации могут дифференцироваться в зависимости от способов препятствования окончанию расследования. Например, необоснованные заявления ходатайств о производстве дополнительных следственных действий, злоупотреблении правами, предусмотренные ст. 217 УПК РФ (например, необоснованное обращение к одному и тому же тому уголовного дела, переписывание сведений из всех материалов уголовного дела и т.п.).

Как отмечалось, одним из элементов (внутренних условий) следственной ситуации является деятельность по противодействию расследованию, которую осуществляют на конкретный момент производства по уголовному делу заинтересованные лица. Противодействие расследованию хищений бюджетных средств, как правило, носит «сквозной» характер. В связи с этим целесообразно рассматривать способы противодействия без дифференциации на этапы расследования.

По информации 74 органов предварительного следствия в системе МВД России на региональном и межрегиональном уровнях (далее – ОПС) особенностью расследования хищений бюджетных средств является необходимость преодоления противодействия расследованию данных преступлений, обусловленного спецификой субъекта преступления, которое осуществляется следующими способами:

- подозреваемый (обвиняемый) не является по вызовам следователя;

- подозреваемый (обвиняемый) затягивает ход расследования уголовного дела путем частой смены защитников;

- обращения подозреваемого (обвиняемого) с необоснованными жалобами на действия следователя в различные надзирающие инстанции;

- заявление подозреваемым (обвиняемым) письменных ходатайств о проведении дополнительных следственных действий и назначении судебных экспертиз;

- сокрытие и подмена финансовых и бухгалтерских документов;

- дача заведомо ложных показаний свидетелями.

По мнению опрошенных следователей[1], противодействие расследованию преступлений рассматриваемого вида наиболее часто встречается со стороны таких лиц, как обвиняемые (89%), подозреваемые (67%), защитники (55%), родственники обвиняемого (44%). Несколько в меньшей степени противодействие расследованию оказывают свидетели (37%), специалисты (эксперты) (34%), адвокаты (33%), понятые (26%), должностные лица прокуратуры (22%), должностные лица органов внутренних дел (21%). 11% респондентов указали, что противодействие расследованию может производиться со стороны должностных лиц государственных органов либо служащих предприятий, учреждений, организаций, в которых совершено преступление.

Противодействие расследованию хищений бюджетных средств может осуществляться в самых различных целях, начиная от решимости воспрепятствовать осуществлению расследования, принуждения к изменению его характера и заканчивая желанием уклониться от ответственности. Из числа предложенных в анкете вариантов, респонденты остановились на следующей градации целей противодействия расследованию преступлений: сокрытие события преступления (78%); уничтожение (видоизменение) следов и других вещественных доказательств (57%); выдвижение ложного алиби (47%); сокрытие времени совершения преступления, следов и других вещественных доказательств (46%); сокрытие факта участия в совершении преступления (оставление места совершения преступления и т.п.) (43%); уклонение от ответственности (40%); затягивание сроков расследования (39%); избежание уголовной ответственности (36%); прекращение уголовного дела (32%); создание у следователя ложного представления о наличии определенных доказательств (30%); замена следователя (28%); прекращение уголовного дела в части предъявленного обвинения в содеянном другим лицам (23%); воспрепятствование установлению обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого (подозреваемого) (16%); стремление обвиняемого (подозреваемого) навязать свою линию поведения (13%).

[1] Анкетирование проводилось в период 2010-2012 гг. в 26 территориальных органах МВД России.

Согласно результатам анкетирования в следственной практике по делам о мошенничествах, связанных с расходованием бюджетных средств, встречались следующие приемы противодействия расследованию преступлений, применяемые лицами, связанными с преступниками или действовавшими в их интересах: затягивание сроков расследования (100%); неявка по вызову в правоохранительные органы (78%); дача заведомо ложных показаний (61%); фальсификация доказательств (37); отказ от дачи показаний (56); воздействие лицами из числа сотрудников правоохранительных органов, органов государственной власти, которые ввиду своего должностного и социального статуса способны повлиять на ход и результаты расследования (прокурором, судьей, главой и членами администрации и т.д.) (30%); воздействие на субъектов раскрытия и расследования (оперативных сотрудников, следователей и т.д.) (29%); воздействие на других участников процесса путем подкупа, угроз, шантажа, физического и психического насилия и т.п.) (29%); разглашение следственной тайны (17%).

Рассматривая внешние условия, составляющие следственную ситуацию расследования мошенничеств, связанных с расходованием бюджетных средств, необходимо отметить, что они включают в большей или меньшей степени все средства (ресурсы), имеющиеся в распоряжении следователя (материально-технические, финансовые, кадровые, временные, методологические, организационные и т.п.), и их состояние. В связи с этим обратим внимание только на некоторые ресурсы, неудовлетворительное состояние которых осложняет следственные ситуации расследования мошенничеств, связанных с расходованием бюджетных средств.

По информации ОПС в настоящее время существуют проблемы, связанные с длительностью проведения судебно-бухгалтерских (экономических), технико-криминалистических, почерковедческих, строительных экспертиз. Данное положение обусловлено недостаточным количеством экспертов в системе МВД России, загруженностью экспертов других ведомств (прежде всего Министерства юстиции РФ) или отсутствием в конкретном регионе экспертов нужной специализации. Также существуют недостатки в организации взаимодействия должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов при предупреждении, выявлении и пресечении преступлений в бюджетной сфере. Слаб информационный обмен между заинтересованными органами, а также отсутствует распространенная и целенаправленная практика комплексного использования всего потенциала взаимодействия между правоохранительными органами и надзорно-контрольными органами,

включая выделение специалистов, дачу различных заключений, проведение совместных проверок, а также проведение совместных профилактических, учебно-консультационных и иных мероприятий.

А.Н. Яковлев

Актуальные проблемы исследования цифровой информации экспертами Следственного комитета Российской Федерации, пути их решения

Направление экспертного исследования цифровой информации в СК России начало формироваться в 2010 г. в условиях, когда родственные экспертные направления – компьютерно-техническая экспертиза в Минюсте России, ФСКН России и компьютерная экспертиза в МВД России не только были сформированы, но и находились в «зрелом возрасте», характеризуемом разработанным предметом экспертиз и видением динамики их развития.

В этих условиях СК России стоял перед выбором: пойти традиционным путем воспроизведения положительно зарекомендовавшей себя технологии экспертных исследований средств компьютерной техники, устройств мобильной связи, и ограничиться этим, либо изучить международный опыт и попытаться оценить приемлемость тех или иных зарубежных решений для вновь формируемой экспертной службы ведомства.

При рассмотрении вариантов развития учитывалось, что сегодня международным стандартом в исследовании компьютерных устройств де-факто является подход, при котором и базовой наукой, и базовым родом для соответствующих экспертных исследований, является судебная экспертиза цифровых устройств (digital forensics sciense), которая рассматривает весь спектр вопросов восстановления и исследования содержимого электронных носителей информации цифровых устройств[1]. Исходя из специфики объектов исследования, в судебной экспертизе цифровых устройств выделяют компьютерную экспертизу (computer forensics), экспертизу компьютерной сети (network forensics), экспертизу баз данных (database forensics), экспертизу мобильных устройств (mobile device forensics).

Заметим, что такое деление даже сегодня достаточно хорошо коррелирует с научной позицией Е.Р. Россинской, сформулированной в конце 90-х годов XX в. и предопределившей успех становления и развития нового рода судебной экспертизы – компьютерно-

[1] URL: http://en.wikipedia.org/wiki.

технической. В соответствии с предложениями, разработанными применительно к особенностям процессов информатизации того времени, в компьютерно-технической экспертизе были выделены аппаратно-компьютерная экспертиза, программно-компьютерная экспертиза, информационно-компьютерная экспертиза (данных), компьютерно-сетевая экспертиза. Указанная классификация в течение многих лет помогала развитию компьютерно-технической экспертизы, ориентировала на решение ее актуальных проблем, подтверждением чего стало формирование научной школы в области компьютерно-технической экспертизы[1].

Вместе с тем стремительное развитие сферы информатизации за прошедшие годы привело к изменениям информационных технологий, которые объективно снизили востребованность в аппаратно-

[1] Россинская Е.Р., Усов А.И. Судебная компьютерно-техническая экспертиза. М., 2001; Усов А.И. Судебно-экспертное исследование компьютерных средств и систем: Основы методического обеспечения: учеб. пособие / под ред. Е.Р. Россинской. М., 2003; Усов А.И. Концептуальные основы судебной компьютерно-технической экспертизы: дис. … докт. юрид. наук. М., 2002; Вехов В.Б. Криминалистическое учение о компьютерной информации и средствах ее обработки: дис. ... докт. юрид. наук. Волгоград, 2008; Гортинский А.В. Теоретические и методические основы криминалистической диагностики и идентификации компьютерных печатающих устройств матричного типа: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000; Яковлев А.Н. Теоретические и методические основы экспертного исследования документов на машинных магнитных носителях информации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000; Кукарникова Т.Э. Электронный документ в уголовном процессе и криминалистике: дис. … канд. юрид. наук. Воронеж, 2003; Васильев А.А. Судебная аппаратно-компьютерная экспертиза: правовые, организационные и методические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; Иванов Н.А. Теоретические и методические основы комплексной судебной компьютерно-технической экспертизы и судебно-технической экспертизы документов: дис. … канд. юрид. наук. М., 2005; Краснова Л.Б. Компьютерные объекты в уголовном процессе и криминалистике: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2005; Семикаленова А.И. Судебная программно-компьютерная экспертиза по уголовным делам: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005; Хатунцев Н.А. Теоретические и методические основы судебной компьютерно-технической экспертизы при разрешении споров хозяйствующих субъектов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Костин П.В. Исследование машинных носителей информации, используемых при совершении преступлений в сфере экономики: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007; Давлетов Б.К. Научные основы становления и развития судебно-экспертных исследований компьютерных систем: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2008; Агибалов В.Ю. Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2010 и др.

компьютерной, программно-компьютерной экспертизах, информационно-компьютерной экспертизе (данных) именно как отдельных видах компьютерно-технической экспертизы. Наиболее востребованные задачи, которые предполагалось решать в рамках этих экспертиз, стали успешно решаться базовой компьютерно-технической экспертизой, чему в немалой степени способствовало внедрение в экспертные подразделения ведомств современных экспертных аппаратно-программных комплексов, быстро нивелировавших намечавшееся различие в средствах и методах решения экспертных задач, что когда-то послужило одной из предпосылок к разработке упомянутой выше классификации компьютерно-технической экспертизы.

Насколько устойчивой к этим изменениям оказалась западная классификация экспертиз, соотносимых с отечественным аналогом – компьютерно-технической экспертизой? В существенно большей степени.

Так компьютерная экспертиза (computer forensics), к объектам которой отнесены все типы компьютеров (от серверов до встроенных систем), все виды носителей цифровой информации (накопители на жестких магнитных дисках, компакт-диски, устройства флэш-памяти), электронные документы (в криминалистическом аспекте этого термина), виртуальные объекты любого вида (например, сайты), по-прежнему решает весь спектр типовых экспертных задач и находится в развитии, сопровождаемом разработкой программного инструментария и методик его применения в отношении новых устройств, носителей информации, информационных технологий, не давая пока объективных оснований для видового деления.

Экспертиза баз данных (database forensics) решает задачи восстановления информации баз данных на логическом уровне, ее интерпретации, объяснения действий, производимых с базой данных в некоторое время, и иные задачи. Объектом этой экспертизы выступает как собственно информационное содержимое баз данных, так и служебная техническая информация о них – метаданные. С учетом состоявшегося перехода к идеологии распределенных баз данных специфика решаемых задач, методов, программного инструментария предопределяет целесообразность выделения этой экспертизы в самостоятельный вид.

Экспертиза мобильных устройств (mobile device forensics) является сегодня наиболее востребованной и решает задачи восстановления данных на электронных носителях информации мобильных устройств, их интерпретации, извлечения смс-сообщений, журнала звонков, адресной книги, цифровых фотографий, аудио-, видеозаписей, данных

геопозиционирования и иных данных, которые обрабатываются современными мобильными устройствами. Объектом этой экспертизы выступают мобильные телефоны, планшеты и информация на их носителях. В связи с тем, что мировое сообщество одновременно пользуется мобильными устройствами, имеющими большое количество вариантов реализации аппаратно-программных платформ и операционных систем, жизнеспособность экспертизы мобильных устройств как самостоятельного вида экспертизы подтверждается ежедневной экспертной практикой.

Проблемным является быстрое внедрение в экспертную практику экспертизы компьютерной сети (network forensics) без ее дополнительной адаптации к требованиям уголовно-процессуального законодательства и иных нормативных правовых актов. Объектом этой экспертизы выступает как специфическое сетевое оборудование, так и сетевой трафик (передаваемая по сети информация), но некоторые решаемые задачи, такие как перехват и сохранение передаваемых по сети данных, их интерпретация, объяснение состояния сети в некоторое время, потенциально подпадают под критерии оперативно-розыскных мероприятий (например, снятие информации с технических каналов связи, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений и т.д.) и связанные с ними ограничения. Вместе с тем, перспектива развития экспертизы компьютерной сети нами оценивается как благоприятная, поскольку имеющиеся ограничения возможно учесть, получая судебное решение на производство определенных технических действий, а отдельные задачи этой экспертизы можно решать, корректно и точно трактуя уже имеющиеся правовые нормы (например, определяющие порядок получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, и не регулирующие порядок получения аналогичной информации о соединениях пользователей, не имеющих правовой статус абонентов, предусмотренный ст. 186.1 УПК РФ).

Проведенный анализ развития отечественной компьютерно-технической экспертизы и зарубежной экспертизы цифровых устройств (digital forensics) позволил принять решение о поэтапном развитии направления исследования цифровой информации в экспертно-криминалистических подразделениях СК России.

На первом, интеграционном этапе, экспертно-криминалистические отделы укомплектовываются специалистами, которые с момента назначения на должность начинают специализироваться в исследованиях компьютерной техники или мобильных устройств. По достижении определенной интенсивности поступления материалов, в отделах создаются отделения исследования цифровой информации и

отделения исследования мобильных устройств.

На втором этапе, разделения компетенций, отделения исследования цифровой информации и отделения исследования мобильных устройств реорганизуются в самостоятельные отделы, фактически специализирующиеся на производстве компьютерных экспертиз (computer forensics) и экспертиз мобильных устройств (mobile device forensics) соответственно.

Более чем двухлетний эксперимент по такому разделению компетенций, проводимый в Главном управлении криминалистики СК России, показал эффективность нового подхода. Оснащение новейшими аппаратно-программными комплексами, ориентированными на исследование компьютерных или мобильных устройств, подбор взаимно дополняющего друг друга программного инструментария, позволяющего существенно расширить перечень решаемых задач, адаптация зарубежных методик производства экспертиз, использующих уникальные возможности импортного экспертного программного инструментария, привели к существенному расширению возможностей экспертного направления, повышению качества и уменьшению сроков производства экспертиз, решению уникальных экспертных задач, ранее не реализуемых в экспертных подразделениях ведомств.

Примером одной из таких задач является использование технологии «чип-офф» извлечения информации из микросхем памяти поврежденных мобильных устройств, которая предполагает выпаивание микросхемы памяти, считывание с нее информационного содержимого (получение дампа памяти), разбор этого дампа памяти специализированными программными средствами, интерпретацию полученных результатов и их преобразование в вид, понятный участникам уголовного судопроизводства. При этом даже в условиях определенного уровня повреждений самой микросхемы памяти возможно восстановить ее работоспособность, что существенно расширяет границы применимости технологии.

С.П. Яковлев

Актуальные проблемы расследования преступлений и пути их решений

Приоритетным направлением деятельности следственных органов ФСКН России является расследование тяжких и особо тяжких групповых преступлений, выявление, прежде всего, следственным путем признаков организованной преступной деятельности, маршрутов

контрабандного ввоза наркотиков в нашу страну и способов легализации (отмывания) полученных наркодоходов.

За 2012 г. ФСКН расследовано и направлено в суды почти 30 тыс. уголовных дел о более чем 50 тыс. преступлений в сфере НОН, 7% из которых относятся именно к категории тяжких и особо тяжких.

Одной из проблем в расследовании преступлений остается возможность компактного и легко воспринимаемого описания доказательств в обвинительном заключении. Особенно в случае привлечения к уголовной ответственности нескольких обвиняемых или инкриминирования значительного числа эпизодов преступной деятельности. Почему нельзя поступать так, как делают, например, судьи при вынесении приговора, объединяя в группы доказательства и описывая действия сразу нескольких участников событий?

Сегодня же в обвинительном заключении доказательства должны быть приведены и многократно повторены в отдельности по каждому обвиняемому и по каждому эпизоду. Как результат – по многоэпизодным и многофигурантным уголовным делам, в особенности о преступлениях, совершенных преступными сообществами, многотомное обвинительное заключение по объему порой превышает объемы уголовного дела.

Так, по уголовному делу по обвинению 39 обвиняемых – членов преступного сообщества Судакова-Старостина количество копий обвинительного заключения, предназначенных для вручения обвиняемым и защитникам, составило более 3,5 тыс. томов и для их транспортировки использовались 2 многотонных грузовых автомобиля. А если обвиняемые иностранцы, все это еще подлежит переводу на несколько языков.

В ряде зарубежных правовых систем допускается вручение подсудимому официального обвинения в электронной версии с предоставлением доступа к компьютеру. Тем более, что уголовно-процессуальный кодекс уже предоставляет возможность фотографирования (то есть переноса на цифровой электронный носитель) материалов уголовного дела при ознакомлении в порядке ст. 217 УПК РФ. Что если подумать над подобным способом решения данной проблемы.

Для ФСКН этот вопрос особенно актуален, учитывая, что следователями Службы направляются в суды более половины от всех оконченных правоохранительными органами России уголовных дел по ст. 210 УК РФ. В 2012 г., в частности, в суд направлено 63 дела о деятельности преступных сообществ. Кроме того, ФСКН расследовано более 80 процентов наркопреступлений, совершенных в организованных формах, от расследованных в сфере НОН всеми

правоохранительными органами России.

Такие результаты, безусловно, достигаются путем значительного сосредоточения сил и средств следственных подразделений во взаимодействии с оперативными и экспертными подразделениями.

По данной категории уголовных дел об организованной наркопреступности материалы ОРД имеют большое значение. Однако, отсутствие четко сформулированных требований о допустимости оперативных результатов в уголовном процессе в УПК России (ст. 86 и 89) и в Законе «Об оперативно-розыскной деятельности» приводит к тому, что в отдельных случаях материалы ОРД исключаются из доказывания (как, например, аудиозапись опроса оперативными сотрудниками задержанного, проведенного в отсутствие адвоката и без разъяснения процессуальных прав подозреваемому, результаты «проверочной закупки», проведенной в отсутствие посторонних лиц (условно именуемых «понятыми»).

Либо из-за перестраховки отдельных оперативников выхолащивается сам оперативный характер мероприятий, а порой и вовсе делается невозможным сбор в рамках оперативной разработки и доследственной проверки материалов, которые впоследствии могут иметь доказательственное значение по уголовному делу. Так, разный подход правоприменителей, прокуроров и судов к отнесению ОРМ «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» к гласному либо к негласному мероприятию приводит к разночтениям, касающимся права органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность производить изъятие в рамках указанного ОРМ документов, предметов и материалов. Нет единообразия в решении вопроса: кто должен рассекречивать постановление суда о проведении ОРМ «прослушивание телефонных переговоров» в случае принятия решения о передаче результатов ОРД следователю.

Целью наркопреступности является, в конечном итоге, достижение максимального экономического эффекта. А затем незаконно полученные денежные средства вновь вкладываются в расширение преступной деятельности. Возможность ликвидации экономической основы наркобизнеса напрямую зависит от результативности борьбы с легализацией доходов, полученных в результате совершения наркопреступлений. И успешной эта борьба будет только в том случае, если будет опираться на эффективное законодательство. Правовой инструментарий борьбы с «отмыванием» преступных доходов нуждается в срочном совершенствовании.

Как показывает практика, лица, непосредственно совершившие предикатное преступление, преступные доходы в основном легализуют

в размерах значительно ниже 6 млн. рублей, что не позволяет привлечь их к уголовной ответственности за такие деяния, несмотря на общественную опасность их действий.

В этой связи Росфинмониторингом при активном участии ФСКН России разработан проект федерального закона, которым предлагаются новые редакции ст. 174 и 174.1 УК РФ, предусматривающие, в частности, наступление уголовной ответственности за совершение операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом, в крупном размере – от 600 тыс. руб., особо крупном – превышающим 6 млн. руб. На сегодняшний день законопроект принят Государственной Думой в первом чтении. Но и в случае его принятия останутся проблемы с установлением и доказыванием умысла направленного на придания видимости законности полученных от наркоторговли денежных средств. В тоже время, в юридических кругах пока еще идет дискуссия о возможности криминализации действий по простому распоряжению средствами, полученными от сбыта наркотиков. Такой способ борьбы с наркобизнесом существует, например в Великобритании, где государство адекватно реагирует на случаи вливания в экономику наркодоходов.

Не однозначно оценивается и предложение вернуться к институту конфискации имущества, как к одному из видов наказания за преступления, связанные с наркотиками. Хотя такие меры могли бы не только реально подорвать экономическую базу наркопреступности, но и имели бы серьезное профилактическое воздействие на тех, кто собирается заняться наркобизнесом на профессиональной основе.

Сегодня о катастрофической ситуации с наркотизацией общества свидетельствует даже такой факт, что каждое пятое уголовное дело, рассмотренное в судах России в 2012 г., было связано с наркотиками. Только по основной квалификации ежегодно за незаконный оборот наркотиков осуждается более 100 тыс. человек, значительная часть из них сами являются наркопотребителями. С учетом латентного характера наркопреступности реальная численность лиц, совершающих наркопреступления, в десятки и сотни раз больше.

К этому следует прибавить лиц, осужденных за совершение мелких краж и грабежей (как правило, дамских сумочек, мобильных телефонов, товаров с витрин супермаркетов), которые совершаются наркозависимыми с целью получить средства для приобретения наркотиков (таких лиц по ст. 158 и 161 УК РФ в прошлом году в России осуждено почти 300 тыс. человек).

Еще 150 тыс. каждый год привлекается к административной ответственности за правонарушения, связанные с наркотиками.

По результатам же проведенного в 2013 г. наркомониторинга в

стране насчитывается боле 2,5 млн. лиц, регулярно потребляющих наркотики. А опыт их потребления имеют 8 млн.

При этом на учете с диагнозом «наркомания» в наркодиспансерах, по данным Минздрава России, состоит чуть более 600 тыс. человек. Причем те, кто напрямую связан с наркопреступностью, страдающие наркотической зависимостью – не попадают в сферу системы здравоохранения, осуществляющей наркологическую помощь. Они известны правоохранительным органам и судам, но не специалистам – наркологам. Тем самым наркопотребители даже в случае привлечения к ответственности возвращаются в преступный круговорот, социально заражая пристрастием к наркотикам людей из своего окружения, создавая предпосылки к криминальному поведению и у них.

Однако только лишь полицейскими мерами прервать самовоспроизводящуюся связь наркомании и наркопреступности невозможно.

В соответствии со ст. 18 УИК РФ, к лицам, осужденным к реальным срокам, применяется обязательное лечение от наркозависимости. Статья 73 УПК РФ позволяет возлагать дополнительную обязанность пройти курс лечения от наркомании и медико-социальную реабилитацию при условном осуждении.

В развитие механизмов правового побуждения к отказу от наркотиков ФСКН России решается задача разработки дополнительной системы мер, направленных на формирование у наркопотребителей мотивации к лечению от наркомании и прохождению комплекса реабилитационных процедур. Одна из таких мер – введение в 2012 г. в законодательство норм, обеспечивающих предоставление отсрочки исполнения наказания лицам, впервые совершившим преступления небольшой и средней тяжести в сфере незаконного оборота наркотиков и страдающим наркоманией, изъявившим добровольное желание пройти лечение и медико-социальную реабилитацию.

Механизмы введены, прежде всего, в УК РФ новой ст. 82.1, согласно которой указанным лицам, изъявившим желание добровольно пройти лечение от наркомании, суд может отсрочить отбывание наказания в виде лишения свободы до окончания курса лечения, но не более чем на пять лет.

В настоящее время механизм, предусмотренный данной нормой, запущен. Есть и первые положительные результаты – в 2012 г. почти 100 человек направлены судами на такое лечение. Практика различна – имеют место как отказы от прохождения лечения и реабилитации, так и примеры успешного их прохождения. Причем положительных примеров значительно больше. Опыт нарабатывается и можно констатировать, что в настоящий момент институт альтернативного

лечения и избавления от наркопотребления работоспособен и перспективен.

ФСКН России разработан и внесен в Государственную Думу РФ проект федерального закона, который предусматривает дополнительную обязанность прохождения лечения для наркозависимых, осужденных судами к иным мерам наказания.

Данная инициатива, в случае её принятия, равно как и уже внесенные в УК изменения, потребуют некоторой перестройки организации расследования уголовных дел.

До 2003 г. лицам, совершившим преступление и признанным нуждающимися в лечении от алкоголизма или наркомании в соответствии с п. «г» ст. 97 УК РФ применялись принудительные меры медицинского характера. Еще раньше, в соответствии со ст. 39 УК РСФСР совершение преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения, в том числе наркотического, признавалось обстоятельством, отягчающим ответственность. Соответственно, применительно к обоим случаям, в ходе предварительного следствия обязательно назначалась судебная наркологическая экспертиза.

С принятием нового УК и последующим внесением в него изменений, исключивших названные положения, при наличии оснований проводится освидетельствование на предмет установления у задержанного наркотического опьянения, и лишь в исключительных случаях назначается наркологическая экспертиза.

С учетом введения в УК РФ новых норм, с целью обеспечения возможности принятия судом обоснованного решения о направлении наркопотребителей на обязательное лечение от наркомании и прохождения комплексных реабилитационных процедур видится необходимым обязательное проведение судебной наркологической экспертизы в каждом случае, когда имеются основания полагать, что подозреваемый или обвиняемый потребляет наркотики. В связи с чем предполагается внести соответствующее дополнение в ст. 196 УПК РФ. По указанной категории уголовных дел проведение экспертизы должно стать обязательным.

Кроме того, придется не только вернуться к практике проведения экспертиз на предмет определения степени наркотического опьянения, психического или физического состояния подозреваемого или обвиняемого, но также экспертным путем устанавливать необходимость прохождения лечебных процедур и медико-социальной реабилитации и их сроков.

Перечисленная система правовых мер в сочетании с медицинскими, социальными и, безусловно, контрольными, способна обеспечить должное воздействие на наркопотребителей в целях побуждения их к

отказу от наркотиков.

Совершенствование уголовно-процессуального законодательства и выработка единых подходов в правоприменении – важнейшие рычаги в повышении эффективности работы правоохранительных органов РФ в целом, и только объединив общие усилия, можно добиться успехов в решении возникающих в следственной деятельности проблем.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александренко Елена Витальевна – доцент кафедры уголовно-процессуальной деятельности учебно-научного института подготовки кадров криминальной милиции Национальной академия внутренних дел Украины (г. Киев), кандидат юридических наук, доцент, полковник милиции.

Алёхин Дмитрий Владимирович – заведующий кафедрой криминалистики Хабаровского филиала ИПК СК России, кандидат юридических наук, доцент, капитан юстиции.

Ардашев Роман Георгиевич – соискатель кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского государственного технического университета.

Баранов Юрий Николаевич – консультант отдела специальных экспертиз Главного экспертного управления Челябинской области; доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин факультета подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск), кандидат юридических наук, доцент.

Басханов Расул Русланович – адъюнкт Академии управления МВД России, капитан полиции.

Берестнев Михаил Александрович – заведующий кафедрой Тульского государственного университета, кандидат юридических наук.

Бикеева Елена Сергеевна – ведущий специалист-эксперт отдела законодательства субъекта РФ, ведения федерального регистра, и регистрации уставов муниципальных образований Управления Министерства юстиции РФ по Челябинской области; аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск).

Бойцов Юрий Михайлович – старший преподаватель кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД РФ.

Бондаренко Павел Викторович – старший эксперт отдела криминалистических исследований и учётов управления организации экспертно-криминалистической деятельности Главного управления криминалистики СК России, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Бражников Дмитрий Анатольевич – заместитель начальника Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции.

Брижак Зинаида Игоревна – директор Ростовского филиала ИПК СК России, кандидат психологических наук, доцент, майор юстиции.

Брусницын Леонид Владимирович – профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Московского государственного индустриального университета, доктор юридических наук.

Бутенко Олег Сергеевич – доцент кафедры криминалистики Ростовского филиала ИПК СК России, кандидат юридических наук, старший лейтенант юстиции.

Бутырская Анна Валерьевна – заведующая кафедрой криминалистики Нижегородского филиала ИПК СК России, кандидат юридических наук, полковник юстиции.

Быстрова Наталья Сергеевна – следователь 2 отдела СЧ по РОПД Главного следственного управления ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, старший лейтенант юстиции.

Вахмянина Наталья Борисовна – заведующая кафедрой криминалистики Екатеринбургского филиала ИПК СК России, кандидат юридических наук, подполковник юстиции

Вдовин Алексей Николаевич – прокурор Эрзинского района Республики Тува; старший преподаватель Тувинского государственного университета; член Ассоциации юристов России; старший преподаватель Тувинского государственного университета (г. Кызыл).

Вдовина Ольга Павловна – аспирант Тульского государственного университета

Вехов Виталий Борисович – заведующий лабораторией по управлению профессиональными знаниями следствия ИПК СК России, доктор юридических наук, доцент

Волочай Сергей Николаевич – заведующий кафедрой криминалистики Ростовского филиала ИПК СК России, кандидат юридических наук, майор юстиции.

Головин Александр Юрьевич – декан юридического факультета Тульского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

Головко Нонна Владимировна – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Академии Предпринимательства при Правительстве Москвы, кандидат юридических наук.

Гущев Максим Евгеньевич – доцент кафедры криминалистики Нижегородского филиала ИПК СК России, кандидат юридических наук, старший лейтенант юстиции.

Евтушенко Александр Викторович – профессор кафедры математики и информатики Московского государственного лингвистического университета, доктор технических наук, старший научный сотрудник.

Жбанкова Ольга Владимировна – старший эксперт отдела психофизиологических исследований на полиграфе Управления организации экспертно-криминалистической деятельности Главного управления криминалистики СК России, кандидат медицинских наук, подполковник юстиции.

Загрядская Екатерина Александровна – доцент кафедры уголовного права Нижегородского филиала ИПК СК России, майор юстиции.

Захарова Валентина Олеговна – доцент кафедры криминалистики ИПК СК России, кандидат юридических наук, майор юстиции.

Зорин Роман Геогргиевич – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, (Республика Беларусь, г. Гродно), кандидат юридических наук.

Зуев Сергей Васильевич – заведующий кафедрой Уголовно-правовых дисциплин Факультета подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск), доктор юридических наук.

Иванова Елена Владимировна – преподаватель кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России, подполковник полиции.

Игнатьева Марина Юрьевна – старший эксперт отдела криминалистики следственного управления СК России по Республике Татарстан, подполковник юстиции.

Ильюк Елена Вадимовна – доцент кафедры уголовного права Екатеринбургского филиала ИПК СК РФ, кандидат юридических наук, доцент, старший лейтенант юстиции.

Исаев Салман Саит-Хусайнович – адъюнкт Академии управления МВД России, капитан полиции.

Исаенко Вячеслав Николаевич – профессор кафедры организации правоохранительной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Российской Федерации.

Казначей Иван Васильевич – адъюнкт Волгоградская академия МВД России, капитан полиции.

Калинина Ирина Валерьевна – преподаватель кафедры криминалистики Донецкого юридического института МВД Украины, кандидат юридических наук, майор милиции.

Каркошко Юрий Сергеевич – доцент кафедры уголовного процесса Екатеринбургского филиала ИПК СК России, майор юстиции.

Китаев Николай Николаевич – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского государственного технического университета, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации.

Ковалев Сергей Александрович – преподаватель кафедры организации следственной работы Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук.

Колесников Максим Сергеевич – старший следователь СО по г. Арсеньев СУ СК России по Приморскому краю, лейтенант юстиции.

Комиссарова Ярослава Владимировна – доцент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА); эксперт (судебный) 111 Главного государственного центра судебно-медицинских и криминалистических экспертиз Министерства обороны Российской Федерации; кандидат юридических наук, доцент.

Корж Валентина Павловна – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Харьковского национального университета внутренних дел Украины, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник прокуратуры Украины.

Корчагин Андрей Анатольевич – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета (г. Бийск), кандидат юридических наук

Косарева Людмила Викторовна – атташе Министерства иностранных дел России.

Косимов Орифжон Ахунович – начальник кафедры уголовного права и процесса 4-го факультета Академии МВД Республики Таджикистан (г. Душанбе).

Котяжов Андрей Валерьевич – старший научный сотрудник научного центра Академии управления МВД России, подполковник полиции.

Кочнев Евгений Игоревич – заместитель руководителя следственного управления по САО Главного следственного управления СК России по г. Москве.

Кубарев Иван Владимирович – преподаватель кафедры криминалистики Донецкого юридического института МВД Украины, кандидат юридических наук, подполковник милиции.

Куликовская Анна Ивановна – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь (г. Минск), подполковник милиции.

Купин Алексей Федорович – старший эксперт отдела криминалистических исследований и учетов управления организации экспертно-криминалистической деятельности Главного управления криминалистики СК России, кандидат юридических наук.

Литвишко Петр Андреевич – Руководитель отдела международного сотрудничества Управления международно-правового сотрудничества СК России, полковник юстиции.

Лушин Евгений Александрович – старший преподаватель кафедры криминалистики Нижегородский филиал ИПК СК России, кандидат юридических наук, подполковник юстиции.

Макарова Елена Николаевна – преподаватель кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России, подполковник полиции.

Макогон Ирина Викторовна – старший преподаватель кафедры предварительного расследования Волгоградская академия МВД России, кандидат юридически наук, подполковник полиции.

Маркелов Александр Геннадьевич – начальник кафедры криминалистики Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент, подполковник полиции.

Мацун Евгения Александровна – старший следователь Следственного отдела по г. Троицк СУ СК России по Челябинской области, старший лейтенант юстиции.

Меркулова Лариса Евгеньевна – заведующая кафедрой учебно-методической работы ИПК СК России, полковник юстиции.

Мишенина Алла Александровна – заведующая кафедрой уголовного процесса Нижегородского филиала ИПК СК России, майор юстиции.

Муратов Константин Дмитриевич – ассистент кафедра уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань), кандидат юридических наук.

Муратова Надежда Георгиевна – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань), доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Татарстан.

Мухитдинов Алишер Абдувахидович – доцент кафедры уголовного права и криминалистики Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики (Республика Таджикистан, г. Худжанд), кандидат юридических наук.

Надоненко Ольга Николаевна – профессор кафедры криминалистики Екатеринбургского филиала ИПК СК России, кандидат юридических наук, подполковник юстиции.

Никифорова Ирина Александровна – начальник отдела правового и кадрового обеспечения Территориального управления Федеральной службы финансово-бюджетного надзора в Тульской области; аспирант кафедры судебной экспертизы и таможенного дела Тульского государственного университета; советник государственной гражданской службы РФ 3 класса.

Павленко Илья Александрович – адъюнкт кафедры криминалистики Волгоградской академии МВД России.

Парфенов Антон Александрович – студент Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана.

Паутова Татьяна Александровна – преподаватель кафедры организации расследования преступлений и судебных экспертиз Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидат юридических наук, подполковник полиции.

Перепечина Ирина Олеговна – профессор кафедры криминалистики юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор медицинских наук.

Петрухина Алсу Наилевна – доцент кафедры юриспруденции Муромского филиала Московского психолого-социального института, кандидат юридических наук.

Петрухина Ольга Анатольевна – доцент кафедры уголовного права и процесса Тульского государственного университета, кандидат юридических наук.

Пичугин Сергей Анатольевич – преподаватель кафедры экспертно-криминалистической деятельности Московского университета МВД России, кандидат юридических наук, майор полиции.

Положенко Георгий Игоревич – старший следователь Следственного отдела по г. Копейск Следственного Управления СК России по Челябинской области.

Расчётов Владимир Александрович – заведующий криминалистической лабораторией Ростовского филиала ИПК СК России; аспирант Ростовского государственного университета путей сообщения, полковник юстиции.

Резепин Андрей Владимирович – консультант отдела специальных экспертиз Главного экспертного управления Челябинской области; доцент кафедры социальных дисциплин и управления факультета подготовки сотрудников правоохранительных органов Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск), кандидат психологических наук.

Романюк Дмитрий Александрович – адъюнкт научно-педагогического факультета Академии МВД Республики Беларусь (г. Минск), майор милиции.

Сажаев Алексей Михайлович – заведующий кафедрой криминалистики Новосибирского филиала ИПК СК России, кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции.

Самищенко Алексей Сергеевич – аспирант кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Московского государственного университета приборостроения и информатики.

Самищенко Сергей Степанович – заведующий кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Московского государственного университета приборостроения и информатики, доктор юридических наук, кандидат медицинских наук, профессор.

Светличный Александр Алексеевич – ассистент кафедры судебной экспертизы и таможенного дела Тульского государственного университета.

Скобелина Анна Владимировна – старший преподаватель кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников ОВД Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидат политических наук, капитан полиции.

Смирнова Дарья Владимировна – аспирант кафедры криминалистики юридического факультета Московского государственого университета им. М.В. Ломоносова.

Соломатина Елена Анатольевна – старший преподаватель лаборатории по управлению профессиональными знаниями следствия ИПК СК России, полковник юстиции.

Суровенко Инна Александровна – доцент кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, подполковник полиции.

Суховерхова Евгения Викторовна – адъюнкт кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России.

Сучков Андрей Викторович – старший следователь следственного отделения Кировского ЛО МВД России на транспорте, майор юстиции.

Сычёв Павел Геннадиевич – заместитель начальника контрольно-методического управления Следственного департамента МВД России, кандидат юридических наук, полковник юстиции.

Тертычная Илона Викторовна – доцент кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент, майор полиции.

Тишков Сергей Александрович – заместитель начальника кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России, кандидат политических наук, полковник полиции

Толстолуцкий Владимир Юрьевич – профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, доктор медицинских наук, профессор.

Трощанович Алексаендр Викторович – старший преподаватель лаборатории по управлению профессиональными знаниями следствия ИПК СК России, подполковник юстиции.

Трубчик Ирина Степановна – директор Хабаровского филиала ИПК СК России, Заслуженный юрист Российской Федерации, полковник юстиции.

Хабарова Галина Владимировна – преподаватель кафедры предварительного расследования Санкт-Петербургского университета МВД России, майор полиции.

Халиков Аслям Наилевич – профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета (г. Уфа), доктор юридических наук.

Ходасевич Олег Николаевич – доцент кафедры ОРД ОВД Уральского юридического института МВД России (г. Екатеринбург), кандидат юридических наук, полковник полиции.

Холодный Юрий Иванович – профессор кафедры Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, доктор юридических наук, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник.

Черкасова Людмила Ивановна – заместитель заведующего лабораторией по управлению профессиональными знаниями следствия ИПК СК России, Почетный сотрудник СК России, полковник юстиции.

Чистельников Сергей Валерьевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Санкт-Петербургского университета МВД России кандидат юридических наук, майор полиции.

Шамонова Тамара Николаевна – доцент кафедры криминалистики Московского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

Шеметов Алексей Константинович – доцент кафедры криминалистики Екатеринбургского филиала ИПК СК России, старший лейтенант юстиции.

Шмонин Андрей Владимирович – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академия управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, подполковник полиции.

Шувалова Анастасия Михайловна – старший преподаватель кафедры криминалистики Нижегородского филиала ИПК СК России, старший лейтенант юстиции.

Яковлев Алексей Николаевич – заместитель руководителя отдела компьютерно-технических и инженерно-технических исследований управления организации экспертно-криминалистической деятельности Главного управления криминалистики СК России, кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Яковлев Сергей Петрович – Руководитель Следственного департамента Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, генерал-лейтенант полиции.

СОДЕРЖАНИЕ

Секция: КРИМИНАЛИСТИКА

Александренко Е.В. Типичные способы подготовки и сокрытия серийных сексуальных убийств……..3
Алёхин Д.В. Неквалифицированное производство следственных действий, как фактор, влияющий на возможность раскрытия и расследования преступлений прошлых лет…….7
Ардашев Р.Г., Китаев Н.Н. О научных диагностических методах установления предрасположенности субъекта к суициду (выявление криминальных инсценировок)……11
Баранов Ю.Н. Проблемы экспертного обеспечения противодействия экстремистской деятельности……15
Басханов Р.Р. Некоторые тенденции формирования криминалистических знаний о планировании расследования преступлений, совершаемых в финансово-кредитной системе……...24
Бикеева Е.С., Положенко Г.И. Допрос и его виды…….30
Бойцов Ю.М. Вопросы организации деятельности следственно-оперативной группы и взаимодействия на первоначальном этапе расследования преступлений……35
Бондаренко П.В. Псевдоцветные преобразования изображения почеркового объекта в matlab……...40
Бражников Д.А., Ходасевич О.Н. Основные элементы криминалистической характеристики кражи сельскохозяйственных животных…….42
Брижак З.И., Волочай С.Н. Криминалистическая характеристика остается основой методик расследования отдельных видов и групп преступлений……48
Брусницын Л.В. «Дополнительные» и «подготовительные» меры следователя по обеспечению безопасности участников уголовного процесса……..51
Бутенко О.С. Некоторые вопросы применения сферической панорамы как способа фиксации обстановки места происшествия.....56
Бутырская А.В. Исходная информация, как основа для построения версий о создании преступного сообщества (преступной организации)……58
Вахмянина Н.Б. Основы предупреждения конфликтных ситуаций в процессе расследования преступлений несовершеннолетних……..63

Вдовин А.Н. Аспекты производства допроса подозреваемого (обвиняемого) по уголовным делам о незаконном обороте оружия……68
Вдовина О.П. О некоторых особенностях фиксации микрообъектов……74
Вехов В.Б., Ковалев С.А. Проблемы расследования преступлений, связанных с использованием систем дистанционного банковского обслуживания……78
Головин А.Ю., Берестнев М.А. Система типовых версий по делам о разбойных нападениях на автодорогах, совершаемых организованными преступными группами……...84
Головко Н.В. Тактика производства допроса по уголовным делам о торговле несовершеннолетними……..88
Гущев М.Е., Лушин Е.А. О некоторых проблемных вопросах применения законодательства об оперативно-розыскной деятельности в процессе расследования преступлений……..93
Евтушенко А.В. Акустическое моделирование в качестве средства получения криминалистически значимой информации……103
Жбанкова О.В. Психофизиологические методики для выявления скрываемой информации……...108
Загрядская Е.А. Проведение примирительных процедур как мера поощрения позитивного постпреступного поведения несовершеннолетних……..111
Захарова В.О. О некоторых проблемах взаимодействия органов предварительного следствия и дознания в ходе расследования преступлений……115
Зорин Р.Г. Расширение диапазона задач отдельных следственных действий, регулируемых нормами уголовно-процессуального права – необходимость повышения эффективности и качества предварительного расследования……119
Зуев С.В. Некоторые проблемы дознания в системе федеральной службы судебных приставов……123
Игнатьева М.Ю. Некоторые особенности производства психофизиологических экспертиз и исследований с использованием полиграфа……127
Ильюк Е.В. Выявление парафилий в ходе расследования насильственных преступлений……132

Исаев С.С.-Х. Основные направления использования источников формирования криминалистических знаний о расследовании мошенничеств, связанных с расходованием бюджетных средств……..137
Исаенко В.Н. О некоторых проблемах обеспечения допустимости результатов судебно-экспертного фоноскопического исследования……..142
Казначей И.В. Актуальные проблемы использования технических средств, в расследовании уголовных дел…….145
Калинина И.В. Экспертизы по хозяйственным преступлениям, связанным с подделкой документов: особенности назначения по новому УПК Украины……..148
Каркошко Ю.С., Надоненко О.Н. Проблемные аспекты назначения комплексной и комиссионной судебных экспертиз: ошибки в практической деятельности……..152
Колесников М.С. Некоторые аспекты доследственной проверки в порядке ст. 144-145 УПК РФ, проводимой следователями Следственного комитета Российской Федерации по материалам о фактах совершения налоговых преступлений (на примере следственной практики Дальневосточного федерального округа)……..156
Комиссарова Я.В. Проблемные аспекты защиты прав граждан в ситуации становления новых видов экспертиз……165
Корж В.П. Проблемы расследования преступлений в условиях нового Уголовного процессуального кодекса Украины……170
Корчагин А.А. Проблемы теории и практики криминалистической методики по делам об убийствах……174
Котяжов А.В. Некоторые аспекты розыска следователем несовершеннолетних, пропавших без вести……...179
Кубарев И.В. Согласованное планирование расследования: проблема методики……186
Куликовская А.И. Проблемы организации расследования преступлений транснационального характера и их разрешение посредством тактической операции «Видеоконференция»……189
Купин А.Ф. Проведение обязательной дактилоскопической регистрации: теория и практика……...194
Литвишко П.А. Производство процессуальных действий по уголовным делам в зарубежных представительствах государств: актуальные проблемы правового регулирования и правоприменения в странах СНГ……...199

Макогон И.В., Косарева Л.В. Проблема получения нетрадиционными методами криминалистически значимой информации в расследовании преступлений……...210
Маркелов А.Г. Некоторые приемы и правила оформления протоколов следственных действий по уголовным делам…...215
Мацун Е.А. Правовой характер специальных познаний……220
Меркулова Л.Е., Черкасова Л.И. Некоторые особенности расследования преступлений о причинении смерти по неосторожности, совершенных медицинскими работниками……..224
Мишенина А.А. Об отдельных проблемах участия понятых в уголовном судопроизводстве в условиях модернизации законодательства…….229
Муратов К.Д. Проблемы производства современной выемки по уголовным делам……232
Муратова Н.Г. Повторные следственные действия и их эффективность при раскрытии преступлений прошлых лет……...237
Мухитдинов А.А., Косимов О.А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств……...245
Никифорова И.А. Организационно-тактические особенности производства осмотра и выемки документов и материальных ценностей при расследовании нецелевого расходования бюджетных средств……...251
Павленко И.А. Проблемы взаимодействия с кредитными организациями при раскрытии и расследовании хищений денежных средств с использованием банковских пластиковых карт……..256
Паутова Т.А. Взаимодействие следователей с другими службами и подразделениями при расследовании дорожно-транспортных преступлений……261
Перепечина И.О., Смирнова Д.В., Кочнев Е.И. Актуальность и проблемы расследования преступлений медицинских работников против жизни и здоровья……....266
Петрухина А.Н. Соблюдение прав участников уголовного процесса при назначении и производстве судебной экспертизы……...271
Петрухина О.А. Специфика осмотра места происшествия по делам об экологических преступлениях……274
Пичугин С.А. Современные проблемы криминалистического исследования признаков внешности человека……...278

Расчётов В.А. Некоторые аспекты установления следователем психологического контакта с допрашиваемыми……283
Резепин А.В. Целевая направленность в информационных материалах экстремистского содержания……..288
Романюк Д.А. Оптимизация эффективности изучения личности преступника – путь повышения раскрываемости преступлений прошлых лет…….296
Сажаев А.М. Осмотр места происшествия как источник получения информации о личности преступника……..302
Самищенко С.С., Самищенко А.С. Синдром игнорирования криминалистики при расследовании убийств……305
Светличный А.А. Проблемы организации взаимодействия следователя и специалиста при расследовании убийств по найму……...311
Скобелина А.В. Следователь или журналист: «ловушка» в общественном сознании…….316
Соломатина Е.А., Трощанович А.В. Новые методики автотехнических исследований, используемых при расследований дорожно-транспортных преступлений……..320
Суровенко И.А., Быстрова Н.С. Актуальные проблемы возбуждения уголовных дел сопряженных с криминальными банкротствами……325
Суховерхова Е.В. Основания назначения судебно-психиатрической экспертизы……...330
Сучков А.В. Проблемы методики расследования профессиональных преступлений медицинских работников при исполнении ими своих профессиональных (должностных) обязанностей……..336
Сычёв П.Г. Дифференцированный порядок судопроизводства по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической и предпринимательской деятельности – за и против……...339
Тертычная И.В. Особенности расследования дорожно-транспортных преступлений, совершаемых в темное время суток…….348
Тишков С.А. Тактико-криминалистические особенности производства следственного осмотра по фактам безвестного исчезновения несовершеннолетнего……..352
Толстолуцкий В.Ю., Шувалова А.М. Выдвижение версий с помощью компьютерной программы «ФОРВЕР»……..357
Трубчик И.С. Особенности проведения освидетельствования……..361

Хабарова Г.В. Некоторые аспекты, касающиеся средств установления оснований для возбуждения уголовного дела……366
Хабарова Г.В., Иванова Е.В. Некоторые способы получения вещественных доказательств……....370
Хабарова Г.В., Макарова Е.Н. Международный опыт регламентации и организации расследования следственной группой……...374
Халиков А.Н. Профилактические возможности и способы предупреждения должностных преступлений в процессе расследования уголовных дел……379
Холодный Ю.И., Парфенов А.А. Оценка результатов судебно-психофизиологической экспертизы с применением полиграфа……383
Чистельников С.В. Организационно-правовые аспекты методики расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ……..388
Шамонова Т.Н. Работа с материальными следами на месте происшествия при расследовании убийств……393
Шеметов А.К. Некоторые аспекты розыска скрывшегося субъекта сексуального преступления в отношении несовершеннолетнего……...399
Шмонин А.В. Следственные ситуации расследования хищений бюджетных средств……..403
Яковлев А.Н. Актуальные проблемы исследования цифровой информации экспертами Следственного комитета Российской Федерации, пути их решения……..410
Яковлев С.П. Актуальные проблемы расследования преступлений и пути их решений……414
Сведения об авторах……...421

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Материалы Международной
научно-практической конференции
(Москва, 23 мая 2013 года)

В 2-х частях
Часть 2

В авторской редакции

Подписано в печать 30.05.2013

Формат 60 х 90 1/16
усл. печ. л. 27,25
Тираж 200 экз.
Печать офсетная
Заказ № 11

Отпечатано в цифровой типографии «БУКИ ВЕДИ»
На оборудовании Konica Minolta
ООО «Ваш полиграфический партнер»,
ул. Ильменский пр-д, д. 1, корп. 6